MCTOPKE ENTRY NEW YORK TO PROPERTY OF THE PROP

3-4/2016

"РЫЦАРЬ ГИТАРЫ,, de la Triste Figure

ПРЕДЫДУЩИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ»

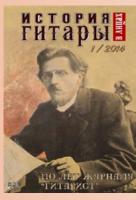

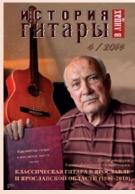

Выходит с марта 2012 года Сайт журнала — www.guitar-times.ru

К 160-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГИТАРНОГО КОНКУРСА В БРЮССЕЛЕ (1856 г.).

На первой странице обложки: Николай Петрович МАКАРОВ — портрет из журнала «Исторический Вестник», 1910 г.

1856 2016

160 ЛЕТ ПЕРВОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНКУРСУ ГИТАРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ И МАСТЕРОВ В БРЮССЕЛЕ, ОРГАНИЗОВАННОМУ Н. П. МАКАРОВЫМ

СОДЕРЖАНИЕ

2	От редакции.
---	--------------

- 4-28 Николай ЭНГЕЛЬГАРДТ. Из давних эпизодов: Последняя гитара. «Исторический Вестник», 1910, СХХ (120), апрель.
- **30-33** Михаил ШЕВЛЯКОВ. Н. П. Макаров (Воспоминания). «Живописное обозрение», 1902, № 28, 14 июля.
- **34-35 Концерт Н. П. Макарова в Брюсселе.** Газета «L'Echo de Bruxelles», 1856, № 288, 14 октября.
- **36-37** Николай МАКАРОВ. Программа конкурса на премии за лучшие сочинения для гитары и за наилучше сделанные гитары «Санкт-Петербургские Ведомости», 1856, № 78, 5 апреля.
- 38-39 Жюри международного конкурса в Брюсселе.
 - 40 Конкурс на лучшее сочинение для гитары.
 - 42 Конкурс на наилучше сделанные гитары.
- **44-52** Николай МАКАРОВ. Конкурс в Брюсселе (Из «Задушевной исповеди») «Современник», 1859, № XI, ноябрь. Т. LXXVIII.
 - **Бладимир МОРКОВ. Письмо в редакцию «Северной пчелы» (О конкурсе г. Макарова)** [Предварительные известия]. *«Северная пчела»*, 1856, 8 ноября, № 248
 - **Владимир МОРКОВ. Письмо в редакцию «Северной пчелы» (О конкурсе г. Макарова)** [Окончательные сведения об исходе конкурса]. «Северная пчела», 1857, 2 января, N° 1.
- **56-57** Заметка провинциала о взяточничестве. «Северная пчела», 1859, 12 дек., № 272.
- 57-58 Н. П. Макаров в фельетонном словаре современников «Наши знакомые» (1884) и эпиграммном словаре-альбоме «Цвет нашей интеллигенции» П. К. Мартьянова (1890).

59-64	Виктор ТАВРОВСКИЙ. Между ослом и носорогом или Карикатурная история (Как я искал карикатуру на Н. П. Макарова в «Искре» 1860 года и чем завершились мои поиски).
65-67	Петр БЫКОВ. Н. П. Макаров (Некролог). «Всемирная иллюстрация», 1891, Т. XLV, №3, 12 января.
68-69	Н. П. Макаров (Некролог). «Исторический вестник» (1891, Т. XLIII); «Нива» (1891, № 14)
70-80	Николай МАКАРОВ. Нескольких правил высшей гитарной игры. (1874)
81-82	Ранее неизвестный прижизненный портрет Н. П. Макарова.
83-85	Виталий ПАШИН. Гитарист, лексикограф, писатель (С приложением редкого портрета Н. П. Макарова)
86-94	Виктор ТАВРОВСКИЙ. Неточности, ошибки и нелепости в публикациях о Макарове. (Краткие заметки).
95-108	Виктор ТАВРОВСКИЙ. Ложный маршрут Эйхенбаума. (О недостоверности книги Б. М. Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие» как биографического источника)
109-110	А. Д. БРАУН и Т. Н. ЕГОРОВА. Н. П. Макаров — лексикограф. Журнал «Русская речь», 1979, N° 5.
113-130	Хронология жизни и деятельности Н. П. Макарова (Сост. В. В. Тавровский).
130	Сочинения для гитары Н. П. Макарова

Последняя страница

Портреты Н. П. Макарова: 3, 65, 68, 81, 85.

135-138 Источники для библиографии Н. П. Макарова.

Главный редактор В. В. Тавровский

Выпуски

литературно-художественного приложения к проекту «Гитаристы и композиторы» «История гитары в лицах» распространяются только в сети Интернет в формате PDF.

> Исключительное право на распространение журнала принадлежит проекту «ГИТАРИСТЫ и КОМПОЗИТОРЫ»

> > www.abc-guitars.com www.abc-guitar.narod.ru Сайт журнала: www.guitar-times.ru

E-mail:

nc20@bk.ru guitar@abc-guitars.com

© «Гитаристы и композиторы», В. В. Тавровский, 2016

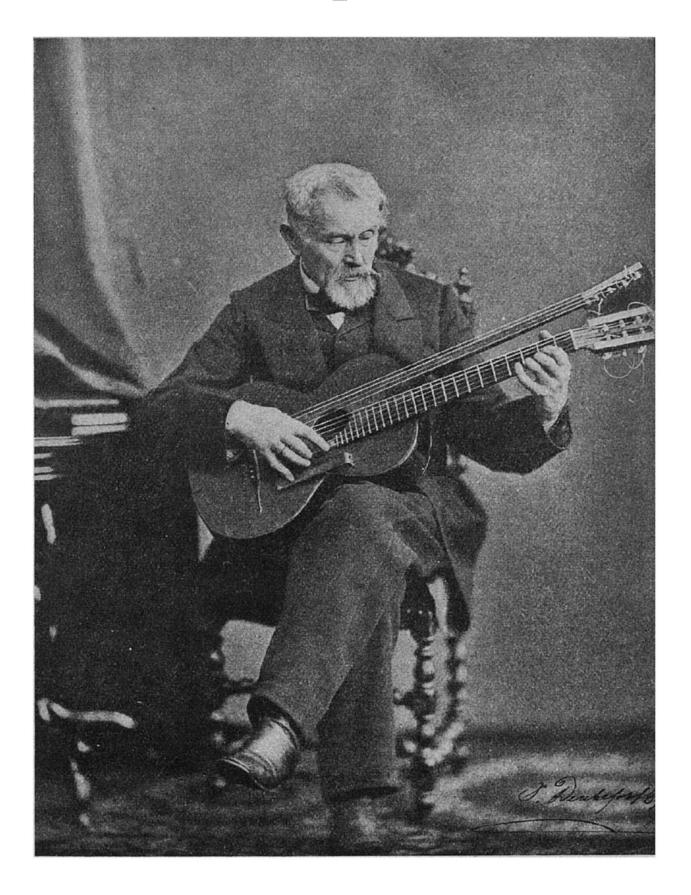
ОТ РЕДАКЦИИ

В нынешнем году исполняется 160 лет первому международному гитарному конкурсу – конкурсу на лучшее сочинение для гитары и на наилучше изготовленную гитару – организованному и проведенному в 1856 году в Брюсселе русским гитаристом Николаем Петровичем Макаровым (1810-1890), поставившим целью «путем соревнования – этого могучего рычага всякого прогресса – возбудить жизнь в умирающем гитарном мире и вызвать к усиленной и толковой деятельности гитарных мастеров и гитаристов-композиторов». Оценивая итоги своего конкурса, Н. П. Макаров писал, что сделал для возрождения гитары «все, что было в силах одного человека, которого никто не поддерживал, не поощрял», однако объективно признавал, что тот «не вполне достиг своей цели» и возродить, «поднять гитару и вывести ее из унижения и ничтожества, в котором она томится», «дать сильный толчок сочинителям гитарной музыки, и особенно гитарным мастерам», с его помощью не удалось. Не преувеличивая и сегодня значения брюссельского конкурса, нельзя тем не менее не признать, что он стал ярким событием в истории развития не только отечественного, но и мирового гитарного искусства. Примечательно также, что начинание Н. П. Макарова явилось, по сути, первым музыкальным соревнованием по-настоящему международного масштаба, на несколько десятилетий опередившим появление традиции проведения различных международных конкурсов музыкантов (исполнителей, композиторов, инструментальных мастеров), со временем приобретиих массовый характер.

Настоящий выпуск журнала мы целиком посвящаем этому знаменательному событию в истории гитары, а также жизни и деятельности инициатора конкурса Н. П. Макарова.

Будучи исключительно деятельной и энергичной личностью, Макаров всю жизнь пытался найти достойное применение своим силам и наклонностям: с большим энтузиазмом и увлечением, упорством и тщательностью брался он за каждое новое дело, в котором видел возможность проявить себя и по возможности принести пользу обществу. Не найдя удовлетворения в военной службе, не чувствуя призвания к коммерческой или чиновничьей карьере, он стремился реализовать себя в музыке, приложив немало усилий для поднятия престижа гитары, а затем надолго отдался литературной деятельности (большей частью автобиографического и мемуарного характера). Последняя не принесла ему писательской славы, хотя сочинения Макарова до сих пор служат важным документальным источником для разнообразных историко-краеведческих исследований, цитируются в работах по военной истории России начала – первой половины XIX века и, конечно же, содержат ценный материал для историков гитары. Зато Н. П. Макаров снискал себе огромное уважение и известность как лексикограф, в первую очередь, благодаря своим фундаментальным русско-французским и французско-русским словарям, которые в течение 50 лет являлись самыми распространенными словарями в дореволюционной России.

К сожалению, до сих пор не было ни одной публикации о Н. П. Макарове, в которой (в большем или меньшем количестве) не содержалось бы ошибок, неточностей, искажений фактов или недостоверных сведений о нем, поэтому нам бы хотелось, чтобы публикуемые в журнале статьи и материалы не только помогли читателю глубже познакомиться с одной из интереснейших страниц в истории гитары, но и дали более верное представление о личности и деятельности человека, с именем которого она связана.

николай петровичъ макаровъ.

(Из журнала «Исторический Вестник», 1910, CXX (120), апрель)

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВЪСТНИКЪ

Изъ давнихъ эпизодовъ. Последняя гитара. Н. А. Энгельгардта.

Николай Александрович Энгельгардт (1867-1942) — русский писатель, поэт, публицист, литературный критик, видный деятель право-монархического движения (до 1907 г.), один из организаторов и руководителей Русского Собрания. Внук (по матери) Н. П. Макарова. По окончании Смоленской гимназии учился в Лесном институте, откуда вышел, не окончив курса, после чего занялся литературным творчеством. Издал поэтический сборник «Стихотворения» (1890), «Сказки» (1890). Автор романов и повестей, статей о Н. В. Гоголе, А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, Максиме Горьком, книг «История русской литературы XIX столетия» (т. 1-2, 1902-1903, была рекомендована в качестве учебного пособия на историко-филологическом факультете Петербургского университета), «Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903)» (1904), серии статей «Давние эпизоды» (1910-1912). Был также и видным публицистом (псевд. Мирянин), принимал участие в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Вестнике иностранной литературы» и «Неделе», затем в 1897-1904 гг. был деятельным сотрудником «Нового времени». С октября 1904 по декабрь 1906 года был ведущим отдела «Современная летопись» в журнале «Русский вестник», с октября 1906 г. недолгое время редактировал еженедельник «Новая Россия». В 1899 г. имел успех его доклад «Критический анализ русского марксизма», в котором с консервативно-народнических позиций

были подвергнуты критике основные постулаты марксистского учения. После революции остался в России. В 1918—1923 гг. читал лекции в Институте живого слова в Петрограде, вел курсы по теории и истории всемирной прозы, теории и истории ораторской прозы. Делал переводы для издательства «Всемирная литература», в 20-е годы в Ле-

нинграде на сцене шла его комедия «Любительница голубой мечты задумчивости». После закрытия Института живого слова работал в статистическом бюро, лектором в клубах, библиографом Института опытной агрохимии, Академии сельскохозяйственных наук, отдела Гидроэлектростроя АН СССР. В январе 1931 г. вышел на социальную пенсию. Продолжал писать, но его произведения не издавались.

В 1894 году Энгельгардт женился на бывшей жене своего приятеля, поэта Константина Бальмонта, Ларисе Михайловне, урожд. Гарелиной (1864–1942). От этого брака родились: дочь Анна (1895–1942), которая в 1919 г. стала второй женой поэта Н. С. Гумилева, и сын Александр (1902–1978), ставший актером, заслуженным артистом Грузинской ССР.

Умер в 1942 году в блокадном Ленинграде.

সমত্রমার বিরুদ্ধের বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির বিরুদ্ধির ব

Печатается по тексту оригинала журнальной публикации в современной орфографии, с сохранением авторских особенностей, — «Исторический Вестник», 1910, СХХ (120), апрель, с. 89-116.

Все примечания и комментарии, за исключением тех, что специально помечены как примечания автора [Прим. автора] и имеют скобку за номером сноски, принадлежат редакции ИГвЛ.

ИЗЪ ДАВНИХЪ ЭПИЗОДОВЪ.

2. Послѣдняя гитара.

I.

О ВТОРОЙ половине восьмидесятых годов прошлого столетия в узкой, лишенной света и воздуха, ущельной Пушкинской улице «меблированный» дом «Пале-Рояль» служил приютом многих писателей. Не знаю, кто теперь там проживает, а тогда ютились в этом огромном отеле с длинными мрачными коридорами и Глеб Иванович Успенский, и Николай Константинович Михайловский. Литературное определение момента такое: между закрытием «Отечественных Записок» и открытием «Русского Богатства». Многие писатели, пока не создался «Северный Вестник», оставались почти не у дел... Впрочем, об этом времени и быте «Пале-Рояля» я поговорю потом особо, пока же только скажу, что в пятом этаже сего «меблированного» дома, зато в очень светлых двух комнатах, окнами на Лиговку и свободное пространство пустыря, ныне уже загроможденного зданиями, тогда проживала и моя матушка, Анна Николаевна Энгельгардт⁴.

Однажды утром, когда рука ее быстро бегала по листам тонкой бумаги, покрывая их изящными литерами перевода английского романа для «Вестника Европы», а я по молодости лет углублялся в «Трансцендентальную эстетику» Эммануила Канта, раздался стук в дверь и старческий

¹ «Пале-Рояль» (фр. «Королевский дворец») — большой меблированный дом (гостиница) в Петербурге, не первого разряда, располагавшийся в конце Пушкинской улице, дом 20, близ Николаевского вокзала (на углу Кузнечного переулка) и Невского проспекта; имела до 175 меблированных комнат от полтинника до нескольких рублей в сутки, включая постельное белье. Пользовалась большой популярностью у петербургской богемы: актеров, писателей, музыкантов, художников, журналистов и проч. В советские годы в доме находилось сначала общежитие железнодорожников, а затем он был переоборудован в дом с «многонаселенными коммунальными квартирами».

Успенский Глеб Иванович (1843–1902) — русский писатель и публицист; Михайловский, Николай Константинович (1842–1904)
 — русский публицист, социолог и литературный критик.

³ Журнал «Отечественные записки» был запрещен цензурой и закрыт в апреле 1884 года. Говоря об «открытии» «Русского богатства» (начавшего издаваться еще в период существования «Отечественных записок»), автор, скорее всего, имел в виду его «возобновление» после непродолжительного перерыва в 1883 году новым собственником Л. Е. Оболенским. Как такового периода «между» закрытием первого журнала и открытием второго не существовало, поскольку «Отечественные записки» перестали выходить уже после начала издания «Русского богатства». «Северный вестник» — литературный журнал, начавший выходить в Санкт-Петербурге в 1885 году (издавался до 1898 г.).

⁴ Энгельгардт (урожд. Макарова), Анна Николаевна (1838–1903) — писательница и переводчица, общественный деятель. Воспитывалась в московском Екатерининском институте благородных девиц (училище ордена св. Екатерины) (с 1849 по 1853 год), где изучала немецкий, английский, французский и итальянский языки, начала переводить иностранных писателей. Написала об этом времени биографическую повесть «Очерки институтской жизни былого времени. (Из воспоминаний институтки)», изданную под псевдонимом А. Бельская (ж-л «Заря, 1870, №№ 8 и 9). Дочь Н. П. Макарова и Александры Петровны Болтиной (1818–1845). В 1859 г. вышла замуж за инженера-артиллериста Александра Николаевича Энгельгардта (1832–1893), впоследствии профессора химии С.-Петербургского земледельческого института (1866–1870 гг.), публициста-народника, ставшего позже известным своими социальными и хозяйственными экспериментами, автора «Писем из деревни». В семье было трое сыновей: Александр (первенец, умер в 1867 г.), Михаил (1861–1915) и Николай (1866–1942), а также дочь — Вера (1862–?). С нач. 1863 г. была видным деятелем женской издательской артели («Общества переводчиц») М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой. Известная мемуаристка Е. А. Штакеншнейдер (1836–1897) о ней писала: «Видно было, что она много читала и много размышляла, и видно было (...), что она никогда не будет ни бременем, ни помехой, ни игрушкой для мужа. Но главная прелесть ее — это задор, горячность, пыл, с которым высказывает и отстаивает свои взгляды. В ней все особенно и оригинально, даже голос ее немного, говоря словами Тургенева, надтреснутый и подчас чуть-чуть хриплый. Она — дочь помещика Тульской губернии Макарова (известного гитариста и составителя словарей), значит настоящая барышня, между тем на барышень-помещиц именно-то и не похожа. Все от нее в восторге и признают за передовую женщину» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.-Л.: Асаdетіа, 1934. С. 278). А. Н. Энгельгардт одно время былу времеч Ф. М. Достоевский (см. там же, с. 437). Была одной из первых российских женщин

голос попросил позволения войти на том французском языке, которым в России говорило и думало поколение двадцатых и тридцатых годов XIX столетия, а во Франции говорили в XVII веке.

Матушка бросила перо и, радостно воскликнув:

Mais c'est papa! Entrez, cher papa!⁵ — поднялась от письменного стола.

Дверь номера отворилась. Невысокий, сухой старичок с седыми клоками волос на черепе, с сверкающими глазами, с мелкими, но приятными чертами тощего лица, с седой бородкой и усами, в щегольском сюртуке и светлых панталонах, с крупным орденом на шее, вбежал в комнату, бросился в первое попавшееся мягкое кресло и подняв маленькие ножки в ботинках, стал охать и растирать их руками.

- Что с вами, папа? в испуге вскричала моя мать.
- Ничего! Ничего! Судорога, знаешь! Сейчас пройдет, говорил старичок по-русски. Вбежал к тебе на пятый этаж и вот, знаешь, судорога! Ты высоко живешь. Видно, что писательница. Помнишь «la Chartreuse» Грессета?6

Une lucarne mal vitrée, Près d'une gouttière livrée...

Конечно, помню, — отвечала матушка и продолжала:

A d'interminables sabbats, Où l'université des chats, A minuit, en robe fourrée, Vient tenir ses bruyants états...⁷

 Слава Богу, легче! Пренесносная вещь эта судорога! И делается неизвестно от чего! — говорил между тем старик и окончил строфу Грессе, или, как он по-старинному называл, Грессета:

> Une table mi-démambrée, Près du plus humble des grabats. Six brins de paille délabrée, Tressés sur de vieux échalas; Voilà les meubles délicats, Dont ma chartreuse est décorée...8

К слову сказать, комнаты, которые мы обитали, вовсе не напоминали «une lucarne mal vitrée»⁹, а были весьма прилично убраны; мебель вовсе не напоминала «grabats» и «vieux échalas» 11, так как матушка прибавила много своих красивых вещей и на всем, на безделушках, книгах, картинах и портретах отпечатлелся ее вкус. Одно было справедливо: «кошачий университет» в весенние белые ночи подлинно собирался на пустыре против наших окон на поленницах дров и учинял там «шумный шабаш».

- Hy, поцелуй меня, дружок! - сказал старик, подставляя щеку матушке, которая почтительно целовала ее и руку, словно выточенную из слоновой кости, с фамильным Екатерининским перстнем.

⁵ Это папа! Входите, дорогой папочка! (франц.)

⁶ Цитируется знаменитая «Шартреза» («La Chartreuse» / «Обитель», 1735) — стихотворение очень популярного в конце XVIII — нач. XIX вв. в России французского поэта Жана Батиста Луи Грессе (Jean-Baptiste-Louis Gresset, 1709−1777), содержащее описание его студенческой жизни и скромного жилища в мансарде («уединенного чердака», как написал Пушкин) парижского Латинского квартала (школьного здания) под крышей пятого этажа. По описанию поэта, его «обитель» напоминала скорее птичье гнездо, нежели приют человека, а ему приходилось писать свои стихи при писке крыс и звуки «кошачьего концерта». К «Обители» Грессе обращались в своей поэзии К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, Д. Давыдов, П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, А. С. Пушкин и др. В 1875 году в «Отечественных записках» (№2, стр. 515−536) была опубликована в русском переводе В. Курочкина комическая поэма Грессе «Попугай» (Вер-Вер/Ver-Vert). Интересно, что еще одно его произведение — «Золотой век» («Le siècle pastoral»/ Пасторальное столетие, 1734) — перевел М. Херасков («Пастуший век. Идиллия», 1762), крепостным которого до получения вольной был М. Т. Высотский.

⁷ Окно под крышей, едва пропускающее свет, рядом с водосточной трубой, под которым длится нескончаемый шабаш разномастных университетских кошек, в полночь собирающихся на свои шумные сборища (франц.).

⁸ Наполовину разрушившийся стол рядом с самым убогим ложем; шесть жидких пучков ветхой соломы, приплетенных к двум старым жердям: вот изысканная мебель, которой обставлена моя обитель... (франц.).

⁹ Зд.: темный угол (франц.).

¹⁰ Убогое ложе (франц.).

¹¹ Старые жерди (франц.).

– Здравствуй, Николя! — продолжал старик, обращаясь ко мне и протягивая левую свободную руку. — Для тебя есть коробка конфект¹², но она осталась внизу, в моем пальто. Прикажи принести, а также и мою добрую старую приятельницу, десятиструнную гитару.

Тайно оскорбленный глубоко (мне, в семнадцать лет читавшему «Трансцендентальную эстетику» и сознательно не читавшему «Что такое прогресс?» убежденному легитимисту, и вдруг — коробка конфект!), я наружно благодарил.

— Да, пальцы еще служат, хотя уже не та беглость, не та! — говорил старик. — А ноги совсем дрянь... Взбежал к тебе, и сейчас же судорога! Очень неприятно.

Этот старик, жаловавшийся на судорогу в ногах, приключившуюся оттого, что он «взбежал» на пятый этаж меблированного дома «Пале-Рояля», был мой дед, Николай Петрович Макаров, гитарист и составитель известных словарей. Тогда ему было ровно семьдесят лет.

II.

Николай Петрович Макаров родился в Чухломе, уездном городке Костромской губернии, года за два до нашествия Наполеона и Отечественной войны. Город Чухлома был нарочито не велик, с полутора тысячами жителей, двумя церквами, четырьмя каменными домами и расположен на берегу довольно значительного озера, которое славилось чрезвычайно крупными карасями, но отличалось и некоторым неудобным свойством: в летние месяцы зацветало, и из тины зарождались тогда мириады мелких зеленых мошек, порою заслонявших собою свет солнечный и покрывавших городские улицы слоем вершка в два и более.

Потому городок и прозывался «зеленою Чухломою». Отец моего деда, Петр Петрович Макаров, имел в окрестностях Чухломы родовое имение, сельцо Першино, и происходил от старинного дворянского рода. В молодости своей служил он в военной службе и в конце XVIII столетия стоял с полком в Петербурге, где не раз приходилось ему, завидев издали катающегося императора Павла Петровича, в паническом страхе за неисправность амуниции, косы или пуклей прятаться под ближайшим мостом. Выйдя в отставку, проживая в деревне, женился он на Анне Макаровне, рожденной Мичуриной, тоже из очень старого рода коренных костромичей, солигаличских дворян.

Петр Петрович, добрейший человек, известный в своем краю честностью и бескорыстием, был все-таки вполне сыном своего времени, обучен на медные деньги, держал до сотни борзых и гончих, почитал старину и с недоверчивостью смотрел на всякое новшество. Великий хлебосол, к концу жизни своей получил он страсть к отыскиванию кладов.

Прадед Анны Макаровны, рожденной Мичуриной, служил еще Петру I и был начальником его тайной канцелярии. В числе приданого за нею находилась ее няня Соломонида. В 1808 году, во время замужества ее барышни, вышедшей зрелой отроковицей двадцати пяти лет за Петра Петровича Макарова, няне Соломониде было сто лет. В день кончины императора Петра Великого ей было уже 17 лет, так что она сохранила в памяти ту эпоху и видела последующие — и царствование Екатерины Первой, и аннинские, и елизаветинские времена, и царствование Северной Астреи¹⁵. Вынянчив четыре поколения господ своих, няня Соломонида стала нянчить и пятое, и являлась живой летописью XVIII столетия. Ярко рассказывала она о петровских «ассамблеях»¹⁶, где пантагрюэлевские¹⁷ угощения с кубками мальвазии¹⁸ не щадили и слабый пол, так что жене прапрадеда

¹² Конфекты — устаревший вариант слова «конфеты».

 $^{^{13}}$ Название первой части основополагающего философского труда немецкого философа Иммануила Канта (1724—1804) «Критики чистого разума», в которой излагается его учение о чувственности.

¹⁴ Работа публициста, социолога и литературного критика, виднейшего теоретика русского народничества Н. К. Михайловского (1842–1904); впервые была опубликована в журнале «Отечественные записки» за 1869 год, сотрудником, а затем и редактором которого он являлся.

¹⁵ Петр I Великий (1672–1725) — русский царь (с 1682 года) и первый Император Всероссийский (с 1721 года); Екатерина I (1684–1727) — российская императрица с 1725 по 1727 гг.; «аннинские и елизаветинские времена» — годы правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) и императрицы Елизаветы I Петровны (1741–1761). Северная (тж. Русская или Российская) Астрея — Екатерина II (1729–1796), императрица с 1762 по 1796 г., царствование которой сравнивали с золотым веком Астреи, древнегреческой богини справедливости, дочери Зевса и Фемиды.

¹⁶ Петровские «ассамблеи» (франц. assemblée, «собрание») — введенные указом Петра I в 1718 г. по европейскому образцу вольные собрания, поочередно проводившиеся в домах знатных и богатых людей с целью увеселения и просвещения, вход в которые был доступен каждому прилично одетому человеку, кроме слуг и крестьян. Главным увеселением считались танцы, помимо которых гости развлекались играми (в карты, бильярд, шахматы, шашки и пр.), беседовали, обильно закусывали и выпивали. Проводились во все времена года, летом — на открытом воздухе.

¹⁷ Пантагрюэль — герой романа Франсуа Рабле (1494−1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль», отличавшийся необузданностью в еде и питье.

¹⁸ Мальвазия— сорт сладкого белого виноградного вина, названного так по имени города в Греции, откуда оно вывозилось.

не раз приходилось возвращаться домой в вакхическом состоянии.

Быт чухломских и солигаличских дворян начала XIX столетия, среди дремучих сосновых и еловых лесов старожитной¹⁹ костромщины, отличался многими своеобразными особенностями.

Жили сытно, просторно, весело, но грубо, грязновато и с варварскими нравами. Большинство дворян не было обучено ничему, кроме русской грамоты да начальной арифметики. Разделялись костромские дворяне на три разряда: голышей, мелкопоместных и многодушных.

Голыши наполняли местами целые селения и, кроме избы, огорода и нескольких десятин сенокоса и пашни, не имели каждый ничего. Впрочем, у некоторых бывала одна «душа», иногда две, и до пяти. Были селения, где жили одни дворяне Куприяновы, другие с господами Горталовыми, третьи с Шигориными и т. д. Все старинные дворяне. Очевидно, размножаясь и дробя землю, они не служили, не промышляли, не увеличивали состояния и обратились в «голышей», нечто вроде польской «дробной шляхты».

Мелкопоместными назывались дворяне, имевшие во владении от десяти до пятидесяти душ. Свыше — считались уже многодушными. Все они отличались отсутствием всякого честолюбия, служили в военной службе, выходили в отставку обер-офицерами²⁰ и возвращались в старые срубы дедовских усадеб к наследственным девичьим и псарням, к лисьим лазам, к отъезжим полям, к русакам, волкам и медведям, к пирушкам и попойкам с шутами и шутихами, к лени, праздности и беспечному приволью.

Псовая охота считалась тогда главной целью жизни столбового дворянина. Не было даже и мелкопоместного, который бы не держал хоть нескольких борзых собак. Стодушный помещик держал от пятидесяти до сотни борзых и гончих со стремянными и доезжачими. А владевшие свыше ста душ — триста, пятьсот, тысячу, имели и псарни огромнейшие, так что средним числом на каждые три ревизские человеческие души²¹ приходилось по два четвероногих. Однако, должно заметить, что крестьяне костромские по большей части жили тогда очень зажиточно, чисто, опрятно, в двухэтажных избах, с светлицами, крытыми тесом и украшенными хитро-узорчатым деревянным резным кружевом; бабы, девки были дородны, сыты, статны, горласты, детей было множество, мужики почти все были промышленники и мастеровые, кузнецы, столяры, слесаря, краснодеревцы, топоры у них были преострые, кулаки предюжие, леса кругом были претемные и предремучие. И дворянская братия отличалась вообще добродушием и только знала «полевать».

По неделям охотники с эскадронами ловчих 22 , доезжачих 23 , с псовыми легионами стояли бивуаками под открытым небом, у костров, питались солянкою, ватрушками, битым мясом, полотками, бужениною, все сии снеди обильно орошая черемуховкой и рябиновкой 24 , порскали 25 , травили, улюлюкали, ссорились, ругались, дрались арапниками 26 , доходило и до охотничьих ножей, псари тогда трубили «на драку», потом мирились, пили, и опять травили, порскали, улюлюкали...

III.

Николай Петрович Макаров лишился матери, еще будучи мальчиком, и воспитывался на полной воле: бегай, шуми, шали, кричи, бей, ломай, колоти, дерись, озорничай, лазь по деревьям, по заборам, по углам изб за птичьими гнездами, играй с ребятишками, дворовыми и крестьянскими, трави кошек собаками, бегай на гумно, купайся в пруде по пяти раз на день, лепи из комьев снега избы и крепости, «снегуров» и «снегурок», шлепай по весенним лужам, сняв башмаки и засучив штаны по колена, запрягай в салазки большую дворняжку «Серку», которая иногда повезет, а в другой раз пребольно укусит — полная свобода и безответственность. Домашнее ученье началось с девяти лет и продолжалось четыре года. Педагоги были отменные. Сперва долговязый Яков Григорьевич, который медлительно и свирепо обучал дворянское дитя складам по истрепанной

 $[\]overline{\ }^{19}$ Старожитный (устар.) — стародавний, старинный.

 $^{^{20}}$ Всякий офицер от прапорщика (или корнета — в кавалерии, хорунжего — в казачьих войсках) до капитана (или, соответственно, до ротмистра и есаула).

²¹ Ревизские души — мужское население крепостной России, подлежащее обложению подушной податью (существовала в России с 1718 по 1887 г.) вне зависимости от возраста и трудоспособности (главным образом крестьяне и мещане).

²² Ловчий – руководитель и распорядитель всей псовой охоты.

²³ Доезжачий— старший псарь, занимающийся обучением борзых и руководящий ими на охоте.

 $^{^{24}}$ Черемуховка и рябиновка — наливки, крепкие настойки на водке из ягод черемухи или рябины (тоже, что и *черемуховая* или *рябиновая водка*).

 $^{^{25}}$ Порскать — на псовой охоте: криком натравливать гончих на зверя.

²⁶ Арапник — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

азбуке, прозванной «лапшей», и для вразумления хлопал линейкой по ладоням, ставил в угол, голыми коленями на горох и острое полено, стегал «известными и по известным». Через год, однако, прогнали долговязого Якова Григорьевича и взяли полную ему противоположность — маленького, толстенького добряка и слюняя, Прохора Семеновича, который никак не наказывал, но которого сам ученик, за что-то рассердившись, пребольно высек. И этого рассчитали. Наняли иностранца для обучения дворянского дитяти языку Мольера.

Господин Фокет был собственно не педагог, а только кузнец и обломок великой армии Наполеона, но мог действовать и действовал, обучил дворянское дитя «языку Мольера», только, к сожалению, с произношением бретонских кузнецов. Так проходило время, когда в начале 1823 года неожиданно приехали родные дяди моего деда по матери, братья Мичурины²⁷.

Старший из них, Валентин Макарыч, был заслуженный полковник, весь израненный и увешанный орденами. Еще под Аустерлицем²⁸ он сражался в чине поручика и получил первую рану; в Бородинской битве²⁹ был уже капитаном гвардии и при взятии одной батареи жестоко ранен в правую ногу.

Брат его, Валериан Макарыч Мичурин, был десятью годами моложе, воспитывался в первом кадетском корпусе, вместе с Рылеевым³⁰, написавшим ему в альбом стихи, выпущен из корпуса в 1812 году в конную артиллерию, а потом переведен для совместной службы с братом в один из гвардейских полков, стоявших в Варшаве, именно в Литовский, под начальством цесаревича Константина Павловича³¹. Оба брата Мичурины считались одними из лучших офицеров, в полку были очень любимы и своими товарищами, и цесаревичем. Валериан Макарыч служил тогда штабс-капитаном и полковым адъютантом. Он был очень красив собою.

С приездом братьев Мичуриных объяла иная атмосфера впечатлительного мальчика; свидетели и действователи великой эпопеи Отечественной войны, боевые, бравые дяди его наполнили воображение мальчика рассказами боевой славы. В живых картинах восставала Бородинская битва и ее герои. Вот генерал-майор Тучков 4-й³², соединявший с прекрасной наружностью душу пламенную, ум, обогащенный всеми плодами просвещения, со знаменем в руке ведет свой Ревельский полк на неприятеля, но едва ступил он несколько шагов, пуля поражает его в грудь. Так три родные брата Тучковы, достигнув до генеральских чинов, пройдя безвредно многие войны, почти в одно время кончили свое поприще: один, израненный, взять в плен близ Смоленска; двое пали под Бородиным; мать их лишилась зрения от слез, а юная прекрасная супруга одного из падших братьев соорудила на Бородинском поле обитель и удалилась в нее от света. Окруженный неземным сиянием славы являлся воображению князь Багратион³³ — его львиная храбрость, ве-

²⁷ Мичурин, Валентин Макарович (1782–1825), — служил в лейб-гвардии Литовском полку с первых дней его основания в ноябре 1811 г. будучи переведен из Кексгольмского пехотного полка; полковник; 2 марта 1817 г. был переведен во 2-ой кадетский корпус. Мичурин, Валериан Макарович (1792–1850), — окончил 1-й кадетский корпус в 1812 г., до 1815 г. служил в 26-ой конноартиллерийской роте, 16 ноября 1815 г. был переведен в лейб-гвардии Литовский полк; штабс-капитан, полковой адъютант; 13 октября 1827 г. был уволен со службы по домашним обстоятельствам, полковником, с мундиром.

²⁸ Битва под Аустерлицем — сражение с армией Наполеона 20 ноября (2 декабря) 1805 года, проигранное объединенными армиями императора Австрии Франца II и русского императора Александра I. Сражение состоялось вопреки мнению главнокомандующего русской армии М. И. Кутузова.

²⁹ Бородинская битва — крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года между русской армией под командованием М. И. Кутузова и французской армией Наполеона I Бонапарта. Состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 года у деревни Бородино. Считается одним из самых ожесточенных и кровопролитных однодневных сражений XIX в. не только в российской истории, но и в мировой.

³⁰ Рылеев, Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт, один из наиболее активных участников декабрьского восстания 1825 года, был казнен 13 (25) июля 1826 г. вместе с другими его руководителями. В 1 кадетском корпусе воспитывался с 1801 г., в 1814 г. был выпущен прапорщиком, принимал участие в заграничных походах 1814–1815 гг., в 1818 году уволился со службы подпоручиком.

³¹ Константин Павлович (1779–1831) — второй сын императора Павла I и Марии Федоровны, великий князь, цесаревич (т. е. наследник престола, с октября 1799), генерал-инспектор кавалерии, главнокомандующий польской армией (1814–1831), наместник Царства Польского (1826–1830, фактический с 1814). Брат императора Александра I. В 1820 г. женился вторым браком на польской дворянке Иоанне Грудзиньской (1799–1831) и принял решение добровольно отречься от своих прав на русский престол в пользу младшего брата Николая Павловича, о чем в 1823 г. императором был составлен манифест. Будучи после смерти Александра I вопреки своей воле провозглашен императором Константином I потребовал соблюдения манифеста 1823 года и дважды подтвердил свое отречение, после чего на трон вступил Николай Павлович. Потребовавшаяся из-за этого переприсяга Николаю I послужила формальным поводом к восстанию декабристов. В 1799 г. участвовал в Итальянском и Швейцарском походах Суворова, в том числе в переходе через Альпы. Шеф лейб-гвардии Конного полка с мая 1800 года. В качестве командующего гвардией принимал участие во всех антинаполеоновских войнах (1805, 1806–1807 и 1812–1814 гг.). С 1814 года и вплоть до начала польского восстания 1830 года почти постоянно жил в Варшаве.

 $^{^{32}}$ Тучков 4-й, Александр Алексеевич (1778–1812) — герой Отечественной войны 1812 года, генерал-майор, погиб во время Бородинского сражения.

³³ Багратион, Петр Иванович (1765–1812) — князь, русский военачальник, генерал от инфантерии (пехоты), участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, войн с Францией, Швецией, Турцией; в Отечественную войну 1812 г. главнокомандующий 2-й Западной армией, был смертельно ранен в сражении при Бородино.

личавое спокойствие, орлиная быстрота. Братья Мичурины рассказывали, как в решительный момента сражения Мюрат³⁴ с кавалерийскими полками пошел на наше левое крыло. Корпуса шли в строгом порядке, напролом, сперва шагом, потом рысью, наконец понеслись во весь опор, прямо на полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, в котором и служили братья Мичурины.

Полки построились в каре и, допустив французских кирасиров³⁵ на ближайший выстрел, открыли батальный огонь. Латы были слабою защитою. Враги показали тыл. Конные гренадеры³⁶ покусились исправить неудачу кирасиров, но, принятые одинаковыми образом, имели равную участь: их опрокинули. Несколько конных гренадеров, осмелившихся доскакать до каре, попали на штыки. Третья атака была так же безуспешна, как и первые две. Если бы в русских рядах хотя на самое короткое время водворился беспорядок, или наши оробели, сражение было бы проиграно. Громады неприятельской конницы того только и ждали и обрушились бы на нас всею своею тяжестью. За ранами старших, Храповицкого³⁷, Козлянинова³⁸ и Мусина-Пушкина³⁹, Измайловскими полком командовал полковник Кутузов⁴⁰. Истребляя ряды наши, неприятельский огонь не производил в них никакого беспорядка. Ряды смыкались и были поверяемы с такими хладнокровием, как бы находились вне выстрелов. Командир Литовского полка, полковник Удом⁴¹, выстрелив батальным огнем, закричал «ура», пошел на штыки и гнал неприятеля до ближайшей высоты. По ожесточению солдат в плен никого не взяли. Такие подвиги не могли совершаться без больших потерь. В Литовском полку из 1773 человек убито, ранено и без вести пропало 953. Одним словом, полки Измайловский и Литовский покрыли себя в виду всей армии неоспоримою славою.

Слушая рассказы дядей своих о всех сих и подобных подвигах, дед мой, Николай Петровичи Макаров, совершенно переродился. Участь его была решена. Он должен был ехать с Валерианом Макаровичем Мичуриным в Варшаву на службу царскую.

IV.

Мальчик ездил проститься со старой няней рода Мичуриных, проживавшей на покое в имении Полынкине Солигаличского уезда. Стопятнадцатилетняя Соломонида, уже слепая, сидела на теплой лежанке и пряла. Долго целовала она мальчика в голову, крестила и подарила ему на дорогу полтинник. Выехали из «зеленой» Чухломы в буйную Варшаву в конце марта, в самую распутицу. Был Великий пост. Воспитанный в строгом соблюдении всех церковных обрядов, Николай Петрович пришел в горестное недоумение, когда на первом же ночлеге подали скоромный ужин. Как быть? Есть хочется. Дяди военные посоветовали есть. Полно постничать! Долго тот крепился, наконец разрешил. Но только положил первую ложку в рот — слезы ручьем брызнули из его глаз. Однако плакать плакал, а все уписа́л. Потом, кроме дней говенья, ел скоромное и уже не плакал. Через пять дней трудного пути с сидением в зажорах и купаньями в потоках, достигли Москвы. Это было утром, часу в десятом. Мальчик дрожал от восторга, когда завидел золотые маковки «сорока сороков» 42, привыкнув к благоговению пред первопрестольной столицей. Въехали в заставу. Скоро

 $[\]overline{^{34}}$ Мюрат, Жоашен (Иоахим) (1767–1815) — наполеоновский маршал.

 $^{^{35}}$ Кирасиры (от франц. cuirassier — латники) — род тяжелой кавалерии, имевших в качестве защитного вооружения металлически пластины (латы), выгнутые по форме спины и груди. Были вооружены палашом с длинным клинком.

³⁶ Гренадеры (фр. Grenadiers) — отборные части пехоты и/или кавалерии, изначально предназначенные для штурма вражеских укреплений. Первоначально были вооружены ручными гранатами, отсюда произошло их название.

³⁷ Храповницкий, Матвей Евграфович (1784–1847) — командир лейб-гвардии Измайловского полка в 1811–1818 гг.; во время битвы при Бородино полковник, с ноября 1812 г. — генерал-майор; впоследствии генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в последние годы жизни был военным генерал-губернатором С.-Петербурга (1846–47 гг.). При Бородино получил ранение в ногу и передал командование полком И. Т. Козлянинову.

³⁸ Козлянинов, Иван Тимофеевич (1781–1834) — в битве при Бородино полковник, принял на себя командование лейб-гвардии Измайловским полком после ранения М. Е. Храповницкого, но вскоре был тоже ранен — ему оторвало картечью 2 пальца левой руки. С 1813 г. — генерал-майор, служил в армии на командных должностях до 1823 г.

³⁹ Мусин-Пушкин, Иван Клавдиевич (1783–1822) — при Бородино полковник (с 1808), с 1813 г. — генерал-майор. В Бородинском сражении после ранения старших офицеров полковников М. Е. Храповницкого и И. Т. Козлянинова заступил на их место и командовал полком, пока сам не был контужен в грудь осколком гранаты; за храбрость получил орден Св. Владимира 3-й ст. Участвовал в заграничных походах русской армии в Европе 1813–1814 и 1815 гг.

⁴⁰ Кутузов, Александр Петрович (1777–1817) — при Бородино полковник лейб-гвардии Измайловского полка, в 1813 г. произведен в генерал-майоры за отличие.

⁴¹ Удом, Иван Федорович (1768–1821) — командир лейб-гвардии Литовского полка с момента его основания 8 ноября 1811 г. по 1818 г.; флигель-адъютант, полковник, до этого шеф Кексгольмского пехотного полка. С ноября 1812 г. — генерал-майор. С 1819 года служил в свите Его Императорского Величества Государя Императора Александра I, в 1821 г. — командир лейб-гвардии Семёновского полка.

⁴² Сорок сороков (устар.) — несметное количество чего-либо, превосходящее всякое воображение. Зд.: множество московских храмов.

попался разносчик с жареным маком. Потом другой предлагал патоку с имбирем.

«Дядюшка, постойте! Это — постное!» Остановились, накупили и маку и патоки. Вкусно!

За остановку в Москве один из дядюшек успел помолвиться с одною из бесчисленных московских княжон, Оболенской. Оставив Москву, пустились по ужаснейшей дороге, перебираясь через «разливы рек, подобные морям».

Из всех городов, лежавших между Москвою и Варшавою, более всех понравилась Николаю Петровичу Вязьма, по случаю пряников с миндалем и цукатами. Купили целый ящик. Это — постное! Вся эта дорога поражала унынием. Через одиннадцать лет после нашествия галлов и с ними двадесяти язык повсюду, в городах, селах, деревнях, усадьбах, виднелись следы опустошения и разорения. В Смоленске были целые улицы обгорелых, полуразрушенных домов. В половине апреля 1823 г. въехали наконец и в Варшаву.

Дядя Валериан Макарыч Мичурин квартировал в Варшаве в Александровских казармах, находившихся на самом краю города, на Висле. Едва приехали, весть о сем распространилась, и множество явилось офицеров-сослуживцев. Все любили Валериана Макарыча. Оживленное движение на улицах, польский язык с обилием трескучих и шипящих звуков, обилие военных мундиров, эполет, киверов⁴³, украшенных гербами, витишкетами⁴⁴ и высокими цилиндрическими волосяными султанами или помпонами, треугольные шляпы, над которыми колыхались широкие султаны из петушьих перьев, черные и белые, все это, после костромских дремучих лесов и зеленой Чухломы, произвело сильнейшее впечатление на мальчика.

Предстояли серьезнейшие шаги — представление начальству. Мальчика представили сперва полковому командиру Литовского гвардейского полка генерал-майору Кишкину⁴⁵, а потом повезли в Брюлевский дом⁴⁶ и там представили великому князю Константину Павловичу. Находясь в самом веселом расположении духа, цесаревич обласкал его, потрепал по плечу и, согласно прошению, приказал определить подпрапорщиком⁴⁷ в Литовский гвардейский полк и назначить в первую фузилерную⁴⁸ роту, которою командовал капитан Граббе, один из лучших офицеров во всей гвардейской дивизии, друг и совоспитанник по корпусу дяди Мичурина.

Николай Петрович, или тогда еще просто Коля Макаров, был еще слишком молод для того, чтобы исполнять фронтовую службу, не мог даже поднять на плечо одною рукою тогдашнее тяжелое ружье. Великий князь позволил ему жить вместе с дядей, носить юнкерский мундир, получать унтер-офицерское жалованье и кончать свое домашнее образование, пока лета позволят отправиться в школу гвардейских подпрапорщиков. Так началась новая жизнь в Варшаве двадцатых годов, еще имевшей польскую армию и свою «куцую конституцию» долженствовавшую погибнуть в революцию 1830 года, происшедшую на глазах Николая Петровича, тогда уже офицера и оказавшегося у поляков в

 $[\]overline{^{43}}$ Кивер — высокий жёсткий военный головной убор, призванный оберегать голову солдата от ударов.

⁴⁴ Витишкет (нем.) — золотой или серебряный шнурок у кавалеристов, одним концом прикрепляемый к киверу, а другим — около шеи.

⁴⁵ Кишкин, Василий Михайлович (?−1831), — генерал-майор (с 1817), командир лейб-гвардии Литовского пехотного полка в 1818—1829 гг. Офицером с 1805 г. Полковник с 1813 года. В 1829 году был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 2-ой бригады сводной гвардейско-гренадерской дивизии и Несвижского карабинерного полка. Командование лейб-гвардии Литовским полком передал генерал-майору Карлу Энгельману, служившему в том же полку еще с Отечественной войны 1812 г. (История лейб-гвардии Литовского полка. С. 214−215)

⁴⁶ Брюлевский дом — «Брюлевский дворец» — был официальной резиденцией Константина Павловича в Варшаве (первое время он жил в ней постоянно, а затем только зимой — его личной летней резиденцией стал служить небольшой Бельведерский дворец, построенный в 1824 году). Находился рядом с Саксонским дворцом. Был построен в XVII веке графом Оссолинским, а в 1750 году куплен Августом Брюлем, первым министром польского короля Августа III. В 1787 году дворец купило русское правительство и до 1793 г. он служил посольством России в Варшаве. В 1813—1815 гг. во дворце располагался варшавский генерал-губернатор, а затем была устроена главная резиденция главнокомандующего польской армией Константина Павловича. В начале 1860-х гг. его некоторое время занимал штаб Варшавского военного округа, здесь также находилась резиденция главноначальствующего гражданской частью А. Велепольского, а затем управляющий канцелярией императора по делам Царства Польского Н. А. Милютин. В 1886 году дворец был передан почтово-телеграфному ведомству. Здание вместе с Саксонским дворцом было полностью разрушено во время второй мировой войны в 1944 г. Сейчас его место занято частью Саксонского сада. (Сокол К. Г. Русская Варшава. Справочник-путеводитель. М., 2002).

 $^{^{47}}$ Подпрапорщик — воинское звание (чин) унтер-офицерского (т. е. младшего командного) состава в русской армии. Сохранялось до 1917 года. В польской армии — подхорунжий.

 $^{^{48}}$ Фузилерная рота (от фр. «fusilier» — стрелок из ружья, фузеи) — пехотная, называвшиеся так по виду стрелкового оружия, которым они вооружались, — фузеи (кремнёвого ружья).

⁴⁹ После войны 1812–1814 гг. по условиям мира, закрепленным Венским конгрессом, к России отошло Герцогство Варшавское, и на его территории в составе Российской империи было создано Царство Польское (польск. Królestwo Polskie / Королевство Польское). 15 (27) ноября 1815 г. Александр I подписал польскую конституцию (обнародована 12 декабря), которая определяла Царство Польское как наследственную монархию, навсегда соединенную с Россией. Закрепляла свободу совести (права католической церкви), печати и личности. Польша получила право иметь собственную территориальную армию. Польский язык признавался официальным (на ее территории русский язык практически не использовался), все должны были замещаться только поляками. Законодательную власть осуществлял выборный Сейм. При этом царем польским объявлялся российский император, который назначал для управления краем своего наместника. Конституция действовала до восстания 1830–1831 гг. и после его подавления была отменена императором Николаем I.

плену. Но в 1823 году Варшава мирно процветала. Старый беспечный польский характер и тысячи исторических пережитков нравов и обычаев еще были целы. А русская военная среда полна была того особого блеска, который лежал на всех участниках александровско-наполеоновской эпопеи.

Страсть Коли Макарова к шалостям уже прошла, и он сделался очень степенным, кротким и послушным мальчиком; развивались в нем — большая любознательность, страсть к скрипке и гитаре, а вскоре и к лексикографии. Последнему способствовал учитель, к нему приглашенный для преподавания собственно французского языка, но вообще замечательный лингвист и оригинальнейший шестидесятилетний добрейший старик Петерс. Он говорил на всех европейских языках и очень хорошо знал языки: латинский, греческий, еврейский, арабский, персидский и санскритский. В молодости своей он служил во французских саперах, носил длинную бороду и участвовал во всех походах и войнах первой французской республики, консульства и империи. Оставя военную службу, лишь только Бурбоны возвратились во Φ ранцию 50 , он эмигрировал сперва в Германию, а потом в Варшаву. Он очень полюбил Колю Макарова, а тот равномерно его. Однако по странной российской скупости тратиться на книги, мальчик не имел необходимейших учебных пособий. Так, находился у него старый, изорванный французско-русский лексикон Татищева⁵¹, но русско-французского словаря не имелось. Мальчик обегал все книжные лавки Варшавы. Нет такого словаря. А дядюшка и не думает выписывать его из России. Коля Макарова задумал сам составить такой словарь. Он переплел два довольно толстые тома в восьмую долю листа из чистой бумаги, и принялся переделывать французско-русский лексикон Татищева на русско-французский. Целый год работал неутомимо. Первая часть была уже готова, но вдруг получил от старшего дяди Валентина Макаровича Мичурина в подарок русско-французский словарь Гейма⁵². Счастье будущего лексикографа было неописанное.

В продолжение нескольких дней он не выпускал из рук лексикона и с наслаждением читал его... Но этим дело не кончилось, мальчик вздумал создать свой собственный, новый и по возможности звучный и легкий язык, много десятилетий предупреждая «волапюкистов» и «эсперантистов» 1 придумал новую азбуку, с довольно красивыми литерами. Затем стал сочинять слова, из них составлять словарь и грамматику нового языка. Полгода трудился в глубокой тайне. Перевел на этот язык несколько страниц прозы и стихов из французской хрестоматии. Стихи и перевел стихами. И наконец с замирающим сердцем преподнес свое изобретение старому лингвисту Петерсу. Добрый и умный старик просмотрел словарь, грамматику и переводы с добродушной учтивостью и улыбкой и наконец вежливо сказал:

- Изобретение ваше обличает в вас живое воображение, хороший вкус и слух относительно гармонии звуков и с тем вместе премного терпения и необычайную настойчивость. Жаль только, что вы потратили так много трудов на вещь совершенно бесполезную.
 - Отчего же бесполезную? Ведь мой новый язык очень звучен и легок для изучения.
- Все это правда. Да кто станете изучать язык, на котором никто не говорит и нет никакой литературы?

Простое это соображение сразило молодого лингвиста, и он повесил голову...

^{50 ...}лишь только Бурбоны возвратились во Францию. — Потерпев поражение от союзных армий, Наполеон 4 апреля 1814 года был вынужден подписать отречение, произошла так называемая «реставрация Бурбонов» — восстановление власти монархов, представителей династии Бурбонов, — королем Франции был провозглашен Людовик XVIII, брат низложенного французской революцией и казненного в 1793 году короля Людовика XVI.

⁵¹ Татищев, Иван Иванович (1743–1802), — переводчик с немецкого, английского и французского языков, издал «Полный французский и российский лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии» в 2-х томах (1786, 2-е изд. 1798). Служил в Коллегии иностранных дел (с 1764). Некоторое время находился при русских посольствах за границей (в Данциге, с 1769 г. — в Лондоне). В 1779–1801 гг. московский почт-директор. Действительный статский советник. Его сын, также Татищев Иван Иванович, в 1816 и 1827–28 гг. издал расширенный и усовершенствованный «Полный французско-российский словарь» в 2-х частях, а затем «Всеобщий французско-русский словарь» в 1839 г. Как и отец занимался переводами, тоже служил в Коллегии иностранных дел (с 1797), позже в московском почтамте. Действительный статский советник. Поскольку, помимо полного совпадения имен, в биографиях (места службы, занятия, чин и проч.) обоих Татищевых имеется много общего, в литературе их часто путают или отождествляют. Н. П. Макаров, скорее всего, пользовался «лексиконом» Татищева-отца.

⁵² Вероятно, речь идет о трехтомном «Новом российско-французко-немецком словаре, сочинённом по словарю Российской академии» И. А. Гейма (М., 1799–1802) или его части. Гейм, Иван Андреевич (Johann Heym, 1758–1821), — лингвист, географ, экономист, по происхождению немец, в России жил с 1779 г. С 1781 года лектор немецкого языка и классических древностей в Московском университете, ректор Московского университета в 1809–1819 гг. Знал несколько европейских и восточных языков. Издал несколько французско-русских, русско-французских, трехъязычных словарей (русский, французский, немецкий), а также немецко-русский и русско-немецкий словари, учебники немецкой грамматики для русских и учебник русского языка для немцев и проч.

⁵³ Волапюк или воляпюк (Volapük: от англ. world «мир» + speak «говорю») — «мировой» язык, сконструированный в 1879—1880 гг. немецким католическим священником И. Шлейером (Johann Martin Schleyer).

⁵⁴ Эсперанто (эсп. esperanto, букв. надеющийся) — искусственный международный вспомогательный язык, созданный в 1887 году польским врачом-окулистом Лазарем (Людвиком) Заменгофом. Наиболее употребительный из искусственных международных языков, основанный на материале главных европейских языков.

V.

Рядом с ранней страстью к лексикографии столь же рано проявилась у Николая Петровича Макарова страсть к музыке, к скрипке, а потом к гитаре. Музыка сплелась с первым поэтическим чувством детского сердца... Приехав в 1823 году в Варшаву, дядя моего деда скоро поселился на Закрочимской улице. (Существуете ли и теперь таковая в Варшаве, не знаю⁵⁵). Управляющий домом — по-польски «буркграбя» — был некто Гладковский. У него было три дочери. Старшая, замужняя, брюнетка Клементина, вторая, Эмилия, блондинка, с чудными голубыми очами, третья, самая младшая, ровесница Коли Макарова, живая, бойкая, смелая, чистая полька, Констанция, умненькая девочка, но великая капризница и насмешница. Коля Макаров, костромич из «зеленой» Чухломы, и варшавянка Констанция Гладковска⁵⁶ сейчас же подружились, еще не ведая о «старом счете славян между собою», бегали по двору, играли, резвились и шалили, ежедневно ссорились и мирились, и опять ссорились, и опять мирились, при чем насмешливая полька за смесь французско-польско-костромского наречия своего товарища и обожателя Коли Макарова, впрочем, вскоре научившегося изъясняться на языке великого Мицкевича⁵⁷, как природный поляк, прозывала его makaron do rosolu (макароны в супе).

Пролетели учебные годы, Николай Петрович вышел в офицеры, а Констанция Гладковска из варшавской консерватории на сцену варшавской оперы и сразу стала первоклассной певицей, а затем скоро сделалась предметом первой, несчастной страсти тогда мало известного Шопена⁵⁸.

В самом деле, слава великого композитора и музыканта создалась далеко не сразу. Товарищ по полку моего деда, Аполлон Ильич Бибиков⁵⁹, был в каком-то важном доме Варшавы на блистательном музыкальном вечере. Толпа польской аристократии, вперемежку с русскими гвардейскими мундирами, наполняла залы и гостиные «палаца», прелестнейшие женщины, пани с лебедиными шеями и паненки с польскими очами-звездами сверкали плечами, брильянтами и туалетами той эпохи — двадцатых годов. Между артистами находился Крамер, первый тогда в Варшаве пианист, или, как тогда называли, фортепианист; был еще на вечере и молодой студент варшавского университета, скромный, худенький, робкий, с задумчивым и бледным лицом. Это был — Фридрих Шопен или, как называли тогда, — Шопин. Заиграл Крамер; все в восторге таят дыхание. Кончил — гром единодушных аплодисментов. Заиграл Шопен или Шопин — все поджимают губы, водят носами. Кто такой сей студент, дерзающий после знаменитого Крамера в блестящем обществе упражняться на фортепиано? Шопен кончил. Жиденькие хлопки из приличия. Пораженный гениальной игрой Шопена и непониманием «избранной» публики, Бибиков, страстный и превосходный гитарист, подошел к Крамеру и выразил свое недоумение. Крамер пожал плечами и сказал:

— Профаны! Что они смыслят! Этот юноша — гений. Он убьет своею игрою сто таких Крамеров, как я.

Да, были люди среди старых маэстро. Надо иметь великую душу, чтобы признать молодой ге-

⁵⁵ Закрочимская улица в Варшаве существует до настоящего времени; часть находившихся на ней исторических зданий во время Второй мировой войны были разрушены, но в 1950-е годы они были восстановлены (в частности, одна из нынешних достопримечательностей Варшавы — дворец Сапеги).

⁵⁶ Гладковская (в замуж. Грабовская), Констанция (Konstancja Gladkowska, 1810−1889) — польская оперная певица, возлюбленная Фридерика Шопена. Училась в Варшавской консерватории. Дебютировала на сцене Национального театра в Варшаве в опере Ф. Паэра «Аньезе» летом 1830 года, причем газета «Варшавский курьер», отмечая ее успех, писала, что зал аплодировал после каждой ее песни. Познакомилась с Шопеном весной 1829 г. на одном из концертов. В октябре того же года Шопен в письме к другу признавался, что уже полгода влюблен в Констанцию, в которой «нашел свой идеал, которому глубоко и благоговейно поклоняется», «видит ее во сне каждую ночь». Под впечатлением чувств к К. Гладковской Шопен написал одну из лучших своих песен — «Желание» на слова С. Витвицкого, тогда же им были написаны Концерт для фортепиано с оркестром №2 фа минор, соч. 21, и Концерт для фортепиано с оркестром №1 ми минор, соч. 11. Для нее же Шопен сочинил и вальс ре-бемоль мажор, изданный посмертно как №13, соч. 70, №3. В 1832 году вышла замуж за помещика Юзефа Грабовского (ум. в 1878 г.), отказавшись от оперной карьеры, поскольку муж был против ее выступлений на публике. В тридцать пять лет (в 1845 г.) ослепла. Сожгла все письма Шопена.

 $^{^{57}}$ Мицкевич, Адам (Adam Mickiewicz, 1798–1855), — польский поэт, деятель национально-освободительного движения. Осново-положник польского романтизма.

 $^{^{58}}$ Шопен, Фридерик (Fryderyk Szopen / Frédéric Chopin, 1810–1849) — польский композитор и пианист; сын француза и польки. Крупнейший представитель польского музыкального искусства. С 1831 жил в Париже.

⁵⁹ Бибиков, Аполлон Ильич (1796–1866) — русский офицер (с 1812 г.), участник Отечественной войны 1812 года и компаний 1813–1814 гг., в лейб-гвардии Литовский полк был переведен из 49-го Егерского полка 14 мая 1818 г. и служил в нем до 15 октября 1833 года, уволившись со службы по болезни, генерал-майором, с мундиром и пенсией. В 1840 году вернулся на службу, с 1849 г. — генерал-лейтенант. В 1840-1849 гг. заведующий 2-м кадетским корпусом в Санкт-Петербурге, затем состоял по ведомству военно-учебных заведений. Вышел в отставку в 1861 году с производством в генералы от инфантерии. Н. П. Макаров посвятил А. И. Бибикову свою композицию «Souvenier et regret».

ний, будучи старой знаменитостью⁶⁰.

Шопен был робок по характеру. Огромной публики не любил, а, может быть, и невзлюбил после первого опыта с «избранной» публикой польской аристократии. Шопен редко участвовал в концертах.

Николай Петрович Макаров слышал, однако, Шопена в двух концертах, данных им в Варшаве осенью рокового 1830 года.

VI.

Констанция пела, играла. Дивный талант будущей знаменитой певицы и красота будущей любви великого Шопена развивались на глазах мальчика-костромича, делившего ее игры, шутки, смех и редкие слезы в течение четырех лет.

В сентябре 1826 года «Макагоп do rosolu» поступил наконец в школу гвардейских подпрапорщиков⁶¹. Однако военную муштру он проходил еще раньше. Дядя Мичурин назначил к нему дядьку, лучшего солдата в своей роте, Войцеха, уроженца Литвы. Николаю Петровичу дали ружье, амуницию, по три раза в неделю Войцех приходил на квартиру Мичурина и обучал выправке, маршировке и ружейным приемам. Кроме сего, от дядьки Войцеха, которого полюбил от всей души, мальчик научился разбирать все ружье, чистить его тертым кирпичом, полировать штык, шомпол и наружные винтики полировником, варить клей, белить амуницию и начисто ее отделывать, когда клей и мел засыхали; научился укладывать в ранец и выкладывать из ранца солдатские вещи в строгом предписанном порядке: одним словом, по собственному желанию, изучил решительно все, что исправному солдату было необходимо знать и уметь. Мало того, до шестнадцатилетнего возраста, когда должна была начаться действительная служба, костромской, чухломской и солигаличский Макагоп do rosolu ходил на ротное и на батальонное и даже на полковое ученье, занимая место солдата во второй шеренге, чутко прислушиваясь к команде, а при возвращении с ученья к анекдотам, прибауткам и остротам, на которые лихие гвардейские солдаты были великие мастера.

Что касается «знаменитого Крамера», то в числе известных пианистов того времени был только один Крамер, а именно: немецкий пианист, композитор и педагог Иоганн Баптист Крамер (1771–1858), но он с молодости жил в Лондоне и уж никак не мог называться «первым тогда в Варшаве пианистом». Конечно, Крамер концертировал в Европе, возможно, мог побывать и в Польше (о чем нам ничего неизвестно), но если бы он когда-либо выступал в одном концерте с Шопеном, этот факт наверняка нашел бы отражение в биографиях хотя бы одного из этих великих музыкантов, однако таких упоминаний нет. Скорее всего, присутствовавшей на концерте «старой знаменитостью» был кто-то из известных польских или же достаточно долго живших в Варшаве иностранных музыкантов. В частности, это вполне мог бы быть чех Вацлав Вилем Вюрфель (Václav Vilém Würfel, польск. Wilhelm Wacław Würfel, 1790–1832), действительно очень известный пианист, учивший игре на органе Шопена, в 1815–1824 гг. бывший профессором Варшавской консерватории, перебравшийся затем в Вену, и устроивший, кстати говоря, там первые концерты своего ученика. А «блистательный музыкальный вечер» «в каком-то важном доме Варшавы» это, возможно, один из музыкальных вечеров, которые устраивал у себя много живший в польской столице немецкий пианист и композитор Йозеф Кесслер (польск. Юзеф Кшиштоф Кесслер; 1800–1872), на которых совершенно точно бывал и Шопен, друживший с Кесслером. Ну и, наконец, в самих воспоминаниях Макарова начальная фраза звучит чуть иначе: «Между разными артистами находился Крамер, если не ошибаюсь [выделено мной. – В. Т.], первый тогда фортепьянный учитель в Варшаве» (т. 2, стр. 80).

⁶⁰ Этот рассказ (взятый Н. А. Энгельгардтом, как и большая часть из сообщаемого им, из «Моих семидесятилетних воспоминаний» Н. П. Макарова) вызывает сразу несколько вопросов о точности приводимых в нем фактов. Из него следует, что концерт происходил между 1826 и 1829 годами («двадцатых годов» и «молодой студент варшаеского университетем»), поскольку именно в эти годы Шопен обучался в Варшавском университете, а вернее, в Главной школе музыки (консерватории), отделении основанного в 1821 году Института музыки и декламации, имевшей статус факультета Варшавского университета. Но не исключено, что это было и несколько раньше, в 1823–1825 гг., когда лицеиста Шопена, бравшего уроки у консерваторского профессора и частенько с ним выступавшего, вполне могли назвать его студентом. В любом случае уже в это время у мало-мальски сведущей публики по отношению к Шопену ни мысли, ни фразы «кто такой сей студентом. В любом случае уже в это время у мало-мальски сведущей публики по отношению к Шопену ни мысли, ни фразы «кто такой сей студентом. В любом случае уже в это время у мало-мальски сведущей публики по отношению к Шопену ни мысли, ни фразы «кто такой сей студентом. В редающий... упражняться на фортепиано» возникнуть не могло. Вряд ли «король и царь» Александр I в 1825 году стал бы слушать при посещении Варшавы совсем неизвестного слабого любителя, да потом еще и одаривать его дорогим перстнем с бриллиантом. А ведь Фридерика, как пишет его биограф, польский музыковед Мауриций Карасовский (1823–1892) в книге «Фридерик Шопен. Жизнь — Письма — Произведения», пригласили тогда участвовать в представлении нового клавишного инструмента «эоломелодикона» и сыграть перед монархом «как наилучшего во всем городе фортепианием» («...Fryderyka jako najlepszego w całem mieście fortepianistę wezwano, aby zagrał na nim przed monarchą... Aleksander I zadowolony z niepospolitej gry młodzieńca, obdarzył go kosztownym pierścieniem brylantowym». Кагазоwski, Maurycy. Fryderyk Спород ставы виртуозного приста, уже не был безвестным музыкантом.

⁶¹ Варшавская школа пехотных подпрапорщиков (польск. подхорунжих; Szkoły Podchorążych Piechoty), — одна из двух юнкерских школ Варшавы, готовивших офицеров (главным образом, для нужд польской армии); находилась в окрестностях Варшавы в Лазенках (в одном из флигелей Лазенковского дворца), недалеко от Бельведера — летней резиденции Вел. князя Константина Павловича. (Другая школа подпрапорщиков — кавалерийская — помещалась в центре города на Королевской улице). В отличие от петербургских, подпрапорщики определялись не сразу в школу, а сначала в полки, откуда лишь «по прослужении» нескольких лет отдавались в школу, причем в нее могли поступать не все, а только небольшая часть от желающих. Командовал школой подполковник польского гренадерского полка Ксавьерий Олендский (Ksawery Olędzki). Шефом школы, осуществлявшим надзор за ней, был польский дивизонный генерал Станислав Трембицкий (Stanisław Trembicki/Trębicki) в числе немногих польских офицеров оставшийся верен присяге и отказавшийся примкнуть к мятежникам, за что был убит 29 ноября 1830 г. Была одним из главных центров заговора, его руководителем здесь был офицер школы, подпоручик гвардейского гренадерского полка Петр Высоцкий.

В мае 1825 года Варшаву посетил император Александр Павлович. Окруженный ореолом миротворца Европы, Отечественной войны, взятия Парижа, руководитель борьбы титанов, сокрушивший сына рока, Наполеона Бонапарта, который, не удостоенный ни однажды даже ответа на просьбы о мире, обрушился с вершины своего могущества, столь великого, что огромностью развалин своих потрясало оно еще целые три года в падении своем всю Европу, и потом угас на пустынном острове среди океана, Александр в представлении современников той эпохи являлся в ореоле полубога.

Во время народного смотра в Варшаве на Марсовом поле Коля Макаров находился во фронте за солдата, прошел два раза церемониальным маршем мимо императора и зоркими глазами хорошо присмотрелся к изящному облику Медиатора народов⁶². А первого июня он выступил с полком и участвовал в маневрах на обширном поле за мызою⁶³ Парижем, или по-польски «Па́рис», и выдержал до конца, несмотря на тяжелую экипировку того времени, зной, пыль, жажду и на слишком еще юный пятнадцатилетний возраст. И за парад с маневрами, наряду с прочими рядовыми, получил царского награждения два серебряных рубля, чеканки 1825 года, новеньких, блестящих, с ликом Благословенного.

А муштра и амуниция тогда были очень тягостные. Ружье тогда было вдвое тяжелее нынешнего. Носили его в левой руке, держа приклад прижатым к левому бедру так, чтобы ствол, идущий в разрез плеча, стоял отвесно. Это было чрезвычайно трудно и утомительно, левая рука быстро немела, и ломило от боли в локте. Тогда слышался грозный окрик:

— Штыки запали! Подтяни приклады!

На высоком, тяжелом кивере высился волосяной султан, длиною двенадцати вершков⁶⁴. Если ветер дул в лицо, то султан кренило назад и он оттягивал кивер и голову. Приходилось бороться и балансировать громоздким головным убором, что было весьма утомительно.

Чешуя кивера туго застегивалась у самого горла, а воротник был нарочито высок, узок и на жесткой клеенке. Воротник, всегда, везде и на все крючки застегнутый, «напоминал службу»— душил изрядно.

Нижние чины носили белые парусинные панталоны с 1-го мая по 1-е октября. Прочее время года — белые суконные брюки до колена, а ниже — черные суконные штиблеты, застегнутые на множество маленьких оловянных пуговок. Все это было столь натянуто и затянуто, что солдат мог нагнуться и поднять что-либо с земли лишь опираясь рукою о какой-либо предмет. Если он падал, то без посторонней помощи подняться уже не мог. Иначе все бы на нем лопнуло. Толстая солдатская шинель свертывалась весьма искусно длинным жгутом и надевалась на правое плечо обручем и ранец помещался сверху на коротеньких ремнях, лежавших на груди. Эти ремни стягивали четыре солдата, и тогда нижний чин едва дышал, зато ранец на спине принимал требуемое положение — подпирал затылок.

При столь тягостной амуниции 20-х годов тогдашние построения были чрезвычайно многочисленны, разнообразны и сложны, по причине разных фронтовых тонкостей: контрмаршей, деплояд, захождений⁶⁵.

Вот образец тогдашней фронтовой мудрости. Батальон стоить в дивизионной колонне справа. Батальонный командир хочет развернуть фронт в противоположную сторону. Это делалось посредством одного из трех движений: или через контрмарш, или через захождение кругом, или через смешение этих двух движений.

В последнем случае батальонный командир, командует:

— Унтер-офицеры второго дивизиона перед дивизион на линию с контрмаршем. В первом полубатальоне деплояды и контрмарш по второму дивизиону, стройся налево и направо назад. Во втором полубатальоне стройся направо и налево кругом во фронт заходи.

Высшей академией фронтовой мудрости в Варшаве тогда была школа подпрапорщиков.

Николай Петрович Макаров поступил в школу пехотных гвардейских подпрапорщиков в сентябре 1826 года, то есть по шестнадцатому году, предварительно пробыв в доме своего дяди три

^{62—} т. е. власти, выполняющей роль посредника, принятого и воспринимаемого всеми, и действующей во благо и ради примирения и установления мира между народами.

⁶³ Мыза – отдельный загородный дом, усадьба с хутором, хутор.

 $^{^{64}}$ Вершок — старорусская единица измерения длины, прим. 4,4 см. Все требования к военной форме одежды были подробно прописаны и регулировались «узаконениями» «О военных мундирах».

⁶⁵ Строевые приемы «эволюций» (перестроений подразделений) и «маневров»: контрмарш — поворот (такое перемещение подразделения, когда фронт меняется не противоположный, а положение флангов сохраняется), деплояда — раздвоение колонны; захождение — движение строя каким-л. флангом вперед или назад.

с половиною года. Школа находилась в Лазенковском парке. Большинство воспитанников были поляки, потом было немало немцев, несколько французов, итальянцев, татар и перекрещенных евреев. Русских было всего восемь человек на 350 юнкеров. Начальники были поляки. Язык преподавания — польский.

Каждый из гвардейских и армейских полков, стоявших в Польше, отправлял в школу от 25 до 30 юнкеров, которые, проведя восемь месяцев вместе, под одною кровлею, на лето возвращались в свои полки.

Мастерство маневров и построений в батальонных и линейных ученьях постигалось юнкерами в совершенстве.

VII.

В школе подпрапорщиков Николай Петрович проявил чудеса терпения и страсть к преодолеванию трудностей.

Между прочим в школе преподавали фехтование на штыках.

Изучение этого весьма трудного искусства было не обязательно.

Оно требовало необыкновенной силы, особенно в правой руке и ногах, а сверх того необыкновенной легкости для совершения изумительных прыжков, при обороне от кавалеристов и при нападении на них. Хороший фехтовальщик па штыках выбивал из седла любого всадника.

Поступая в школу, Н. П. Макаров был сравнительно тщедушен и малосилен, хотя замечательно вынослив. А все-таки он решил стать лучшим фехтовальщиком на штыках. Он вполне достиг этого. К концу первого же года в школе он успел пройти все классы фехтования и поступил в высший. На следующий год его сделали инструктором этого искусства и вверили ему один из классов.

Вторая трудность, преодоленная после искусства фехтования на штыках, — плавание. Н. П. Макаров страстно любил купанье и в особенности плавание. В Варшаве были тогда две школы плавания — в Маримонте, в озере, и в Потоках, на Висле — для пехоты, а для кавалерии — в Лазенках, в широком и глубоком канале.

В первый же год своего пребывания в школе Н. П. Макаров прошел и кончил полный курс в кавалерийской школе плавания. В этих курсах для перехода в 5-й класс требовалось проплавать без отдыха целый час, для 6-го — переплыть Вислу шесть раз сряду в самом широком ее месте, для 7-го и последнего — переплыть Вислу два раза в мундире и с саблею в руке; сверх того требовалось: нырять, доставать в глубоком месте горсть земли или камень со дна Вислы. Но все это не удовлетворяло Н. П. Макарова, так как самое длинное учение на воде, шеренгами, с офицерами впереди, командующими разные повороты и построения, продолжалось не более двух часов сряду.

Это не удовлетворяло Н. П. Макарова. Он и в позднейшие годы продолжал совершенствоваться в плавании и доходил до 3, до $3\frac{1}{2}$ часов беспрерывного плавания. И все казалось мало.

Летом 1850 года жил он в Москве, уже со второю женою 66 , и взял билет на все лето для купанья в школе плавания на Москве-реке против Кремля. Тут дошел он наконец до $4\frac{1}{2}$ часов. Во время такого длинного плавания выпивал, не переставая плавать, рюмку водки, закусывал тартинкой, выпивал еще рюмку хересу, выкуривал несколько папирос и читал, плавая на спине, «Revue des deux mondes» 67 . Считал, сколько раз проплывал школу плавания взад и вперед. Выходило $6\frac{1}{2}$ верст 68 . И это его не удовлетворило.

Он хотел дойти до 6-часового плавания, в средине которого пообедать двумя холодными блюдами.

Лишь просьбы жены, напуганной доктором, что такие опыты могут кончиться плохо, заставили Н. П. Макарова отказаться от последней цели многолетних трудов. Но сейчас же он и охладел к любимому спорту, в котором упражнялся четверть столетия.

В школе подпрапорщиков процветало благородное искусство шахматной игры. Н. П. играл слабо и постоянно получал маты. Он решил немедленно, что сделается лучшим игроком в школе.

^{66 17} января 1848 г. Н. П. Макаров женился на Софье Богаевской. Вскоре после свадьбы жена его заболела и в марте 1854 г. умерла.

⁶⁷ «Ревю-де-Дё-Монд» (Revue des Deux Mondes / Журнал двух миров, тж. «Обозрение Старого и Нового света» или «Обозрение двух континентов») — французский двухнедельный литературно-политический журнал, один из наиболее влиятельных и солидных французских журналов XIX века. Издавался в Париже с 1829 по 1940 г.

⁶⁸ Верста — старорусская единица измерения расстояния, равная примерно 1,067 км.

Но в Литовском полку имелась одна только шахматная игра, а купить себе другую он не мог по скудости средств. Решил сам соорудить шахматы. Для этого приготовил он из мякиша свежего пеклеванного хлеба тягучую массу и с помощью деревянных кусочков вылепил правильные и красивые шахматный фигуры. Высушив, окрасил их в желтый и черный цвет и покрыл лаком. Никто не мог догадаться, что шахматы приготовлены из столь необыкновенного материала, а не выточены из кости. Через несколько месяцев Н. П. Макаров достиг такого совершенства в шахматной игре, что быль признан лучшим игроком в школе.

Четвертая преодоленная трудность была по части музыки.

Однажды в школу явился еврей. В обширном зале, в присутствии юнкеров показывал он свое искусство — играл разные пьесы на деревянной гармонике. Удивительный инструмент состоял из небольших брусков соснового дерева, положенных на длинные цилиндрические пучки соломы. Еврей бил по брускам палочками вроде барабанных. Рассмотрев инструмент, Н. П. Макаров сейчас же решил приготовить его самому и научиться играть. Заказал столяру брусков разной длины и толщины и убедился, что чем брусок длиннее и тоньше, тем ниже извлекаемый из него звук. Строгая и урезывая бруски, набрал он тонов и полутонов на три октавы хроматической гаммы.

После десяти дней работы — гармоника была готова. Макаров принялся за гаммы и разучивание пьес. Работал он тайно, на чердаке, куда уходил тотчас после учений, которых было по два и по три в день. Прочие юнкера в это время крепко спали в дортуаре⁶⁹, измученные ружейными приемами и маршировкой.

Наконец Н. П. Макаров заявляет товарищам, что даст концерта на своей гармонике во втором, самом большом дортуаре. Собрались все литовские и волынские подпрапорщики и часть Польского гренадерского полка. Н. П. сыграл, к общему изумлению, два галопа, два вальса, две мазурки и блестящий полонез Курпинского⁷⁰. Оглушительные «браво» и рукоплескания!

Дня через два Макарова и его гармонику пригласили в дежурную комнату, перед лицо начальства, которое тоже весьма удивилось, развело руками и хлопало ими.

VIII.

Страсть к преодолению трудностей и неимоверные — терпение, усидчивость и трудолюбие, позволили Н. П. Макарову достигнуть совершенства в игре на десятиструнной гитаре. Подлинно, искусство его было чудесно, хотя я слышал игру его уже тогда, когда он был глубоким старцем и сам говорил, что от него осталась едва одна треть. В руках деда столь бедный инструмента, как гитара, совершенно преображался и звучал чудесно. Обыкновенно, чтобы разыграться, начинал он романсом, написанным на собственные его слова:

Однозвучно гремит колокольчик, И дорога холмится слегка, И далеко по темному полю Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой, Столько чувства в напеве простом, Что в груди моей мертвой, остылой, Разгорелося сердце огнем...

Мне припомнились ночи другие, И родные поля, и леса, И на очи давно уж пустые Набежала невольно слеза...

 $^{^{69}}$ Дортуар — общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях; з ∂ . спальное помещение в казарме.

 $^{^{70}}$ Курпиньский, Кароль Казимеж (Kurpinski, 1785–1857) — польский композитор,

> Однозвучно гремит колокольчик, Издали откликаясь слегка, Призамолк мой ямщик... А дорога Предо мной далека, далека...⁷¹

Этот красивый «дворянский» романс и ныне часто поется в концертах. Когда же дед исполнял его на гитаре, положительно звенел и плакал под его пальцами колокольчик бурной тройки. Затем следовали более сложный вещи и целый гитарный «концерт». Такого артиста на гитаре, каким был Николай Петрович Макаров, вероятно, не будет уже никогда, так как никто не решится убить столько лет труда, сколько он, на столь бедный и неблагодарный инструмента. Мне пришлось слышать в частном доме одну знаменитую итальянскую гитару; гитариста этого привез с собою певец Баттистини⁷², видимо, желая помочь соотечественнику. На вечере Баттистини пел серенаду под аккомпанемент гитариста; потом гитара выступила соло. Сравнительно с игрой деда это было жалкое треньканье.

 71 Существует мнение, что свидетельство Н. А. Энгельгардта, называющего Н. П. Макарова автором романса, не является достаточным и бесспорным, тем более, что сам Макаров, не упускавший случая сказать о своих успехах и достижениях, нигде не упоминал о том, что ему принадлежат слова этого романса. В биографическом словаре «Русские писатели. 1800-1917» по этому поводу приводится следующая информация:

«В нек-рых изд. (Эйхенбаум, с. 160–61; Рус. нар. песни. Сост. А. М. Новиковой, М., 1957, с. 670; Шилов А., Неизв. авторы изв. песен, М., 1961, с. 17–18 и др.) М. приписано авторство романса «Однозвучно гремит колокольчик» (муз. А. Л. Гурилёва, СПб., 1853); атрибуция, основ. на единств. свидетельстве внука М. — Н. А. Энгельгардта (1910, с. 104–105), представляется спорной (ср. признание М. в совершенном отсутствии поэтич. дарования: «не мог написать складно двух стихов» — «Мои семидесятилетние восп.», ч. 1, с. 86).

Существующие др. версии авторства романса не позволяют однозначно атрибутировать текст. По мнению А. К. Шарца («Лит. Россия», 1971, 11 июня, с. 16; «Огонек», 1978, № 30, с. 30; см. также: сб. «Поэты Урала», т. 1, Свердловск, 1976, с. 50), стих. написано Ив. Ив. Макаровым [1821, Сивинское х-во Пермской губ. — 10(22).2.1852, с. Верхний Суксун Пермской губ.], крепостным помещика А. В. Всеволожского, брата Н. В. Всеволожского. За «сочинительство, их сиятельству непотребное», Макаров в 1843 был сдан в солдаты, затем приписан ямщиком к перм. конвойной роте — возил конвой заключенных до Тюмени или до Томска. овы сдан в солдаты, затем приписан ямщиком к перм. коньойной роте — возил коньой заключенных до тюмени или до томска. Сохранилось три стих. Макарова (опубл.: «Лит. Россия», «Огонек», указ. выше номера): «Однозвучно гремит колокольчик» (вариант изв. стих., отличающийся привнесением автобиогр. реалий — упоминаются «хриплые крики конвоя», «звон кандалов», «дорога в Сибирь», местная топонимика), «Колокольчик — мой друг» («Под дугою гремит колокольчик»; др. автобиогр. вариация того же стих.), «Ты грустишь, моя милая Маша» (содержит сюжетные и стилистич. переклички с первыми двумя). Шарц считал, что первонач. текст был изменен Гурилёвым, однако с не меньшим основанием можно предположить, что Макаров переделывал изв. стих. (возможно, существовало и догурилёвское муз. переложение), «приспосабливая» его к собств. биографии. Дальнейшие разыскания осложнились тем, что позднейшим исследователям не удалось обнаружить арх. мат-лы, использованные Шарцем*. В ряде источников (Иванов, I, 213; Гусев В. Е., прим. в кн.: Песни рус. поэтов, т. 2, Л., 1988, с. 482) автором стих. «Однозвучно

гремит колокольчик» назван И. П. Макаров (биогр. сведений не имеется), написавший и др. романсы, положенные на музыку Гурилёвым: «В морозную ночь я смотрел» (СПб., 1853), «Падучая звезда» («Смотрю я в глубь лазури ясной» — «Москв.», 1852, Туринський. «В морозную по в и смотрел» (спох., 1953), «Такум вызыкам» («Смотрю и туро» (пох. 1953), а также «Не вспоминай того, что было» (муз. Болле; прил. к ж. «Пантеон», 1855). По-видимому, ему же принадлежит и стих. «Конь» («Я коня оседлал, боевого коня!»), опубл. в сб. «Раут» (кн. 3, М., 1854). Весьма высокий уровень поэтич. культуры автора данных произв. исключает возможность отождествления И. П. Макарова с Ив. Ив. Макаровым.

Е. Г. Николаева.»

(Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. — Т. 3: K-M. — М., 1994. — С. 472–473).

* Пермский краевед Д. А. Краснопёров (1924–2009) считал версию А. К. Шварца целиком вымышленной – мистификацией, не имеющей под собой никаких документальных оснований (Красноперов Д. А. Правда и вымысел некоторых пермских мифов // Страницы прошлого: Избр. мат-лы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2001. Вып. 3. С. 144-146):

«Есть вымыслы, которые переходят из поколения в поколение и становятся преданиями. К таковым относятся, например, предания о Ермаке. Наряду с ними известны прочно укоренившиеся в литературе легенды, связанные с недавним прошлым Пермского края. <...>

Мифы краеведа А. К. Шарца. Александр Кузьмич Шарц (1906–1986) – один из активнейших краеведов Урала. Ему принадлежит заслуга в воскрешении памяти о многих забытых уральских деятелях науки, техники, литературы. К сожалению, для деятельности этого краеведа характерно слишком вольное обращение с архивными источниками. Более того, были случаи придумывания им вообще несуществующих источников. <...> Самой известной легендой, пущенной в оборот А. К. Шарцем, является миф об авторе песни «Однозвучно гремит колокольчик»

(композитор А. Л. Гурилев), которую якобы сочинил крепостной Всеволожских, уроженец с. Сива Иван Иванович Макаров. Впервые Шарц рассказал о своей «находке» в 1971 году в газете «Литературная Россия», а затем неоднократно публиковал историю о трагически погибшем, замерзшем в дороге ямщике-поэте, в пермских газетах и даже в журнале «Огонёк». История получилась очень привлекательной, но архивные данные и цитаты из тюремных документов, на которые ссылается Шарц, вызывают сомнение в их подлинности. Кроме этого, он так и не сообщил, в каком именно архиве нашел эти сведения.

До публикаций Шарца сведения об авторстве песни были противоречивыми. По одним источникам (сборник 1853 года) автором ее считался Н. П. Макаров, по другим («Песни русских поэтов») – некий И. Макаров. Из воспоминаний писателя Н. А. Энгельгардта следует, что Н. П. Макаров (1810–1890) — его дед, гитарист, лексикограф, писатель и поэт, печатавший свои сатирические романы под псевдонимом Гермоген Трехзвездочкин. В альманахе «Раут» (издатель Н. В. Сушков) он опубликовал несколько своих песен. Известно, что на его стихи написаны композитором А. Л. Гурилевым романсы «В морозную ночь я смотрела» и «Падучая звезда», а композитором Болле — «Не вспоминай того, что было». Об И. Макарове никаких биографических сведений не было приведено, этим и воспользовался А. К. Шарц.

В 1988 году был издан двухтомный сборник «Песни русских поэтов», в котором песня «Однозвучно гремит колокольчик» напечатана в разделе «Песни и романсы неизвестных и предполагаемых авторов». Доказательства в пользу И. И. Макарова, приведенные в статье Шарца, показались редакторам сборника неубедительными. Его составитель В. Гусев обратился в Государственный архив Пермской области с просьбой подтвердить подлинность документов о поэте Иване Ивановиче Макарове. Такие документы не были найдены ни в фондах архива, ни в личном фонде А. К. Шарца. Таким образом, авторство И. И. Макарова было отвергнуто с мотивировкой: «Цикл романсов А. Гурилева и романс Болле написаны на тексты одного автора, содержание и стиль которых вызывает сомнение в возможности их принадлежности крестьянину».

Тем не менее легенда об уральском крепостном крестьянине, сочинившем прекрасную, хорошо известную каждому россиянину песню «Однозвучно гремит колокольчик», жива и с завидным постоянством появляется в различных краеведческих публикациях».

 72 Баттистини, Маттиа (Mattia Battistini, 1856–1928) — итал. оперный певец (баритон), представитель искусства бельканто. Гастролировал (в России с 1893). Выступал и в рус. репертуаре: Онегин («Евг. Онегин» П. И. Чайковского), Демон («Демон» А. Г. Рубинштейна) и др.

Еще проживая в родной «зеленой» Чухломе, Николай Петрович спал и видел научиться играть на скрипке. Вскоре по приезде в Варшаву, в апреле 1823 года, стал он просить, умолять со слезами на глазах дядю купить ему скрипку и взять учителя. Дядюшка раскошелился: купил скрипку на аукционе за три рубля серебром и нанял учителя, по специальности валторниста из полковых музикусов, но который и на скрипке пиликал втору в вечериночных квартетах и, кроме того, «почасту потягнул спиритусик», или сообразовался диалогу побасенки Измайлова⁷³:

- Что у тебя так красен нос?
- Да, вот-с пью белое вино-с!..

За уроки дядюшка платил весьма щедро — по полузло́ту, то есть по $7\frac{1}{2}$ коп. сер. за урок. И от семикопеечных уроков, и от аукционной скрипки, и от эманаций из уст сине-багрово-вишнево-алого валторниста и бальной «вторы» мальчику опротивело самое дело. Он забросил скрипку.

Однако на второй год после поступления в школу подпрапорщиков (в 1827 г.) ему удалось раздобыть порядочный инструмент. Скоро он сносно разыгрывал разные танцы, особенно мазурки и арии из тогдашних опер, преимущественно россиниевских. Часто разыгрывал дуэты с товарищами. Чтобы не мешать товарищам, отдыхавшим после маршей, контрмаршей, деплояд и «облических» захождений, уединялся он все на тот же чердак, где готовил и деревянную гармонику. Там часами трудился над скрипичными школами Бальо, Роде и Крейцера⁷⁴. Удалось ему недолго брать и уроки у хорошего скрипача варшавской оперы.

В августе 1830 года был он произведен в офицеры, а в ноябре разразилось повстанье⁷⁵. Н. П. Макарову пришлось пробыть десять месяцев в плену у тех самых поляков, которых недавно еще он почитал своими товарищами. Думать о скрипке было невозможно.

Затем Литовский полк перевели из Варшавы в Ораниенбаум⁷⁶, то есть из королевства Польского в цесарство, иначе из «заграницы» на родину. Следствие сего было весьма постного свойства: переход с жалованья на серебро и с порционами по заграничному положению на жалованье ассигнациями, то есть содержание офицеров уменьшилось в три с половиною раза⁷⁷. Жизнь же в Ораниенбауме оказалась много дороже, чем в Варшаве. Офицеры доблестного Литовского полка, вообще небогатые, терпели всевозможные лишения. И Николай Петрович Макаров не избег общей участи. Нельзя и думать было брать уроки на скрипке. С величайшим трудом сводил концы с концами. Между тем попалась ему гитара. Он стал играть на ней и петь романсы и арии из французских опер, но все без серьезных задач. Наконец в августе 1838 года женился⁷⁸, вышел в отставку⁷⁹ и поселился в имении близ Тулы.

 $[\]overline{^{73}}$ Измайлов, Александр Ефимович (1779–1831) — русский баснописец, писатель, издатель и журналист; автор популярных эпиграмм.

 $^{^{74}}$ Знаменитые французские скрипачи и композиторы, профессора Парижской консерватории, авторы совместной «Скрипичной школы Парижской консерватории» (1802), принятой в качестве основного учебного руководства консерватории: Пьер Бальо (1771–1842), Пьер Роде (1774–1830), Рудольф Крейцер(1766–1831).

⁷⁵ Ноябрьское восстание 1830 года — мятеж, направленный на отделение Царства Польского от России и отторжение от России ее западных земель, входивших в XVI−XVIII вв. в составе бывшей Речи Посполитой. Политической целью восстания провозглашалось освобождение Польши от «русского ига» и завоевание полной независимости Польши. Началось в ночь с 17 на 18 (с 29 на 30) ноября 1830 г. с восстания части польских военных. По плану его инициаторов в первые часы следовало осуществить убийство в Варшаве Великого князя Константина и захватить казармы русских войск. К моменту восстания польская армия (созданная именно стараниями Константина) численно существенно превосходила русские войска. Примечательно, что первой поднялась именно школа подпрапорщиков (подхорунжих), из которой только выпустился Н. П. Макаров. Шеф школы генерал С. С. Трембицкий, оставшийся верным присяге, попытался остановить мятеж, но был убит. Были убиты и многие русские генералы и офицеры, находившиеся в Варшаве. Одновременно в Варшаве уже в первые часы восстания началась охота на лояльных режиму людей, как русских, так и поляков, сохранивших верность присяге.

⁷⁶ Ораниенбаум — с 1948 года г. Ломоносов. Был основан сподвижником Петра I А. Д. Меньшиковым в 1707 году как личная загородная резиденция на берегу Финского залива напротив Кронштадта, в 40 км от Санкт-Петербурга и в 9 км от Петергофа. В 1780−1796 и 1802−1848 годах — уездный город Петербургской губернии.

⁷⁷ В России в течение долгого времени велся двойной счет деньгам: на серебро и ассигнации (бумажные деньги). При этом курс серебряного рубля был стабильным, а вот курс бумажных ассигнаций — менялся. Расстройство экономики и финансов России за годы войны с Наполеоном вынудило правительство покрывать дефициты усиленным выпуском ассигнаций: в течение десяти лет (1807–1816) в обращение было выпущено более 500 миллионов рублей бумажных денег, из-за чего курс бумажного рубля упал с 54 до 20 копеек серебром, и лишь к концу царствования Александра немного поднялся (до 25 копеек), т. е. один рубль серебром стоил приблизительно 3,5–4 ассигнационных. Естественно, получать жалование было выгоднее серебром, а не ассигнациями.

⁷⁸ — на Александре Петровне Болтиной (умерла в 1845 г. в возрасте 27 лет), сестре сослуживца Н. П. Макарова. В другой части «Давних эпизодов» Н. А. Энгельгардт об этом писал: «В начале 1836 года, после временной отлучки в деревню, Н. П. Макаров вновь поступил в Литовский полк, где раньше служил, и оказался среди прежних товарищей в Ораниенбауме. Тот час же по прибытии в полк, он познакомился и сошелся очень близко с одним молодым офицером, Болтиным, только что выпущенным из школы гвардейских прапорщиков. [...] Родители Болтина, люди богатые, жили в Нижегородской губернии и имели большое семейство: шестерых сыновей и двух дочерей. Последние воспитывались в Смольном монастыре, из которого вышли именно в то самое время, когда Н. П. Макаров, возвратясь из костромской деревни, снова вступил на службу и познакомился с их братом, будущим моряком. [...] Макаров познакомился с Болтиными и страстно влюбился в младшую из девиц» (Энгельгардт, Н. А. Давние эпизоды // Историч. Вестник, 1911, СХХІV (124), апр., с. 48, 49).

 $^{^{79}}$ В «Списке офицеров, служивших в л.-гв. Литовском полку с 1811 по 1886 год» о Н. П. Макарове сказано: «232. Макаровъ, Николай Петровичъ; 13 августа 1830 года изъ подпрапорщиковъ полка. 19 января 1834 года уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоя-

Тут явилась в нем страсть к гитаре. Первоклассную игру на этом инструменте сделал он целью своей жизни. Достижению этой причудливой цели посвятил всю свою энергию, всю настойчивость и силу воли. Противоречие особенно распаляло Николая Петровича к преодолению гитарных трудностей. Кто-то из родных ему сказал:

- Труд напрасный! Гитара инструмент не концертный.
- Я докажу, что концертный, и дам концерт на гитаре в какой-нибудь столице!
- Ничего серьезного, ничего дельного сыграть на гитаре нельзя, кроме песенок да неважных оперных арий с неважными вариациями!
 - А я буду играть и дельное, и серьезное.
- Помилуй, тебе уже 28 лет. Поздно учиться, чтобы сделаться первоклассным гитаристом. Начинать надо с малолетства.
 - Так я же докажу, что мне не поздно сделаться виртуозом на гитаре! Хочу и буду.
- Воля, конечно, твоя. Однако гитара теперь вышла из моды. Это раньше, при Александре Павловиче, еще были гитаристы. Тогда и в Париже, и в Вене гитара всюду была в чести.
- Очень хорошо. В таком случае я ставлю отныне целью моей жизни поднять гитару из того унизительного положения, в котором находится она в настоящее время, и возвратить ей былую славу!
- Ты хочешь сделаться, так сказать, рыцарем гитары? Довольно странная задача для гвардии майора и столбового дворянина!

Родственник совершенно рассердился и уехал в глубоком негодовании. Но его противоречие только распалило упрямство Николая Петровича.

IX.

Он в самом деле стал «рыцарем гитары» и задался целью «поднять гитару из унизительного забвения». В первой четверти века подлинно в Париже славился Мауро Джульяни, которого прозвали «Бетховеном гитары», потом Карулли, Сор, Леньяни, Агуадо и позднее Гуэрта⁸⁰. Но с тридцатых годов гитара стала падать, а в сороковых совсем пала.

Гитара имеет долгую и славную историю, самое название ее происходит от античной — cithara; в глубокой древности этот инструмент был известен в Аравии. Отсюда перешел в Турцию и Персию, потом к маврам, которые и распространили его в Испании, где он стал любимейшим инструментом всех влюбленных. Гитара есть вместе с тем последнее воплощение лютни, которая, в свою очередь, родственна целому ряду инструментов, каковы: теорб, систр, ангелика, мандора, пандора, колахон, мандолина и лиры всех родов.

Из Испании гитара перешла во Францию. В средние века различали две гитары — латинскую гитару и испанскую, или мавританскую. Во Франции гитара, особенно процветала в XVI столетии и пользовалась почетом у придворных и светских красавиц. Давали серенады в честь прелестных.

тельствамъ, поручикомъ. 13 февраля 1836 года опредѣленъ въ полкъ подпоручикомъ. 16 іюля 1837 г. переведенъ въ Рижскій драгунскій полкъ капитаномъ.» (Приложение №13 к «Истории лейб-гвардии Литовского полка, сост. А. Меркграфский, Варшава, 1887 г.).

1839). После этого в течение почти всего 1840 г. давал концерты в Париже, а затем опять в Лондоне (1842) и Париже (1845–46). В 1848 г. в испанских газетах появилось фальшивое сообщение о его смерти, но уже буквально через несколько недель эти известия были опровергнуты появлением самого Уэрты на концерте в Мадриде. В феврале-мае следующего года и июне 1850 года дал несколько концертов в Барселоне, в последующие годы путешествовал по различным регионам Испании, выступил в Неаполе (1851), Португалии и проч. В музыкальной прессе Уэрта еще при жизни не раз называли «королем гитары» и «Паганини гитары».

Написал несколько произведений для гитары («Вальс», «Дивертисмент», увертюры и фантазии). Гектор Берлиоз (1803–1869) в своем «Большом трактате о современной инструментовке и оркестровке», вышедшем в 1843 г. в Париже, писал, что создавать «для гитары насыщенные пассажами многоголосые пьесы, в которых были бы пущены в ход все ресурсы инструмента», по силам только композиторам, самим играющим на гитаре, и для того, «чтобы составить себе представление о том, чего могут достигнуть в этой области виртуозы, нужно изучать произведения знаменитых гитаристов, таких как Цани де Ферранти, Уэрта, Сор и другие» (Берлиоз Г. Большой трактат о современной инструментовке и оркестровке. Ч. І. М.: Музыка, 1972. С. 195).

Составил *Метод для гитары*. посвященный им графине Любови Александровне Кущелевой-Безбородко (в замуж. Мусина-Пуш-

Составил *Метод для гитары*, посвященный им графине Любови Александровне Кушелевой-Безбородко (в замуж. Мусина-Пушкина; 1833—1917), дочери российского мецената и государственного деятеля графа А. Г. Кушелева-Безбородко (*Méthode de guitarre et divertissements favoris dédiés à Madame la Comtesse Luboff Koucheleff Besborodko*, рукопись 1861). *Метод* представляет собой введение в обучение игре на гитаре не только в чисто технически-инструментальным аспекте, но и в части музыкальной теории, и таким образом предназначался для начинающих осваивать инструмент.

В 1828 г. женился на Анджолине Панормо (Angiolina Panormo; 1811–1900), дочери лондонского инструментального мастера (в т. ч. и гитарного) Луиса Панормо (Louis Panormo; 1787–1862; сын итальянского скрипичного мастера Винченцо Панормо), от которого получил в качестве свадебного подарка гитару. Это был его второй брак: первый, заключенный в 1824 г. в США с Сабиной Меуччи (Sabina Meucci), дочерью итальянск. художника, распался уже в конце следующего года по инициативе жены, обвинившей супруга в неверности.

Мецссі), дочерью итальянск. художника, распался уже в конце следующего года по инициативе жены, обвинившей супруга в неверности. Точная дата рождения Уэрта — 8 июня 1800 г. — установлена несколько лет назад, когда был обнаружен документ о его крещении. Ранее считалось, что гитарист родился в 1804 или 1803 г. (в ж-ле «История гитары в лицах», посвященном М. Джулиани (№3, 2013), при его упоминании в статье «Своего не отдадим, но и чужого не надо», указан 1804 год, поскольку новыми сведениями мы на тот момент еще не располагали).

^{80 ...}Гуэрта (Гюэрта) — Уэрта-и-Катурла, Тринитарио Франсиско (Huerta y Caturla, Trinitario Pasqual Francisco Agustin [...]; 1800—1874), — знаменитый испанский гитарист, певец, педагог и композитор. Придворный гитарист королева Испании Изабеллы II. Много гастролировал в Европе и Северной Америке. В 1824—1826 гг. выступал в США (в 1826-ом, возможно, также в Канаде, в Гаване на Кубе и на о. Мартинике в Карибском море), в 1827—29 гг. — в Лондоне, в 1830—34 гг. — в Париже, затем (в 1834—37 гг.) в нескольких городах Испании — Барселоне, Мадриде, Малаге и др. В 1838 году вновь выступал в Англии (Лондоне и Манчестере), а затем в Ирландии (Дублин, 1839). После этого в течение почти всего 1840 г. давал концерты в Париже, а затем опять в Лондоне (1842) и Париже (1845—46). В 1848 г. в испанских газетах появилось фальшивое сообщение о его смерти, но уже буквально через несколько недель эти известия были опровергнуты появлением самого Уэрты на концерте в Мадриде. В феврале-мае следующего года и июне 1850 года дал несколько концертов в Барселоне, в последующие годы путешествовал по различным регионам Испании, выступил в Неаполе (1851), Португалии и проч. В музыкальной прессе Уэрта еще при жизни не раз называли «королем гитары» и «Паганини гитары».

Серенады и дуэли, гитара и шпага — служили в честь красоты. В известной балладе графа Алексея Толстого это хорошо выражено:

Раздаются серенады, Раздается звон мечей... Много крови, много песен За прелестных льется дам...⁸¹

И французский поэт находит:

La guitare amoureuse exprime la tendresse —

влюбленная гитара — истолковательница нежности 82 . Но время гитары миновало. Историк ее пишет: «Aujourd'hui, la guitare est, depuis longtemps abandonnée, et rien ne fait présumer, malgré le culte de quelques fanatiques, qu'elle puisse jamais retrouver l'ombre même de ses succès passés», т. е. ныне гитара уже давно в забвении, и ничто не предсказывает, несмотря на культ нескольких фанатиков, что она может когда-либо вновь обрести хотя тень своих былых успехов».

Жестокий приговор! Нет, Николай Петрович Макаров не хотел ему подчиниться! Он сам приобщился к «le culte de quelques fanatiques» сам сталь фанатиком сего культа, и... на нем жестоко исполнилась пословица, что «всякому овощу свое время»...

Но тут надо открыть некую великую тайну. В сущности, Николай Петрович Макаров имел грандиознейшую цель не только воскресить гитару, но и душу гармоничной свободы, которая в ней таится, и, создав особое братство гитаристов, мирно пересоздать все европейское общество.

Выше мы упомянули имя гитариста Гюэрта. Испанец, композитор и певец, Гюэрта в 1820 году на слова поэта Эвариста Сан-Мигюэля⁸⁴ написал музыку знаменитого патриотического гимна⁸⁵ в честь генерала Риэго⁸⁶, который стал национальным гимном испанцев⁸⁷. Это было в тот знаменательный

И действительно, исполнение гитаристом «Гимна Риего» однозначно свидетельствует лишь о большой популярности марша и самого Рафаэля Риего, как испанского национального героя, вышедших далеко за пределы одной лишь Испании, а также об огромной симпатии к последнему Уэрта, но вовсе не доказывает его авторства на это произведение. Еще одним возможным автором музыки называется Хосе Гомис (Jose Melchor Gomis у Colomer; 1791—1836), композитор, капельмейстер народного ополчения, под именем которого «Гимн Риего» был опубликован в 1822 году в «Сборнике патриотических песен, посвященных гражданину Рафаэлю дель Риего и его храбрым соратникам» (Colección de Canciones patrióticas que dedica al ciudadano Rafael del Riego ya los valientes que han seguido sus huellas), изданном в Валенсии. На него же указывают и некоторые другие ранние публикации марша и ряд иных документов.

⁸¹ Слова из «Серенады Дон Жуана» («Гаснут дальней Альпухары...») из драм. поэмы рус. поэта, писателя и драматурга Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) «Дон Жуан» (1862). Положены на музыку П. И. Чайковским (1878) и Э. Ф. Направником (1891).

 $^{^{82}}$ Слова из неоконченной поэмы «Петреида» («Le Pétréide» / фрагм. "Les Fêtes nocturnes" — Ночные празднества) французского писателя и поэта, члена Французской академии, Антуана Леонара Тома (Antony Leonard Thomas; 1732–1785), посвященной российскому императору Петру Великому. Тома был известен в России и высоко ценился.

⁸³ Культу некоторых фанатиков (франц.).

^{84 ...} поэта Эвариста Сан-Мигюэля. — Сан-Мигель-и-Вальедо, Эваристо (Evaristo Fernández de San Miguel; ум. 1862) — герцог, генерал, испанский военный и государственный деятель, член кортесов, в 1820 г. одним из первых поддержал восстание Риего, был начальником штаба его войск, считается наиболее вероятным автором слов «Гимна Риего», в 1822—1823 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел, в 1823 г. — участник войны против французской интервенции, в 1823—1832 гг. — в эмиграции в Англии, в первые годы гражданской войны 1833—39 гг. воевал на стороне армии королевы Изабеллы II, в последующие годы оставался крупной фигурой в политической жизни страны, занимал важные министерские военные должности, был губернатором Арагона. Был известен также как крупный историк и писатель.

воды известен также как крупный историк и писатель. Выл известен также как крупный историк и писатель.

85 ...написал музыку знаменитого патриотического гимна. — В большинстве источников автором музыки «Гимна Риего» («ЕІ Himno de Riego») называется Т. Ф. Уэрта и такая вероятность не исключена. Уэрта очень часто исполнял его на гитаре уже в начале 1820-х гг, в частности, во время своих гастролей в США в 1824—26 гг., причем в публикациях об этом указывалось «с имитацией нескольких инструментов и полного военного оркестра». В декабре 1824 года «Гимн Риего» был опубликован в Филадельфии в переложении для фортепиано, но в названии значилось: «...исполняемый с неизменными аплодисментами на испанской гитаре А. Т. Уэрта» (The Hymhe of Riego. А much admired Spanish Quick Step Performed with unbounded applause on the Spanish Guitare by А. Т. Huerta arranged for the Piano Forte, Philadelphia, George Willing, 17-XII-1824). Тем не менее, авторы книги «А. Т. Уэрта (1800—1874): Жизнь и творчество», под редакцией Хавьера Суареса-Пахареса (Javier Suarez-Рајагеѕ) и Роберта Колдуэлла (Robert Coldwell), все же считают его авторство «крайне маловероятным» (А. Т. Huerta: Life and Works. San Antonio, Texas: Digital Guitar Archive Editions, 2006. Р. 8).

И действительно, исполнение гитаристом «Гимна Риего» однозначно свидетельствует лишь о большой популярности марша и самого Рафаэля Риего, как испанского национального героя. вышелших лалеко за поеделы олной лишь Испании. а также об огромной симпа-

⁸⁶ Рафаэль дель Риего (1785–1823) — испанский генерал, политический и военный деятель Испанской революции 1820–1823 гг. Окончил военную школу в Овьедо (1808). Участник испано-французской войны зв независимость, с 1808 по 1814 год находился в плену во Франции, откуда с группой испанских офицеров совершил побег. Став убежденным противником абсолютизма, возглавил одну из тайных организаций, ставивших своей целью восстановление Конституции 1812 года, ограничивающей права монарха, которую отмененил вернувшийся на престол король Фердинанд VII (в 1808 г. был свергнут Наполеоном), восстановив таким образом в стране абсолютную монархию. Риего и его сторонники считали, что король должен признать и уважать Конституцию — «соглашение, заключаемое между народом и монархом, в котором законным образом описаны права и обязанности всех испанцев, начиная от самого монарха, и кончая последним крестьянином». 1 января 1820 года он поднял восстание и во главе своего батальона начал марш на Мадрид, к которому присоединились и другие части, вставшие под знамена приверженцев конституции. Почувствовав нависшую над ним угрозу, король объявил, что считает требования военных справедливыми, а их действия продиктованными заботой об интересах нации, присягнул Конституции и подписал декрет о созыве кортесов. Риего получил чин генерал-майора и был назначен командиром дивизии. В декабре 1821 г. его избрали депутатом мадридских кортесов, а в марте 1822 г. он стал первым их президентом. Однако в 1823 году при военной поддержке Франции конституционное правительство было низложено и 1 октября король восстановил абсолютистский режим. 7 ноября 1823 года Риего по приговору трибунала был казнен через повешение.

⁸⁷ 9 июля 1820 года «Гимн Риего» прозвучал во время торжественного открытия кортесов и был объявлен национальным гимном (1820–1823). В период Первой (1873–1874) и Второй (1931–1939) республик он вновь становился официальным государственным

момент, когда генерал Риэго, впоследствии повешенный (7 ноября 1823 г.), торжественно вступил с войсками в Мадрид и принудил короля Фердинанда VII⁸⁸ провозгласить вновь конституцию 1812 года. Гюэрта был тогда семнадцатилетним юношей-энтузиастом⁸⁹. Гимн с чудесной быстротой облетел всю Испанию. И не столько слова, сколько именно музыка, звучная, полная вдохновения кипящей верой и силами молодости, бьющая пеной вакхического опьянения, как бы пронизанная солнечными лучами, всех очаровала. Сам Фердинанд вышел на балкон дворца и прослушал гимн. Однако после 1823 года, вместе со свободой и конституцией, он изгнал из Испании и творцов «гимна генерала Риэго». Мигю-эль бежал в Лондон, а Гюэрта в Париж. Здесь, как певец, Гюэрта имел огромный успех. Потеряв затем голос, он занялся гитарой и стал блестящим гитаристом. После бесчисленных приключений, он умер в клинике. Но при нем именно в Париже явилась целая компания гитаристов и народных певцов, которые славили свободу и пели, между прочим, во французском переводе гимн своего маэстро:

L'âme allègre et sereine,
Vaillant, libre do chaîne,
Chante, soldat, ta reine,
La gloire, en chants pieux.
Qu'à tes accents la terre,
Dans l'extase guerrière,
T'admire en la carrière.
Fils de Sid glorieux.
Soldats, pour la patrie,
La gloire, il faut partir,
Jurons, dignes d'envie,
De vaincre ou do mourir.

(Светел, весел душою, отважен, свободен от цепей, воспевай, солдат, свою королеву-славу в благоговейных песнях, и пусть земля в воинственном восторге на твой призыв дивится твоему шествию, потомок славного Сида! Солдаты, ради отечества и славы должно итти! Клянемся победить или умереть!).

Такие песни не слишком нравились правительству и в особенности дальновидному принцу Рейхштадтскому, впоследствии императору французов Наполеону III⁹¹. «Sombre et taciturne»⁹², издали «простирая коварные виды», он загодя приготовлял Париж к перевороту в свою пользу. В сороковых годах составлен был своего рода заговор (la cabale) против гитары и братства народных певцов-гитаристов; хотели убить инструмент, уронив его в глазах публики. Это было поручено остроумному писателю Леону Гозлян⁹³, который написал роман «Аристид Фруассар»; во всех четырех частях романа

гимном страны, заменяя «Королевский марш» («La Marcha Real»). Однако по окончании Гражданской войны Ф. Франко восстановил «Королевский марш» в качестве гимна, котором он остается и сегодня (в новой аранжировке).

⁸⁸ Фердинанд VII (Fernando VII) (1784–1833), король Испании в 1808 и 1814–1833 гг. См. тж. прим. 86.

⁸⁹ ...был тогда семнадцатилетним юношей-энтузиастом. — Уэрта родился 8 июня 1800 года, а значит на момент начала восстания Рафаэля Риего ему уже было более 20 лет.

 $^{^{90}}$nотомок славного Сида. — Сид-Кампеадор (арабск. «сид» — господин, и «кампеадор» — воитель, воин; настоящее имя Родриго Диас де Вивар, исп. — Rodrigo Diaz de Vivar; ок. 1041-1099) — испанский рыцарь, прославившийся своим бесстрашием в борьбе против арабских завоевателей, стал легендарным героем Испании, образцом средневекового рыцарства, воспетым в целом ряде эпических драм и других литературных произведениях, песнях и романсах.

³¹ Наполеон III, урожд. Шарль Луи Наполеон Бонапарт (фр. Charles Louis Napoléon Bonaparte; 1808–1873) — французский император (1852–1870), племянник Наполеона I Бонапарта. После изгнания в 1815 Бонапартов из Франции, жил за границей (в Италии, Швейцарии и Германии), прошел военную подготовку в швейцарской армии. В 1832 году, после смерти герцога Рейхштадского, сына Наполеона I, стал главным претендентом на трон Франции по линии Бонапартов и посвятил себя завоеванию престола. Предпринял две неудачных попытки захвата власти (1836, 1840). Активно пропагандировал т. н. «наполеоновскую идею», которую объявил «идеей не военной, а социальной, промышленной, коммерческой и гуманитарной», направленной на поддержку материального благосостояния населения. Вернувшись после февральской революции 1848 г. во Францию и имея к тому времени внутри страны значительное число своих сторонников, в июне был избран в Законодательное Собрание, а в декабре того же года — президентом Французской Республики сроком на 4 года. Сыграв на растущем разочаровании в парламентском правлении, 2 декабря 1851 года совершил вооруженный государственный переворот, арестовал около 20 000 своих противников, распустил Законодательное собрание и обратился к народу с просьбой предоставить ему более широкие полномочия. Плебисцит 20 декабря 1851 г. утвердил его президентом сроком на 10 лет, а еще через год новый плебисцит провозгласил его Наполеоном III, императором Франции (сын Наполеона I, который фактически никогда не правил, считался Наполеоном II). При нём Франция участвовала в Крымской войне 1853–56 гг., в войне против Австрии в 1859 г., в интервенциях в Индокитай в 1858–1862 гг., Сирию в 1860–61 гг., Мексику в 1862–67 гг. Во время франко-прусской войны 1870–71 гг. 100-тысячная армия во главе с Наполеоном III была разбита и капитулировала, а сам он сдался в плен. После окончания войны, бывший император был освобожден и уехал с семьей в Англию, где прожил остаток жизни. Скончался 9 января 1873 года близ Лондона.

⁹² Мрачный и нелюдимый (франц.).

^{93 ...}остроумному писатель Леону Гозлян. — Гозлан, Леон (Léon Gozlan; 1803–1866) — французский писатель-романист и драматург, журналист, литературный и театральный критик. Кавалер (шевалье) (1846), офицер (1859) ордена Почетного легиона. Родился в Марселе, в семье состоятельного алжирского эмигранта еврейского происхождения, владевшего судами и занимавшегося торговлей. После банкротства отца и собственных неудачных попыток добиться успеха в коммерции стал моряком (побывал в Африке и

Леон Гозлян зло и ядовито осмеивал бедную гитару, выведя на посмешище карикатурную фигуру злополучного гитариста, которого назвал «la dernière guitare» (последняя гитара)⁹⁴. И такова сила таланта, — гитара действительно быстро вышла из моды. Осмеянная, она скрылась в кабинете немногих любителей. Но светские люди находили гитару «ridicule», старомодным, смешным инструментом. Конечно, сейчас это перешло и в Россию. Гитара здесь удалилась в девичьи и приказчичьи; стали на ней наигрывать «жестокие романсы» уже одни военные писаря, хотя еще так недавно это была неразлучная подруга гвардейского офицера. Внезапно прошел век гитары... Николай Петрович Макаров думал и надеялся восстановить репутацию инструмента тем, что, достигнув высшей игры и отыскав мастера, который создал бы необыкновенный инструмент, дать несколько концертов в Париже, произвести эффект и — гитара воскресла! Тогда предстояло выполнить вторую часть грандиозного плана — создать братство гитаристов, пробудить в груди народов великое чувство гармонической свободы и рыцарства! Преобразовать гитарой нравы! Ввести в строй Европы медиацию полногласных звуков! Зачаровать народы тихим треньканьем, задумчивыми аккордами, руладами!..

Как сказано, начал свой подвиг Николай Петрович осенью 1838 года. И начал не с легкого, а с трудного: засел сперва за известный квинтет (Nel cor piu non mi sento) Джулияни⁹⁵, потом за его 3-й большой концерт. Обе пьесы с аккомпанементом фортепьяно. Аккомпанировала ему жена, ученица Герке⁹⁶. А с тем вместе составил себе программу всевозможных трудностей гитарного механизма, и в том числе двух величайших: хроматических гамм и трели четырьмя пальцами на двух струнах.

Принялся он за побеждение этих трудностей, до того не побеждаемых никем, рационально, с метрономом, при чем упражнялся от 10 до 12 часов ежедневно, не исключая праздников, иногда — по 14 и редко менее 10 часов. Тогда же написал огромную пьесу для гитары, назвав ее концертом.

Года через два работы и квинтет, и концерт, и хроматические гаммы, в 4 октавы вверх и вниз и не двумя, а тремя пальцами правой руки, ради быстрейшего темпа, — все это было достигнуто. А для приобретения «совершенной трели» дед сделал себе карманную гитару, то есть небольшую овальную доску, с тремя струнами, терциями, и на ней развивал почти непрестанно вообще силу пальцев правой руки, и в особенности безымянного, самого слабого. «Совершенная трель» была приобретена.

В марте 1840 года Н. П. Макаров приехал в Петербург и прожил там пять месяцев. Сейчас по приезде обратился он было к одному гитаристу-итальянцу, пользовавшемуся большою известностью в

Сенегале). В 1828 году обосновался в Париже, где занялся журналистикой и литературой (в этом же году издал свой первый роман). В качестве литературного и театрального критика сотрудничал в популярных периодических изданиях («Фигаро», «Литературная Европа», «Ревю де Пари» и др.), завоевав славу известного журналиста. Однако основу его литературной известности составили многочисленные короткие рассказы, эссе, очерки и романы. Один из близких друзей Бальзака и его секретарь и помощник. С 1852 г. начал публикацию своих воспоминаний о нем в журнале «Ревю контампорэн» (La Revue contemporaine — «Современное обозрение») впоследствии объединенных в книги «Бальзак в домашних туфлях» (Balzac en pantoufles, 1856) и «Бальзак у себя дома. Воспоминания о Жарди» (Balzac chez lui; souvenirs des Jardies, 1862), построенных преимущественно на анекдотах из жизни писателя, в которых, как полагают, многое было присочинено автором. После смерти Бальзака стал председателем «Общества литераторов», возглавлял также «Общество драматических авторов и композиторов». Автор многочисленных романов, драм и водевилей, некоторые из которых в 1835-1876 годах были переведены и изданы в России, в частности, детская книга «Удивительные приключения князя Конопляное семечко и его сестры», комедия «Грехи молодости», рассказы. В 1986 году в сборник «Бальзак в воспоминаниях современников» (М., «Худ. лит.», 1986) вошли фрагменты из книги Л. Гозлана «Бальзак в домашних туфлях».

⁹⁴ В романе «Аристид Фруассар» («Aristide Froissard», 1844), в качестве одного из персонажей (друга главного героя романа Фруассара), выведен гитарист, изображенный беспутным гулякой и непонятым Дон Кихотом, бьющимся за свой заброшенный инструмент, которого поэтому называют «La dernière guitare» (последней гитарой). Над ним смеются, его романсов никто не слушает и не издает, а он мечтает о возрождении гитары и рассуждает так: «На свете есть только один инструмент, на котором можно объясниться в любви к женщине, не делаясь при этом горбатым, как играющие на скрипке, не становясь похожим на обезьяну, которая держит в руках палку и плюет в дыру, как это делают играющие на флейте, и не поворачиваясь спиной, как это приходится делать играющим на фортепьяно. Только на гитаре можно выразить охватившую вас любовь лицом к предмету, без гримас и без уродливых положений тела. И вот этот единственный инструмент проклинают, изгоняют, уничтожают! Я верну ему славу и репутацию». То есть, жившего мечтами и идеями, очень созвучными тем, что наполняли самого Н. П. Макарова. Примечательно, что и сам автор романа в молодости играл на гитаре и мечтал о карьере знаменитого гитариста.

95 «Nel cor piu non mi sento» («В моем сердце я больше не чувствую...») — ария из оперы «L'amor contrastato, ossia La molinara» («Любовь с препятствиями, или Мельничиха») Джованни Паизиелло (1740–1816), итальянского композитора, представителя неаполитанской оперной школы, в 1776–1784 гг. по приглашению российской императрицы Екатерины II работавшего при русском дворе. В перечне сочинений М. Джулиани значится как сочинение без указания номера (WoO G-4), опубликованное при жизни: «Nel cor più non mi sento (by Paisiello): andante, in A & 3 variations» (1819).

⁹⁶ Аккомпанировала ему жена, ученица Герке. — Александра Петровна Макарова (Болтина). В одной из последующих частей своих «Давних эпизодов» Н. А. Энгельгардт писал об Александре Петровне: «...она была превосходная музыкантша. Ученица Герке, она прекрасно играла на фортепьяно и, обладая высоким, звучным, серебристым сопрано, училась у Каваса и пела очаровательно, пела и итальянскую, и французскую, и русскую музыку» (Энгельгардт, Н. А. Давние эпизоды // Исторический Вестник, 1911, СХХІV (124), апрель, с. 50).

Герке, Антон Августович (1812–1870), — российский пианист и музыкальный педагог. В 1820-х гг. учился в Москве у Дж. Филда, затем совершенствовался у лучших мастеров в Париже, Лондоне и Гамбурге. С 1832 года жил в Петербурге, в 1833 г. получил звание придворного пианиста Его Величества и место в Императорских театрах. Был одним из основателей Симфонического общества в Петербурге (1840). С основанием в 1862 году Санкт-Петербургской консерватории Герке стал профессором по классу фортепиано, воспитал более 2000 учеников (в том числе М. П. Мусоргского). Был одним из популярнейших педагогов в Петербурге.

гитарном мире⁹⁷. Прослушав его пробную игру, гитарный учитель встал, поклонился и сказал:

Non, monsieur, je ne peux pas vous donner des leçons, puisque vous êtes beaucoup plus fort que тоі (нет, не могу давать вам уроки, потому что вы гораздо сильнее меня).

Тогда же, в 1840 году в Петербурге Николай Петрович познакомился с патриархом семиструнной гитары семидесятипятилетним старцем Сихрою 98. Это был замечательный обломок еще XVIII века и екатерининской эпохи, одевался по старому и ездил в карете цугом. Сихра был учителем Столыпина, замечательнейшего гитариста и страстного любителя музыки вообще, отца братьев Столыпиных — Петра Аркадьевича, нашего премьер-министра, и Александра Аркадьевича, известного журналиста 99. У Столыпина бывали собрания музыкантов. Мой дед познакомился с композитором Даргомыжским 100 , дружба с которым потом продолжалась 28 лет, то есть до самой его смерти. Сихра, прослушав Н. П. Макарова и следя за игрой по его нотному манускрипту, сказал:

– У вас необычайная сила, быстрота, отчетливость, блеск, чувство и пыл. Но то, что вы написали и назвали концертом, это... извините меня, не гитарная музыка, а гитарные дерзости. Не только играть то, что вы написали, но и думать-то играть это есть уже величайшая дерзость.

Спустя четыре года, Н. П. Макаров снова увиделся со старцем Сихрою. Он сыграл тогда уже не концерта, а исправленную и переделанную из него фантазию под именем «La bravura».

Прослушав, Сихра встал, отвесил поклон и сказал с глубоким чувством:

- Теперь я вижу и сознаю, что это - не дерзость, а блистательнейшая гитарная пьеса. Но не дерзость только для вас. А для всех остальных гитаристов есть и будет дерзостью.

Из этого отзыва Сихры видно, что уже в 1844 году Н. П. Макаров был совершенно необыкновенным гитаристом. Но ему еще этого было мало.

Даргомыжский, прослушав концерт Макарова, спросил: изучал ли он композицию, контрапункт и генерал-бас? Получив отрицательный ответ, он посоветовал Макарову изучить хотя главные основания гармонии, а затем пересмотреть свою пьесу. Тогда же в 1840 году Н. П. познакомился еще с Марковым¹⁰¹, известным в преданиях русской

⁹⁷ Предположительно, речь может идти о Пьетро (Петре) Петтолетти (ок. 1795 – ок. 1870), — гитаристе и композиторе, долгие годы жившем в России, в Санкт-Петербурге, который был уроженцем Италии (или, возможно, Дании), но большую часть жизни провел за границей. Петтолетти сначала жил в Германии, затем в возрасте 25 лет приехал в Швецию, где учился игре на пианино и гитаре. В этой стране в 1822-1830 годах он неоднократно выступал с концертами сначала в Гетеборге, а затем в Стокгольме, куда перебрался в 1829 году, а возможно и раньше. Здесь же в Стокгольме начал давать уроки игры на гитаре и опубликовал четыре сборника сольных пьес для гитары. Впоследствии переехал в Россию, и одно время обучал игре на гитаре детей богатого помещика. В Санкт-Петербурге завоевал репутацию прекрасного концертирующего исполнителя и гитарного педагога, имел много учеников и последователей. Написал для гитары около 50 произведений, опубликованных при его жизни в Германии, Дании и России. Был знаком с А. О. Сихрой. Умер в Петербурге в возрасте 75 лет. В описываемое время, т. е. в 1840 году, П. Петтолетти уже совершенно точно находился в Петербурге, поскольку в этом году там были изданы его «Вариации на темы любимых мелодий из оперы «Гугеноты»» (Fantaisie sur des motifs favoris de l'opéra Les Huguenots..., Op. 16).

^{98 ...}семидесятипятилетним старцем Сихрою. — В 1840 году «патриарху семиструнной гитары» Андрею Осиповичу Сихре было 67 лет: он родился в 1773 году, а умер 3 декабря 1850 года в возрасте 77 лет. В Санкт-Петербурге А. О. Сихра жил с 1813 (или 1820) года, куда переехал из Москвы.

армеиским и гренадерским корпусами. Помимо военнои и государственнои служоы, занимался скульптурои (две раооты экспонировались на академической выставке 1869 г.), сочинял музыку, занимался историей (написал «Историю России для народного и солдатского чтения», ряд статей и воспоминаний, напечатанных в разных журналах и газетах). В последние годы жизни являлся комендантом Московского Кремля (с 1892). Двоюродный дядя М. Ю. Лермонтова. Отец Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911), крупного реформатора и государственного деятеля, министра внутренних дел и председателя Совета министров (1906-1911), и Александра Аркадьевича Столыпина (1863–1925) журналиста, сотрудника и редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» (с 1902), постоянного сотрудника «Нового Времени» (с 1904), одного из видных деятелей партии октябристов («Союза 17 октября»), умершего в эмиграции в Белграде (Югославия).

октяористов («Союза 17 октяоря»), умершего в эмиграции в белграде (когославия).

100 Даргомыжский, Александр Сергеевич (1813–1869), — русский композитор и музыкальный деятель. С 1817 года жил в Петербурге. Получил разностороннее домашнее образование; в 1831–1855 гг. числился на службе в министерстве Императорского двора. В конце 1820-х — начале 1830-х годов издал первые свои сочинения — романсы, фортепианные пьесы, был известен в музыкальных кругах Петербурга как «сильный пианист». В 1835 году сблизился с М. И. Глинкой, оказавшим на него большое влияние. В 1844–1845 гг. совершил большую поездку по странам Европы, где познакомился с Дж. Мейербером, Ж. Ф. Галеви и Г. Доницетти. В 1845 г. вернулся в Петербург, занимался частной музыкально-педагогической деятельностью (преподавал пение). Автор оперы «Эсмеральда» (1835), оперы-баллады «Торжество Вакха» (1848), опер «Русалка» (1855; по драматической поэме А. С. Пушкина), «Каменный гость» (неоконч.; завершена Ц. А. Кюи и Н. А. Римским-Корсаковым, 1872), романсов «Я вас любил», «Свадьба», «Слеза», «Ночной эфир» и др., сочинений для оркестра, фортепиано, сатирических и драматических песен. Сотрудничал в сатирических журналах «Искра» и «Будильник» (автор текстов, сюжетов для карикатур и т.д.). В 1867 г. был избран директором Санкт-Петербургского отделения Русского музыкального общества. бран директором Санкт-Петербургского отделения Русского музыкального общества.

^{101 ...} познакомился еще с Марковым. — Морков (Марков), Владимир Иванович (1801–1864), — гитарист-любитель (ученик А. О. Сихры)

гитары любителем и аранжировщиком.

Зимою 1841—1842 гг. Н. П. Макаров брал уроки гармонии в Москве у Иоганниса¹⁰², дирижера оркестра московского Большого театра, по его определению — «превосходного человека и музыканта, чеха и воспитанника пражской консерватории». Прослушав его игру на гитаре, Иоганнис сказал:

— Должно глубоко сожалеть о том, что вы променяли скрипку на этот заброшенный инструмент! Употреби вы для скрипки столько же времени и труда, какие посвятили вы гитаре, из вас вышел бы первоклассный скрипач.

Макаров только улыбнулся. Иоганнис не понимал, что вся сила тут была именно в том, что гитара «заброшенный» инструмент, в полнозвучных досках своих хранящая целый мир прекрасного прошлого рыцарской Европы и что когда этот мир пробудится и из-под вещих пальцев артиста вырвется на свободу, то покорит себе нестройные толпы демократии и очеловечит их... Ничего этого Иоганнис, «превосходный человек, музыканта и чех», не понимал. Итак, они расстались, и каждый остался при своем убеждении. Продолжая неустанно работать и совершенствоваться, Н. П. Макаров в конце 60-х годов довел свой концертный гитарный репертуар до небывалого максимума: 25 концертных пьес мог он проиграть в данную минуту, сряду одна за другой с одинаковою силою и отчетливостью. Николай Петрович сказал себе: «Пора! Желанная минута наступает!»

И в 1851 году отправился в Вену и Париж. Тогда уже первая жена его, Болтина, умерла, и он поехал со второй—рожденной Багаевской и дочерью. Итак, он работал над гитарой с 1838 по 1851 год, то есть ни мало, ни много — четырнадцать лет. В Вене Н. П. Макаров отыскал удивительного мастера, Шерцера¹⁰³, который создал гитару необыкновенную по силе и с тем вместе по глубине, приятности и певучести тона, которая потом в 1856 г. получила первую премию на гитарном конкурсе в Брюсселе. Оставалось только дать несколько концертов в Париже... Увы, хотя в Париже Н. П. и познакомился со многими заграничными гитаристами, которые все были изумлены игрою русского маэстро гитары, но выступать публично не пришлось, ибо давний злой враг гитары, еще в 40-х годах устроивший против нее «la cabale»¹⁰⁴, Наполеон III, как раз 2 декабря 1851 года учинил кровавый перевороте в Париже и провозгласил себя императором французов!.. Конечно, он знал о приезде Н. П. Макарова с его волшебной гитарой и нарочно поспешил с соир d'état¹⁰⁵, чтобы помешать великому предприятию пробуждения рыцарских чувств и медиации человечества помощью всемирного братства гитаристов...¹⁰⁶

C'est la date choisie au fond de ta pensée, Prince! il faut finir, — cette nuit est glacée, Viens, lève-toi! Flairant dans l'ombre les escrocs, Le dogue Libe té gronde et montre ses crocs...¹⁰⁷⁾

и композитор. Автор школы для семиструнной гитары (1862) и около 100 сочинений и переложений для этого инструмента (как для гитары соло, так и для дуэта гитар и гитары с фортепьяно), в том числе транскрипций нескольких сочинений для 6-струнной гитары Ф. Сора, М. Джулиани и Й. К. Мерца, а также многих переложений из опер Д. Россини, Г. Доницетти, Дж. Верди, Р. Вагнера, М. И. Глин-ки и А. С. Даргомыжского. Написал «Исторический очерк русской оперы с самого ее начала по 1862 год» (1862). Ему принадлежит также ряд статей на музыкальные темы в газетах и журналах, в том числе сообщения о конкурсе Н. П. Макарова в Брюсселе. Был хорошо знаком с М. И. Глинкой, А. С. Даргомыжским и другими видными деятелями русской культуры.

¹⁰² Иоганнис, Иван Иванович (1810–1865), — дирижер, скрипач и композитор. По нац. чех. Музыкальное образование получил в Пражской консерватории. Много работал в России. В 1836 г. капельмейстер крепостного оркестра князя Н. Б. Юсупова в Петербурге. Позднее капельмейстер крепостного оркестра Д. А. Панчулидзева в Пензе. С 1840 года жил в Москве, где с 1841 г. работал капельмейстером Большого театра (в 1842 г. дирижировал первым московским спектаклем оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки), руководил воскресными концертами Большого театра, а с 1850 г. и студенческим оркестром Московского университета. Под упр. И. Иоганниса в Москве прозвучали «Реквием» В. А. Моцарта, симфонии и увертюры Моцарта и Бетховена; он исполнил впервые в Москве «Арагонскую хоту» и «Камаринскую» М. И. Глинки, отрывки из опер А. А. Алябьева и А. Н. Верстовского, познакомил слушателей с симфонией «Пустыня» Ф. Давида. Выступал в концертах как скрипач-ансамблист и квартетист. Автор ряда музыкальных произведений. В нач. 1850-х гг. уехал за границу.

 $^{^{103}}$ Шерцер, Иоганн Готфрид (Johann Gottfried Scherzer, 1802^*-1870) — знаменитый австрийский гитарный мастер (г. Вена). В Брюсселе на конкурсе Макарова Шерцер получил Первую премию за гитару с тремя добавочными басами. Умер 14 января 1870 года.

^{*} Наиболее «популярные» (т. е. чаще всего фигурирующие в словарях и справочниках, а также прочих публикациях по истории гитары) даты рождения Шерцера — 1834 и 1843 гг. — обе являются неверными. Подлинная дата — 1802 год — установлена Эриком Хофманом (Erik Hofmann) и названа в книге «Штауфер и К°. — Венская гитара 19-го века» (Hofmann E. P., Hackl S., Mougin P. (photographer). Stauffer & Co. — La guitare viennoise au XIXe siècle / Die Wiener Gitarre des 19. Jahrhunderts / The Viennese Guitar of the 19th Century. — Germolles-sur-Grosne: Éditions des Robins, 2011 [2012]).

¹⁰⁴ Заговор (франц.)

¹⁰⁵ Государственный переворот (франц.)

¹⁰⁶ Подобные суждения Н. П. Макарова о величине и значимости своей фигуры, способной оказать влияние чуть ли не на ход всей мировой истории, безусловно, не оставались незамеченными и служили лишним повод для шуток и насмешек над ним. Ирония чувствуется и в словах Энгельгардта, передающего взгляд своего деда на обстоятельства переворота 1851 года.

¹⁰⁷⁾ Из «Les châtiments» <Возмездие> Victor Hugo: «Вот день, избранный в глубине твоего замысла, принц! Надо кончить. Эта ночь леденит. Встань, иди. Чуя в тени крадущихся мошенников, сторожевой дог-Свобода рычит и показывает клыки...» — *Прим. автора.*

— Был я свидетелем, — рассказывал Н. П. Макаров, — знаменитого coup d'état маленького Наполеона (по Виктору Гюго)¹⁰⁸, ходил посмотреть на баррикады, да не пустили, а вдобавок меня чуть не подстрелили, когда я со многими русскими смотрел из окна отеля Итальянского бульвара, как проходили мимо войска от церкви Маделен к Порт-Сен-Мартен, где уже возникали баррикады. Это было на третий день после переворота 2 декабря. Зрелище было весьма интересное, но небезопасное. Вдруг какой-нибудь тротуарный зевака крикнете неистово: «Vive la république!»¹⁰⁹. А вслед за этим конный жандарм вихрем налетит на крикуна и давай отсчитывать ему по спине полновесные удары палашом, т. е. угостит фухтелями¹¹⁰, говоря прежним военным языком. На углу улицы Ришелье стояла кучка зевак. Вдруг кто-то выстрелил из пистолета в проходивших солдата, и хотя никого не задел, но с десяток из них повернулись к кучке и пиф-паф. Одна из пуль, шальная, попала прямо в окно, из которого мы смотрели, и, прожужжав над нашими головами, ударилась в стену. Бывший тут мой шурин, Багаевский, достал эту пулю и спрятал на память.

Когда Н. П. возвратился домой, в улицу Шоссе д'Антен, то почтенный буржуа, хозяин квартиры, предостерег его, сказав: «Ради Бога не ходите, или хоть поменьше расхаживайте теперь по Парижу! Ведь вас могут застрелить в толпе». Но как же быть в Париже во время революции и не видеть баррикад? В тот же вечер русская компания отправилась по Итальянскому бульвару к Порт-Мартен посмотреть баррикады, «чего нам страшно хотелось, — рассказывал Н. П., — но, начиная от бульвара Боньнувэль, стали нам попадаться сперва лужи крови на тротуаре, потом труппы убитых, один, два, целая группа. Все это были мирные прохожие с зонтиками, подстреленные в разгаре революционной суматохи. Баррикад мы не видали. Цепь часовых нас не пустила».

Очевидное дело, что выступать с гитарой было не время. И в конце января 1852 года Николай Петрович уехал из Парижа, грустный, разочарованный, повторяя слова только что вышедшей песни старика Беранже под заглавием: «Mes fleurs»¹¹¹.

Grondent encore les canons dans la ville; D'horribles cris nos échos sont tremblants! Si jusqu'ici vient la guerre civile, Croissez, mes fleurs, entre ses pieds sanglants.

Fleurs, vous aussi, vous avez vos souffrances. Le ver est là; le vent joent accourir. Moi, qui longtemps ai vécu d'espérances, Que de boutons j'ai vus ne pas fleurir!

> Las du combat, des folles théories, Las de nombrer les taches du soleil, Que n'ai-je enfin, sous vos tiges fleuries, Un lit creusé pour mon dernier sommeil! 112)

> > XI.

С 1855 года по 1860 дед мой жил в Петербурге, скромно, но с комфортом; имел хорошую квартиру, собственный экипаж, ложу в итальянской опере. Один вечер в неделю были у него музыкальные собрания. Летом 1856 года была напечатана в «С.-Петербургских Ведомостях» особая музыкальная программа-прокламация, в которой говорилось, что Н. П. Макаров, «страстный

¹⁰⁸ В 1852 году французский писатель Виктор Гюго (1802–1885) опубликовал памфлет «Napoleon le petit» (Маленький Наполеон или Наполеон Малый), разошедшийся в сотнях тысяч экземпляров и сыгравший огромную агитационную роль в борьбе против Второй империи. В нем Гюго разоблачал узурпатора, объявившего себя императором, как жалкого фигляра на троне, клеймил наполеоновское правительство за деспотизм и террор, за уничтожение демократических свобод. «Неужели потому, что у нас был Наполеон Великий, нам нужен Наполеон Малый!... Нет, после Наполеона Великого я не хочу Наполеона Малого. Уважайте великое! Довольно пародий», — писал в нем Гюго. Этот памфлет был издан и в России, правда лишь спустя пятьдесят лет, поскольку немедленно после его появления был запрещен не только во Франции, но и в России, как «возбуждающий народ к восстанию» и содержащий «резкие выходки против политики государей» (Гюго В. Маленький Наполеон / Пер. Г. М. Марморштейна. М., Изд. «С. Дороватовский и А. Чарушников», 1902).

¹⁰⁹ Да здравствует республика! (франц.).

 $^{^{110}}$ Фухтель (нем. Fuchtel — шпага, палаш; удар) — удар по спине плашмя обнаженным палашом, саблей или шашкой.

 $^{^{111}}$ «Мои цветы» (франц.) — песня на слова французского поэта-песенника Пьера-Жана Беранже (Pierre Jean Béranger, 1780–1857).

¹¹²⁾ Пушки еще грохочут в нашем городе; эхо дрожит ужасающими криками; но если междоусобная война достигнет сюда, цветите, мои цветы, у ее кровавых ног. Цветы! И у вас так же свои скорби; тайный червь; зловредный ветер; и я, столь давно живущий надеждой, сколько видел я не расцветших бутонов? Утомленный борьбой, безумными теориями, усталый исчислять пятна моего лучезарного солнца, когда же лягу под вашими свежими стеблями в постель, изрытую для последнего сна. — *Прим. автора*.

любитель музыки вообще, а гитары в особенности, желая поднять свой любимый, но упавший инструмент и вдохнуть в него новую жизнь и силу, вознамерился устроить музыкальный конкурс и назначил из своего кошелька следующие премии: две (в 800 и 500 франков) — для композиторов за лучшие сочинения для гитары, и две такие же для гитарных мастеров за наилучше сделанные гитары». Затем, несколько месяцев спустя, в той же газете появились статьи Дамке¹¹³ о пребывании Н. П. Макарова за границею, именно в Брюсселе, о данном им там концерте и вообще о его музыкальных успехах за границею. По возвращении в Петербург имя деда, как любителя-виртуоза, встречалось на афишах некоторых благотворительных концертов. В конце 1860 года Н. П. Макаров вдруг исчез из столицы, не сказавши никому из знакомых, куда, зачем и надолго ли уехал... Прошло шесть лет. И в феврале 1867 года вдруг вышла первая часть огромного и поныне единственного французско-русского словаря.

За десять лет с 1856 по 1867 год успел совершиться целый переворот в жизни моего деда. Вопервых, все мечты его о преображении Европы гармонией гитары рушились, разбились о внезапно, подобно перевороту Наполеона III в 1852 году, явившихся новых людей, мыслящих семинаристов и нигилистов преддверия «эпохи реформ». Представьте себе «Искру», «Свисток», Чернышевского, «Накануне», песни Некрасова¹¹⁴, все движение и возбуждение той эпохи и посреди — Николая Петровича Макарова с романтической гитарой! А, во-вторых, благодаря стечению разных неблагоприятных обстоятельств, дед потерял почти все свое состояние. С разбитыми мечтами, но с той же неутомимой энергией, уединился он в именьице под Тулой, и тут «природа, нужда и враги» подсказали ему совершить гигантский труд составления словаря, то есть вступить на путь истинного своего призванья. Как всегда, сказано — сделано. В шесть лет словарь был создан. Вставал дед в 6 часов утра, ложился в 11 вечера. Из этих 17 часов только два с половиной употреблялись на отдых, а остальные 14½ часов на лексикографию. Музыке во время отдыха посвящалось теперь только... полчаса. Работа шла круглый год сплошь, и на Рождество, и на Пасху, и в первый день Нового года. «Белоручка» и «эстетик» доказывал «мыслящим реалистам», как он может работать.

Концерты, которые Н. П. Макаров давал на гитаре в 1856 г. в Брюсселе, имели большой успех, но, конечно, не воскресили старинного инструмента. Когда же, возвратясь в отечество, стал он в Петербурге выступать в благотворительных спектаклях, то такие эстетические упражнения сочтены были руководителями общественного движения за явные попытки зачаровать гитарным звоном правительство и стремящееся к реформам общество, усыпить ощущение боли различных социальных язв. Николай Петрович Макаров попал под титлом «Абиссинского маэстро» в № 15 «Искры» 1860 года¹¹⁵ и был там изображен в виде «тюленя, набитого соломой, играющего на гитаре фантазию г. Макарова», «между медным носорогом и оловянным ослом», в каковых персонажах все узнали каких-то тогдашних ретроградов! Можно себе представить, какие горькие минуты пережил дед. Кровью писаны следующие его строки: «И кому, и чему принес я в жертву почти 40 лет моей жизни, из которых 20 лет самого упорного, энергического изучения и труда? Хилому инструменту. К чему пришел, чего добился я в конце концов? Шумных аплодисментов в моем концерте в Брюсселе, восторженных восклицаний и похвал окружившей меня, по окончании концерта, кучки любителей, облобызания меня бароном д'Аннетан¹¹⁶, министром

¹¹³ Дамке, Бертольд (Berthold Damcke; 1812–1875), — немецкий пианист, дирижёр, композитор и музыкальный критик. В 1845–1855 гг. работал в Санкт-Петербурге, выступал как пианист и дирижёр, занимался преподаванием игры на фортепиано, композицией и музыкальной критикой, печатался в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», в газете «С.-Петербургские ведомости» и других. С 1855 г. жил в Брюсселе, а затем в Париже (с 1859 г.), где преподавал музыкально-теоретические предметы в Парижской консерватории. После отъезда из России оставался постоянным иностранным корреспондентом некоторых петербургских журналов и газет. Был одним из ближайших друзей Гектора Берлиоза.

¹¹⁴ ...«Искру», «Свисток», Чернышевского, «Накануне», песни Некрасова. — Имеются в виду возбуждавшие и «будоражившие умы» сатирические журналы «Искра» (1859–1873) и «Свисток» (приложение к журналу «Современник», 1858–1863), публицистические статьи 1860-х гг. и роман «Что делать» Н. Г. Чернышевского (журнал «Современник», 1863), роман И. С. Тургенева «Накануне» (журнал «Русский вестник», 1860), поэзия Н. А. Некрасова, чьи литературные песни (а на его стихотворения создано более 150 песен и романсов), по словам А. Григорьева, были, «без преувеличения говоря, событиями».

¹¹⁵ В. П. Машкевич считал, что Макаров, а вслед за ним и Энгельгардт, неверно указали название журнала, поскольку такой карикатуры в журнале «Искра» ни за 1860-й, ни за ближайшие к нему 1859 и 1861 гг., им обнаружено не было. Однако Машкевич ошибается: карикатура была, но *не рисованная*, а *словесная*, и не на Макарова, а на скандального композитора А. В. Лазарева, который и владел «титулом» *Абиссинский маэстро*. Именно в названном Макаровым номере «Искры» был напечатан фельетон Z (В. С. Курочкина) «Диспут абиссинского маэстро с жрецами Ваала» (1860, № 15, с. 162), в котором при описании воображаемого «рыцарского герба» Лазарева вскользь упомянут и Макаров: в одной части герба изображен на «брусничном поле набитый соломою тюлень, играющий на гитаре сочинения г. Макарова (Зри «Задушевную исповедь»)». *Подробнее см. на стр.* 59−64.

 $^{^{116}}$ д`Анетан, Жюль Жозеф, барон (Jules-Joseph baron d'Anethan; 1803–1888), — бельгийский государственный и политический деятель; член-учредитель Католической партии. Министр юстиции и религии (1843–1845 и 1846–1847); в 1870–1871 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел. Член бельгийского Сената (1849–1888) и его председатель (1884–1885).

двора Леопольда I¹¹⁷, и другого облобызания Адана¹¹⁸, товарища министра финансов, завзятого любителя гитары, который на другой же день прислал мне с министерским курьером рондо для гитары, своего сочинения, посвященное мне. Затем появление нескольких хвалебных статей о моей игре в брюссельских газетах. Наконец два обеда, данных мне баронами д'Аннетан: министром да генеральным сборщиком податей. Вот и все. Небольшой фейерверк, треск и... дым, тотчас же рассеявшийся бесследно. А что встретило меня по возвращении на родину? Насмешки, издевательства петербургских зубоскалов, журнальные свистки... О, славяно-скифская раса! О, близорукие! Ликуйте же, нигилисты-всеотрицатели, торжествуйте!».

Некоторое удовлетворение Николаю Петровичу доставляла мысль, что гитара его не раз пленяла и далее трогала сердца многих дам, и пожилых, и молодых, прелестных, что удалось ему гитарой своей растрогать даже двух представителей такой твердокаменной породы людей, каковы наши «книгопродавцы», а это уже почти подвиг Орфея¹¹⁹, звукам лиры коего повиновались, как известно, неодушевленные предметы. Так, один книгопродавец сидел у Н. П. и покупал большую партию его словарей. Давал он по 3 рубля за экземпляр и ни копейки более. Н. П. готов был согласиться, но прежде, уступая просьбе делового посетителя, который был еще и большим любителем музыки и страстным пианистом, сыграл на гитаре несколько пьес. Книгопродавец пришел в восторг и объявил с величайшим воодушевлением: «Извольте, я согласен прибавить за ваши превосходные словари! Не по 3 рубля, а по 3 р. 26 к. даю вами за них!» Другой банкир и вместе книгопродавец, прослушав «Камаринскую» Николая Петровича, пришел в такой восторг, так хлопал и прыгал на диване, что последний под ним провалился. И сейчас же кончил сделку с лексикографом на весьма выгодных для него условиях, а вдобавок угостил его бутылкою отличного шато д'икем¹²⁰.

Кроме французско-русского и русско-французского словарей, дед издал еще «Международные словари» для учебных заведений, «Энциклопедию ума или словарь избранных мыслей», «Латинские, итальянские и английские пословицы и поговорки». Скончался Н. П. Макаров восьмидесяти лет, в 1890 году.

Н. Энгельгардт.

 $[\]overline{}^{117}$ Леопольд I (1790–1865) — король Бельгии с 1831 по 1865 г.

¹¹⁸ Вероятно, это Адан, Анри Филипп (Henri-Philippe Adan, 1802–1891), — высокопоставленный чиновник Министерства финансов Бельгии, генеральный директор Министерства финансов. В «Задушевной исповеди» Н. П. Макаров писал: «В числе увлеченных моею игрою был один настоящий "fanatico per la musica е per la chitarra" «фанатик музыки и гитары (итал.)», — это некто Адан, товарищ бельгийского министра финансов. Он объявил мне, что страстно любит гитару, на которой играет с шестнадцатилетнего возраста и для которой переложил он почти все симфонии Бетговена. Он переслушал всех великих гитаристов: Карулли, Джулияни, Леньяни, Сора, Агуадо, Штоля, Зани-де-Ферранти и Гуэрту; но, если верить его словам, ни один из них не подвинул так далеко исполнение на гитаре, как я. [Это многократно и непомерно выказываемое Макаровым желание представить себя в оценках своих слушателей как якобы «лучшего гитаристав всех времен и народов», стоящего выше даже самых признанных мастеров, правдивость которых невозможно проверить, нанесло лишь ущерб его репутации. — В. Т.]. На другой день после концерта является ко мне курьер министерства финансов и подает огромный конверт. Тут было выложено «Rondo» для гитары, сочинения Адана, который посвящал его мне в письме, наполненном самыми восторженными похвалами моей игре» (Макаров Н. П. Задушевная исповедь. Назидательная быль с вариациями на тему «точки зрения» // Современник. СПб, 1859. Т. LXXVIII (78). С. 181). Был известен также своим увлечением микроскопом и микрофотографированием, издал книту «Невидимый мир раскрывается: открытия под микроскопом» (Le monde invisible dévoilé : révélations du microscope, 1879). Отец известного бельгийского картографа, директора Военно-картографического института в Брюсселе Эмиля Анри Жозефа Адана (1830–1882).

¹¹⁹ Орфей — мифический греческий певец и музыкант, обладавший необыкновенным даром искусства. Своим пением и игрой на кифаре мог завораживать людей и животных, приводить в движение деревья и скалы, укрощать бури, грозы и диких зверей.

 $^{^{120}}$ Шато д'Икем (фр. Château d'Yquem, от названия одноименного замка) — французское десертное белое полусладкое вино местности Сотерн (Sauternes) провинции Бордо; одно из самых дорогих во Франции; о нем известно, что в 1855 году по просьбе Наполеона III была произведена классификация виноградников Сотерн, по которой это вино получило наивысшую оценку, сохраняемую им и сегодня.

•

Анна Николаевна Энгельгардт (Макарова)

(1838-1903) -

дочь Н. П. Макарова и его помощница в составлении словарей.

Фото: Первый женский календарь на 1899 год./ Сост. П. Н. Ариян. – С.-Петербург, 1899.

Дом В. М. Мичурина, в котором с конца мая 1834 г. до начала 1836 года жил Н. П. Макаров.

Дом находился

в имении братьев Мичуриных Выленкино, располагавшемся в двух верстах от г. Солигалича (в 1861 году он был перевезен тогдашним хозяином из Выленкино в Солигалич; фасад и интерьер дома со временем претерпели некоторые изменения, но в целом он остался близок к своему первозданному виду).

1902 годуъ. Годъ изданія шестьдесять седьмой.

У источника - Съ нартиви О. Томаса.

19

Н. Л. Макаровъ.

Изъ роспомицацій М. В. Шевлякова

ткауи.

Не одину разу, приведов, мей быть сав-темену этих старческих встрёмь, всегда комих один на другую.

Манарову быть незоже Любичь, по пы-грать боле вопаниями. От жывельсь е ведометаны в изклый прітать соей пу-тербургь нападаль постліания.

— Что вы? Почему?— ободивоще го-раля еку.

— Что ват Почилут— оченующий разведений разведений разв, везреживно, извостаний. Чуктиры, что из косидацій. — Во постаний. —
Споба утановлесь. —
Возтана косладут— сененти восоту. —
Постаний постаний спорадительно востанующий
постаний постаний спорадительно востанующий
постаний и постаний
постаний памонець прекратание». До сактом выпето пружин

с рядом литературных журналов. Получил солидное домашнее образование, владел французским, немецким и польским языками. С 1881 года в течение многих лет состоял постоянным сотрудником «Петербургского листка». Печатался также в газетах «Русская жизнь», «Биржевые ведомости», «Свет», «Русь», еженедельниках «Родина», «Живописное обозрение», «Звезда», «Суфлер», «Театральный мирок», в ежемесячниках «Колосья», «Кавказский вестник», «Новое слово», «Артист», в «Ежегоднике Императорских театров», с 1889 г. — в журнале «Исторический вестник» и др. В 1901-1902 гг. издавал (совместно с В. Й. Раммом) в Петербурге театральную газету «Эхо сезона». Обладая великолепным чувством юмора, напечатал несколько юмористических рассказов, сотрудничал в петербургских сатирических журналах «Осколки» (1887–1890), «Стрекоза» (1901–1903). Автор многочисленных ко-

ротких пьес и водевилей, изданных отдельно и в сборнике «Драматические сочинения

М. В. Шевлякова» (1900). Перевел множество зарубежных оперетт. Состоял членом Общества русских драматических писателей

и оперных композиторов.

Шевляков, Михаил Викторович (1865– 1913) — журналист, писатель, переводчик,

театральный актер. Родился в Петербурге в

семье педагога, служившего в Министерстве народного просвещения и сотрудничавшего

Огромную популярность снискали ему сборники рассказов об известных деятелях прошлого и настоящего: «Из области приключений, по рассказам бывшего начальника Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина» (1898), «Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего» (1898), «Исторические люди в анекдотах» (1900), «Русские остряки и остроты их» (1899), «Петр Великий в анекдотах: черты из жизни и деятельности (К 200-летнему юбилею Петербурга)», «Пушкин в анекдотах: черты из жизни поэта как общественного деятеля и человека» (1899), «Суворов в анекдотах» (1900), «Современники. Анекдотические черты из жизни общественных деятелей настоящего» (1900) и др.

Кроме того, является автором стоящих особняком книг «Женщина, жизнь и любовь. Афоризмы, мысли, софизмы, цитаты и изречения великих и невеликих людей» (1890), «Русские писатели о русской женщине» (1899; то же: «Женщина. Мысли о ней русских писателей», 1908), «Поцелуй: исследования и наблюдения» (1892), а также рассказов о животных: «Среди зверей: Сказки из жизни домашних и диких животных». Осталась в рукописи его книга «Пределы отечества», написанная с огромной любовью к родине, к ее истории и настоящему, содержащая огромный материал «из слышанного и виденного», собранный им во время поездок по стране.

Последние годы жизни провел в Петергофе. Скончался 24 апреля (7 мая) 1913 года от болезни сердца. Похоронен на Литераторских мостках на Волковском кладбище Санкт-Петербурга.

живописное обозрънте

о, что Николий Петропичь накъ-то ра-одражиль и не ришлется убликть да-оть дома... якаронь быль запленательность партуо-ва втатарь. Въ мозодости отъ да-региропаль съ этим скромимът вистру-

пругон: знакомию... послѣ чан... Теперь светь въ футипръ...

— Полимент в футавръ...

Пли:

— Геспода, сегодна я представлю вамъмою дрожайную полония)—тормественно производять Махарота, выбразь удобнум вниуту, когда общее пастроеніе такою, что мактове станета милодомунать его да путаб.

— Супруу' Гуд-не сва?

— В передией... я се тамъ в голь

Что съ важей—спринявано его. Вну укирать,—отактань Манаровь, ко всаника мою руку—Укадамансь, вансь... Романовичь відь умерь? Ял. Я за винь... родолість украчивать мою руку въ " отъ безповойнить голосоть загово-

— Пожить-бы... вадо еще ... Есть заботы... Атк... Атк. скомко заботы... Тозко
воть боскамень стать... Розмовень зерев,
атк... В префестивненный префестивненный префестивненный префестивненный в поможеть... В Петеорогу уж больше
как в пробивать... А стадоваю обы, в пожим
как сиронцияс, что по зели выпъл ко Барановом ч добду. Пожамуя, разениямось...
— Нать, ужа, воновад Конець поможет
— нать, ужа, воновад Конець поможет
— зачкы, вы треводите собя груствиня
маскамке Оборритеба. Покомите выяц не
далото колодоватость и вновь воспраты
— далоть
— далоть как пределать в помов воспраты
— далоть
— далоть поможет
— далоть
—

камана моопдолатость и вполо возвраждующей.

— Півть, ийть, яйть? Мов півсяв спіта, духиній.

— Півть, ийть, яйть? Мов півсяв спіта, дей ужа вин воспрата, духинії Хольби бого думенных старацавії така-то вика-забодів время пробазочтів… Встати, я вана слібам завінавлісь, не вображуйте развита тою от старацах будате діфонтурення, развита том том доста думена умена подположно завитотива-заб барге и учення подпол мінь заябирацію, не побредсувіте принкть его от стараваль далет цільта продуст при пот стараваль далет цільта под того стараваль далет цільта под того стараваль далет цільта под того под того

Станція Московско-Курской желізной дороги, близь которой расположено им'яків Макавола.

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», №28, 14 июля, 1902 г. – С. 19-20.

Н. П. МАКАРОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. В. ШЕВЛЯКОВА

Лексикограф Николай Петрович Макаров доводился старейшим приятелем В. И. Любичу-Романовичу¹, у которого я и познакомился с ним.

Он не был постоянным посетителем пятниц Анахорета², потому что жительствовал в Туле, но зато при своих ежегодных поездках в Петербург не забывал усердным посещением радушного Любича.

При встрече, после продолжительной разлуки, они, по заведенному ими обычаю, лобызались, осматривали друг друга с ног до головы и между приятелями происходил такой, почти стереотипный, диалог:

- Э! Не хорошо.. стареете!..
- Ну, да и вы тоже моложе не выглядите!
- И как будто больше сгорбились?
- У вас тоже прямоты в корпусе мало...
- И седины слишком много...
- А вас так я и не запомню не седым...
- И силенок, как будто, мало?

целуи.

— Ну, да и вы ни с кем не станете бороться.. После этой прелюдии опять объятия и по-

Михаилъ Викторовичъ Шевляковъ.

Не один раз привелось мне быть свидетелем этих старческих встреч, всегда похожих одна на другую.

Макаров был моложе Любича, но выглядел более пожившим. Он жаловался на недомоганья и каждый приезд свой в Петербург называл последним.

- Что вы? Почему? ободряюще говорили ему.
- В последний раз, непременно, в последний... Чувствую, что в последний... Слаб, становлюсь...
 - Как слаб? Вы молодец-молодцом!
 - Вот так молодец еле ноги волочу...

«Последние» приезды его повторялись подряд несколько лет и, наконец, прекратились. До сведения нашего кружка дошло, что Николай Петрович как-то разом одряхлел и не решается уезжать далеко от дома...

Макаров был знаменательным виртуозом на гитаре. В молодости он даже концертировал с этим скромным инструментом и, путешествуя по чужим краям, поражал иностранцев.

С гитарой он был буквально неразлучен. В железнодорожном вагоне она находилась возле него, к петербургским знакомым он приез-

^{*} Печатается по тексту оригинала журнальной публикации в современной орфографии. Примечания, за исключением тех, что специально помечены как примечания автора [Прим. автора] и имеют скобку за номером сноски, принадлежат редакции ИГвЛ.

¹ Любич-Романович, Василий Игнатьевич (1805–1888), — поэт, переводчик, мемуарист. Старший гимназический товарищ Н. В. Гоголя по Нежинской гимназии (1821–26). С 1827 года в течение 42 лет служил по разным департаментам и министерствам в Петербурге; вышел в отставку в 1869 году с чином действительного статского советника. С 1829 г. печатался во многих российских журналах. В 1828 г. познакомился с А. С. Пушкиным, который, по его словам, посоветовал ему заняться переводами Дж. Байрона и А. Мицкевича. Оставил воспоминания о А. С. Пушкине, Н. В. Гоголе, Н. В. Кукольнике. С Н. П. Макаровым познакомился и сдружился в 1881 году при основании в Петербурге литературного общества «Пушкинское собрание». Адресовал Макарову несколько своих (не особенно удачных) акростихов, посланий и посвящений, например: «Правдолюбец и поэт — / Несовместимые два свойства. / Ростом, силою атлет, / С духом истого геройства / Вот, Макаров, твой портрет! / Ты ли это, или нет?» О Любиче-Романовиче и его отношениях с Н. П. Макаровым рассказано в воспоминаниях сына последнего — Константина (Макаров К. Н. Люди старого времени // Исторический вестник. — 1894, т. LV (55), январь, с. 164-169).

 $^{^2}$ В действительности это были любичевские «субботы», именно по этим дням в его квартире в доме Карновича на Ивановской улице (отсюда один из псевдонимов Любича-Романовича «старик анахорет с Ивановской улицы»; «анахорет» — удалившийся от мира, отшельник), где он прожил более тридцати лет, собирались литераторы и близкие друзья В. И. Любича-Романовича.

жал с ней же. Гитару он называл своей женой, и это служило для него неисчерпаемой темой для шуток. Когда, например, осведомлялись у Макарова, один ли он приехал в Петербург, он отвечал:

- Нет, с женой!
- Что же вы не познакомите нас со своей супругой?
- Познакомлю... после чая... Теперь она отдыхает в футляре...

Или:

- Господа, сегодня я представлю вам мою дрожайшую половину! —торжественно произносит Макаров, выбрав удобную минуту, когда общее настроение таково, что никто не станет заподозривать его в шутке.
 - Супругу? Где же она?
 - В передней... я ее там в угол поставил!.... Или:
- Нынче меня рассердила жена: она была ужасно расстроена...

Ит. д. в этом же роде.

Николай Петрович был не просто превосходным музыкантом, а талантливым виртуозом. Его увлекательные импровизации до сих пор памятны многим, а композиции для гитары и теперь еще в ходу. Он сам любил свою музыку, и потому она была полна жизни и задушевности, всегда гармонировавшей с субъективными ощущениями музыканта. Макаров как-то не отделял себя от музыки, и свое настроение, свои думы и мысли проводил чрез мелодии, одухотворяя их чарующими звуками. В его руках гитара то плакала, то смеялась, вызывая в слушателях то грусть, то веселье. Он играл с таким чувством, с такой экспрессией, что своему настроению, как бы оно ни было далеко от общего настроения слушателей, легко подчинял всех и каждого...

Как-то, в один из последних приездов его в Петербург, я зашел к нему в гостиничный номер³⁾ в то время, когда он импровизировал на гитаре. Прежде, чем приотворить дверь, я постоял минуту в коридоре и прислушался к меланхоличным аккордам, звучавшим печально и тяжело. Влияние пессимизма было очевидно. Я вошел в комнату в то время, когда растрогавшийся старик смахивал с ресниц навернувшиеся слезинки.

— Немного расчувствовался, — сказал Макаров, бережно укладывая гитару в футляр. — Припомнил молодость... прошлое... сравнил с настоящими и взгрустнул....

Через минуту он философствовал:

— A не замечательно ли, что все прошлое, даже безынтересное и безотрадное, кажется го-

раздо лучшим, чем настоящее, хотя бы это настоящее было прекрасно и безукоризненно?!

Но в описываемое мною время «настоящее» Макарова, как я знал, не было особенно приятно и спокойно. Да и гитара красноречиво подтверждала это. Он был удручен кое-какими семейными незадачами. Образование любимого сына шло более чем безуспешно, вышли какието крупные недоразумения в том учреждении, в котором малолетний Макаров воспитывался. Все это взваливалось на старческие плечи отца...

Имя Н. П. Макарова известно как составителя популярных «франко и немецко-русских словарей», между тем к этому капитальному труду своему он относился равнодушно, питал наибольшую привязанность к своим романам, не выдерживающим никакой, даже самой снисходительной критики. Романы эти носили автобиографический характер — и разве только этим можно объяснить пристрастие к ним трудолюбивого автора. Что-то из этих романов впоследствии вошло в его весьма внушительное двухтомное издание «Мои семидесятилетние воспоминания», так, значит, беллетристика Николая Петровича была субъективна. От этих воспоминаний нельзя отнять оригинальности. Хотя они растянуты, но характеристика старой офицерской жизни сделана весьма занимательно и интересно. Одно только место вызывало улыбку, это — подробный перечень «сердечных привязанностей» Макарова⁴. Он поименно вспоминает тех милых и добрых женщин, которых любили он или которые любили его. Причем в списке этом значатся даже такие, которые были мимолетным увлечением добросовестного повествователя, сохранившего в памяти приятные минуты их очаровательного общества.

Когда по поводу этой интимной части воспоминаний спросили у автора: с какой это стати оглашает он прегрешения молодости? Макаров ответил:

— Мне незачем и не перед кем рисоваться святою скромностью. Да и, кроме того, список этот окончательно скреплен, как выражаются архивариусы. Другим воспоминателям нельзя делать подобных перечислений, потому что они всегда не уверены в том, что «продолжения» такого сердечного списка не будет, а я уже давно покончил свое «романическое» существование... Впрочем, другим, почитающим себя олицетворенною целомудренностью, ведь и не ловко признаваться в том, что для меня, так на-

³⁾ Он останавливался в доме на углу Невского и Знаменской улицы. – Прим. автора.

⁴ «Хроника моих любовей, любовных эпизодов и любовишек», в которую Макаров включил «27 №№ + 1» своих «любовных побед» (См.: Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь. Ч. 2. СПб., Тип. Тренке и Фюсно, 1881. С. 73-138), отдельно им было издано еще и «извлечение» из «Моих семидесятилетних воспоминаний» под названием «Из хроники любовей».

зываемого циника, представляется совершенно естественным, обыкновенным, простым...

Макаров называл себя циником. Любич-Романович разделял эту самооценку своего приятеля, однако, никогда не отказывался послушать его циничных анекдотов и в особенности стихотворений.

Впрочем, Василий Игнатьевич в тот вечер, когда бывал у него Макаров, молился усерднее обыкновенного, как он однажды признавался, и за себя, и за своего друга... Николай Петрович знал бесчисленное множество всякой скабрезности, переложенной в рифмованную строчку. Во времена его молодости на это была мода; заучивались творения Баркова⁵ и его последователей, носились с шаловливыми стихами Пушкина, Лермонтова и др.

Он был верен своему времени и до старости продолжал интересоваться «непечатной литературой», но особенной его любовью пользовались какие-то наивные вирши «Клубок», которые он приписывал перу историка Карамзина...

Макаров умер вскоре после Любича.

В последний раз я виделся с ним в Туле. Я посетил его как раз в день отъезда в имение. Он покидал навсегда города, чтоб поселиться в деревне на вечные времена. Это было за год до смерти.

Николай Петрович был неузнаваем: одряхлевший, осунувшийся, с отпечатком страдания на изборожденном морщинами лице.

- Что с вами? спрашиваю его.
- Бегу умирать, ответил Макаров, крепко пожимая мою руку. —Укладываюсь, тороплюсь... Романович ведь умер?
 - Да.
 - Я за ним...

Продолжая удерживать мою руку в своей, он беспокойным голосом заговорил:

- Пожить бы... надо еще... Есть заботы... дети... Ах, сколько забот!.. Только вот бессилен стал... Романович умер, это верно? переспросил он.
 - Верно!
- Нечего делать надо за ним... пора, оказывается... В Петербурге уже больше мне не побывать... А следовало бы!.. Вон как скрючился, что не знаю как до Барановки⁶⁾ доеду. Пожалуй, рассыплюсь...
 - Ничего, поправитесь.
- Нет, уже, конец! Конец моим страданиям! Чувствую, что причаливаю к тихой пристани.

- Зачем вы тревожите себя грустными мыслями? Ободритесь! Вспомните вашу недавнюю молодцеватость и вновь воспряньте духом!..
- Нет, нет, нет! Моя песня спета, где уж мне воспрять духом! Хоть бы без душевных страданий так-то как-нибудь время проволочить... Кстати, я вам сделаю завещание, не побрезгуйте принять его от старика: будьте целомудренны, уважайте святыни, а не то так же будете мучиться под старость, вот как я... Помните, я читал наизусть «Гаврилиаду» и тому подобные пошлости? Не хорошо их знать, не хорошо их слушать... Прощайте! Вероятно, больше никогда не увидимся? Впрочем, может быть мимоездом забредете ко мне когда-нибудь в деревню? Буду рад, только будет ли весело вам беседовать с живым покойником? Соскучитесь. Прощайте! Кланяйтесь петербургским друзьям и передайте, что я вспоминаю их. Пусть и они не забывают меня.

Мы распростились. Глаза Николая Петровича подернулись влагой...

Грустное было свидание. Его отчаяние и страх смерти, сказывавшийся в каждом слове, тяготил беседу, и я ничуть не сомневался, что действительно дни его жизни сочтены. Однако, он жаждал бытия и напрашивался на то, чтобы окружающие и встречные разочаровывали его в печальных, неотступных мыслях, теснивших в его раздраженном мозгу. Он искал противоречия наступавшей действительности и в каждой успокаивающей фразе находил утешение и бодрость, которыми на короткое время оживлялся. Что может быть ужаснее такого положения?

Через год его не стало на свете...

 $^{\overline{7}}$ «Гаврилиада» — ранняя фривольная поэма А. С. Пушкина, написанная им в лицейские годы и распространявшаяся в списках. В 1828 году по ее поводу, как богохульной, содержащей издевательство над религией, было возбуждено дело, по которому допрашивался и Пушкин. Первоначально он всячески отрицал свою к ней причастность, однако позже, в письме к императору Николаю I (отвечая на его прямой вопрос – «вопрошаемый прямо от лица моего Государя»), сознался, что поэма действительно написана им в 1817 году и была «шалостью, столь же постыдной, как и преступной», за что просит прощение и взывает к «милосердию и великодушию царскому». Дело было закрыто по личному повелению царя. По воспоминаниям современников, в зрелости Пушкин не любил вспоминать «Гаврилиаду» и очень сердился, когда ему напоминали о ней. Тем не менее, «Гаврилиада» печаталась в Лондоне (1861, «Русская потаенная литература XIX ст.») и Берлине (1864; «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», отрывки), а начиная с 1908 г. и в России, хотя и с цензурными пропусками (Пушкин А. С. Сочинения. В 6 т. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 2). Н. П. Макаров знал «Гаврилиаду» на память, переписав и выучив ее в 1831 году, когда находился в плену у поляков. Во время последней поездки за границу, в 1873 году, им была куплена и упомянутая выше книга запрещенных стихотворений Пушкина, изданная в Берлине.

Справедливости ради надо сказать, что Макаров был истинным знатоком и любителем и другой литературы, и, обладая феноменальной памятью, знал наизусть все поэмы Пушкина, почти все главные баллады Жуковского, комедию Крылова «Триумф», огромное количество стихотворений разных поэтов, а также все «Горе от ума», разученное им «по самой верной рукописи», полученной от однополчанина, двоюродного брата Грибоедова.

⁵ Барков, Иван Семёнович (или Степанович) (ок. 1732–1768) — русский поэт, переводчик при императорской Академии наук (в основном занимался переводами латинских и итальянских авторов), ученик М. В. Ломоносова. Получил скандальную известность как автор эротических, а то и просто непристойных стихов, которые во множестве расходились в списках.

⁶⁾ Станция Московско-Курской железной дороги, близ которой расположено имение Макарова. – *Прим. автора.*

Газета «L'Echo de Bruxelles», № 288, 14 октября, вторник.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

Парижский Guide Musical пишет:

«В минувшее воскресенье утром* состоялся концерт, в котором г. Макаров собрал избранную публику нашей столицы, составленную из артистов, любителей и знатоков музыки. Гитара сейчас до того заброшена и забыта, что о ней говорят не иначе, как о каком-то воображаемом предмете или как о воспоминании детства, из которого наш слух еще помнит несколько ее звуков, вследствие чего даже самые неустрашимые с неким опасением отвечали на учтивое приглашение г-на Макарова.

Если бы мы не видели инструмента, на котором играет г-н Макаров, и не знали бы точно, что это гитара, право, об этом можно было и не догадаться. С первых же нот на лицах всех выразилось изумление, которое вскоре уступило место зачарованности тем, какие мягкие, бархатные и чистые звуки, извлекает г-н Макаров из своего инструмента.

Главное, первое отличающее его качество, состоит в исполнении трудностей или даже невозможностей – каковыми, по крайней мере, их некогда считали – с чем г-н Макаров справляется совершенно легко и притом с самым скромным видом, что свидетельствует не только о настойчивости этого искусного любителя в овладении инструментом, но и его музыкальной одаренности.

Г-н Макаров блеснул не только своей замечательной игрой, но еще и покорил собственными превосходными сочинениями. Его *Мазурка* очаровательна по мелодичности и живости, а *Карнавал* может соперничать в оригинальности с лучшими произведениями в этом роде».

О чем не сказал *Guide musical*, так это о том, что помимо своего качества виртуоза-любителя г-н Макаров является еще и покровителем музыкального искусства. Этот выдающийся человек организовал конкурс сочинений для гитары и мастеров этого инструмента, к участию в котором пригласил композиторов и изготовителей гитар всех стран.

Этот конкурс пройдет в Брюсселе в конце следующего месяца; состав жюри уже назван. Наши артистические знаменитости не преминули быстро откликнуться на предложение принять на себя эти функции.

Г-н Макаров установил для обеих ветвей конкурса два первых приза, каждый из которых по 800 франков, а также два вторых приза, по 500 франков, общим размером в 2600 франков. Это достаточно щедрое вознаграждение, заслуживающее того, чтобы о нем сказать.

* Во всех публикациях, ссылающихся на эту статью (в т. ч. и в первом письме В. И. Моркова в «Северную пчелу», 8 ноября 1856 г.), датой концерта называется 12 октября, т. е. воскресенье, предшествовавшее выходу данного номера L'Echo de Bruxelles, а именно: во вторник, 14 октября 1856 г. Вывод о том, что концерт проходил 12 октября, сделан, очевидно, из фразы самой статьи о «минувшем воскресенье», при этом совершенно упущено из виду то обстоятельство, что L'Echo de Bruxelles цитирует еженедельник Le Guide musical, дата выхода которого не указана. Между тем, сам Н. П. Макаров в «Задушевной исповеди» называет днем концерта воскресенье, 23 сентября (по старому стилю), что соответствует воскресенью 5 октября по новому стилю. В том, что Макаров в своих воспоминаниях указал дату по «русскому» календарю, сомнений быть не может, поскольку «европейское» 23 сентября 1856 года приходилось на вторник, а не на воскресенье. Таким образом, следует признать, что концерт Н. П. Макарова в зале филармонического общества в Брюсселе проходил не 12-го, а 5 октя**бря (23 сентября ст. ст.)**, а отзыв о нем в Le Guide musical (на который ссылается L'Echo de Bruxelles), надо полагать, был опубликован в № 32 от 9 октября 1856 года (поскольку это издание выходило один раз в неделю по четвергам). Кроме того, в некоторых брюссельских газетах накануне концерта было размещено объявление, в котором назывались день недели, число, место и программа концерта Макарова. Так L'Observateur Belge 3 октября 1856 г. сообщала: «Г-н Макаров даст в следующее воскресенье, 5 октября (выделено нами. – В. Т.), в час пополудни, в зале Филармонического общества, дневной музыкальный концерт. Этот артист будет исполнять на недавно усовершенствованной десятиструнной гитаре следующую программу: 1. Большая фантазия на тему из Монтекки и Капулетти, соч. Мерца; 2. Интродукция и вариации на тему Пирата, его же; 3. Мазурка, соч. Макарова; 4. Венецианский карнавал, его же».— Ред. ИГвЛ.

NOUVELLES DES LETTRES ET DES ARTS.

On lit dans le *Guide Musical* de Paris :

« Dimanche dernier a eu lieu la matinée a laquelle M. de Makaroff avait convié un public choisi dans ce que la capitale renferme d'artistes et d'amateurs-connaisseurs de musique.

» La guitare est tellement délaissée, oubliée, que l'on n'en parle que comme d'un objet imaginaire, ou bien comme d'un souvenir d'enfance; c'est tout au plus si l'oreille en conserve un son quelconque. Aussi était-ce avec une certaine appréhension que les plus intrépides ont répondu à l'appel gracieux de M. de

Makaroff.

» Si l'on n'avait vu l'instrument dont se sert M. de Makaroff, si l'on n'avait su que c'était bien là une guitare, certes on ne l'aurait pas deviné. Aux premières notes, on a vu l'étonnement se peindre sur toutes les figures; mais cet étonnement a bien vite fait place au charme d'entendre des sons aussi moelleux, aussi veloutés, aussi purs que ceux que M. de Makaroff tire de son instrument.

» Cette grande, cette première qualité, réunie aux tours de force, aux impossibilités — du moins jugées telles autrefois — que M. de Makaroff a résolus et dont il se joue de l'air le plus modeste du monde, tout cela atteste de la part de cet habile amateur autant de persévérance que d'instinct musical.

» M. de Makaroff ne brille pas seulement par une exécution merveilleuse, mais encore par ses compositions, fruits d'excellentes études. Sa *Mazurka* est admirable de méthode et de verve, et son *Carnaval* peut rivaliser d'originalité avec ce que l'on a composé de mieux dans ce genre.»

Ce que le *Guide musical* ne dit pas, c'est que M. de Makaroff à sa qualité de virtuose-amateur joint celle de protecteur de l'art musical. Cet homme distingué a ouvert un concours de composition pour guitare et pour la fabrication de cet instrument. Il y a invité les compositeurs et les facteurs de tous les pays.

Ce concours aura lieu à Bruxelles, à la fin du mois prochain; le jury est déjà nommé. Nos célébrités artistiques se sont empressées d'accepter ces fonctions.

M. de Makaroff décernera, aux deux branches du concours, deux premiers prix, chacun de 800 francs, et deux deuxièmes prix, chacun de 500 fr., ensemble 2,600 fr. C'est assez généreux pour qu'on en parle.

«L'ECHO DE BRUXELLES»

No. 288. Mardi, 14 Octobre, 1856.

Nouvelles des lettres et des arts.

On lit dans le Guide Musical de Paris :

« Dimanche dernier a eu lieu la matinée à laquelle M. de Makaroff avait convié un public choisi dans ce que la capitale renferme d'artistes et d'amateurs-connaisseurs de mu-

sique.

» La guitare est tellement délaissée, oubliée, que l'on n'en parle que comme d'un objet imaginaire, ou bien comme d'un souvenir d'enfance; c'est tout au plus si l'oreille en conserve un son quelconque. Aussi était-ce avec une certaine appréhension que les plus intrépides ont répondu à l'appel gracieux de M. de Makaroff.

Si l'on n'avait vu l'instrument dont se sert M. de Makaroff, si l'on n'avait su que c'était bien là une guitare, certes
on ne l'aurait pas deviné. Aux premières notes, on a vu
l'étonnement se peindre sur toutes les figures; mais cet
étonnement a bien vite fait place au charme d'entendre des
sons aussi moelleux, aussi veloutés, aussi purs que ceux
que M. de Marakoff tire de son instrument.

»Cette grande, cette première qualité, réunie aux tours de force, aux impossibilités — du moins jugées telles autrefois — que M. de Makaroff a résolus et dont il se joue de l'air le plus modeste du monde, tout cela atteste de la part de cet habile amateur autant de persévérance que d'instinct musical.

» M. de Makaroff ne brille pas seulement par une exécution merveilleuse, mais encore par ses compositions, fruits d'excellentes études. Sa Mazurka est admirable de méthode et de verve, et son Carnaval peut rivaliser d'originalité avec ce que l'on a composé de mieux dans ce genre.»

Ce que le Guide musical ne dit pas, c'est que M. de Makaroff à sa qualité de virtuose-amateur joint celle de protecteur de l'art musical. Cet homme distingué a ouvert un concours de composition pour guitare et pour la fabrication de cet instrument. Il y a invité les compositeurs et les facteurs de tous les pays.

Ce concours aura lieu à Bruxelles, à la fin du mois prochain; le jury est déjà nommé. Nos célébrités artistiques se

sont empressées d'accepter ces fonctions.

M. de Makaroff décernera, aux deux branches du concours, deux premiers prix, chacun de 800 frants, et deux deuxièmes prix, chacun de 500 fr., ensemble 2,600 fr. C'est assez généreux pour qu'on en parle.

ПРОГРАММА КОНКУРСА НА ПРЕМИИ ЗА ЛУЧШИЕ СОЧИНЕНИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ И ЗА НАИЛУЧШЕ СДЕЛАННЫЕ ГИТАРЫ

В числе музыкальных инструментов, которые изгнаны из огромной семьи оркестровых, — находится гитара. Грустна судьба этого поэтического инструмента, зашедшего к нам из отчизны Дон-Хуана. Бывший когда-то в большой моде инструмент этот в настоящее время почти вышел из употребления и сделался предметом или самого убийственного равнодушия, или самых злых насмешек и обвинений в своей неблагодарности, ничтожности и неспособности к выражению и к дельной музыке. Не входя в разбор того, насколько есть пристрастия и несправедливости в подобном приговоре, я сделаю несколько замечаний насчет главной причины современного неуспеха гитары.

Бесчисленные открытия и усовершенствования по всем отраслям наук, изящных искусств и промышленности, которыми ознаменовалась первая половина нынешнего столетия, отразились и на большей части музыкальных инструментов, в особенности на фортепьяно, которое усовершенствовано до того, что нет никакого сравнения между фортепьянами нынешних лучших мастеров и теми, какие делались лет двадцать назад. Что же касается до гитары, то осмеянная, заброшенная, она не принимала ни малейшего участия в общем стремлении к усовершенствованию и влачила жалкую, чахоточную жизнь свою в руках немногих любителей и артистов, которые после смерти Мауро Джулияни, величайшего виртуоза и композитора гитарной музыки, не наследовали и тени его огромного таланта. Таким образом к бедности механических средств собственно инструмента присоединились и совершенные бедность и ничтожество современных сочинений, издаваемых для гитар и обличающих, с немногими исключениями, отсутствие вкуса и вдохновения, а порою и грубое незнание первых правил музыки.

Правда, в последние годы в Вене сделано много улучшений в шестиструнной гитаре, к которой постепенно прибавлено еще четыре струны, и в которой, через увеличение ее объема, тон сделался гораздо сильнее и певучее, так что гитара много выиграла и в гармоническом и в мелодическом отношениях. Но эти усовершенствования не получили никакой гласности и, стало быть, прошли незамеченными и даже непринятыми большею частью артистов и любителей гитары.

Итак, чтобы поднять гитару и вывести ее из того унижения и ничтожества, в котором она, музыкальный пария, томится в продолжении последних пятнадцати лет, надо возбудить к ней сочувствие, или, по крайней мере, любопытство публики вообще и музыкального мира в особенности, достигнуть же этого можно не иначе, как дав сильный толчок сочинителям гитарной музыки, и особенно гитарным мастерам, который бы вывел их из китайской их неподвижности и, породив между ними соревнование, возбудив в них деятельность и вдохновение, произвел бы в этом запоздалом инструменте коренные перемены и самые неожиданные и блестящие усовершенствования, а вместе с тем талантливые сочинения доказали бы, что гитара способна и к дельной серьезной музыке, и к блестящему стилю и поразительным эффектам современной концертной и салонной музыки. Тогда гитара, возродившись, так сказать, и поднявшись во мнении артистов и любителей, могла бы занять почетное место не в числе инструментов оркестровых, на что она не имеет и претензии, но между инструментами салонными, которым и вне оркестра предстоит довольно обширное и блестящее поприще.

Теперь, руководствуясь моею бескорыстною любовью к музыке, и в особенности к гитаре, и для того чтобы возбудить соревнование и деятельность, о которых я сейчас говорил, в небольшом и безвестном гитарном мире, я назначаю следующие премии:

1-ю за наилучшее сочинение для гитары $-800 \, \phi p$. (200 руб. сер.);

2-ю за второе лучшее сочинение $-500 \, \phi p$. (125 руб. сер.);

3-ю за наилучше сделанную гитару — $800 \, \phi p$. (200 руб. сер.);

4-ю за вторую лучшую гитару $-500 \, \phi p$. (125 руб. сер.).

Вот правила, на основании которых должны быть присуждены премии:

для сочинений гитарных

Сочинения гитарные должны быть оригинальные или фантазии на известный мотив. Главное их достоинство должны составлять: оригинальность и изящество музыкальных идей и, особливо, правильное развитие и обработка этих идей; новизна стиля; вкус и блеск музыкальных эффектов вообще, а гитарных в особенности, так чтобы все сочинение было совершенно в духе и средствах инструмента и могло вполне выказать все его особенности и достоинства.

Сочинения должны быть написаны для шестиструнной или десятиструнной гитары, с аккомпанементом фортепьяно или квартета и без оного.

Каждый композитор может представить к состязанию по нескольку своих сочинений и имеет право получить один обе премии, если два из его сочинений признаются лучшими из всех присланных. Преимущество будут иметь еще и те сочинения, которые могут быть разыграны в присутствии присуждающих премии или самим композитором, или другим артистом, или любителем. В противном случае, т. е. если некому будет исполнять какое-либо сочинение, премию оно может получить не иначе как тогда, когда, сверх музыкальных его достоинств, его найдут возможным быть исполненным, разумеется первоклассным гитаристом, ибо встречаются и встречались иногда такие гитарные сочинения, которых никто, даже сам сочинитель, не был никогда в состоянии исполнить и которые поэтому принадлежат к музыкальной фантасмагории.

ПРАВИЛА ДЛЯ ГИТАР

Гитары должны быть большие и, преимущественно, десятиструнные. Лишние четыре струны — следующие басы: *contre D, G, contre C* и *contre H*. Терц-гитары к состязанию не допускаются.

Достоинства гитары должны составлять: сила, густота и звучность тона; при этом мягкость, нежность и певучесть, т. е. возможная продолжительность звуков и возможность делать на ней хорошие *vibrato*, *legato* и *portamento*.

Гриф гитары должен быть совершенно плоский, довольно широкий, преимущественно на винт, т. е. долженствующий заключать в себе полных две октавы. Особливо должен соединять в себе следующие редкие достоинства: чтобы струны лежали довольно низко и, вместе с тем, чтобы ни на одном их ладе не дребезжало, что бывает с большею частью грифов.

Колки должны быть преимущественно механические, с винтами, но могут быть и простые.

Гитара должна отличаться чистотою отделки, но, вместе с тем, изящною простотою, и потому наружные украшения, если они не послужат к улучшению тона, не будут иметь никакой цены.

Конкурс должен происходить в Брюсселе, куда и должны быть присланы сочинения и гитары к октябрю сего 1856 года, т. е. к сроку, назначаемому для этого конкурса.

Николай Макаров.

(«Санкт-Петербургские Ведомости», 1856, №78, 5 anp.).

ЖЮРИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА В БРЮССЕЛЕ

4 (16) октября – 28 ноября (10 декабря н. ст.) 1856 г.

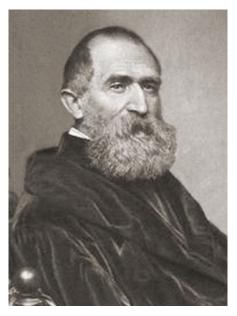
Макаров, Николай Петрович, президент (председатель) жюри, организатор конкурса

Бендер, Валентин (Jean-Valentin Bender; 1801–1873) — бельгийский кларнетист, дирижер, композитор и музыкальный педагог. В 1819 году, в возрасте 18 лет, был принят солистом-кларнетистом в голландскую армию, несколько лет спустя стал капельмейстером французской армии. После обретения Бельгией независимости (1830 г.) стал капельмейстером (солистом и дирижёром оркестра) Первого пехотного бельгийского полка, а затем королевского духового оркестра Леопольда І. Дирижировал Брюссельским филармоническим оркестром. Профессор Брюссельской консерватории (одним из его учеников был будущий изобретатель саксофона Адольф Сакс, 1814–1894). Прославился как виртуоз на кларнете и автор многих пьес для этого инструмента, а также для военного оркестра.

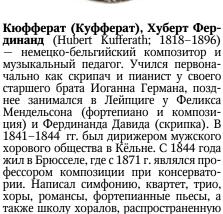

Блез (Блас), Арнольд Йозеф (Arnold Joseph Blaes; 1814-1892) — знаменитый бельгийский кларнетист, один из крупнейших европейских кларнетистов XIX века. Окончил Брюссельскую консерваторию в 1834 г. (с первой премией), после чего совершенствовался в Париже. По возвращении в Брюссель был удостоен места первого кларнетиста при королевском дворе. С успехом гастролировал во Франции (Париж: 1839, 1846), Нидерландах (1840), Великобритании (1841, 1845), России (1842, 1847). После концертов в России в 1842 г. получил предложение возглавить духовой оркестр Императорской гвардии и в течение двух лет был его руководителем. В разное время сотрудничал со многими ведущими музыкантами (в том числе с Ф. Листом, Н. Йаганини, А. Рубинштейном). В 1837—1871 гг. преподавал в Брюссельской консерватории (с 1844 г. — профессор). Написал пособие по обучению игре на кларнете, а также автобиографию «Воспоминания из моей артистической жизни».

Дамке, Бертольд (Berthold Damcke; 1812–1875) — немецкий пианист, дирижёр, композитор и музыкальный критик. 1845-1855 годах работал в Санкт-Петербурге, концертировал как пианист и дирижёр, печатался в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», в газете «Петербургские ведомости» и других. Один из ближайших друзей Гектора Берлиоза. С 1859 г. жил в Париже, преподавал музыкально-теоретические предметы в Парижской консерватории. Был постоянным иностранным корреспондентом некоторых петербургских журналов и газет. В том числе опубликовал в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» статьи о концерте Н. П. Макарова в Брюсселе и вообще о его музыкальных успехах за границей. Автор ораторий, оперы, хоровых, вокальных и камерных сочинений.

во Франции и Бельгии.

Леонар, Юбер (Hubert Léonard; 1819известный бельгийский скрипач. В 1836–1839 гг. учился в Парижской консерватории. С 1844 года гастролировал во многих европейских странах, в том числе в России в 1856 г., завоевав репутацию одного из величайших виртуозов. В 1848–1851 и 1853-1867 годах являлся профессором скрипки Брюссельской консерватории. В 1867-70 гг. преподавал в Париже, в 1870-1872 гг. в консерватории в Льеже. Автор популярных в сер. XÎX в. скрипичичных произведений и получивших большое распространение в педагогической практике инструктивных сочинений: «Упражнения скрипача» («Gymnastique du violoniste»), «Маленькие упражнения юного скрипача» («Petite gymnastique du jeune violoniste»), 24 классических этюда (24 etudes classiques), «Школа Леонара» («École Léonard») и др.

Серве, Адриен Франсуа (Adrien-François Servais; 1807–1866) — выдающийся бельгийский виолончелист и композитор. Учился игре на виолончели в Королевской школе пения (с 1832 г. — консерватория) в Брюсселе (1831–34), играл в оркестре «Театр де ла моне». Начал концертную деятельность в 1834 году в Париже, затем выступал в Лондоне. С 1836 гастролировал в разных странах Европы, неоднократно в России (с 1839, с 1842 г. несколько лет жил в Петербурге, давал концерты, выступал также в Москве и в провинции, в т. ч. в городах Сибири). С 1848 года профессор Брюссельской Королевской консерватории, воспитал множество учеников.

Шотт (Шот), Питер Бернхард (Peter Bernhard Schott; 1821–1873) секретарь жюри конкурса — музыкальный издатель, внук Бернхарда Шотта (1748—1809), основателя всемирно известного немецкого музыкального издательства «Schott» (Шотт; позже — «Сыновья Б. Шота» / «В. Schott's Söhne»), открытого в 1770 г. в Майнце (Германия); владелец издательского дома «Братья Шотт» («Schott frères», совместно с братом Й. Шоттом/ Johann Schott; 1809—1871), являвшегося бельгийским отделением фирмы, с 1843 г. располагавшимся в Брюсселе (до этого — в Антверпене). Создатель филиала издательства в Париже. В 1855 году основал в Брюсселе франко-бельгийскую еженедельную музыкальную газету «Le Guide Musical» («Музыкальный гид»), выходивший до 1918 года.

На конкурс было подано 64 пьесы, представленные 31 автором из Франции, Голландии, Германии, Испании, Польши, Австрии и Венгрии. Йз них к участию было допущено 40 сочинений, 24 были отклонены, как не подходящие под условия программы или слишком слабые. Из 40 рассмотренных сочинений жюри признало достойными претендовать на получении премий 11 сочинений, представленных 4 авторами, а именно:

4 пьесы Й. К. Мерца (Австрия):

- Concertino
- Fantaisie Hongroise
- Fantaisie original
- Le Gondolier

4 пьесы **Н. Коста** (Франция):

- Les Feuilles d'Autômne, Op. 27
- Fantaisie Symphonique, Op. 28

- La Chasse des Sylphes, Op. 29 Grande Sérénade, Op. 30

2 пьесы **Комарного** (?),

1 пьесу **Ф. Кюнеля** (Австрия).

При голосовании за присуждение первой премии голоса членов жюри распределились следующим образом:

Мерц — *4 голоса* Кост — *3 голоса*

1-я премия в 800 франков была присуждена И. К. Мерцу за сочинение «Concertino».

При голосовании за присуждение второй премии голоса членов жюри распределились следующим образом:

Koct - 4 голоса

Кюнель — 2 голоса

Комарный — 1 голос.

2-я премия в 500 франков была присуждена H. Kocтy за сочинение «Grande Sérénade, Op. 30».

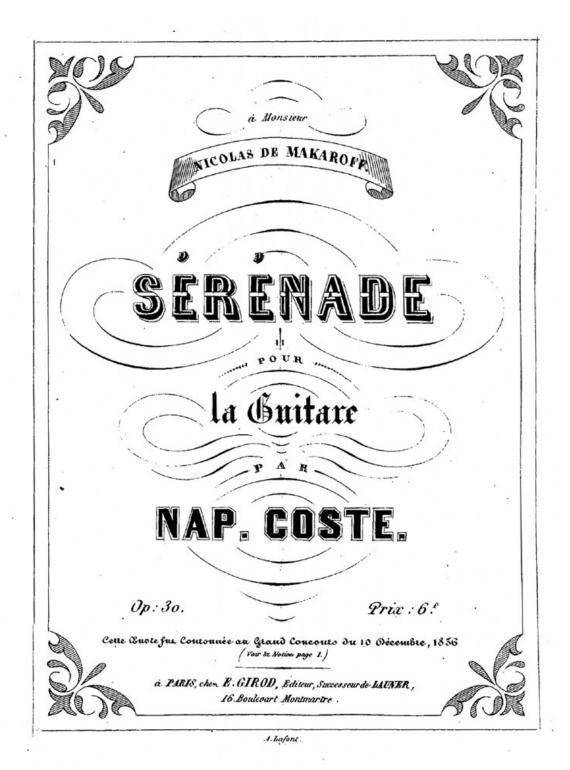
Из принимавших участие в конкурсе композиторов известны также Флоренсио Гомес Пареньо (Parreño, 1823-1894, Испания), **Антонио Кано** (Cano, 1811-1897, Испания), Хосе Сьебра (Чи**бра)** (Ciebra, Испания), **Жак Бош** (наст. имя Хайме Боск, Bosch, 1826–1895; Испания/Франция) и **Иван Падовец** (Padovec, 1800–1873, Австрия). Имена других участников не сохранились.

Йохан Каспар Мерц (1806–1856) 1-я премия

Наполеон Кост (1805–1883) 2-я премия

à Monsieur NICOLAS DE MAKAROFF

SÉRÉNADE POUR LA GUITARE PAR NAP. COSTE.

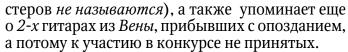
Op. 30.

Cette Oeuvre fut couronnée au Grand Concours du 10. Decembre, 1856.

Титульная страница издания «Большой серенады для гитары, соч. 30» Наполеона Коста с посвящением Николаю Макарову и надписью под заглавием: «Это сочинение было премировано на Большом конкурсе 10 декабря 1856 г.»

В публикациях о конкурсе, в том числе и в статье «Гитара и гитаристы» (Guitare et guitaristes. Concours Makaroff à Bruxelles), опубликованной за подписью Н. П. Макарова в газете «Revue et gazette musicale de Paris», № 1 от 4 января 1857 года, сообщалось о 7 инструментах, предоставленных 6 мастерами («Sept guitares, envoyees par six facteurs...»). При этом, в «Задушевной исповеди», перечисляя по памяти гитары, присланные на конкурс, Макаров называет только 6 инструментов: 1 — от И. Г. Шерцера (Вена, Австрия), 1 — от И. Ф. Архузена (С.-Петербург, Россия), 1 — от Эйриха (Париж, Франция), 1 — из Праги и 2 — из Мюнхена (имена двух последних ма-

10 декабря (28 ноября ст. ст.) после прослушивания инструментов, каждый из которых был опробован Н. П. Макаровым, единогласным решением жюри были присуждены:

- **первая премия** в 800 франков венскому мастеру *Иоганну Готфриду Шецеру*,
- **вторая премия** в 500 франков петербургскому мастеру *Ивану Фёдоровичу Архузену*.

После оглашения результатов конкурса обе призовые гитары были приобретены Н. П. Макаровым по цене, назначенной за них мастерами.

Иван Фёдорович Архузен (1795–1870)

Гитара работы И. Г. Шерцера, являющаяся, по предположению ее нынешнего владельца Матании Офи, тем инструментом, который был премирован в 1856 году в Брюсселе.

MENESTREL

LE MÉNESTREL. - MUSIQUE ET THÉATRES.

PETITE CHRONIQUE.

Un Concours de Guitare.

Il y a longtemps que la guitare est morte, hélàs! Et pourtant la pauvrette s'amuse à ressusciter de temps en temps, — comme la Tragédie, — pour ébahir les populations.

Comme la tragédie, la guitare a ses rois, ses confidents et ses trois unités, — unité d'action, unité de son, unité de grincement.

Seulement la tragédie a plus d'un avantage sur la guitare : Bien que morte, elle est cultivée par des auteurs vivants, et trouve encore des interprètes dans la maison de Molière et au carrefour de l'Odéon; tandis que tous les desservants de la guitare meurent les uns après les autres. Souvent les journalistes les enterrent prématurément, pour n'avoir plus à s'en occuper : et c'est là le plus affligeant de tous les symptômes.

Au milieu de ces déplorables circonstances, croiriez-vous qu'un seigneur russe, M. de Makaroff, se soit avisé, tout récemment, d'ouvrir un concours de guitare? Oui, lecteurs, le fait s'est accompli à Bruxelles. Nous en avons la nouvelle sous les yeux. Il ne s'agissait de rien moins que de couronner les meilleures compositions pour ce défunt instrument. Et, pour comble de prodige, M. de Makaroff, —les Russes ne doutent de rien et sont capables de tout, — M. de Makaroff a trouvé un jury pour l'aider dans la perpétration de ce concours; jury qui se compose de MM. Bender, Blaes, Demke, Kufferalh, Léonard, Servais et finalement M. de Makaroff. Il m'en coûte de dénoncer tous ces messieurs, mais c'est de l'histoire.

Soixante compositions émanées de trente et un concurrents, ont été soumises à l'appréciation de ce jury.

Mais voyez la fatalité qui pèse sur la guitare! Le premier prix a été décerné à un mort! En effet, il a été remporté par un concertino en la, dont l'auteur est M. S. K. Merz, décédé tout récemment à Vienne. Il paraît que le célèbre artiste autrichien n'a pas voulu survivre à la réalisation d'un concours de guitare. En présence de l'attitude des masses, il a mieux aimé se laisser mourir que de subir son ovation. Sublime fausse-honte!

Le second prix a été décerné à une grande sérénade composée par M. Nap. Coste, de Paris, l'un de nos musiciens et compositeurs distingués. Ce lauréat a fait entendre sa composition séance tenante. Enhardi par ce courageux exemple, M. de Makaroff aurait, diton, également pincé un morceau. Que l'on vienne après cela nous parler des héros de Crimée!

Et pour ne rien omettre de cette séance mémorable, sept guitares, expédiées par six facteurs, ont pris part au concours. Le premier prix a été remporté par M. Scherzer, de Vienne, le second par M. Arhusen, de Saint-Pétersbourg.

Ces deux instruments lauréats ont été portés en triomphe, puis on les a.... empaillés.

J. Lovy.

24° Année.

Nº 1.

4 Janvier 1857.

REVUE ET GAZETTE MUSICALE DE PARIS,

GUITARE ET GUITARISTES.

Un double coucours avait été ouvert par M. de Makaroff à Bruxelles; des prix étalent proposés aux auteurs des meilleurs morceaux écrits pour la guitare et aux luthiers qui auraient fabriqué les meilleurs instruments.

Vers le milieu du mois dernier, un jury composé de MM. Bender, Blaes, Damcke, Rufferath, Léonard, Servais et de M. de Makaroff, s'est réuni pour se prononcer sur le mérite des compositions et des instruments qui avaient été envoyés. Solxante-quatre compositions émanées de trente et un concurrents ont été soumises à l'appréciation du jury. Le premier prix a été décerné à la composition intitulée: Concertino en la, de J. K. Mertz (célèbre guitariste de Vienne, mort depuis peu); le second prix, à celle intitulée : Grande sérénade, op. 30, composée par N. Coste, de Paris. Sept guitares, envoyées par six facteurs, avaient été expédiées à M. de Makaroff; le jury a accordé le premier prix à M. Scherzer, de Vienne; le second, à M. Arhusen, de Saint-Pétersbourg. M. Coste, l'un des lauréats du concours, venu tout exprès de Paris, a fait entendre ensuite quelques-unes de ses compositions et, entre autres, la sérénade couronnée. M. de Makaroff a également joué quelques œuvres de M. Mertz ; cette audition a pleinement justifié l'excellente appréciation du jury. Mertz avait obtenu quatre voix pour le premier prix, et M. Coste, trois. Le second prix a été donné à ce dernier, à l'unanimité.

A ce bulletin sommaire, où sont consignés les résultats du concours, nous joindrons quelques extraits d'une lettre que M. de Makaroff nous adresse, et qui contient des détails intéressants sur Mertz ainsi que sur Scherzer.

- J. K. Mertz a cessé de vivre le 44 octobre dernier. Il est mort à Vienne dans toute la force de l'âge, presque inconnu des amateurs mêmes, de guitare; car bien qu'il ait publié de son vivant un grand nombre d'œuvres, la plupart de ces compositions écrites à la hâte, et pour complaire à ceux qui demandent avant tout de la musique facile et légère, ne peuvent donner aucune idée de son immense talent. Le véritable Mertz se trouve tout entier dans les manuscrits dont je suis possesseur, et dont l'un vient d'être couronné au concours ouvert par moi. Un style noble, élevé, large, exempt de tout charlatanisme, constitue le principal mérite de ces productions marquées au cachet de l'originalité, et dans lesquelles se rencontrent toujours des effets nouveaux, brillants; ajoutez à cela une connaissance solide des principes de la musique, un goût exquis, une verve inépuisable, et enlin ce je ne sais quoi qui séduit et charme, sans fatiguer jamais.

» Certainement Mauro Guiliani fut l'homme de génie de la guitare, mais on doit convenir que sa musique a fait son temps, et qu'elle n'offre plus guère d'intérêt (dans ses trois concerlos par exemple), que comme échantillon de musique classique. D'ailleurs, Guiliani s'égare quelquefois sur le véritable caractère de son instrument. Quant à Mertz, personne avant lui u'en avait si blen étudié les ressources et les mystères. De là vient que tout ce qu'il a écrit est véritablement musique de guitare, et que le rare mérite de ses œuvres, c'est d'être éminemment pratiques, à la différence de celles qui pour être médiocres n'en sont pas moins hésisées de difficultés, et ne produisent sur le public d'autre effet que celui d'un combat à outrance entre le morocau et l'exécutant, combat qui ne finit pas toujours à l'avantage de ce dernier.

» A côté de Mertz, qui fut non-seulement un grand artiste, mais un me bon, simple et modeste qui ne semblait pas se douter de sa valeur, il faut citer cet autre artiste excellent qu'on pourrait surnommer l'Erard de la guitare, ce Scherzer dont l'instrument a remporté un premier prix. A lui seul, il a fait plus que tous ses prédécesseurs ensemble. Avant d'avoir vu sa guitare, il est impossible de s'en former une idée ni de se douter du degré de perfection où il l'a portée tout à coup. Sa puissance de son est telle qu'elle ne le cède en rien à la harpe, ni aux antres instruments de salon et d'orchestre. Pour la douceur, la plénitude et la propriété chantante, c'est-à-dire celle de vibrer et de porter le son, cette guitare est quelque chose de merveilleux. Aussi modeste qu'habile, Scherzer a vécu jusqu'à présent dans l'obscurité la plus complète. Il a passé plus de trente ans, comme contre-maître, dans l'atelier jadis si renommé de Stauffer père et fils, qui, après la révolution de 1848 à Vienne, se sont retirés des affaires avec une fortune à laquelle leur contre-maître avait largement travaillé, sans en profiter le moins du monde. Dieu veuille que la publicité de mon concours l'aide à sortir d'une situation qui n'est pas en rapport avec son mérite.

» Quoique possesseur des manuscrits de Mertz, je ne songe nullement à en profiter dans mon intérêt personnel. Tout au contraire, si je publie ces manuscrits, en commençant par l'œuvre couronnée, c'est uniquement dans celui de la veuve du grand artiste, restée sans fortune et sans appuil. »

N. DE MAKAROFF.

Николай МАКАРОВ

КОНКУРС В БРЮССЕЛЕ

ИЗ «ЗАДУШЕВНОЙ ИСПОВЕДИ». «Современник», 1859, № XI, ноябрь. Т. LXXVIII. Отд. І. С. 177-198.

ГЛАВА XVI.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. – КОНКУРС.

<...> Первое лицо, к которому я обратился по приезде моем в столицу Бельгии, был наш генеральный консул, Ба-рак¹, умный и любезный человек, который и в начале, и во все время пребывания моего в Брюсселе, не переставал оказывать мне искреннее сочувствие и содействие во всем, что касалось устройства моего конкурса. Он сейчас же поехал со мною к пресловутому Фетису², директору брюссельской консерватории. Несмотря на почетную рекомендацию нашего консула, этот Фетис принял меня с высоты самого уморительного, чтобы не сказать глупого, величия. Я сейчас же увидел, что мне нечего ожидать с этой стороны. Вскоре мне сообщили, что самое верное, действительное средство расположить в свою пользу патрона бельгийских музыкантов, это — написать к нему униженное письмо с молениями о покровительстве, а главное — со вложением банковского билета в пятьсот, а еще лучше в тысячу франков. О! тогда сей велемудрый музикус сейчас же написал бы обо мне и моем конкурсе великолепную статью, тиснул бы ее в печать и потом открыл бы передо мною настежь двери консерватории и в ея пресловутой зале устроил бы конкурс под председательством собственной своей седовласной персоны. Разумеется, я с негодованием и отвращением отвергнул это грязное средство³.

<...> Для устройства конкурса я обошелся и без Фетиса, по пословице «свет не без добрых людей». Я отыскал в Брюсселе Дамке, глубокого музыканта и контрапунктиста, прожившего прежде несколько лет в Петербурге. Он принял меня с распростертыми объятиями и оказал мне самое разумное и полезное содействие. Сейчас же познакомил он меня с лучшими артистами и профессорами консерватории, в том числе с Серве, Леонаром, Блазом, Бендером, Куффра и многими другими⁴. Все они с готовностью приняли предложение — быть членами суда присяжных в моем конкурсе.

^{*} Печатается по тексту оригинала журнальной публикации в современной орфографии; сохранено то написание имен собственных, которое было принято Макаровым. Все примечания и комментарии принадлежат редакции ИГвЛ.

¹ Вероятно, Бахерахт (Бахарах), Роман Иванович (1798–1884), — русский дипломат (из рода выходцев из Голландии, обосновавшихся в 1636 г. в России), действительный статский советник (с 1857); дипломатическую службу начал в 1824 г. в качестве секретаря российского министра-резидента в Гамбурге, со званием вице-консула, позже был там же генеральным консулом, с 1852 г. — генеральный консул в Брюсселе, затем являлся генеральным консулом России на о. Корфу, а с сер. 1860-х гг. и до конца службы — в Генуе. Отец известного русского дипломата Василия Романовича Бахерахта (1851–1916).

² Фетис, Франсуа Жозеф (Francois-Joseph Fetis; 1784–1871), — бельгийский органист, музыковед, музыкальный писатель и критик, композитор и педагог. Автор многочисленных учебников и учебных пособий по различным отраслям музыкальной теории и музыкального исполнительства, трудов по истории музыки, в том числе 8-томной работы «Всеобщая биография музыкальной и библиографический музыкальный словарь» — Biographie universelle des musiciens et bibliographie generale de la musique — (Paris, F.-Didot, 1835–44, 2-е изд. 1860–1865), которая принесла ему мировую известность, биографий Н. Паганини (1851), А. Страдивари (1856) и др. В 1827 г. основал первый во Франции еженедельный музыкальный журнал «Музыкальное обозрение» («Revue musicale»; до 1833 г. — его единственный редактор и основной автор); публиковал статьи также в парижской музыкальное исмерти были приобретены правительством Бельгии. Не являлся большим поклонником гитары и довольно долго относился к этому инструменту достаточно прохладно или даже холодно. Тем не менее ему удалось по достоинству оценить музыкальное искусство таких гитаристов, как Цани де Ферранти, Луиджи Леньяни и Фернандо Сор, и признать, что гитара вполне заслуженно претендует на занятие достойного места в ряду признанных концертных инструментов. По утвердившемуся уже мнению, именно Фетису принадлежит фраза: «Сор — это Бетховен гитары, а Бетховен — Сор фортепиано», после которой за Сором на долгие годы закрепилась эта образная характеристика. Значительное количество статей уделено гитаристам и во «Всеобщей биографии музыкантов» Ф. Ж. Фетиса, что сделало этот труд важным источником для изучения истории гитары. На него, как на авторитетный источник, неоднократно ссылались в своих работах Йозеф Зут («Справочник по лютне и гитаре»), Доминго Прат («Словарь гитаристов») и другие более поздние исследователи истории гитары.

³ Изначально Макаров, судя по всему, весьма рассчитывал на поддержку Фетиса и был в ней уверен, по крайней мере, в первых сообщениях о предстоящем конкурсе, напечатанных в сентябре в европейской печати, сообщалось, что он будет проходит «sous le patronage de M. Fetis» <под патронажем г-на Фетиса>.

⁴ О них см.: «Жюри конкурса». С. 38-39.

Между прочим Дамке посоветовал мне дать концерт, чтобы ознакомить публику с моим талантом исполнителя. На этот предмет директор филармонического общества в Брюсселе, г. Гейнбург, отличный человек, предложил мне сейчас же залу. Это была превосходная зала в акустическом отношении, вместимостью немного более петербургской университетской залы. В воскресенье 23 сентября, в час по полудни, происходил этот концерт. Несмотря на неблагоприятное для него время, — в этот день и час происходил блистательный концерт в зоологическом саду, где была вся королевская фамилия и куда, благодаря отличной погоде, устремился весь Брюссель, — несмотря на это обстоятельство, в концерте моем собралось до четырехсот человек. Тут находилось все, что только было в Брюсселе порядочного и истинно любящего музыку. Я играл один, без малейшего постороннего содействия. Гитара раздавалась на всю залу и была так громка, что входящие с улицы в сени, во время моей игры, не хотели верить, что это была гитара, и думали, что какой-нибудь пианист принимает участие в моем концерте. Но самый большой фурор произвели — моя Мазурка и потом мой же Венецианский карнавал, в котором есть вещи, недоступные никакому другому гитаристу, напр., играется тема на басах и в то же время слышится быстрейшая трель на верхних нотах, играемая на двух струнах и четырьмя пальцами. Когда я окончил программу концерта, меня окружила толпа незнакомых мне, но восторженных любителей, — артистов, ученых, служащих, которые жали мне руки, а многие обнимали меня. Но я этим не отделался: по всеобщей убедительной просьбе, я повторил мою мазурку, а потом, по просьбе дам, я сыграл еще не находившуюся в программе пьесу — бравурную фантазию Мерца, на тему из «Elixir d'amore»⁵, одну из самых блистательных гитарных пьес. В числе увлеченных моею игрою был один настоящий «fanatico per la musica e per la chitarra 6 , — это некто Адан 7 , товарищ бельгийского министра финансов. Он объявил мне, что страстно любит гитару, на которой играет с шестнадцатилетнего возраста и для которой переложил он почти все симфонии Бетговена (?). Он переслушал всех великих гитаристов: Карулли, Джулияни, Леньяни, Сора, Агуадо, Штоля, Зани-де-Ферратни и Гуэрту; но, если верить его словам, ни один из них не подвинул так далеко исполнение на гитаре, как я. На другой день после концерта является ко мне курьер министерства финансов и подает огромный конверт. Тут было вложено «Rondo» для гитары, сочинения Адана, который посвящал его мне в письме, наполненном самыми восторженными похвалами моей игре.

Это был третий мой дебют в публике, и самый удачный, потому что гитара, на этот раз, была уже не последнею спицею в колеснице, которую богатый и гордый барин удостаивает иногда, но очень редко, приглашать к своему обеденному столу, да еще сажает ее не в конце стола, где порою обнесут ее и блюдом и чарочкою. Нет! В моем концерте гитара владычествовала нераздельно, не вымаливая себе заранее содействия разных местных полузнаменитостей, да благосклонной улыбки фельетониста. Нет! Она наполняла звуками всю огромную залу и увлекала довольно значительную публику, составленную из истинных знатоков и любителей музыки, и неподготовленных ни одной из тех статей, которые часто печатаются торгашами и раздавателями похвал первого, второго и третьего сорта, и печатаются задолго до появления на концертной эстраде смышленого концертопромышленника.

<...> Вскоре после моего концерта образовался и суд присяжных. Чтобы охотнее приступить к делу, я предварительно собрал всех членов суда у Дюбоста, брюссельского Донона, где угостил их великолепным обедом...⁸ Собралось нас девять человек...

<...> Наконец 4 (16) октября происходило у меня на квартире первое заседание суда присяжных; я открыл его небольшою речью. Потом сейчас приступили к выбору президента, в которые я был избран единодушно. В это заседание постановлены были условия и правила относительно присылки на конкурс и обратной отсылки гитар и сочинений, и потом назначен был день присуждения премий, а именно 1 декабря н. ст.; но впоследствии он был отсрочен до 10 декабря. Постановление это было сейчас же напечатано во многих брюссельских журналах и потом перепечатано в разных французских и немецких газетах. Между тем я со всех сторон начал получать сочинения, предназначаемые для конкурса: из Франции, Германии, Венгрии, Польши, Голландии и Испании; последние были одни из худших. Более тридцати конкурентов прислали мне слишком шестьдесят

⁵ Опера «Любовный напиток» итальянского композитора Гаэтано Доницетти (1797–1848).

⁶ Фанатик музыки и гитары (франц.).

⁷ О нем см. прим. 118 на стр. 28.

⁸ Имеется в виду первоклассный брюссельский ресторан (Dubost), располагавшийся на Rue de la Putterie, 23, который Макаров сравнивает со знаменитым аристократическим петербургским рестораном «Донон» (назывался так по имени его хозяина, француза Жана Батиста Донона), на набережной Мойки, 24.

сочинений. Многие из них прилагали и письма ко мне, в которых превозносили меня, называя покровителем гитары, и, как водится в таких случаях, титуловали меня — то бароном, то графом, то князем. Некоторые из писем были донельзя уморительны, и при них прилагались афиши концертов, данных их авторами. Что касается до Мерца⁹, то еще в бытность мою в Петербурге он прислал мне для конкурса четыре новых своих сочинения. С самого возвращения моего из первого путешествия я постоянно переписывался с ним. Несмотря на исковерканный французский язык его писем и на даваемый мне титул *светлости* (Monseigneur), в них просвечивалось много теплого чувства и самой искренней, почтительной ко мне любви. Но всего более пленяла меня в Мерце его необыкновенная скромность. Присылая мне свои очаровательные задушевные сочинения, он, казалось, нисколько не сознавал их достоинств. Как мало походили на него в этом отношении некоторые из его собратий, например, Щепановский¹⁰, который лет шесть тому назад был в Петербурге и насмешил всех своим бессилием и претензиями на концертную игру. Явился было он ко мне в Брюсселе и начал свое знакомство со мною с объявления, что он – первый гитарист в Европе, что он играл в Лондоне, Париже, Вене, Константинополе и Бог знает еще где, и повсюду производил страшный фурор, а в Петербурге, между прочим, убил своею игрою пианиста Лешетицкого!? И говорил он все это, нимало не краснея, а только подергивая свои длинные усы. Потом достал он и показал мне нумер какого-то иллюстрированного журнала, где упоминается о нем, Щепановском...

Между тем мне хорошо были известны его музыкальные успехи в Петербурге, где во втором своем концерте он играл перед пустыми креслами Михайловского театра. А когда я заговорил с ним о Зани-де-Ферранти 12 , Шульце 13 и Мерце, то он сделал самую презрительную гримасу и тут же объявил, что все они — дрянь. Даже великий Мауро Джулияни 14 — дрянь!... на свете только и есть

⁹ Мерц (Мертц) Йохан Каспар (Johann Kaspar Mertz; 1806—1856), — австрийский гитарист и композитор. Родился в Прессбурге (ныне Братислава, Словакия) 17 августа 1806 года. Около 1840 года уехал в Вену, где вскоре приобрел славу величайшего гитариста. Совершил артистическое турне в Польшу, Германию, Россию. Скончался 14 октября 1856 года. Произведения Йохана Мерца были собраны и сохранены его женой Жозефиной Плантин, концертирующей пианисткой, выступавшей вместе с мужем. Автор «Школы», а также свыше ста сочинений для гитары, в том числе концертной увертюры «Фингалова пещера», каприччио, многочисленных фантазий, вариаций и попурри на темы опер Беллини, Россини, Мейербера и др. композиторов. Н. П. Макаров, говоря о сочинениях Мерца, отмечал в них «богатство композиции, высочайшее знание музыки, превосходное развитие идеи, единство, новизну, великолепие стиля, отсутствие тривиальных выражений и многообразие гармонических эффектов». В память о музыканта в Словакии ежегодно проводится Международный гитарный фестиваль и конкурс им. Й. К. Мерца.

¹⁰ Щепановский, Станислав (Stanislaw Szczepanowski; 1814–1877), — польский гитарист, виолончелист и композитор. В 1829 г. поступил на философский факультет (естествознания) Краковского (Ягеллонского) университета, однако в ноябре 1830 года оставил учебу и вступил в армию. После подавления Польского восстания 1830–31 гг. эмигрировал в Шотландию, где брал уроки у польского гитариста Феликса Горецкого (Felix Horetzky, 1796–1870). Позднее учился у Ф. Сора в Париже. Первые публичные выступления состоялись в 1840 году в Эдинбурге и Лондоне. В 1843 г. совершил продолжительное гастрольное турне, в ходе которого он побывал в России, Турции, Египте и Испании. Начиная примерно с 1847 года начал включать в свои концертные программы также виолончель.

¹¹ Лешетицкий, Теодор (Teodor Leszetycki, в России был известен под именем Фёдор Осипович; 1830–1915), — польский пианист, музыкальный педагог и композитор. С 1852 по 1878 год жил в Петербурге, занимаясь концертной и педагогической деятельностью, в 1862–1878 гг. — профессор фортепианной игры Петербургской консерватории. С 1878 года — профессор Венской консерватории.

¹² Зани де Ферранти, Марко Аурелио (Marco Aurelio Zani de Ferranti, в рус. трад. Марк Аврелий Цани де Ферранти; 1801−1878), — итальянский скрипач, гитарист-виртуоз и композитор, поэт. Родился в Болонье в семье выходцев из Венеции. Еще ребенком овладел несколькими языками и начал писать, проявив при этом незаурядный литературный талант. В 12 лет под влиянием одного из концертов Паганини начал обучаться игре на скрипке и уже к шестнадцати годам обещал стать выдающимся скрипачом, однако после четырех лет усиленных занятий на скрипке посчитал, что достичь того совершенства владения этим инструментом, какое имелось у Паганини, ему не удастся, и решил оставить скрипку и совершенствоваться в игре на гитаре, которой к тому времени он уже также владел довольно хорошо. Именно в игре на гитаре он «впоследствии дошел до редкой виртуозности и неизвестной дотоле певучести» (Риман). В 1827 году в Брюсселе его игру слушал сам Паганини и дал ей следующий отзыв (по просьбе музыканта подтвердив его письменно), которым гитарист очень гордился: «Сим свидетельствую, что Зани де Ферранти — один из величайших гитаристов, которых я когда-либо слышал и который доставил мне невыразимое наслаждение своею чудною, восхитительною игрой».

В начале 1820 года выступал в Париже, затем воспользовался предложением находившегося там русского сенатора П. В. Мятлева поступить к нему на службу в качестве библиотекаря и в конце 1820 год переехал в Санкт-Петербург, где жил до 1824 года. В Петербурге совмещал службу у Мятлева, а затем частным секретарём у князя Нарышкина, с успешными выступлениями в качестве гитариста (с 1821 г.). В дальнейшем гастролировал в Гамбурге и Брюсселе (1825), Париже (1826), Лондоне (1827) и других более мелких городах. С 1827 года жил в Брюсселе, с 1846 года преподавал итальянский язык в Брюссельской Королевской консерватории, служил у короля Леопольда I и получил титул придворного гитариста короля Бельгии. В поздние годы жизни гастролировал в Нидерландах, Франции, Великобритании, Северной Америке (вместе со скрипачом Эрнесто Сивори), Бельгии (до 1852 года). В 1855 году вернулся в Италию и остаток жизни провёл в Пизе, где занимался литературным трудом. Написал около полутора десятка произведений для гитары, часть из которых была издана издательством «Сыновья Шота» в Майнце; отдельные его пьесы были опубликованы в период жизни в Санкт-Петербурге в журнале «Северная арфа». Подготовил для публикации большое число своих стихотворений, но издать их при жизни не успел.

¹³ Шульц, Леонар (Leonhard Schulz; 1814–1860), — австрийский гитарист и композитор, один из наиболее известных гитаристов-виртуозов сер. XIX века. Концертировал вместе со своими отцом Леонаром Шульцем-старшим (гитаристом, переселившимся в нач. XIX в. из Венгрии в Вену, где он приобрел репутацию хорошего исполнителя, а также получил известность как педагог и гитарный композитор) и братом, пианистом Эдуардом Шульцем (1812–1876), в Австрии, Англии, Германии, Франции. Написал более ста произведений для своего инструмента, включая множество переложений для гитары сочинений других композиторов. В течение многих лет жил в Англии.

 $^{^{14}}$ Джулиани, Maypo (Mauro Giuseppe Sergio Pantaleo Giuliani; 1781 $^{-1}$ 829), $^{-}$ выдающийся итальянский гитарист-виртуоз и композитор для гитары. Подробно о нем см.: «История гитары в лицах», № 3 (9), 2013.

один великий гитарист, это — он, Щепановский, он, который изобрел особую методу игры посредством беспрерывного «barre», без которого на гитаре нет спасения. И метода эта с ним и умрет, потому что он никому ее не передаст. Но ни памяти, ни терпения не достанет у меня пересказать все, что намолола мне эта ничтожная посредственность, помноженная на самую заносчивую самонадеянность. Столько наглого хвастовства и бесстыдной лжи возмутили мне душу и возбудили во мне сильнейшее негодование: мне так и хотелось повернуть его к дверям и вытолкать вон. Но я удовольствовался тем, что, не приглашая его ни играть на гитаре, ни даже садиться, сказал ему:

— Г. Щепановский! Не знаю, как и что происходило в ваших концертах в Лондоне, Константинополе или хоть и в Томбукту¹⁵; но об успехах ваших в Петербурге следует говорить вам со мною поскромнее, потому что я сам петербургский житель и имею полное понятие о лаврах, которые вы там пожали. А что касается до Зани-де-Ферранти и до Щульца, то я имел честь и счастье сам их слышать и объявляю и вам, и кому угодно, что, как исполнители, они стоят несравненно выше всех остальных гитаристов, не исключая и меня с вами, г. Щепановский, которому считаю долгом напомнить, что скромность есть украшение таланта и что хвастовство унижает талант, даже самый необыкновенный.

После этих слов, сказанных громко и решительно, хвастунишка вдруг притих, — да так, что и рта уже не раскрывал, а только стал крутить свои длинные усы, крутил, крутил их, да и отретировался <...>, — и потом уже ноги ко мне не показывал. Да и в целом Брюсселе никто не говорил о нем ни слова¹⁶. Не ведаю, что потом стало с ним. Вероятно, морочит где-нибудь и каких-нибудь невзыскательных меломанов, готовых приходить в восторг от всякой дребедени, сопровождаемой поддельною важностью и самодовольною улыбкою, да еще легковерных и плохо знающих музыку фельетонистов, готовых признать чудом каждого шарлатана, который пустит им пыль в глаза своею мнимо новою методою игры, состоящей из нескольких плаксивых нот, завывающих пассажей и раздирающих пальцы аккордов. Но возвращусь к конкурсу.

В проезд мой через Берлин я получил там письмо от Мерца: он уведомлял меня о своей тяжелой болезни. В Ахене¹⁷ я получил письмо от его жены, извещавшей меня, что ее мужу стало еще хуже, и что он уже не в силах сам писать ко мне. Сильно обеспокоило и огорчило меня это известие: я душевно полюбил и уважал скромного и талантливого гитарного композитора, единственную надежду немногих почитателей моего инструмента. Наконец в октябре я получаю из Вены письмо за черною печатью. С замирающим сердцем я распечатываю это письмо: оно было от г-жи Мерц, которая в самых горестных выражениях сообщила мне весть о кончине мужа. Я горько заплакал. И теперь, когда пишу эти строки, слезы текут из глаз, грусть сжимает сердце. И гитара, и все гитаристы должны были тогда облечься в траур, потому что утрата Мерца до сих пор незаменима. Конкурс мой, как это будет потом видно, не открыл ни одного, даже хоть сколько-нибудь подходящего к нему по таланту, композитора гитарной музыки. Письмо жены Мерца кончалось следующими словами: «муж мой обожал вас; последнее слово, которое произнес он, умирая, было — ваше имя».

Незадолго до конкурса, гитара моя приобрела новый и самый блистательный успех: это было полнейшее торжество и возрождение этого загнанного инструмента. Дамке познакомил меня с двумя домами, где страстно любили искусство Моцарта и Бетговена и собирали у себя часто все, что было знаменитого в Брюсселе по части музыки. Главами этих двух домов были два брата, бароны Даннетан, принадлежащие к высшей бельгийской аристократии. Один из них был секретарем короля Леопольда, а другой — генеральным сборщиком податей. Сперва один из братьев сделал у себя музыкальный вечер, на котором играли Серве и я. Сыграл я тогда две пьесы Мерца: фантазии на темы из «Мontechi» и «Elixir d'Amore» и заслужил громкие рукоплескания. Потом был музыкальный вечер у другого брата. Этот вечер имел важное значение...

<...> Итак, вечер этот был один из блистательнейших. Деятелями его были: Серве, который

 $[\]overline{^{15}}$ Исторический город в Африке на берегу р. Нигер (ныне в Мали), название которого использовано Макаровым как образ самых отдаленных и экзотичных мест; в этом значении неоднократно встречается в русской литературе: «Везде влачил я, чужд забавам, / Как цепь, свою мечту: / И в Альбионе величавом, / И в диком Томбукту...» (из шуточного стихотворения русской поэтессы Каролины Павловой (1807–1893) «Везде и всегда», 1846).

¹⁶ По-видимому, это все же не совсем правда. Так в газете *Lu guide musical*, №25 от 21 августа 1856 года, на одной странице с объявлением о конкурсе Макарова, но двумя абзацами выше, сообщалось о прибытии в Брюссель Щепановского. Газета писала: «Г. Станислас Щепановский, прославленный гитарист и виолончелист, только что прибыл в Брюссель, вернувшись из длительной поездки, в ходе которой побывал в восточном Константинополе, Варне, Галаце, Ибраилове, Бухаресте и Яссах, где его концерты прошли с большим успехом. Г-н Щепановский собирается в ближайшее время посетить Россию, но перед отъездом, его, без сомнения, можно будет услышать в Брюсселе».

 $^{^{17}}$ Ахен (Аахен) — город в Германии, на границе с Бельгией и Нидерландами.

¹⁸ Опера итальянского композитора Винченцо Беллини (1801–1835) «Капулети и Монтекки» («I Capuleti e i Montecchi», 1830).

сыграл три свои пьесы и превзошел себя, потом молодая и прекрасная графиня Росси, дочь знаменитой Росси-Зонтаг, пела два раза, и пела бесподобно; она вполне наследовала талант своей матери¹⁹. Потом Дамке играл на фортепьяно превосходное «Allegro» из своей симфонии, аранжированное им на четыре руки. С ним играла жена его, ученица Гензельта²⁰; наконец играл два раза и ваш покорный слуга. В первый раз, и сейчас после первой игры Серве, исполнил я фантазию Мерца на известную тему из «Пирата»²¹. Это превосходная пьеса, и блестящая, и задушевная. В ней есть страница из флажолетов, которые на моей гитаре удивительно сильны и нежны. Шумные, искренние рукоплескания наградили за эту пьесу и меня, и память покойного Мерца. Под конец вечера Серве сыграл свой блистательный «Souvenir de Varsovie»²². Я было надеялся, что этим все и кончится, и что казнь моя не возобновится; я считал, да и теперь считаю для себя казнью — играть в многочисленном и блестящем обществе. Но — увы! — я надеялся напрасно. Едва замолкли очаровательные звуки виолончели Серве, ко мне подошла хозяйка дома и сказала мне с всепобеждающею улыбкою:

- Чтобы достойным образом закончить наш вечер, все мы просим вас взять еще раз в руки вашу чудесную гитару и подарит нам наслаждение слушать очаровательные звуки, которые вы так мастерски умеете извлекать из вашего инструмента.
- Как, баронесса! Играть на гитаре после пения графини Росси и после виолончели г. Серве! Да это будет неслыханная дерзость с моей стороны!

Но с дамами, да еще с баронессами, да к тому же умными и милыми, трудно спорить. Еще не придумано таких аргументов, которые могли бы убедить их, и потому я должен был, как говорят французы: «m'exécuter de bonne grâce»²³. Достал я свою гитару и пошел на эшафот, т. е. сел на стул и положил гитару на левую ногу. В эту критическую для меня минуту подошел ко мне Дамке и сказал мне в полголоса:

- Что вы намерены играть? Сыграйте вашу «симфоническую фантазию». Нет! отвечал я, она слишком длинна и слишком серьезна. Хочу сыграть мой «карнавал». Это и эффектно, и не так утомительно.
 - Ну, с Богом! Желаю вам полного успеха.

Прижал я к груди свою возлюбленную, окинул взором многочисленное и блестящее собрание и мысленно призвал к себе на помощь тени великих гитаристов: покойного Джулияни и еще здравствующего Шульца. И начал, и окончил я мою игру с аккомпанементом сильного биения сердца. Исполнил я мой карнавал, — этот ослепительный музыкальный фейерверк так, как я не всегда его исполнял. Невозможно описать тот неудержимый, потрясающий взрыв рукоплесканий, который последовал за окончательным аккордом карнавала. И это было следствием не одной обычной вежливости, а всеобщего, неподдельного увлечения и восторга. Дамке, муж и жена, подошли ко мне и крепко пожимали мне руки. О хозяине и хозяйке дома и говорить нечего: они рассыпались передо мною в самых лестных похвалах и в живейшей благодарности. А минуту спустя потом, подошла к Дамке сестра хозяйки, какая-то графиня, с дочерью дивной красоты, и сказала ему громко, так что я мог расслушать каждое слово:

 Если бы я не видела своими собственными глазами и не слышала своими собственными ушами, я никому не поверила бы, что после игры г. Серве и пения графини Росси, гитара в состоянии была произвести такой эффект.

Этот вечер и еще данный мною в Брюсселе концерт могли бы достаточно опровергнуть то ложное мнение, что гитара — инструмент неконцертный. Помилуйте, гг. «строгие ценители и

¹⁹ Графиня Росси, Александрина (Alexandrine Rossi, в замужестве — графиня Эстерхази / Esterházy; 1844—1919), — певица, композитор (автор вокальных и оркестровых сочинений), дочь знаменитой певицы Генриетты Зонтаг (Henriette Gertrude Walpurgis Sontag, в замужестве — графиня Росси / Rossi; 1805—1854) и итальянского дипломата, графа Карло Росси (Carlo Conte Rossi, 1797—1864). Мать — Генриетта Зонтаг-Росси — гастролировала в России в 1830—31 гг., в 1838—1843 гг. жила в Петербурге с мужем, бывшим в те годы посланником Сардинии в России; славилась своим исполнением романса «Соловей» А. Алябьева. Александрина Росси в 1867 году вышла замуж за графа Эстерхази-Галанта (Imre / Emmerich von Esterházy de Galantha).

²⁰ Гензельт, Адольф фон (Adolph von Henselt, 1814–1889), — немецкий композитор, пианист и педагог. С 1838 года жил в России, где был известен как Адольф Львович Гензельт. Являлся придворным пианистом императрицы Александры Фёдоровны, супруги российского императора Николая I; с 1857 г. был генеральным инспектором царских воспитательных заведений для благородных девиц в Санкт-Петербурге. В 1872–75 гг. редактировал музыкальный журнал «Нувеллист». В 1887–88 гг. — профессор Петербургской консерватории. Автор многих фортепианных произведений, концертных транскрипций оперных и оркестровых произведений, концертных транскрипций оперных и оркестровых произведений, обработок для фортепиано русских намератория (М. И. Глинки, П. И. Чайковского, А. С. Даргомыжского, М. Ю. Виельгорского и др.).

 $^{^{21}}$ «Пират» (Il Pirata; 1827) — опера итальянского композитора Винченцо Беллини (1801–1835).

²² «Воспоминание о Варшаве».

²³ Охотно согласиться, уступить. Зд.: добровольно покориться неизбежному (франц.).

судьи!» Да каких же инструментов не являлось в наше время на концертной эстраде? И являлось с полным успехом. Слыхали мы концерты даже на одних губах, без всякого содействия деревянного или медного инструмента, на...... свисте. Каждый инструмент хорош для концерта, если у концертиста соединены следующие условия: превосходный инструмент, превосходное исполнение, превосходно составленная концертная программа и превосходная концертная зала, которой величина должна соответствовать силе тона инструмента. Но ведь мне не убедить всех скептиков и староверов музыкального искусства, особенно таких любителей, которые, как это не раз случалось со мною, прослушав меня, бывало, скажут: «Хорошо, очень хорошо, но...., как жаль, что вы не играете на фортепьяно!». Любезный читатель,

«Избави Бог и вас от этаких судей»!

<...> Дня за четыре до окончания конкурса явился ко мне из Парижа Кост²⁴, мой старый знакомец, который привез на конкурс четыре пьесы своего сочинения, и Чибра²⁵, кровный испанец, родом из Севильи, но уже более двадцати лет оставивший свою родину и проживавший сперва пятнадцать лет в Лондоне, а потом уже пять лет проживающий в Париже, где написал он оперу, данную без успеха на сцене «Большой Оперы»²⁶. Этот Чибра, еще задолго до своего приезда, прислал мне свое сочинение для конкурса. Но, как композитор, он был неважен. Правда, что его сочинения были очень оригинальны и совершенно в другом роде, чем сочинения Джулияни и Мерца. В них было много мелодии и приятности, особенно при его личном исполнении. Но они были очень однообразны и по форме целого, и по частностям. Стиль самый маленький, большей частью танцевальный. Гармония — тощая, бедная; а тональность — убийственно однообразная, редко выходящая из двух или трех диезов, — этого палладиума плохих гитаристов, на которых бемоль, а сохрани Боже два, производит почти такое же действие, как вода на гидрофобов. Впрочем, для разнообразия моего обширного репертуара, а равно и для усвоения всевозможных стилей и манер я разучил два из сочинений Чибры, исполнение которых доставляет мне удовольствие и которые нравятся почти всем без исключения, в особенности дамам. Не забуду, какой фурор произвел я этими пьесами на пароходе, во время третьей моей поездки за границу в 1857 году. Теперь несколько слов о Чибре, как об исполнителе.

Игра его — в высшей степени замечательна. По методе почти всех испанцев, у него на правой руке были отпущены длинные ногти, которыми он играл, держа пальцы над струнами не отвесно, как это бывает при обыкновенной игре, а облически, и не ударяя ногтем по струне, а только налагая его на нее и потом скользя со струны на гриф гитары. Этой манерой он извлекал из гитары необыкновенно нежные, полные, певучие звуки, каких я не слыхал до тех пор ни у кого, не исключая и Зани-де-Ферранти, гитариста с нежнейшею игрою по преимуществу. «Vibrace» у Чибры было дивно хорошо: гитара у него решительно вздыхала, стонала и рыдала. Но все это было только при медленных темпах: Largo, Adagio, Andante. Как только доходило дело до темпов живых, до Allegro и Presto, тогда в игре Чибры выказывалась оборотная сторона медали; тут уже невозможно было скользить вниз, а приходилось ударять ногтями по струнам, от чего слышался резкий, металлический звук, далеко не соответствующий бархатным звукам его Adagio. Да и самая беглость много теряла от этой ногтевой методы. Одним словом, Чибра мог доставить величайшее наслаждение своею игрою в продолжение нескольких дней; но потом, à la longue²⁷, игра и особенно сочинения его прислушивались и уже интересовали все менее и менее. Музыка,

²⁴ Кост, Наполеон (Napoléon Coste; 1805–1883), — французский гитарист и композитор, один из лучших французских исполнителей XIX века, которого часто сравнивают с Ф. Сором, его учителем и другом. Из-за травмы руки в результате несчастного случая вынужден был прервать концертную деятельность. Собственное композиторское наследие Коста относительно невелико, но свидетельствует о его незаурядном таланте. Им написано около 70 произведений для гитары: вальсы, вариации, «Концертное рондо», «Большая серенада», цикл «Осенние листья», «25 этюдов» (соч. 38), пьесы для гобоя и гитары и др. В его даже небольших пьесах всегда чувствуется гармоническая стройность и оркестровая полифоничность. Составил исправленное и дополненное издание «Школы для гитары» Ф. Сора.

²⁵ Сьебра (Чибра), Хосе Мария де (José María de Ciebra), — испанский гитарист и композитор 2-ой пол. XIX века. Юрист, адвокат по профессии, он оставил практику ради занятий гитарой; много лет провел за границей, где выступал с концертами (с 1835 г. в Париже и Лондоне); писал музыку для гитары, некоторые из сочинений были изданы в Париже. В ряде публикаций его именовали «guitariste de Sa Majesté la reine d'Espagne» <гитаристом Ее Величества королевы Испании>. Нередко выступал в дуэте со своим юным племянником (1828 г. рожд.; часто о них писали как о братьях), также гитаристом, — Рафаэлем А. Сьебра (Rafael Arenas de Ciebra).

²⁶ «Большая Опера» — театр Гранд-опера́ (Grand Opera) в Париже, один из самых известных и значимых театров оперы и балета мира, именовался парижанами так задолго до получения им этого названия официально (1875). В современной Франции известен как Опера Гарнье (Opera Garnier; по названию дворца в котором он расположен). Однако, «испанская опера в 3-х актах» — «Маравилья» (Maravilla) Сьебры (автор слов и музыки) в 1853 году была поставлена не в «Большой Опере» или, как она в то время официально именовалась, в Королевской академии музыки, а в Итальянском театре в Париже.

²⁷ Со временем, под конец (франц.).

как и кухня: нельзя кормить все сладостями; требуются и другие более питательные яства, а к некоторым не мешает иногда прибавлять горчицы или перцу.

По возвращении моем в Петербург, до меня дошли слухе о том, что Чибра играл где-то в Брюсселе в большой зале и при многочисленной публике, но что произвел очень мало эффекта. Душевно сожалею его, тем более, что все-таки это один из талантливейших гитаристов, хотя и не из самых скромных; потому что, посещая меня в продолжение целого месяца, почти ежедневно, он чрезвычайно много разглагольствовал о своих бесчисленных триумфах в Лондоне и Париже, в подтверждение которых ничего не мог представить, кроме собственных своих слов и самого неблестящего положения своего кармана, до того тощего, что мне стало очень жаль его.... Но об этом не стоит и не должно говорить.... Пора досказать историю моего конкурса <...>.

Много хлопот и работы причинил мне мой конкурс. Одно получение инструментов из таможни и потом сочинений и писем, большею частью не франкированных²⁸, немало стоило мне и времени и денег. Но самое убийственное, это — разбирание сочинений, которых было прислано более шестидесяти и которые, за исключением пьес Мерца, Коста, и еще двух или трех конкурентов, обличали полнейшую бездарность. Посидел я над этими сочинениями! А отделаться от этого было невозможно: по званию моему президента суда присяжных, да к тому еще в качестве любителя и знатока гитарной музыки, т. е. самого компетентного судьи в деле гитары, мне необходимо было просмотреть каждое сочинение, чтобы потом подать не одностороннее, а вполне справедливое мнение при назначении премий. Затем я отправил всю массу этих сочинений к Дамке, с просьбою просмотреть и переслать их к следующему члену и так далее.

Гитар было прислано немного: одна из Вены от Шерцера²⁹, одна из Петербурга от Аргузена³⁰; одна из Парижа от преемника Лакота³¹, Эйриха³²; одна из Праги, не помню от кого; две из Мюнхена, тоже не помню от кого, и еще две из Вены от кого-то, но которые опоздали уже и не были приняты на конкурс.

Наконец настал день присуждения премий. В восемь часов вечера собрались у меня все члены суда присяжных, и я открыл заседание. Не помню, кто из членов предложил предварительный вопрос: как вотировать присуждение премий — с прениями или без прений. Я подал мнение за вотирование с прениями, что и было принято единодушно. Из шестидесяти четырех сочинений допущено было в конкурс только сорок, остальные были отстранены, как не подходящие под условия программы, или как слишком ничтожные. Затем из остальных сорока были признаны достойными премий только четыре сочинения Мерца, четыре — Коста, два — Комарного и одно Кюнеля³³, итого одиннадцать сочинений. Разумеется, всех достойнее были сочинения Мерца, несравненно превосходившие сочинения остальных трех конкурентов. Я еще прежде изъявил мнение, что смерть Мерца не должна препятствовать к принятию на конкуре его сочинений, а равно и к присуждению за них премии, которая в таком случае должна быть отослана вдове Мерца. С этим мнением согласились все члены. Но — увы! — в самый последний день конкурса против меня составился заговор (cabale),—и вот почему и как.

Когда я давал обед членам суда, то, под конец стола, речь коснулась Фетиса. Грешный человек! Я никогда не метил в Талейраны³⁴ и даже во сне не кривил душой, не морочил языком; поэтому при имени Фетиса я выпустил несколько резких выражений. Ни Серве, ни Блаз, которые

 $^{^{28}}$ Т. е. вперед не оплаченные отправителем, за которые поэтому должен платить получатель.

 $^{^{29}}$ Шерцер, Иоганн Готфрид (Johann Gottfried Scherzer, 1802–1870) . См. прим. 103 на стр. 25.

³⁰ Архузен, Иван (Иоганн) Фёдорович (1795–1870), – знаменитый русский инструментальный мастер. Родился в Копенгагене (Дания), с трехлетнего возраста и до конца жизни жил в Петербурге. В молодости работал на инструментальной фабрике Бреля. В 1818 году открыл собственную мастерскую по изготовлению арф, гитар и роялей, где делал хорошие, но дорогие инструменты (гитары по 40 рублей за штуку и дороже). Отец гитарных мастеров Ф. И. и Р. И.Архузенов.

³¹ Лакот, Рене Франсуа (René François Lacôte; 1785 – после 1855), — французский гитарный мастер; примерно с 1820 года работал в Париже. На гитарах Лакота играли многие известные гитаристы, в частности, Карулли, Кост, Сор, Цани де Ферранти, вероятно также Агуадо и Каркасси, и др. Точная дата смерти мастера не установлена.

³² ...одна из Парижа от преемника Лакота, Эйриха. — Иных сведений об этом мастере, кроме сообщаемого самим Макаровым, что он, очевидно, являлся учеником Р. Лакота, не сохранилось.

³³ Сведений о Комарном (Komarny) не сохранилось, предположительно, был выходцем из Польши или Богемии, эмигрировавшим в Западную Европу; Кюнель, Фридрих (Friedrich Kühnel; 1820 – ок. 1878), — австрийский гитарист и композитор. Лейпцигская «Альгемайне музикалише цайтунг» упоминает об одном из концертов Кюнеля, состоявшемся в Праге в 1842 г., где он исполнил «Каприччо» собственного сочинения. В Лейпциге и Праги вышли его «Вариации» (соч. 2), «Большая фантазия» для гитары соло (соч. 3), «Призыв к радости», вальс и др. Умер в России.

³⁴ Талейран-Перигора, Шарль Морис де (Charles Maurice de Talleyrand-Périgord, 1754–1838), — французский политик и дипломат, мастер дипломатической игры и тайных интриг, сумевший оставаться министром иностранных дел при трех режимах. Имя «Талейран» стало нарицательным для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

были профессорами в консерватории, не изъявили тогда ни малейшего неудовольствия. О Дамке и говорить нечего: никогда и нигде не скрывал он своего благородного негодования на недостойного директора, который обложил акцизом и места профессоров, и самую раздачу премий па конкурсах в консерватории. Итак, филиппика моя не оскорбила никого, кроме одного господина, имени которого я не хочу упоминать здесь, но который любил и служить, и прислуживаться. Вот этот прислуживающийся господин и вздумал обидеться за всесильного Фетиса; а обидевшись, вознамерился при первом удобном случае чем-нибудь мне отплатить, т. е. «напакостить». Такой случай представился ему не ранее, как в последний день моего конкурса. Он знал, что я питал глубокое уважение к памяти Мерца. Вот и задумал он досадить, т. е. напакостить мне тем, чтобы первая премия за сочинения досталась на Мерцу, а кому-нибудь другому, и для этого подтасовал было себе партию³⁵. Вот как и чем разрешилась эта интрига:

По отобрании одиннадцати сочинений, признанных достойными награды, я предложил первую премию за «Concertino» Мерца, а вторую за «Serenade» Коста. Тогда господин мститель и прислужник Фетиса повел такую речь:

- Бесспорно, сочинения Мерца далеко превосходят все остальные и по вдохновению, и по блеску, но в них есть неправильности (incorrections).
 - Какие? спросил я.
 - А вот взгляните в это концертино: тут есть неправильное разрешение септимы.
 - Укажите, где?
 - A вот в этом аккорде: sol diès, вместо la bemol.
- Помилуйте! Этот sol diès поставлен с намерением: ведь Мерц писал не для педантов, а для гитаристов, из которых большая часть страшно боится бемолей, тогда как диезы им нипочем. И к тому же, от этого преступного диеза разрешение нисколько не страдает; разрешающий аккорд остается тот же самый. Чего же вам более? Уши не страдают; а неужели в музыке глаза важнее слуха? К тому же, господа, подумайте о том, что судить о достоинстве произнесенного нами приговора будут не контрапунктисты, а гитаристы, которые, сличив два увенчанные нами сочинения, пожмут плечами, да еще, пожалуй, произнесут какое-нибудь нехорошее слово, так что нас не оправдает в их глазах не только один неуместный диез, но если бы их находилось и десяти в превосходном сочинении Мерца.

Педант и прислужник замолчал. Но минуту спустя, понатужился и ввернул следующую закавычку.

- Г. Макаров? Если бы случилось, что Мерцу досталась не первая, а вторая премия, вы не будете протестовать против нашего решения?
- Мне будет и грустно, и больно такое решение, ибо по всей справедливости Мерц достоин первой премии. Но во всяком случае, я покорюсь решению большинства.

Затем приступили к вотированию. Секретарь суда, Шотт³⁶, приготовил семь билетиков и роздал их членам, в том числе и мне один. Все написали на них по два имени — для первой и второй премии, потом свернули в трубочки эти билеты и поочередно бросали их в урну. Шотт взял потом эту урну и высыпал передо мною билеты. Сердце сильно билось во мне, когда я развертывал написанные имена, вносил их на лист бумаги и наконец провозгласить:

«На первую премию — Мерц четыре голоса, Кост три; первая премия присуждена Мерцу».

Ух! какой тяжелый камень свалился с моего сердца! Я вздохнул свободно. Потом Шотт еще провозгласил:

«На вторую премию — Кост четыре голоса, Кюнель — два, Комарный — один голос; Кост получил вторую премию».

Итак вопрос о сочинениях был решен, и решен самым справедливым образом, благодаря моим доводам, которые подействовали на большинство, вопреки интриге прислужника Фетиса. Я сейчас же послал записку к Косту, прося его к себе с гитарою, по приглашению всех членов, желающих прослушать два из его сочинений, чтобы решить окончательно, которое из них увенчать наградою. Кост сейчас явился ко мне в кабинет с сияющим от радости лицом и принялся меня обнимать и целовать, говоря, что считает величайшею честью и счастьем то, что он полу-

³⁵ Подозрение Макарова в якобы имевшемся против него «заговоре» и подготовленных ему в отместку за обидные слова в адрес Фетиса «пакостях», судя по его же собственному рассказу, не имело под собой каких-либо фактических оснований и, скорее всего, являлось не более чем плодом его воображения, в которое сам он однако полностью уверовал, и в котором находил единственное приемлемое для себя объяснение возникших в жюри разногласий.

³⁶ О нем см.: «Жюри конкурса». С. 39.

чит вторую премию вслед за Мерцем, перед которым склоняется, как перед величайшим современным композитором для гитары. Я ввел его в гостиную и представил членам суда. После обычных приветствий и поздравлений с успехом, Кост сыграл две пьесы, из которых достойною второй премии была признана его «Серенада».

Наконец я предложить решить вопрос об инструментах и для этого попросил членов в мой кабинет, где резонанс был много лучше, нежели в гостиной. Вопрос этот был решен сейчас же и без малейших прений. Я взял по нескольку аккордов поочередно на каждой из гитар. Две из них далеко оставили за собою все остальные; это были гитары работы Шерцера и Аргузена. Первая была необыкновенно хороша и превзошла силою в певучестью тона все гитары, какие только видел и слышал я до тех пор. Вторая уступала первой в силе и полноте тона, но имела чрезвычайно серебристый и нежный тембр звука. Но вся честь инициативы бесспорно принадлежала Шерцеру, потому что он один придумал все улучшения инструмента, тогда как Аргузен только подражал, ибо имел в своих руках мою прежнюю гитару перед отъездом моим за границу. В заключение я сыграл по пьесе на каждой из увенчанных гитар, которые и оставил я за собою, заплативши за них Шерцеру и Аргузену, сверх полученных ими премий, ту цену, которую назначили они за свои инструменты³⁷. А когда мои сочлены прощались со мною, я поднес каждому из них по два фунта превосходного чаю, выписанного мною из Петербурга. Этот ничтожный подарок сделал большое удовольствие моим сотрудникам, которые очень любили русский чай, и мы расстались вполне довольные друг другом. Впрочем не знаю, вполне ли был доволен мною строгий судия несчастного соль-диеза. На другой же день я отправил в Вену два поздравительные письма со вложением по 800 франков в каждое: одно вдове Мерца, другое Шерцеру. А вскоре получил от них и ответы, в которых они выражали самую глубокую ко мне признательность.

Так кончился мой конкурс, который не вполне достиг своей цели: он не открыл ни одного нового композитора с огромным талантом, который бы мог с честью занять место покойного Мерца. Но для возрождения гитары я сделал все, что было в силах одного человека, которого никто не поддерживал, не поощрял. Дай Бог, чтобы кто-нибудь другой был счастливее меня. Но едва ли возможно быть настойчивее, терпеливее и бескорыстнее, чем я. Едва ли кто сумеет и сможет в продолжение восемнадцати лет бороться и с равнодушием своих соотчичей, и с недоброжелательством своих собратий по инструменту, бороться и с тысячами других препятствий и не пасть духом, а смело идти и прийти к предположенной цели.

ИЗ ГЛАВЫ XVII.

РАЗРУШЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПЛАНОВ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ.

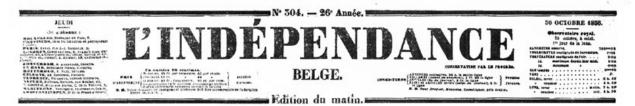
Вскоре после конкурса я написал на французском языке статью, в которой, оплакивая смерть Мерца, отдавал должную дань хвалы его композиторскому таланту. В той же статье говорил я о Шерцере, называя его Эраром³⁸ гитары и исчисляя его великие заслуги по усовершенствованию этого инструмента, который так долго коснел в китайской неподвижности. Я послал эту статью Косту в Париж, где и была она напечатана в «Revue et Gazette musicale» В январе располагал я ехать в Париж, дать там два или три концерта в пользу бедных и получить патент на европейскую известность, в успех чего все заставляло меня надеяться. Но — увы! — судьба снова подбросила мне камень под ноги и разрушила мои планы.

- <...> В конце декабря получил я из Петербурга письмо от одного моего хорошего приятеля и старого товарища. Он сообщал мне страшное известие... дело по заводу и по торговле шло, как нельзя более дурно...
- <...> Как громом поразило меня это известие и разбило в прах мои мечты о славе. Мигом собрался я в путь и 12 января 1857 года был уже в Петербурге...

³⁷ В 1860 году Макаров уступил гитару Архузена своему приятелю, тульскому уездному врачу Ник. Гр. Добрынину.

 $^{^{38}}$ Эрар, Себастьен (Sebastien Erard, 1752-1831) — французский мастер по изготовлению музыкальных инструментов (фортепиано, арфы), основатель одноимённой фирмы.

³⁹ Фотокопию статьи см. на стр. 43.

Nouvelles des sciences, des arts et de la littérature.

Nous avons fait connaître antérieurement les conditions et les prix du double concours ouvert à Bruxelles par M. de Makaroff entre les facteurs de guitares et les compositeurs de musique pour cet instrument, dont ce dilettante poursuit la réhabilitation. Nous croyons devoir rappeler que le concours aura lieu le 1er décembre prochain; il sera jugé par MM. de Makaroff, président; V. Bender, Blaes, Damke, Kufferath, Léonard et Servais; M. P. Schott remplira les fonctions de secrétaire.

Les prix seront décernés à la majorité de voix. M. de Makaroff fera publier immédiatement après le concours, les manuscrits qui auront été couronnés; les compositions non couronnées seront à la disposition de leurs auteurs dans les bureaux de MM. Schott. Les guitares seront restituées aux facteurs qui sont invités à mentionner le prix de leurs instruments. Tous les envois doivent être adressés à M. de Makaroff, 11, Marché-au-Bois, à Bruxelles.

Объявление о конкурсе и составе жюри (изображение увеличено) в бельгийской газете L'Indépendance Belge, $N^{\circ}304$, 30 октября 1856 года.

RHEINISCHE MUSIK-ZEITUNG

für Kunstfreunde und Künstler.

Nr. 51. Cöln, den 20. Dezember 1856. VII. Jahrg.

Brüssel. Die Jury der von Herrn M. Makaroff ausgeschriebenen Preise für die beste Guitarre und das beste Musikstück für dieses Instrument hat ihr Verdict bekannt gemacht. Demzufolge erhält unter 44 Compositionen: ein Concertino von dem mittlerweile verstorbenen Mertz in Wien, und unter 7 Guitarren das von Herrn Scherzer aus Wien eingesendete Instrument den ersten Preis. Zweite Preise fielen der Composition des Herrn Coste in Paris und der Guitarre des Herrn Arhusen in St. Petersburg zu.

Сообщение об итогах конкурса в немецкой газете *Rheinische Musik-Zeitung*, $N^{\circ}51$, 20 декабря 1856 года.

RPHASHIG

BRIGGETS PREABBILD,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ АВТЕРАТУРНАЯ.

No 248

Четвертокъ. 8-го Ноября.

пчелка.

инсько въ редакцію съверной пчелы.

(О конкурст Г. Макарова.)

Въ качестия двествател, постоянно сладящаго за Европейского двательностью по вевмь остраслама музыкальнаго вскусства, обращенось въ редакцию Съверной Ичельностью покрытайнею преесбою довеста до свадянія любителей в защитанской гитары, что въ числь замъчательнайних постоянствлен салонной концертией музыки въ Броссель, отлачается въ настоящее врем соотечественнях няшь. Н. П. Макаровъ, ** прекрасный композиторъ в первоскассный виртують на няшь н. П. Макаровъ, ** прекрасный композиторъ в первоскасствуяной гитаръ. **

Не входи въ подробное описаніе огромивате успаха, которыем сопровождалає концерть, данный Г. Макаровымъ 12-го минувшаго Октабра, возбудявний, по отзыку напечативном ра . № 288-та Белагійскаго журнава Цжено финальности съ правичаю замъчатальна възменей стемян, в первокамний композиторы пред приманаю да правительна възменей стемян, в первокамний как музыкальних нісь ка втигру замъзна с больника вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что в исла случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что в исла случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что в исла случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что виста случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что виста случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что виста случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что виста случай салывать вкарствомт.

** Почтаю леагом пресветномт.

** Почтаю леагом пресвоючить, что виста случай салывать вкарством пресвоючить пресвоючить пресветном прес Въ качествъ дилеттанта, постоянно слъдящаго за Евро-

почитателя таланта Г. Макарова, считаю обязанностно сквать муссь, что дарозитый любитель этоть заслужи-весть полняго сочувствія къ музыкальных сто заслу-таму, не только какть отличный виртуоть, по в какть покровитель музыкальнаго вскусства. Движимый чистою, безкорыстною любовыю къ музыкъ, в желяя возотявовить въ прежникъ правада виструментъ, бывшій въкогда въ большомъ употребленія, а въ настоя-

омении възода из одлящоть интрольства, а из востав щее время вочти водее оставленный, отв учредиль въ Брюссель конкурсь, съ назначийемъ собственно отъ себя премій, какъ за лучий созиница для китары, такъ и за усозершевствование механисма и това этого вистру-

Приглашеніе къ этому конкурсу было первопачально напечатаво въ № 78-м». С Петербургских Вядомостей, и вотомъ, по отъвадъ Г. Макерона за границу, повторено въ разныхъ журвьяжть въ Бельків, въ Германія, во Фрав-DE R BY VRIVER

ны в Боледи.

Нына получены много отъ Г. Макарона положительныя свяданія, что предпріятіе его не осталось беза дайотвія, и что 16-го мниуапаго Октября открыто было первое

и что 16-го минуациято Октабра открыто обыло первою предвариятьсьное засъдание конкурса для инбраща чле-воть, назваченныхъ къприсуждению и распредълению премій.

Воть составъ конкурса, публикованный въ № 34 мъ Бельгійской гаветы Le Guido musical de Bruxelles: пре-задентъ Г. Маняровъ; члень: Г. Беледрер, Балау, Данке, Кю-нератъ , Леонаръ и Серзе; секретаръ Г. Шотъ.

Конкурсъ выначень 1-го Декабря сего года. Премін: за дучшее сочиненіе для гитары, перава премів въ 800 фор. ков; в тофав въ 500 фор. условія: 1) Селовія въ 800 фор. условія: 1) Селовія въ 800 фор. условія: 1) Селовія: 1 Селовія в 800 фор. условія: 1) Селовія: 1) Селовія: 1 Селовія прадачення в конкурсь околучтелью къ 25-му Новбря. 2) Премія прясуждень будать по-большивству голосовъ членов конкурсь. 3) О сочиненіях, котофыя празвачета достойвляма воднагражденія, будеть публиковню вемедленне по осолуватій конкурсь. 4) Сочиненія, не одобренных висикурсь. Гг. композиторы мегуть получить обратию пля конкурсь. Гелораться ППоть. 5) Та иза весдобренных сечиненій, которых Гт. гомпозиторы не потребують обратию де 1-го Марта 1857 года, будуть увячтожены. 6) Няструменты, пе удостоенные оприсужденія премій, будуть возвращены масстерамъ. 7) Пря доставленія на конкурсь выструментовъ, Конкурсъ назначенъ 1-го Лекабря сего года. Премін: за стерать. 7 При доставленія на конкурсь якстуруватеговъ, мастера должны обозначать якт цьяпость. 8) Сочиненія и инструменты должны обозначать якт цьяпость. 8) Сочиненія и инструменты должны обять времляемы на имя Г. Ма-карова по слядующему адресу: № 11. Магелё au beis, à Bruxelles

Въ полной мъръ сочувствуя благонамъренному пред-пріятію Г-на Макарова, основанному на частой и безкопріятію Г-на Макарова, основанному на частов и осако-рыстиої дюби къ всиусству, заключаю шесьмо мое ис-крещимъ пожеланість ему всевозножных усихова къ-поддержанія, усовершенотвованія в распространенія ин-струмента, но справеданности по заслуживающато быть отчужденнымъ изъ области музыклавано міра. В. Морковъ.

«Северная пчела», 1856, № 248, 8 ноября, с. 1251

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

(О конкурсе г. Макарова)

«В качестве дилетанта, постоянно следящего за европейской деятельностью по всем отраслям музыкального искусства, обращаюсь в редакцию «Северной Пчелы» с покорнейшею просьбою довести до сведения любителей и защитников гитары, что в числе замечательнейших исполнителей салонной концертной музыки в Брюсселе, отличается в настоящее время соотечественник наш Н. П. Макаров*, прекрасный композитор и первоклассный виртуоз на вновь усовершенствованной десятиструнной гитаре**.

Не входя в подробное описание огромного успеха, которым сопровождался концерт, данный г. Макаровым 12-го минувшего октября, возбудивший, по отзыву, напечатанному в № 288-ом бельгийского журнала «L'Echo de Bruxelles», общий восторг, я, по праву ревностного почитателя

таланта г. Макарова, считаю обязанностью сказать здесь, что даровитый любитель этот заслуживает полного сочувствия к музыкальным его заслугам, не только как отличный виртуоз, но и как покровитель музыкального искусства.

Движимый чистою, бескорыстною любовью к музыке, и желая восстановить в прежних правах инструмент, бывший некогда в большом употреблении, а в настоящее время почти вовсе оставленный, он учредил в Брюсселе конкурс, с назначением собственно от себя премий, как за лучшие сочинения для гитары, так и за усовершенствование механизма и тона этого инструмента.

Приглашение к этому конкурсу было первоначально напечатано в № 78-ом «С. Петербургских ведомостей», и потом, по отъезде г. Макарова за границу, повторно в разных журналах в Бельгии, в Германии, во Франции и в Англии.

Ныне получены мною от г. Макарова положительные сведения, что предприятие его не осталось без действия, и что 16-го минувшего октября открыто было первое предварительное заседание конкурса для избрания членов, назначенных к присуждению и распределению премий.

Вот состав конкурса, опубликованный в № 34-ом бельгийской газеты «Le Guide musical de Bruxelles»: президент г. Макаров, члены: гг. Бендер, Блаз. Дамке, Кюфферат, Леонар и Серве; секретарь г. Шот. Конкурс назначен 1-го декабря сего года. Пре-

мии: за лучшее сочинение для гитары первая премия в 800 франков; вторая в 500 фр.; за лучшую гитару: первая премия в 800 франков, вторая в 500 фр. Условия: 1) Сочинения и инструменты должны быть доставлены на конкурс окончательно к 25-му ноября. 2) Премии присуждены будут по большинству голосов членов конкурса. 3) О сочинениях, которые признаются достойными вознаграждения, будет публиковано немедленно по окончании конкурса. 4) Сочинения, не одобренные на конкурсе, гг. композиторы могут получить обратно из конторы гг. братьев Шот. 5) Те из неодобренных сочинений, которые гг. композиторы не потребуют обратно до 1-го марта 1857 года, будут уничтожены. 6) Инструменты, не удостоенные присуждения премий, будут возвращены мастерам. 7) При доставлении на конкурс инструментов, мастера должны обозначить их ценность. 8) Сочинения и инструменты должны быть присылаемы на имя г. Макарова по слудующему адресу: Nº 11, Marché au Bois, a Bruexelles.

В полной мере сочувствуя благонамеренному предприятию г-на Макарова, основанному на чистой и бескорыстной любви к искусству, заключаю письмо мое искренним пожеланием ему всевозможных успехов в поддержании, усовершенствовании и распространении инструмента, по справедливости не заслуживающего быть отчужденным из области музыкального мира.

В. Морков.

^{*} Почитаю долгом присовокупить, что я имел случай слышать исполнение г. Макарова: игра его действительно замечательна в высшей степени, и переложения им музыкальных пьес на гитару сделаны с большим искусством. Ростислав <Ф. М. Толстой – муз. критик «Сев. пчелы» — Ред. ИГвЛ>.

^{**} Шестиструнной с прибавлением (ad libitum) четырех басов: contre D, G, contre E, и contre H. На гитаре два грифа, один обыкновенный с шестью струнами, другой без ладов, с четырьмя прибавочными басами.

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

№ 1. Среда, 2-го Января. 185

Письио въ Редавцію Съверной Пчелы.

(О конкурст Г. Макарова.)

Въ письмъ моємъ, напечатанномъ въ № 248 Съверной Пчелы, сообцены были предзарительныя свъдънія о музыкально-гитарномъ конкурсъ, учрежденномъ въ Брюсселъ соотечественникомъ нашимъ, любителемъ-артистомъ Н. П. Макаровымъ

Программа этого конкурса, еще въ Апрълъ мъсяцъ, публикована была въ С. Петербургскихъ Въдомостяхъ, и потомъ перепечагана въ развыхъ мисстравныхъ журвалахъ. Съ тъмъ вмъстъ сдълано было отъ Г. Макарова всъмъ современнымъ композиторамъ гитарной музыки и ситарвымъ мастерамъ приглашеніе доставить на конкурсъ соотвътствующія требованіямъ программы, сочиненія и маструменты.

Получивъ нынъ отъ Г. Макарова окончательныя свъдънія объ исходт его конкурса, поспъщаю сообщить ихъ въ редакцію Съверной Пчелы, для напочатанія въ дополненіе къ первому моему письму.

Носавднее засъданіе происходило 28-го Ноября (10-го Декабря.) Конкурентовъ было 37; представленныхъ на конкурсъ сочиненій для гитары 64; инструментовъ 7.

Изъ 64 сочиненій, 23 не были допущены на конкурсъ по несоблюденію въ нихъ означенныхъ въ программъ условій.

Ври открытів засъданія, в Г. Макаровъ, избранный единогласно президентомъ, предложиль вопросъ: какимъ образъмъ приступить къ присужденію премій, гласно вли секретю? Судъ рышиль, что сначала слъдуетъ допустить пренія о достоинствь состязующихъ сочиненій и инструментовъ, а потомъ уже сдълать балотировку шарами.

Исходь конкурса быль следующий. Первою премією въ 800 эранковъ увънчано концертино, соч. И. К. Мерца, (незадолго предь тъмъ умершаго въ Въвъ). • Второю премією въ 500 франковъ большая серенада, соч. профессора гвтары въ Парижъ Н. Коста.

Изъ семи присланныхъ на конкурсъ инструментовъ, первою преміею въ 800 франковъ увънчана гитара Вънскаго мастера Шемера; второю преміею гитара Пегербургскаго мастера Архузена.

Одинъ изъ увънчаныхъ конкурентовъ, какъ уже выше сказано. Г. Костъ, пресутствовалъ лично на конкурсъ, и игралъ нъкоторыя изъ соедствиленныхъ на судъ сочине-

 Судъ присяжныхъ, какъ уже было упомянуто въ первомъ письмъ мосмъ, состоялъ взъ вести членовъ: Гг. Бендера, Блаза, Дамке, Кюфферата, Леонарда и Серве.

Премія эта предоставлена ї. Макаровымъ вдовъ Мерца.
 Справедливымъ считаю замънть, что Шерцеръ и Архузенъ почитаются цацучшимя гатарнымя мастерами въ Европъ.

ній, и между прочямъ свою серенаду, получившую вторую премію. Г. Макаровъ также выполниль нъсколько піссъ Мерца. Эта повърка вполна оправдала правильный и безпристраствый приговоръ суда присяжныхъ.

Отдавая полную справединность музыкильнымъ заслугамъ Г. Макарова, нельзя не сказать, что сочувствіе, оказанное Брюссельскими артистами къ его предпріятію, не мало способствовало успъху конкурса.

Всв вредпочитающіе тихую, задушевную музыку вынашнему модному грохоту, безъ сомнанія оцавять прекрасную мысль Г. Макарова, возстановить инструменть, по истина заслуживающій лучшей участи. Первый шагь къ тому уже сдалань: остается пожелать, чтобы мысль эта осуществилась, и чтобъ, при усердномъ содайствіи Г. Макарова, гитара могла занять почетное мъсто, конечно не въ числа инструментовъ оркестровыхъ, на что она не имъетъ и претензіи, но между инструментами салонной музыки, которымъ и вна оркестра предстоить общирное и блестящее поприще.

В. Морковъ. «Северная пчела», 1857, № 1, 2 января, с. 2.

Письмо в Редакцию Северной Пчелы.

(О конкурсе г. Макарова).

В письме моем, напечатанном в № 248 Северной Пчелы, сообщены были предварительные сведения о музыкально-гитарном конкурсе, учрежденном в Брюсселе соотечественником нашим, любителем-артистом Н. П. Макаровым.

Программа этого конкурса, еще в апреле месяце, публикована была в С. Петербургских Ведомостях, и потом перепечатана в разных иностранных журналах. С тем вместе сделано было от г. Макарова всем современным композиторам гитарной музыки и гитарным мастерам приглашение доставить на конкурс соответствующие требованиям программы сочинения и инструменты.

Получив ныне от г. Макарова окончательные сведения об исходе его конкурса, поспешаю сообщить их в редакцию Северной Пчелы, для напечатания в добавление к первому моему письму.

Последнее заседание происходило 28-го ноября (10-го декабря). Конкурентов было 37; представленных на конкурс сочинений для гитары 64; инструментов 7.

Из 64 сочинений, 23 не были допущены на конкурс по несоблюдению в них означенных в программе условий.

При открытии заседания*, г. Макаров, избранный единогласно президентом, предложил вопрос: каким образом приступить к присуждению премий, гласно или секретно? Суд решил, что сначала следует допустить прения о достоинстве состязующих сочинений и инструментов, а потом уже сделать баллотировку шарами.

Исход конкурса был следующий. Первою премиею в 800 франков увенчано концертино, соч. И. К. Мерца, (незадолго пред тем умершего в Вене).** Второю премиею в 500 франков большая серенада, соч. профессора гитары в Париже Н. Коста.

Из семи присланных на конкурс инструментов, первою премиею в 800 франков увенчана гитара венского мастера Щерцера; второю премиею гитара петербургского мастера Архузена***.

Один из увенчанных конкурентов, как уже выше сказано, г. Кост, присутствовал лично на конкурсе, и играл некоторые из представленных на суд сочинений, и между прочим свою серенаду, получившую вторую премию. Г. Макаров также выполнил несколько пьес Мерца. Эта поверка вполне оправдала правильный и беспристрастный приговор суда присяжных.

Отдавая полную справедливость музыкальным заслугам г. Макарова, нельзя не сказать, что сочувствие, оказанное брюссельскими артистами к его предприятию, немало способствовало успеху конкурса.

Все предпочитающие тихую, задушевную музыку нынешнему модному грохоту, без сомнения оценят прекрасную мысль г. Макарова, восстановить инструмент, по истине заслуживающий лучшей участи. Первый шаг к тому уже сделан: остается пожелать, чтобы мысль эта осуществилась, и чтоб, при усердном содействии г. Макарова, гитара могла занять почетное место, конечно не в числе инструментов оркестровых, на что она не имеет претензии, но между инструментами салонной музыки, которым и вне оркестра предстоит обширное и блестящее поприще.

В. Морков.

^{*} Суд присяжных, как уже было упомянуто в первом письме моем, состоял из шести членов: гг. Бендера, Блаза, Дамке, Кюфферата, Леонара и Серве.

^{**} Премия эта предоставлена г. Макаровым вдове Мерца.

^{***} Справедливым считаю заметить, что Шерцер и Архузен почитаются наилучшими гитарными мастерами в Европе.

Газета «Северная пчела», 1859 г., 12 декабря, № 272, с. 1091.

ЗАМЕТКА ПРОВИНЦИАЛА О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Не то, чтоб я был очень шибко учен, умел в глубь морскую проникнуть и в высь небесную взлететь, нет!... о таких премудростях и помыслить боюсь, а грамоту, признаться, очень люблю, и на старости лет сижу себе да почитываю от раннего утра до позднего вечера. Иные газеты и журналы сам выписываю, другими пользуюсь от добрых знакомых, которых в свою очередь охотно снабжаю своими: у нас круговая порука, мы заранее совещаемся, что кому выписывать, зато почти все и читаем, что кому любопытно.

Теперь всех нас, провинциалов, занимает гласность. С гласностью мы только во время сна расстаемся, и то не всегда: часто во сне она видится, а иным, говорят, и спать крепко мешает. Впрочем, последнее обстоятельство до меня нисколько не касается: нигде в судах не служил и не служу, стало быть не мог, как говорится, руки набить на счет разных грехов, и глаза намозолил, признаться, изрядно, смотря на непроходные вавилоны, которые строят наши распорядители и исполнители в судебных улицах и переулках.

Сначала за точным исполнением многочисленных законных статей наблюдали прокуроры и стряпчие, за что и величали у нас каждого из них оком закона; но ведь знаете, могли ли они везде и за всеми усмотреть?... Притом же, что греха таить, и у них вчастую пушок к рыльцу приставал, так поневоле иногда покашляют да смолчат, как будто не видят и не слышат

Это одно уж чего-нибудь да стоит, что теперь про мерзости какого-нибудь Филиппыча разом весь крещеный мир узнает, а не одно какое-нибудь знакомое ему лицо, которое подчас и под сукно Филиппычено дельце запрячет, иногда по случаю разных этаких сделок с Филиппычем, а иногда для той причины единственно, чтоб свою избу всегда чистенькою показывать.... на отличку.

И разговаривать нечего. Отличная вещь эта гласность. Либо простофиля какой-нибудь, от которого глупости отмыть нельзя, либо старообрядец закоренелый, либо плут отпетый посмеют назвать гласность вредом общественным, да и то вряд ли. Всем и

каждому известно, что дураки масляную кашу любят, старообрядцы стыдятся в людях от хорошего табаку отказываться, хоть и чихают временем до напряжения всех жилок на лице, а плуты, чем плутоватее, тем громче восхваляют гласность, чтоб показать тем, что их честность не подлежит ни сомнению, ни страшным когтям неумолимой гласности.

Также и то очень хорошо, что мы без всякого красноречия, которому, признаться, плохо обучались, можем свои мысли публике изложить и не мудрено, что ученым и сведущим людям невзначай иногда очень дельный вопрос зададим, который им и в голову не приходил. Вот, например, мне в голову пришла мысль о взяточничестве, может быть и старая мысль, и не безошибочная, может быть, — да, все-таки лучше оную распубликовать; кто знает?... не мудрено, что она заслужит внимание и об ней поговорят люди, потолще моего знающие.

Видите в чем дело. Взяточникам теперь, что называется, не дают прохода, отделывают их на все корки, шпигуют их как худую заячину для жаркого, иглами глаза их колют, чуть не на кострах их жгут. Казалось бы, что при таких условиях взяточничеству надо день ото дня умаляться, что взяточничество должно сделаться каким-то уродливым исключением из общего правила, что каждый член общества на вопрос: «отчего он не берет», будет отвечать: «у нас это не принято». Ан не тут-то было!!.. Сначала, как раздалась гласность, так все и встрепенулись, стали боязненно озираться, подумали что преставление света начинается; иные даже стали по добру по здорову убираться восвояси. Ну, думаем, слава тебе Господи, уберется взяточничество.

Ничего не бывало. Крючкодейство стало привыкать к гласности так же, как хищные воробьи привыкают к трещотке и клюют себе ягодки, не обращая никакого внимания на громкие звуки неумолимого инструмента. Иные смеются даже, кто громко, а кто себе в кулак, и говорят: «Пусть их пишут да печатают, что им на ум выпадет, а мы будем себе жить да поживать, да добра наживать, да и гласность самое на бобах подчас проведем и для собственной пользы заставим в иную пору крикнуть. Она ведь соловьем, матушка, сгоряча заливается, глазки у ней по этому случаю не то, чтобы всегда открыты были».

А если случится иногда, что по милости гласности иному Макару порядком по шапке досталось, так Иван

тогда не гласности боится, а боится только, подобно Макару, опростоволоситься.

Отчего бы все такое могло происходить?

Думаю оттого, что взяточники наши не имеют самолюбия, а самолюбия не имеют оттого, что не имеют образования. Сами вы согласитесь: если одного взяточника выгонят, так другой поступает на его место с тем же самолюбием, то есть с тем же образованием. Не стыд, а страх, команду над ним держит, ничем он не лучше своего предшественника, по одной он азбуке с ним учился; ему неслыханной дикостью покажется чье-нибудь правдивое слово: «взятки брать у нас не принято».

Пирогов сказал: «Дайте нам людей, тогда и судьи, и художники и мастера и солдаты у нас будут»¹. Что-то в этом роде он сказал. Да ведь чтобы дать ему людей, надобно прежде иметь их, а чтобы иметь людей, необходимо их образовать, то есть не наукам разным обучать, а образовать. Солдату не нужны утонченности психологии, портному не нужен молот каменщика, артисту не нужен плуг, ученый без лопаты обойдется, губернатор может ботанике не учиться; секретарская библиотека без романов и повестей легко обойдется; но книга всем и каждому нужна!... Чем бы кто ни сделался впоследствии, везде он будет хорош, если книга его голову и сердце хорошими сделала и продолжает начатое для блага общего.

Оно и выходит, что корень зла таится в сердце самого общества, которое много учится, да мало образуется. Что толку, если взяточника Ивана выпроводить, а место его займет взяточник Петр? Гласность прекрасно

¹ Автор, очевидно, имеет в виду слова Н. И. Пирогов (1810-1881) — ученого, врача, педагога и общественного деятеля — высказанные им в статье «Вопросы жизни», впервые опубликованной в журнале «Морской сборник» (1856, № 9, июль, т. XXIII), а именно: «Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку: наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане» (Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Собрание литературных статей. – Одесса, 1858. – С. 16). Н. И. Пирогов в цитируемой статье размышляет о том, каковы главные вопросы жизни и как они должны решаться; кого должно воспитывать общество - специалиста-профессионала или же человека-гражданина? – Ред. ИГвЛ.

делает, что взяточникам потачки не дает; но еще лучше будет, если побольше совьют у нас таких гнезд, из которых негодяи не будут вылетать, так разве.... случайно как-нибудь.... изредка... по пословице: в семье не без урода.

А возьмем-ка, к примеру, наших приказных, и проч., и проч. Где и чему они обучались, и многие ли из них истинно образованы?... Пусть об этом предмете ученые люди подумают да погадают, а не я, человек немудрый.

У нас вон мужичкам читать нечего. Приятель мой, кумом мне еще доводится, поехал было к вам в столицу славную такую книгу для мужичков издать, да вернулся ни с чем. Лет двадцать он с мужичками жил, и хозяйство узнал, и разные деревенские истории собрал, и законы и святые предметы по-крестьянскому изложил, и все такое, да впрок не пошло. Поговорил с типографщиками насчет бумаги и печатания. Ладно, думает, можно будет на сущей безделице книгу на общую пользу пустить, а как дошло дело до объявления², и побывал он у разных редакторов, так и вышло на поверку, что за морем коровка дешева, да перевоз дорог. Каждый день печатают и кричат в газетах о образовании, а

² Т. е. печати, публикации, издания. – Ред. ИГвЛ.

сами пути все, так сказать, к распространению грамотности дороговизной своих объявлений прекращают. Книга стоит копеек, а за объявления просят рублей. Нечего сказать, есть тут смысл, и разве это не такое же взяточничество?... Еще хуже понашему, по провинциальному. Вы, господа издатели и редакторы, чай не то, что мы грешные, не на медные деньги учились, так вам пуще нашего иных штук совеститься надо.

Очень буду рад, если слова мои о взяточничестве не на ветер будут брошены, окажутся стоящими внимания и примутся к сведению.

P. S. Кстати, не увидите ли вы там г. Макарова, который напечатал в последней книжке «Современника», в назидание малолетнего сына, когда оный достаточно подрастет, свою «Задушевную исповедь»? Верно, вы с ним знакомы, спросите его, что это такое — его «Задушевная исповедь»?

Из этой исповеди мы видим, что Штукарев по части дела был умнее г. Макарова, что он был очень снисходителен к требованиям Макарова, что г. Макаров по милости своего горячего характера прибил немку, вызвал за глупость товарища на дуэль и в продолжение всего длинного рассказа играл роль какого-то весьма нерасчетливого и взбалмошного поэта, непонятого расчетливым Штукаревым. Если действительно Штука-

рев заслуживает общественной кары, так автор «Исповеди» его не карал, а самого себя как-то курьезно описал. К чему, например, Макаров упорно верил Штукареву, когда этот многократно в глаза надувал его? Точно ли без Штукарева не было спасенья Макарову, точно ли первый купил зрение последнего? Притом бросается в глаза читателя еще какое-то самохвальство Макарова; если бы макаровское \mathcal{A} везде подчеркивать, так пришлось бы всю повесть исчеркать. Что касается до того, что Макаров признает себя первым гитаристом в мире, то дай Бог ему!... Пусть это дело разберут гитаристы, а не мы. В нашем околотке только сосед Еремеич играет на гитаре, да его Ванька разные русские песни без нот валяет. Специально-музыкальные страницы не могут быть назидательны для всех читателей вообще, и для малолетнего сына в особенности. Впрочем, может быть, сын г. Макарова обещает быть первостатейным гитаристом, и автор имел какой-нибудь замысел — не знаем. И я, и мои знакомые, боимся ошибаться: спросите, пожалуйста, тогда и мы, провинциалы, что-нибудь уразумеем. А то иные стали думать, что «Современнику» печатать больше нечего. Сохрани его Бог!

Провинциал.

Псков.

Н. П. МАКАРОВ

В ФЕЛЬЕТОННОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННИКОВ «НАШИ ЗНАКОМЫЕ»

(1884)

Макаров Н[иколай] П[етрович]// Михневич Вл. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников: 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. – СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1884. С. 135-136.

Макаров Н. П. — почтенный, но очень сердитый старичок, удрученный, по его собственному сознанию, «себяфобией» и болтливостью, обильный плод которых, под титулом — «Мои семидесятилетние воспоминания» (2 тома «стонов и слез», in octavo), с само-

наши знакомые

ФЕЛЬЕТОННЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННИКОВЪ

1000 XAPAKTEPHCTHKЪ

рус-жиль государственныль и общественныль діятелей, ученыль, писателей, лудожниковь, коммерсин промышленниковь и пр.

Вл. Михневича.

съ 71-мъ портретами-вариватурами

(EA 50 ZECTALL)

роговенчыми пудейничних А. И. ЛЕБЕДЕВЫМЪ, М. В. МАЛЫШЕВЫМЪ V. А. СЕРЕБРЯКОВЫМ по наброснять ваторе.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Эзбарда Гопик, Воегосискій проек. № 58.
1884.

---- Май--Мак-енъ какъ | выхъ

манновъ, А. А.— навъстенъ какъ славистъ, а еще болъе какъ неукротимый панславистъ, и, отсюда, повинистъ и заклятый врагъ Европы. Къ счастію дли Европы, въ особенности-же дли Австріи, къ которой выхъ въ Петербургъ кабинста и библіотеки дли чтепін, которыхъ давай намъ Богъ побольше!

Манаровъ Н. П.—почтенный, но очень сердитый старичекъ, удрученный, но его собственному сознаню. «себп-

135 — Мак-Мак. -

ообіей» и болтанностью, обидьный полдъ которыхъ, подътитуломъ — «Мои сенидеентильтнін воспоминанія» (2 тома «стоновъ и слежь», іп осіамо), съ самоотверженной откровенностьюпосвятилъ современниканъ и потомству. Неблагодарное потомство быть можетъ забудетъ г. Макарова, какъ неудачнаго беллетриста и немуариста, но безъ сомибий воздастъ ему дань хвалы за его основательные русско-оранцузсніе словари.

Макаровъ-Юневъ—пъвецъ-артистъ весьма сомнительнаго достоинства, пріобръвній кое-какую извъстность зализватскимъ исполненіемъ развыхъ ковра изъ Менки въ Канръ», «Болгарскій мученицы» и друг.; потомъ сольшая, въесктван картина «Русали», несьма извъстнан не только любителянъ, но и ротоявнъть даконымъ до женскаго естества въ натуръ, выборъ котораго по истинъ роскошенъ на назвавной картинъ. Послъднее-же достославное произведеніе г. Маковскаго — «Свадебный пиръ» въ старивной Руси, тоже вещь очень въесктная, блещущая полорятностью, яркой нестротой интенъ и красивыми женскими лицами, но строгіе встетики и свъдущіе историки находили въ ней иного ведостатковъ и очемуюталя.

126

ИЗ ЭПИГРАММНОГО СЛОВАРЯ-АЛЬБОМА РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ XIX В.

«ЦВЕТ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

Мартьянов П. К. Цвет нашей интеллигенции: Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях: [В стихах] / [Соч.] П.К. Мартьянова (Эзопа-Кактуса). – Санкт-Петербург: Типо-лит. Р. Голике, 1890. – С. 139.

ЦВБТЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІМ. СЛОВАРЬ-АЛЬБОМЪ РУССКИХЪ ДЪЯТЕЛЕЙ ХІХ ВЪКА въ силуэтахъ, кратнихъ харантеристинахъ, надписяхъ къ портретамъ и эпитафіяхъ, Н. К. МАРТЬЯНОВА. (Эзопа—Кактуса). Слетервургъ. Тино-Титографія Р. Голики. Трониклая улица, домъ ле 18 1890.

+ Макаровъ, Н. П.

Изв'єстенъ онъ своей игрою на гитар'є, Веденьемъ мастерскимъ мазурки въ первой пар'є, Памфлетомъ—испов'єдью предъ друзьями И «Словарями».

† Макаров, Н. П.

Известен он своей игрою на гитаре, Веденьем мастерским мазурки в первой паре, Памфлетом — исповедью пред друзьями И «Словарями».

^{*} Петр Кузьмич Мартьянов (1827–1899) — русский писатель, поэт. Юмористические стихотворения печатал под псевдонимами: Эзоп, Кактус, Бум-бум, Петя, Крюк и другие. По словам автора, в «Словаре-альбоме» он постарался «несколькими строками очерчивать деятельность и значение известных лиц». «Стимулом нашего дела, — писал П. К. Мартьянов, — была идея правды и справедливости, причем личные наши воззрения и знания мы устраняли, внимая только голосу общественного мнения».

Виктор Тавровский

МЕЖДУ ОСЛОМ И НОСОРОГОМ или КАРИКАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Как я искал карикатуру на Н.П. Макарова в «Искре» 1860 года и чем завершились мои поиски

слупрический журиаль сь варривачурани.

СОДЕРЖАНІЕ: Переплем. Грозвый акть, стях. Обличительного поэта. — Экспраорфикарное меженіе ез Искра. — Диспуть абиссивского каропро съ мронани Валав, Z. — Арписты, (разската купиа).

А. В. И валова. — Карусь, сканка положа на была, В сел на вки. — ИСКОРКИ: Прозвишізальне вискають. М. Стопановскаго. — Калины, Чему доменься тория. Сельна и пьях, Пр. Вознисянскаго. — 15.

Частным объявленія.

РИСУНКИ: Н. Стипанова, С. А. Лювовингова и М. М. Знаминскат

«Точно ли я так дурен, так бездарен, так неспособен ни к чему хорошему, полезному, как выставляла меня тогдашняя пресса в продолжение нескольких лет, бросая в меня зубоскальнейшие насмешки и обвинения чуть не в башибузукстве, чуть не в антропофагии; словом: ставили меня на одну доску с самыми непочетными, ошиканными, оплеванными именами и выставляли на показ и на посмешище в самом некрасивом, безобразном виде; не побоялись даже заподозрить мое бескорыстие и бросить грязную тень на мое честное имя своими нечестными, грязными инсинуациями. И все это за мою «Задущевную Исповедь». Помню, как, между прочим, один из тогдашних зубоскалов, ломившихся в остроумники, поместил меня в «Искре» (№15, 1860 г.). «Между медным носорогом и оловянным ослом», в виде «тюленя, набитого соломой, играющего на гитаре фантазию Г. Макарова?...» — Макаров Н. П. Ко всей читающей русской публике. // Мои семидесятилетние воспоминания. Том 1, с. V.

«…А что встретило меня по возвращении на родину? Насмешки, издевательство петербургских зубоскалов; журнальные свистки, помещение меня на почетные места— рядом с Ванькой, да между медным носорогом и деревянным ослом».— Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания. Том 2. с. 25.

«Меня терзали, мучили, казнили. Осмеяли даже мою никому не вредящую страсть к музыке, глумились над моим бескорыстным служением искусству, сравнивая меня с Ванькою (в № 272 «Северной Пчелы», 1859 г.), с Абиссинским маэстро (в № 15, «Искры» 1860 г.), где поместили меня между медным носорогом и оловянным ослом; и Бог знает еще с кем. Да видно я живущ: всячески убивали меня, но не убили; я все еще живу, тружусь, работаю без отдыха и без устали и не теряю надежды сделать что-нибудь полезное для общества». — Прокопович В. < Макаров Н. П.> Исповедь, но уже не предсмертная. Современная грустная повесть. / История создания словарей Н. Макарова. Приложение к «Моим семидесятилетним воспоминаниям», с. 7. [Отд. изд.: СПб.: тип. И. Тиблена и \mathbb{K}° (Н. Неклюдова)].

«…в то время как первый <M. Д. Соколовский> изумлял всю Европу, второго <H. П. Макарова> изображали в юмористических листках в виде «тюленя, набитого соломой», между медным носорогом и оловянным ослом». — Русанов В. А. Гитара и гитаристы. Введение к истории гитары в России // Гитарист, 1905, № 10−11, гл. XVI, стр. 218.

«Николай Петрович Макаров попал под титлом «Абиссинского маэстро» в № 15 «Искры» 1860 года и был там изображен в виде «тюленя, набитого соломой, играющего на гитаре фантазию г. Макарова», «между медным носорогом и оловянным ослом», в каковых персонажах все узнали каких-то тогдашних ретроградов! Можно себе представить, какие горькие минуты пережил дед». — Энгельгардт Н. А. Из давних эпизодов. Последняя гитара // Исторический Вестник, 1910, СХХ (120), апрель, с. 115.

Казалось бы, зачем искать какую-то карикатуру более чем полуторавековой давности: да, не все ли равно, была она или нет, а если и была, то столь ли важно, кто и как был на ней изображен?! Однако же после упоминания Макаровым о своем «попадании в «Искру»» едва ли хоть одна большая о нем публикация обходилась без указания этого факта. По большому счету, не так уж и часто Николай Петрович попадал при жизни в печать не автором, а «героем» (ну, или «антигероем») публикаций, а потому, видимо, каждый из таких случаев и вызывает такое любопытство. С «карикатурой» в «Искре» вышла проблема: все о ней слышали, почти все о ней сказали (повторяя переписанное друг у друга), но... никто не видел. А представляли, видимо, одинаково — этаким веселым (а кому-то, может, и печальным) рисунком, на котором как минимум полагали увидеть осла, носорога и тюленя с гитарой....

Разыскать загадочную карикатуру взялся Владимир Павлович Машкевич (пробовал ли это сделать кто-то до него, мне, увы, неизвестно): добрался он где-то до подшивок старой «Искры» и начал листать, высматривая среди картинок «животную троицу». Просмотрел год 1860-й — не нашел, взялся за соседние -1859 и 1861, но и там нет нужной: «веселых картинок» много - да все не те! Оставил В. П. поиски и, переписывая «Последнюю гитару» Н. Энгельгардта, сделал после слов о карикатуре в «Искре» свое примечание с заключением: «Название журнала, по-видимому, спутано, так как в «Искре» 1859, 1860 гг. и следующего <года> такой карикатуры нет. – В. М.» (Классическая гитара в России и СССР: биогр. муз.лит. словарь-справочник рус. и сов. деятелей гитары / Сост. М. С. Яблоков. – Екатеринбург; Тюмень, 1992. - *Стаб.* 1055). От него это примечание перекочевало и за рубеж. Так, в 2012 г. бельгийско-голландский историк гитары Ян Де Клу опубликовал книгу о Борисе Перроте — «Борис Перотт. Жизнь с гитарой» (Jan de Kloe. Boris Perott — A life with the guitar. Chanterlle Verlag, Heidelberg, Germany, 2012), в которой повторил его статьи о гитаристах, опубликованные в период 1933–1939 гг. в лондонском журнале BMG (Banjo, Mandolin & Guitar – «Банджо, Мандолина и Гитара»), снабдив их в некоторых местах «новейшими» примечаниями, часть из которых имеет своим источником энциклопедию Яблокова-Машкевича. Есть среди этих статей и глава о Н. П. Макарове (Chapter XV, р. 121; перепечат. из: BMG, August 1933, р. 245–246.) со следующим абзацем:

«Owing to the lack of popularity of the guitar in Russia at that time the concerts that Makaroff gave received very strong criticism from the press, one Russian Journal «Iskra» (Spark) – No. 15 published in 1860 – printed a caricature of him in which he was depicted as a stuffed seal playing a guitar between a rhinoceros and a tin donkey».

«Из-за слабой популярности гитары в России того времени концерты Макарова получили очень резкую критику со стороны прессы, один русский журнал "Искра" (Spark) - N° 15 за 1860 год - напечатал на него карикатуру, на которой он был изображен в виде чучела тюленя, играющего на гитаре, между носорогом и оловянным ослом».

Я. Де Клу делает к нему сноску: «This issue of the magazine does not have the mentioned caricature» (Этот номер журнала не содержит упомянутой карикатуры). — стр. 121, примечание 418.

Поначалу я тоже удовлетворился разъяснением Машкевича, но чуть позже все же решил попробовать докопаться до истины, еще, впрочем, ничуть не сомневаясь в его версии, а потому стал искать среди сатирических и юмористических журналов того времени подходящую «Искре» замену, в которой бы и могла быть опубликована искомая карикатура. Очень скоро, однако, выяснилось, что ни один из ближайших претендентов, ни «Гудок», ни «Свисток», ни «Будильник», ни еще несколько более скромных изданий, по разным причинам, на эту роль не подходили. Оставалось либо бросить затею с поиском вовсе, либо... вернуться к «Искре». В. П. Машкевич, историк гитары, бесспорно, авторитетный, решил я, но проверить его информацию стоит. Поиск «Искры» далекого 1860 года — дело непростое, так что пришлось потрудиться, но и не зря: годовой комплект журнала я получил. Замечу, что, будучи абсолютно неуверен в положительном результате, и, в общем-то, сильно на успех не рассчитывая, я заранее решил ограничиться только 1860-м годом и не повторять в случае неудачи (как это делал Машкевич) поиски в номерах за сопредельные годы. Итак, журналы передо мной.

Должен сказать, что предварительно и задолго еще до этого, я, конечно же, выяснил, что «абиссинским маэстро» прозывался скандально известный композитор-дилетант Александр Васильевич Лазарев, получивший такое прозвище за то, что он якобы некоторое время жил в Абиссинии (Эфиопии) и претендовал на глубокие познания в области нравов и жизни этой страны. Словарь Римана, в частности, сообщает о нем следующее:

«Лазарев, Александр Васильевич — одна из наиболее курьезных фигур в области русского дилетантизма; род. 14 февраля 1819 в. Уфе. В молодости был в военной службе, много путешествовал (якобы даже в Абиссинии; отсюда его прозвище «Абиссинский маэстро»), затем выступил в качестве композитора нелепых ораторий (?) «Смерть Олоферна», «Сотворение мира», «Страшный суд» и пр. Полуневежда в музыке, Л. тем не менее давал концерты за границей и в СПб., в которых исполнял «произведения Бетховена и свои», с целью показать превосходство последних. Концерты эти закончились (1860) скандалом: в одном из них, по почину Серова, публика не дала Л. кончить пьесы и заставила его уйти с эстрады. Из произведений этого чудака напечатан гимн «Помилуй нас Боже» (1852); кроме того, им издана курьезная брошюра «Лазарев и Бетховен» (СПб. 1860) с отрывком из его оратории «Страшный суд» (Ф).» — Риман Г. Музыкальный словарь. Перевод с 5-го немецк. издания Б.Юргенсона, дополненный русским отделом, составленным при сотрудничестве П. Веймарна, В. Преображенскаго, Н. Финдейзена, Ю. Энгеля, Б. Юргенсона и др. Перевод и все дополнения под редакцией Ю. Энгеля. М.—Лейпциг, изд. П. Юргенсона, [1901–1904]. — С. 724.

К этому добавим, что в России Лазарев давал свои концерты не только в Петербурге, но и в Москве. Вот, к примеру, описание одного из них, помещенное в журнале «Русское слово»:

«Петербург... из всех своих музыкальных знаменитостей уступил Москве только одного абиссинского маэстро, Лазарева. Сей замечательный соперник Бетховена хотел удивить Москву своей музыкой и созвал москвичей к себе на концерт. Публика собралась в небольшом количестве и начала слушать музыкальную трущобу. Для развлечения стали аплодировать, а потом шикать; тогда концертант вышел вперед и сам начал рукоплескать своему произведению. В программе музыкального вечера, где имя г. Лазарева поставлено

было вместе с именами Моцарта и Россини, была обещана пьеса *Отелло*, но не исполнялась. Когда публика пожелала ее исполнения, маэстро громогласно объявил следующее:

- «Вас так мало собралось на концерт, что и на афиши не хватит. Отелло сыграем, когда Дездемона выздоровеет»...

На такое откровенное признание публика ответила, разумеется смехом». — <Д. Д. Минаев> Дневник темного человека [Лазарев (маэстро) и его подвиги в Москве] // Русское слово: лит.-полит. ж-л. — 1864, № 3, март. — Современное обозрение, Отд. III. — С. 37-38.

Вообще пресса (включая «С.-Петербургские ведомости» и «Северную пчелу») уделяла Лазареву достаточно много места, развлекая читателей многочисленными скандальными историями с его участием в главной роли.

Знаком с «творчеством» А. В. Лазарева был и Николай Петрович Макаров, о чем, в частности, свидетельствует вот этот отрывок из его Воспоминаний, где он описывал свои детские опыты создания «оркестра»:

«Слыхал я, что есть театры, где играют комедии и где играет музыка, т. е. оркестр, и задумал воспроизвести все это у себя дома и вот как. Собрал я шесть мальчиков: одному дал в руки отцовскую скрипку, другому гитару, третьему дудочку, четвертому балалайку, пятому сковороду и чумичку для ударения по сковороде, а шестого усадил за гусли. Потом отыскал в школе с книгами две допотопные комедии: одну под заглавием «Трубочист», заглавие другой не припомню. Далее: поставил посреди залы два стола, на столы по стулу. На один из них взобрался сам с «Трубочистом» в руках; на другой усадил совоспитанника и внучатного моего брата Ваню, дав ему другую комедию. Затем по знаку моей руки мальчики ударили по струнам, да в сковороду, да в дудочку; и пошла потеха; кто в лес, кто по дрова. Это был оркестр удивительный, какого едва ли удавалось кому послушать, и который вполне годился бы для разыгрывания «гениальных композиций известного славянского маэстро». Наконец, по истечении некоторого времени и по моему знаку, оркестр утихал. Тогда я прочитывал первую фразу первого явления из «Трубочиста». За мною Ваня прочтет тоже первую фразу из другой комедии. И так далее, по очереди, пока не надоело. Но были антракты, во время которых, оркестр исполнял симфонии, нисколько не уступающие славянским ораториям известного «абиссинского маэстро, в белом жилете со штрипками». Не доставало только самого маэстро для дирижирования». — Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания. Том 1, с. 83.

Таким образом, было совершенно понятно, что «титул» *абиссинского маэстро* прочно закрепился за Лазаревым и «принадлежал» исключительно ему, а потому в фразу Н. А. Энгельгардта — «Николай Петрович Макаров попал *под титом* «Абиссинского маэстро» в № 15 «Искры» 1860 года» — явно вкралась неточность, и Макаров мог лишь присутствовать где-то и в каком-то качестве *«при маэстро»*.

Но возвратимся к журналу. Итак, мне предстояло еще раз просмотреть «Искру», но уже не ограничиваться только *рисунками*, а обращать также внимание еще и на *тексты*, где мог бы фигурировать «абиссинский маэстро»: в самом деле, почему мы вдруг решили, что карикатурное *изображение* непременно должно быть *рисованным*, а не *словесным*?!

Пролистав несколько номеров журнала, становится ясно, что Γ -н Лазарев — гость на страницах «сатирического журнала с карикатурами» очень даже не редкий. В N^210 от 11 марта в «Выдержках из памятной книжки, старшего чиновника особых поручений «Искры»» творчеству «великого маэстро», «автора новой музыки славянского характера», посвящена очень большая и остроумная заметка (стр. 113), после которой, как выясняется, ее автор был «осужден» в «Русском инвалиде» «неблагодарным маэстро» как «насекомое, которое не раздавливают из одного только сожаления», а потому вынужден был обратиться к «папеньке стольких ораторий» с очередным едким словом еще и в следующем номере (N^211 , стр. 123-124), где к прозе прибавилось еще и поэтическое послание... После этого, N^212 «Искры» от 25 марта, выходит с огромной карикатурой на первой странице с подписью «Творцы будущей музыки — Вагнер и маэстро Абиссинский, ампсо ре Rossin — исполняют свою музыку будущим музыкантам» и цитатой под ней из «Северной пчелы» (N^2 58): «Крейцберг предлагает маэстро Абиссинскому свой зверинец, для исполнения его преславной оратории. Попугаи и другие пернатые бесплатно присоединят голос свой к 5-му дню, а четвероногие, гады и звери, также бесплатно, будут реветь. И пищать в 6-м дне оратории» (стр. 125). В очередном, 13-ом номере (8 апреля) — вновь карикатура на Лазарева, но уже поменьше, снабженная следующей подписью:

- «В концерте.
- Маэстро Абиссинский! Это играют музыку, которую вы сочинили 4 года тому назад?
- Нет, ту музыку я сжег.
- Так можно надеяться, что через 4 года вы и эту сожжете?» (*стр. 138*).

Ну и, наконец, 15-й номер от 22 апреля 1860 года, тот самый, на который ссылался Н. П. Макаров, как на содержащий оскорбительное для него изображение. Удивительно, как В. П. Машкевич, имея перед собой этот журнал, не обратил внимание, что чуть ли не половина всего номера отдана «абиссинскому маэстро»! Во-первых, это статья «Экстраординарное явление в Искре. (Примечания к музыкальной статье абиссинского маэстро)» — стр. 158-161, в которой редакция помещает ответ Лазарева «По поводу карикатур: «Вагнер и Абиссинский maestro amico de Rossini, творцы будущей музыки» и проч...», причем, делает это очень оригинально: «...из особенного уважения к знаменитому нашему соотечественнику, помещаем его статью с примечаниями и не так как обыкновенно печатается: текст вверху, а примечания под строкой, а

навыворот: примечания вверху, а самую статью под строкой» (!). Во-вторых, следом за первой статьей, напечатан фельетон «Диспут Абиссинского маэстро с жрецами Ваала» — стр. 161-163. И если о первой публикации могу лишь сказать, что она крайне занимательна и интересна с точки зрения имеющей в ней место «словесной дуэли» между «великим маэстро» и его критиками, то вот вторая и оказалась «вместилищем» того самого *карикатурного изображения*, которое мы искали. Теперь уже можно совершенно точно сказать, что карикатура была именно словесной, то есть тем, что в одной из умных книжек определяется так: «Словесная карикатура — сатирическое (издевательское) описание вещи, конкретного человека, человеческого типа, события и т. д.».

Теперь самое время с ней познакомиться (весь фельетон, мы, однако, приводить не станем, а ограничимся лишь первой его частью, чего, думаю, будет вполне достаточно):

ДИСПУТ АБИССИНСКОГО МАЭСТРО С ЖРЕЦАМИ ВААЛА.

Мы слышали за достоверное, что между г. Лазаревым и его противниками назначен диспут и единоборство, по примеру таковых же единоборств ученых и финансовых, бывших в зале университета между гг. Погодиным и Костомаровым (о том, откуда приплыли Варяго-Руссы, и что это были за люди) и в Пассаже между гг. Перозио и Смирновым (о том, куда и как плавают пароходы Русского Общества и что это за общество). Г. Лазарев поставил непременным условием, чтобы при единоборстве соблюден был регламент рыцарских турниров. По долгом совещании, с обеих сторон положено следующее:

Турнир имеет быть на Конной площади в балагане Крейцберга. Г. Лазарев вызывает на ратоборство всех своих критиков, желая положить «раз навсегда» конец распре и сокрушить гидру. Событие это имеет совершиться по нижеприведенной программе: Так как великому маэстро неприлично было бы отправиться на ристалище на ваньке, то предположено устроить для того церемониальное шествие, по подобию шествия Черномора в опере Руслан и Людмила и овации Квазимодо в балете Эсмеральда.

Шествие открывает хор бомбардонов и тромбонов.

Затем депутация газеты Vanderer, на днях прибывшая в Северную Пальмиру и удостоенная уже аудиенции. Абиссинский маэстро допустил ее к руке, причем изрек кратко, но сильно: благодарю, спасибо, молодцы!

Рыцарь радости в трико телесного цвета с блестками, в разноцветной епанче и шишаке с страусовыми перьями, возглашающий: Evviva, Evviva, Evviva cavaliere Alessandro, noto in tutto universoe in altri siti (*).

Отряд Савойяров с морскими свинками, поющих и хрюкающих хвалу знаменитому мужу.

Хор шарманок, исполняющих «Страшный Суд» родного нашего композитора в 60 моментах (Alegretto: От-

чаяние грешных. Alegro-brisoo: свирепая радость дьяволов).

Герб великого Абиссинца, несомый двумя Арапами; щит герба разделен на четыре части; в первой части в малиновом поле медный носорог; во второй в бруснишном поле набитый соломой тюлень, играющий на гитаре фантазию сочинения г. Макарова (зри «Задушевную Исповедь»); в третьей части в гороховом поле орангутанг гуттаперчевый; в четвертой части в крапивном поле оловянный осел. На гербе картонный шлем, на шлеме кукушка из стенных часов. Щитодержатели: два козерога. Девиз:

Что то за зверь? какого роду?

Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?

Ну только и речей пошло, что про Осла (**)

Знаки музыкального и воинского достоинства победителя Абиссин, несомые на перинах прибывшими для сего торжества из Абиссинии сановниками.

Капельмейстерская Булава, украшенная репейником, несомая главным абиссинским евнухом.

Диплом на звание amico de Rossini, несомый великим Абиссинским дедицумашем (***).

Оловянный меч за 10 фунтов весу, сделанный по образцу меча Голиафова и несомый двумя карлами.

Лира из леденца с сусальной позолотой.

Белый жилет со штрипками, несомый князем большой области Тигре-Уве.

Черный фрак с атласными ленточками на правом рукаве.

Томпаковый позолоченный фиал, поднесенный великим маэстро своим сподвижникам на концерте 20

Рыцарь печального образа, облеченный в хламиду, сшитую из печатных простынь А-ра В-ча.

Печальная процессия жрецов Ваала: критики, враги и завистники гениального мужа, закованные в цепи и от стыда закрывающие себе лицо руками и горько плачущие и взывающие о прощении к славному маэстро. В главе их первые лиходеи А-ра В-ча — Маныч (которого не должно смешивать с рекою Манычь в Ставропольской губернии, известной каждому благовоспитанному Русскому из географии Арсеньева) и Алгебраическое неизвестное Z (он же Вавила критик и жрец Ваала Гаврила Русопет), корреспонденты и фельетонисты серой и серейшей газет, обер-критик Серов и господин Ratataplan, plan, Rataplan!! (из Гугенотов), глубоко вздыхающий о таковом посрамлении искусства.

Сам великий маэстро A–р B–ч Абиссинский, amico de Rossini, творец музыки будущего, Страшный Судия и убийца Олоферна – на колеснице Дулькамара (из Elisir d'amore) в шлеме Мамбрина (****) с бубенчиками, в фольговых латах и рыцарской мантии цвета адского дыма с пламенем и с жестяным щитом.

Кругом – колесницы друзья и почитатели гениального мужа.

Оркестр из тромпетов, трещоток, кастрюлей, барабанов, сковород, кимвалов, цевниц, контрабасов и китайских тамтамов...»

^к) Известный во всем мире и в других местах.

^{**)} Зри Басни Крылова.

(***) Зри печатные простыни г. Лазарева.

(***) Шлем Мамбрина есть собственно оловянный таз, употребляемый для бритья бород в цирюльнях в Испании.

Ну, и так далее... Довольно, поскольку персона г-на Лазарева нас интересует меньше Макарова, а о нем уже все и сказано (!), можно прервать дальнейшее описание поединка, тем более, что заканчивается он тем, что «судья турнира объявляет, что неизвестно кто остался победителем».

Подписано это сочинение фигурирующим и в самом тексте «алгебраическим неизвестным», а именно: «Z....», которым, как установлено специалистами-литераторами, был русский поэт-сатирик, журналист, известный переводчик Беранже, а также один из основателей и главных авторов «Искры» — Василий Степанович Курочкин (1831–1875).

Поскольку уж у меня оказалась вся «Искра» за 1860 год, я просмотрел и оставшиеся номера и обнаружил, что Н. П. Макаров упоминается, оказывается, еще и в другом номере (N^2 22 от 10 июня), хотя (!?) опять же в одном ряду с Лазаревым, а именно, в статье все того же В. С. Курочкина «Дилетантизм во всех его проявлениях»:

«...Что такое любитель? — Аматёр, дилетант. Откройте любой словарь и вы прочтете в нем, что любитель — в художествах не художник, в науках не ученый, в ремеслах не ремесленник, а так себе, человек, любящий то, или другое или третье. Если он гласно заявил, что он любитель такого-то дела, требуйте, чтоб он был тверд в своем слове, и действительно это дело любил, но вы никакого не имеете права требовать, чтобы он его понимал. Это уж, господа, так заведено. Объясним наше воззрение (!) примерами и примерами, взятыми из современной жизни. <...>

Возьмем музыку. Маша или Параша, солистка цыганского хора — певица, артистка цыганского пения; барышня, поющая при офицерах: «Он меня разлюбил», или «Чья-то ножка наступила на бревно», — только любительница, как бы она ни цыганила голоском. Г-н Лазарев, не жалеющий денег для своих концертов — композитор, присяжный артист, жрец искусства; г-н Макаров, не жалеющий денег для усовершенствования гитары — только любитель, хотя деятельность его, может быть, и полезнее деятельности г-на Лазарева». — Любитель [В. С. Курочкин]. Дилетантизм во всех его проявлениях (Письмо любителя российской юмористической словесности) // Искра, 1860, №22, 10 июня, стр. 229, 231.

Теперь остается ответить лишь на последний вопрос: ради чего же сам Николай Петрович растиражировал информацию об этой «карикатуре» в «Искре», в которой фигурирует даже не он сам, а только его «исполняемая фантазия»?! Зачем, с какой целью, воскресил он из небытия, уверен, всеми давно уже позабытый фельетон, в котором вряд ли кто, кроме него самого, обратил внимание на вскользь упомянутого Макарова? Неужели же и здесь он необдуманно выступил как враг самому себе, что, признаем, с ним уже бывало, и много-много раз, в случаях с совсем необязательными откровениями в «Исповеди» и «Воспоминаниях», которые рассудительнее и благоразумнее стоило бы попридержать при себе? Нет, не думаю!

Конечно, быть высмеянным «Искрой» вряд ли кто-то сознательно стремился, наоборот, этого, как правило, очень побаивались. В книге «Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина: Выпуск второй (1864–1875 гг.)» (М., изд. А. С. Панафидиной, 1905), составленной Н. Денисюком, к одной из статей им сделано следующее примечание (стр. 207):

«В <18>60-х годах не было, кажется, ничего страшнее для русского администратора или общественного деятеля, как «попасть в Искру». Это уже само по себе говорит за степень нравственного авторитета, которым пользовался этот журнал. Это последнее обстоятельство становится вполне понятным, если припомнить, что в журнале участвовали: Н. А. Добролюбов, <В. С.> Курочкин, А. В. Дружинин, П. И. Вейнберг, П. А. Гайдебуров, Д. Д. Минаев, Глеб Успенский, <Ф. М.> Решетников, <А. И.> Герцен, А. М. Жумчужников, <Н. Н.> Златовратский, <В. П.> Буренин и мн. др.

«Искра», сатирич. и юмористич. журнал, издавался с 1859 г. по 1873 г. Журнал этот возник по мысли известного карикатуриста Н. А. Степанова, и талантливого переводчика Беранже В. С. Курочкина. Журнал часто навлекал на себя административные кары и тяжело чувствовал 'существование цензурного ведомства'».

Но, с другой стороны, «Искра» удостаивала своим внимание далеко не каждого, а потому «попасть в «Искру»» было еще и уровнем признания, ведь в свои лучшие годы (1862 и 1863) у этого журнала было около 10 тыс. подписчиков — цифра по тем временам огромная! Так что, думается, Н. П. Макаров рассудил для себя, что «попадание в «Искру»» для него больше плюс, чем минус, но сказать об этом факте стоит все же... с выражением горечи и обиды! Что он и сделал, как бы невзначай однако же намекая — а ведь знали меня, пользовался известностью, был Фигурой!

диспутъ абиссинскаго маэстро съ жрвцами ваала.

Мы слышали за достовърное, что между г. Лазаревымъ и его противниками назначенъ диспутъ и единоборство, по примъру таковыхъ же единоборствъ ученыхъ и ениансовыхъ, бывшихъ въ залъ университета между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ (о томъ откуда приплыли Варяго-Руссы, и что это были за люди) и въ Пассажъ между гг. Перозіо и Смирновымъ (о томъ, куда и какъ плаваютъ пароходы Русскаго Общества и что это за общество). Г. Лазаревъ поставилъ непремъннымъ условіемъ, чтобы при единоборствъ соблюденъ былъ регламентъ рыцарскихъ турнировъ. По долгомъ совъщаніи, съ обънхъ сторонъ положено слълующее:

Турниръ инфетъ быть на Конной площади въ балагант Крейцберга. Г. Лазаревъ вызываетъ на ратоборство встать своихъ критиковъ, желая положить « разъ навсегда » конецъ распрт и сокруцинть гидру.

Событіе это вижеть совершиться по вижеприведенной програмих: Такъ какъ великому маэстро неприлично было бы отправиться на ристалище на ванькъ, то предположено устроить для того перемоніальное шествіе, по подобію шествія Черномора

вомъ посрамленія искусства.

Шествіе открываеть хоръ бомбардоновь и тромбоновь.

Затвиъ депутація газеты Wanderer, на дняхъ прибывшая въ Стверную Пальниру и удостоенная уже аудіенців. Абиссинскій манстро допустваъ ее къ рукъ, причемъ изрекъ кратко, но сильно: благодарю, спасибо, молодиы!

Рыцарь радости въ трико телеснаго цвета съ блестками, въ разноцестной эпанче и шишают съ страусовыми перьями, возглашающій: Evviva, Evviva, Evviva il cavaliere Alessandro, noto in tutto universo e in altri siti (*).

Отрядъ Савойяровъ съ морскими свинками, поющихъ и хрюкающить хвалу знаменитому мужу.

Хоръ шарманокъ, исполняющихъ «Страшный Судъ» родного нашего композитора въ 60 моментахъ (Alegretto: Отчаяніе грэмныхъ. Alegro-brisoo: свиръпая радость дьяволовъ).

Гербъ великаго Абиссинца, несомый двумя Арапами; щитъ герба разділень на четыре части; въ первой части въ малиновоиъ полъ издный восорогь; во второй въ бруснишновъ полъ набитый соломой тюлень, играющій на гитарі: фантазію сочиненія г. Макарова (ари «Задушевную Исповадь»); въ третьей части въ гороховомъ полѣ орангутангъ гутта-перчевый; въ четвертой части въ крапивномъ полъ оловянный осель. На гербъ картонный шлемъ, на племъ кукушка изъ стънвыхъ часовъ. Шитолержатели: два козерога. Левизъ:

> Что то за звърь? какого роду? Чай, онь зубасть? роговь, чай, нать числа? Ну только и ръчей пошло, что про Осла (**)

Знаки музыкальнаго и воинскаго достоинства побъдителя Абиссинъ, несомые на перинахъ прибывшими для сего торжества изъ Абиссиніи сановниками.

Капельмейстерская Булава, украшенная репейникомъ, несомая главнымъ абиссинскимъ евнухомъ.

Дипломъ на званіе amico de Rossini, несомый великимъ Абиссинскимъ дедіцумашемъ (***).

Оловянный мечь за 10 фунтовъ въсу, сдъланный по образпу меча Голіафова и несоный двумя кардами.

Лира изъ леденца съ сусальной позолотой.

Бълый жилеть со штрипками, несоный княземъ большой области Тигре-Уве.

Черный фракъ съ атласными ленточками на правомъ рукавъ. Томпаковый позолоченный фізлъ, поднесенный великимъ мазстро своинъ сподвижникамъ на концертъ 20 марта.

Рыцарь печальнаго образа, облеченный въ хламиду, сшитую изъ печатныхъ простынь А — ра В — ча.

Печальная процессія жрецовъ Ваала: критики, враги и завистемки генјальнаго мужа, закованные въ цели и отъ стыда закрывающіе себъ лицо рукани и горько плачущіе и взывающіе о прощенів къ славному маэстро. Въ главѣ ихъ первые лиходѣн Ара В — ча — Манычь (котораго не должно ситшивать съ ръкою Манычь въ Ставропольской губернін, вавъстной каждому благовосинтанному Русскому изъ географія Арсеньева) и Алгебранческое неизвъстное Z (онъ же Вавила критикъ и жрецъ Ваала Гаврвая Русопеть), корреспонденты в фельетонисты сърой в съръйСамъ великій мазстро А — ръ В — чъ Абиссинскій, атісо

шей газеть, оберъ-критикъ Съровъ и господинъ Ratataplan, plan, plan, Rataplan!! (изъ Гугенотовъ), глубоко вадыхающій о тако-

de Rossini, творецъ музыки будущаго, Страшный Судія и убійца Олоферна — на колесинцъ Дульканара (изъ Elisir d'amore) въ шлент Мамбрина (*) съ бубенчикани, въ фольговыхъ датахъ и рыцарской мантін цвъта адекаго дына съ пламейенъ и съ жестинынъ щитомъ.

Кругомъ — колесиицы друзья и почитатели геніальнаго мужа. Оркестръ ваъ тромпетовъ, трещотокъ, кострилей, барабановъ сковородъ, кинваловъ, цъвницъ, контрабасовъ и китайскихъ тактамовъ.

Абиссинское вониство — 100,000 солдать (лидеть) подъ предводительствомъ Султана Розали или Раса, человъка весьма корыстнаго и наказаннаго самою судьбою (**).

По прибытів шествія на Конную площадь въ балаганъ Крейцберга, — при чемъ пернатые и четвероногіе исполнять изсколько моментовъ изъ Ораторій знаменитаго нашего соотечественника вст устанавливаются по мъстамъ и великій мужъ соблаговолитъ приказать подвести къ себъ своихъ критиковъ, которые и инфотъ быть поставлены на колени и А-ръ В-чь объявить имъ великодушное прощеніе, за тъмъ повелить снять съ нихъ оковы и наречеть: « parbleu, ну теперь къ вашинъ услуганъ, приступниъ къ диспуту, разражу въ пракъ всекъ словомъ, звукомъ и мечемъ. » И обращаясь къ корреспондентамъ съръйшей газеты и господину Rataplan! plan! plan: а вы Іудофилы, трепешите!!..

Посредниковъ не назначается, по примъру состязанія гг. Погодина и Костомарова, но г. Крейцбергъ будеть судьей турнира.

Диспуть будеть состоять изъ чтенія печатныхъ простынь язданныхъ маэстро. Потомъ онъ произносить спичь, гдв доказываетъ, что Бетховенъ и Гайднъ передънимъ просто рыцари Свистопласки.

Противникамъ возражать не позволяется. Они протестують и ебують единоборства.

Предсказатель Страшнаго Суда и побъдитель. Абиссинъ пресываеть свой оловянный мечь и выходить на арену.

Раздаются трубные звуки (Alegretto: Внезапное начало Страшsoro суда, Tempo di Marcia: выступленіе небеснаго воинства. Piu lorgo: гласъ трубный).

Выходять на состязание Манычь и алгебранческое неизвъст-

« Мало васъ, подавайте еще! » возглащаетъ убійца Олоферна. Музыканты! adagio; небо отвергаеть моленіе грашныхь.»

Приближаются съ трепетомъ корреспонденты сърой и съръйшей газеть и прочіе жрецы Ваала.

Герой вступаеть въ битву, махаеть одовяннымъ мечемъ. Противники его уклоняются отъ ударовъ; герой пресладуеть ихъ и готовъ уже одержать побъду, какъ внезапио, въ то время, когда онъ приходитъ мимо клетокъ съ обезьянами, одинъ изъ орангутановъ просовываетъ лапу за ръшетку, хватаетъ его, и родной нашъ композиторъ падаетъ на земь и роняетъ мечь. Оркестръ играетъ Tempo di Marcia; войска Олоферна окружаютъ Бетулію. Противники А-ра В-ча переходять въ наступление (подобно какъ въ бот Горацієвъ съ Куріаціями; зри Рямскую исторію,

— 163 —

иъ которой были и не такія еще происшествія), Манычь схваты- | критика Сфрова. Начинается пальба изъ самопаловь; Consordini ваеть оловянный мечь и ударяеть имъ победителя Абиссивъ. Мечь разлетается въ дребезги. Оркестръ: Adagio: Юдноь отрубаетъ голову Олоферну. Судья турнира г. Крейцбергь является и освобождаетъ А---ра В--- ча. Приносять самопалы, заряженные клюквою и подводять страго коня.

Великій мужъ съ трудомъ взбирается на съдло, и на съру коню выбажаеть противь сърыхь и съръйшихь газеть и оберь

вграють Andante : вопль Изравльтянь. Алгебранческое неизвъстное Z попадаеть изъ своего самопала въ маестро и лицо сего последняго обагряется клюквеннымъ сокомъ. Герой падаеть съ съра коня. Оркестръ: Virace; торжество народа Изранльского. Абиссинскіе вонны (ашкеры) выносять знаменитого мужа вонь; судья турнира объявляеть, что неизвъстно кто остался нобъявтелемъ.

Z....

Извъстина во всемъ міръ и въ другихъ мъстахъ.

^(**) Зри Басин Крыдова. (***) Зри печатима простыни г. Лазарева.

^(*) Шлемъ Мамбрина есть собствонно оловенцый тазъ, употребляемый для бритья дъ въ пирюмънять въ Испаніи.

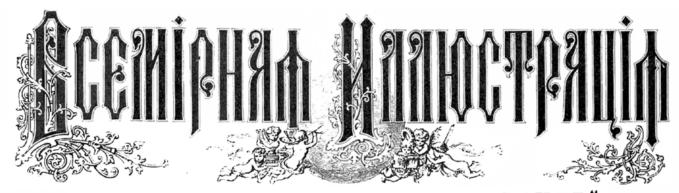
^(**) Зря первую печатную простыню A — ра В — ча.

 Н. П. МАКАРОВЪ, извъстный лексикографъ, † 5-го декабря.
 Съ фотографіи рисовалъ П. Борель.

H. Marapoll

(Портрет Н. П. Макарова, опубликованный при статье-некрологе П. Быкова в журнале «Всемирная иллюстрация», 1891, Т. XLV, №3 (1147), 12 янв. – С. 47-48)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАГО ЖУРНАЛА "ТРУДЪ

№ 1147. Годь XXIII

🤲 12-го яяваря 1891 г. 🥯

Томъ XLV. № 3.

Н. П. Макаров †

В самом начале декабря истекшего года, в своем имении Фуникове, в тульской губернии, скончался известный лексикограф и автор нескольких беллетристических произведений, Николай Петрович Макаров. Покойный происходил из старинного дворянского рода; отец его, Петр Петрович Макаров, в молодости служил в военной службе, затем вышел в отставку и поселился в своем имении близ Чухломы, уездного города костромской губернии. В этом городе, от второго брака его на сироте-дворянке Анне Макаровне Мичуриной, и родился Николай Петрович Макаров 4 февраля 1810 года. Рано лишившись матери, он рос на руках бабушки и воспитывался дома до тринадцатилетнего возраста, обнаруживая недюжинные способности и питая попеременно страсть то к музыке, то к рисованию, то к сочинительству и обладая превосходной памятью, благодаря которой он знал на память все поэмы Пушкина, главные и объемистые баллады Жуковского, всю поэму Рылеева «Войнаровский» и пр. В 1823 году он переехал в Варшаву к своему родному дяде с материнской стороны, Валериану Макаровичу Мичурину, и здесь подготовлялся к военной службе, продолжая свое образование под руководством четырех учителей, из которых один, необыкновенно интересный лингвист Петерс, учил его французскому языку. Спустя два года с половиною, Н. П. поступил в школу пехотных гвардейских подпрапорщиков в Лазенковском парке, в Варшаве, и в августе 1830 года был произведен за отличие в офицеры лейб-гвардии Литовского полка, где прослужил семь лет юнкером. Вскоре началось польское восстание, и Н. П. очутился в плену у поляков, в котором пробыл десять месяцев. После этого он возвратился в свой полк в Варшаве, стоял с ним в Ораниенбауме, затем был переведен в 1837 году в Рижский драгунский полк, а в следующем году вышел в отставку и поселился с женою в ее имении, данном за нею в приданое, сельце Рожествене, близ Тулы. Здесь он занимался сельским хозяйством, пробовал взяться за перо, написал два беллетристических очерка, не попавшие, однако, в печать, и впервые стал заниматься лексикографией, энциклопедией. Он задумал издать краткий «Лексикон справок», много работал над ним в сотрудничестве с женою, но смерть последней расстроила это предприятие. Овдовев в 1844 году¹, Н. П. поступил на службу к известному русско-

 $\overline{^{1}}$ Первая жена Макарова умерла в 1845 г.

му самородку и коммерческому деятелю В. А. Кокореву, но в 1861 году разошелся с ним и тогда же уехал за границу, где прожил до конца января 1852 года в Париже к был свидетелем знаменитого coup d'état «маленького Наполеона», по выражению В. Гюго. В Париже Н. П. усердно занимался усовершенствованием гитары, своего любимого инструмента, на котором он играл замечательно, давая даже концерты. Переселившись в 1855 г. в Петербург Н. П. купил плитной завод близ Шлиссельбурга, но вследствие непрактичности разорился и уехал в конце 1860 г. в свое имение. За год перед этим он выступил в литературе, напечатав в «Современнике» (1859 г.) свою объемистую повесть обличительного содержания, под заглавием «Задушевная исповедь», в которой фигурировал главным образом В. А. Кокорев, под именем Штукарева. Эта повесть, написанная чрезвычайно бойко, бесспорно талантливо, с неподдельной искренностью, имела успех в публике и наделала в то время много шума, но вместе навлекла на автора множество самых злых нападок и насмешек в печати. Вслед за «Задушевною исповедью» он, издал отдельно под псевдонимом Гермогена Трехзвездочкина три беллетристические произведения: «Банк тщеславия», «Две сестрички»

и «Победа над самодурами и страдальческий крест» в том же обличительном роде. Но горячка обличительного направления в литературе к этому времени затихла совершенно, и эти произведения Н. П. не имели уже никакого успеха, вызвав только грубую статью Д. И. Писарева в «Русском Слове». Кроме того, он стал писать в «Русском Инвалиде», «Северной Пчеле» и «Военном Сборнике». В последнем издании помещена прекрасная статья его «Воспоминания пленного офицера», содержащая эпизод из собственной жизни автора во время плена его у поляков и написанная с полным беспристрастием и правдиво. О Н. П. скоро забыли совершенно, когда в средине шестидесятых годов он снова напомнил о себе, выступив на свою настоящую дорогу — дорогу лексикографии. После всевозможных затруднений, особенно материальных, Н. П. издал «Полный русско-французский

словарь», начатый им в 1863 г. и оконченный в 1866 г., и «Полный французско-русский словарь», начатый в 1868 г. и оконченный в 1872 году. Оба эти капитальнейшие труда встретили лестные похвалы специалистов и выдержали несколько изданий, оказав огромную пользу публике и служа для каждого скольконибудь образованного человека необходимой настольной книгой, одобренной ученым комитетом министерства народного просвещения. По приглашению этого комитета, он составил и издал в 1874 г. специально для учебных заведений «Международные словари», также разошедшиеся в значительном количестве экземпляров. Наконец Н. П. довершил «здание рациональной двуязычной лексикографии» составлением «Полного немецко-русского словаря» и русско-немецкой и немецкорусской частей «Международного словаря». Кроме того, он издал следующие весьма полезные книги: «Энциклопедия ума или словарь избранных мыслей», «Латинские, итальянские и французские пословицы, поговорки и тексты», а также несколько полубеллетристических произведений: «Мои семидесятилетние воспоминания», «Калейдоскоп», «Три бичующие сатиры», «Ум и остроумие» и проч. Последние годы он прожил в деревне и никуда не выезжал. В книге «Мои семидесятилетние воспоминания» он описал до мельчайших подробностей свою жизнь со всеми злоключениями и испытаниями судьбы, далеко не баловавшей его. Как беллетрист, Н. П. Макаров не имеет серьезного значения, но, как лексикограф, вполне обессмертил свое имя. Вообще, это был один из интересных и даровитых люден, но во многих отношениях большой неудачник.

П. Быков*

Н. П. Макаровъ †

Паряжі В. П. усерыю ванимался усовершенствованіем; питары, своето любитато внегричента, вы которомы оди втраль зам'ямтельно, давка даже контеры. Переселивнисть п. 1855 г. в. Негербургь, Н. П. муниль выштной наволь блянь Шилессам'урга, по пельтетие непрактичности разорился и укаль въ новер 1850 г. в. свое имуналь въ мощ 1850 г.) свою объемистрь помуна не мощ 1859 г.) свою объемистрь помуна възгратурь, напечатавни условно пред при при пред пред при прави при пред при пред при пред при пред пред пред пред прави пред пред пред прави пред прави прави

48

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

... п. макаговъ, появетный лексикографъ, † 5-го декабря. Съ фотографія рисовав II. Борса. Н. П. МАКАРОВЪ, павъстный

№ 1147.

No. 1147.

рогу — дорогу дексикографія. Послі всекоможникть ватрудненій, особеню матеріальнука, М. П. надаль "Польній русско-французскій словарк", вычатый яка в. 1863 г. в соозменьній віз 1865 г. в соозменьній віз 1867 г. в сосменьній страм стратал перемані дексиков познача стромую польку публінкі в служа для кажда тослько вибудь образовання огромую польку публінкі в служа для кажда стромую польку віз 1867 г. сесеньній проставлення под проставдення по проставдення проставдення при проставдення простав проставдення простав прос асе исловной опускает ристических произведений: "Мои семиросатильтий воспоминания", "Калейдосковт", "Тры бенующів сатары", "Ука в остроуміс и прот. Постідніе годы опу прожиль вы деревий в шихуа не вийжальть. Вы квигіть "Мои семидесятильтий постояннаній эток описать до мельчайних подробностей спора запань со всіми адоключенням и пенатавімим судьбід, далено не балованней его. Какъ беластриеть. Н. Н. Махаровь не им'ют сереснато наченій, во, какъ дексикографъ, пакошті обесе сергаль ское имя. Вообще, то баль однив пла нитереснямь и дароватихы людьной вездачникъ.

И. Боколь

^{*} *Быков, Петр Васильевич (1843–1930)* — критик и библиограф, редактор журналов «Всемирная иллюстрация», «Русское богатство» и «Современник». Под его редакцией выходили собрания сочинений многих писателей.

Николай Петровичъ Макаровъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

(Портрет Н. П. Макарова, опубликованный при его некрологе в журнале «Нива», 1891, \mathcal{N}^{0} 14, с. 325)

Опубликовано в журналах: «ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» (1891, Т. XLIII, с. 596-597) и «НИВА» (1891, № 14, с. 325).

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАКАРОВ (НЕКРОЛОГ)

† 5-го декабря, в своем имении Фуниково-Рожествино, Тульской губернии, известный лексикограф и писатель Николай Петрович Макаров. Покойный родился 4-го февраля 1810 г. в Чухломе, где отец его был исправником. В 1823 г. Н. П. был вызван дядей своим В. М. Мичуриными, жившим в Варшаве, где вскоре определен подпрапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. В 1830 г. во время вспыхнувшего в Польше мятежа, Н. П., в числе других русских, был задержан как военнопленный и получил свободу только по взятии Паскевичем Варшавы. Это событие из его жизни описано им в статье «Воспоминания военнопленного офицера», напечатанной в «Военном Сборнике» 1862 г. В 1837 г. Н. П. женился на дочери помещика Болтиной и перешел в Рижский драгунский полк, а в 1838 г. вышел в отставку с чином майора. В 1844 г., потеряв жену¹, Н. П. поступил на службу к В. А. Кокореву, но экспансивная, страстная натура его не могла долго ужиться с расчетливым и холодным коммерсантом; в 1852 г. между ними произошел полный разрыв, а в 1869 г. Н. П. напечатал в «Современнике» грозную, обличительную статью против Кокорева, под заглавием «Задушевная исповедь». В 1851 г. Н. П. ездил за границу с целью усовершенствования своего любимого инструмента — гитары, на которой играл превосходно и для которой написал много композиций. В 1860 г. он поселился в Тульской деревне, полученной им в приданое за второй женой, рожденной Богаевской. Отсюда он посылал статьи, касающиеся мировых и других общественных учреждений в «Русский Инвалид», «Северную Пчелу» и др. издания, писал корреспонденции в «Голос» и издал три обличительно-сатирических романа, под псевдонимом Трехзвездочкина: «Банк тщеславия», «Две сестрички» и «Победа над самодурами»; последний роман вызвал ожесточенную полемику между Н. П. и покойным Д. И. Писаревым. Все названные произведения не только не имели никакого успеха, но расходы на их печатание совершенно расстроили небольшое состояние Н. П. Тогда (в 1863 г.) он принялся за свой первый лексикографически труд «Полный русско-французский словарь», который окончил в 1866 г. Средств на печатание этого обширного труда у Н. П. не было и он появился в свет лишь благодаря содержателю типографии Неклюдову, отпечатавшему его в кредит. С 1868 по 1872 г. Н. П. работал над составлением «Полного французско-русского словаря» и тщетно обращался за помощью для его издания к известному Солдатенкову и другим «меценатам»,³ отвечавшим ему грубым отказом. Тогда он прибегнул к министру народного просвещения, графу Д. А. Толстому, и по его ходатайству, подучил от государя императора 4,000 руб., обеспечивших издание второго словаря. Этим деятельность Н. П. не ограничилась: в 1874 г. он издал «Международные словари» для учебных заведений и «Немецко-русский словарь». В награду за свои лексикографические труды Н. П. был награжден орденом св. Станислава 2-й степени. В 1878 г. он составил «Энциклопедию ума или словарь избранных мыслей», затем «Латинские, итальянские и английские пословицы и поговорки», и написал три беллетристические произведения: «Три бичующие сатиры», «Мои семидесятилетние воспоминания» (1882 г.) и «Калейдоскоп» (1883 г.). Эти беллетристические произведения также, как и прежние, не имели успеха, а «Воспоминания» вызвали даже, впрочем, вполне заслуженные, насмешки. В 1881 г. Н. П. вместе с несколькими литераторами основал литературное общество под названием «Пушкинское Собрание» и был выбран его председателем, но это общество существовало всего один год. Последние годы своей жизни Н. П., одержимый старческими недугами, провел безвыездно в деревне, нетерпеливо ожидая кончины, и постоянно говоря окружающим: «каждый день молю Бога о скорой смерти; страшно надоела мне жизнь».

Как человек, Н. П. был в высшей степени добрый, горячий, увлекающийся и доверчивый до такой степени, что всякий ловкий человек легко его обманывал: он был наивен, как ребенок, и растрачивал свои средства на всевозможных эксплуатаров и проходимцев. Как беллетрист, Н. П. был не лишен некоторого таланта, но странные, ложные и отсталые понятия, которые он проводил в своих произведениях, создали ему весьма незавидную литературную репутацию. 5

¹ А. П. Макарова (Болтина) умерла 7 марта 1845 года. – *Зд. и ниже прим. ред. ИГвЛ.*

² В некрологе, помещенном в журнале «Нива», опущены фразы *«но экспансивная, страстная натура его не могла долго ужиться с расчетливым и холодным коммерсантом»* и *«а в 1869 г. Н. П. напечатал в «Современнике» грозную, обличительную статью против Кокорева, под заглавием «Задушевная исповедь»».*

³ В «Ниве» вместо слов *«к известному Солдатенкову и другим «меценатам»*, напечатано *«к известным меценатам»*.

⁴ Это и предшествующее ему предложения в «Ниве» объединены, в них опушены названия произведений и удалена фраза «а «Воспоминания» вызвали даже, впрочем, вполне заслуженные, насмешки».

⁵ В некрологе, помещенном в журнале «Нива», последний абзац отсутствует.

ЛИБИТЕЛЯМЪГИТАРЫ.

НЪСКОЛЬКО ПРАВИЛЬ

BUCMER LALABHOR ALBRI

Н. Макарова.

AUX AMATEURS DE LA GUITARE.

QUELQUES RÈGLES

DU JEU SUPERIEUR DE LA GUITARE

par

N. MAKAROFF.

САНКТИЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93. 1874.

BCTYNAEME.

introduction.

«Велика Өсдора, да дура; и MAJA SOJOTERES DE JODOFA.

«Grosse tête, peu de

За исключеніемъ Россіи, гдъ еще занимаются гитарою многіе любители. эти безстрашные рыцари, не смотря ии на что оставшіеся върными своимъ прасавицамъ, за границею этотъ спромный, по симпатичный и благородный, хотя и трудный инструменть, повсюду весправедливо и безжалостно осмъянный и униженный, совершение заброшенъ въ настоящее врамя, потому что имбли иссправедливость или, вфрибе, безвкусіе предпочесть ему цитру, этотъ писванный и гнусанный инструменть, жиденькій, сиплый тонь и убійственная монотопность котораго, если часто его слышать, въ состоянін павести смертельную скуку и вызвать зъвоту, способную вывихнуть челюсти у всякаго, въ комъ развито чувство изящнаго и музыки. Въ самомъ дель можеть ли эта пародія гуслей соперинчать съ гитарою, которой доступны всь стили, самый легкій какъ

A l'exception de la Russie, où la guitare est encore cultivée par plusieurs amateurs, ces chevaliers sans peur qui lui sont restés fidèles quand même, partout ailleurs, cet instrument modeste, mais sympathique et noble, bien que difficile; cet instrument, si injustement et sans pitié raillé et dénigré, est, à l'heure qu'il est, entièrement abandonné. parce qu'on a eu le tort ou, pour mieux dire, le mauvais guôt de lui avoir préféré le cythre, cet instrument criard et nasillard, dont le ton grêle, rauque et d'une monotonie assommante, pour peu qu'on l'entende souvent, peut à la lengue causer un ennui mortel et provoquer des baillements à démettre les mâchoires de tous ceux qui ont le sentiment fortement développé du beau et de la musique. En effet, peut-elle, cette parodie d'un psaltérion, rivaliser avec la guitare à laquelle sont accessibles tous les styles, les plus légers comme и самый широкій, стиль концертовъ les plus larges, ceux des concertos,

Первая страница отдельного двуязычного русско-французского издания «Нескольких правил высшей гитарной игры» Н. П. Макарова (1874)

Николай Макаров

НЕСКОЛЬКО ПРЯВИЛ ВЫСШЕЙ ГИТЯРНОЙ ИГРЫ

Печатается в современной орфографии по русскому тексту издания: Макаров Н. П. Несколько правил высшей гитарной игры (на рус. и франц. яз.), Санкт-Петербург, тип. А. М. Котомина, 1874; с прибавлением предисловия «От редакции» журнала «Гитаристъ» (М.,1905, №1).

Предисловие к публикации «Нескольких правил высшей гитарной игры» Н. П. Макарова в журнале «Гитаристъ», 1905, №1.

ОТ РЕДАКЦИИ

Изданная в 1874 году брошюра известного гитариста-энтузиаста Н. П. Макарова под приведенным выше заглавием и посвященная «любителям гитары» стала в настоящее время библиографическою редкостью.

А между тем в этой брошюре есть много весьма ценных указаний, касающихся техники гитарной игры. Эти указания одинаково полезны для гитаристов и того, и другого строя, а в особенности для изучения сочинений самого автора, писавшего исключительно для десятиструнной гитары.

«Вступление» к изложению этих правил было последней гневной вспышкой пылкого, энергичного поборника истинной гитарной музыки. Оскорбленный равнодушием своих современников, разочарованный в попытках поднять гитару, вывести ее из временного забвения, Н. П. Макаров не поскупился в выражениях по адресу врагов любимого своего инструмента. Почтенный автор не отличался хваленою «корректностью» и говорил истины без очаровательной улыбки на устах.

Насколько справедливы его гнев и обвинения против цитры и современных музыкантов — это вопрос, к которому мы еще вернемся, но вступление это во всяком случае является интересной страничкой по отношению к личности и музыкальным взглядам одного из несомненно выдающихся передовых русских гитаристов.

Оригинал брошюры был издан на русском и французском языках. Мы печатаем только один русский текст.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Велика Федора, да дура; и мал золотник, да дорог».

За исключением России, где еще занимаются гитарой многие любители, эти бесстрашные рыцари, несмотря ни на что оставшиеся верными своим красавицам, за границей этот скромный, но симпатичный и благородный, хотя и трудный инструмент, повсюду несправедливо и безжалостно осмеянный и униженный, совершенно заброшен в настоящее время, потому что имели несправедливость или, вернее, безвкусие предпочесть ему цитру, этот пискливый и гнусливый инструмент, жиденький, сиплый тон и убийственная монотонность которого, если часто его слышать, в состоянии навести смертельную скуку и вызвать зевоту, способную вывихнуть челюсти у всякого, в ком развито чувство изящного и музыки. В самом деле, может ли эта пародия гуслей соперничать с гитарой, которой доступны все стили, самый легкий, как и самый широкий, стиль концертов и даже симфоний? Осмелится ли этот визгливый пискун состязаться с гитарой в ка-

¹⁾ А помимо трех больших концертов *Джулиани* убедиться в истине моих слов мог бы всякий, не зараженный нетерпимостью партий, непредвзятыми порешениями, ни фанатизмом адептов будущей музыки, этих выскочек музыкального искусства; убедился бы всякий, кто имел бы случай прослушать симфонию Ut mineur великого Бетховена, аранжированную для трех испанских гитар г-ном Дьяковым и исполняемую тремя петербургскими любителями. Аранжировка эта передает с удивительными верностью и рельефностью все мелодические красоты этого бессмертного произведения.

честве и в разнообразии ее звуков: то светлых, серебристых, то густых, стройных; то нежных, мягких, бархатистых; в красоте ее legato и, в особенности, portamento; в прелести ее флажолетов; в блеске и быстроте ее хроматических гамм, ее переливов и перекатов, особенно в рассыпанных аккордах! Что же касается до богатства, оригинальности и бесконечного разнообразия ее арпеджий, гитара не имеет соперниц. Наконец, великий скрипач Паганини не пренебрегал гитарой. Напротив, несмотря на блистательные, баснословные успехи и торжество своей волшебной скрипки, он любил поэтический инструмент родины Дон-Жуана, превосходно играл на нем, написал и издал для него несколько пьес, а в том числе и квартет. А Берлиоз, который сочинял свои грандиозные партитуры не иначе, как с гитарою в руках?

Откуда же происходит эта немилость, этот остракизм или, вернее, это осуждение на смерть благородного, интересного инструмента, нашедшего себе спасение и убежище в одной только России? Происходит это, во-первых, от свербежа языка разных зубоскалов, метящих в умники и остряки, но чаще всего попадающих лишь в шуты и балаганные смехотворы. А кому неизвестно, что шелудивая натуришка этих лжеумников заставляет их беспрестанно чесать свои языки обо что бы то ни было: о хорошее и дурное, о святое и грешное. Так отчего же не почесаться их языкам о гитару, после того, как они чесались и продолжают чесаться об вещи иногда далеко не такие изящные, и даже зело неопрятные. Во-вторых, происходит это от притупления музыкального вкуса злоупотреблением сильных ощущений или, вернее, от сильного повреждения ушей, оглушенных шумливою, трескучею и безвкусною музыкою некоторых новейших музыкальных пачкунов, которые в своем бессилии создать что-либо истинно прекрасное и великое, надсаждаются друг перед другом над произведением одного только шума, нездорового и тошнительного. И судя по тому, как они ведут дело музыки, вероятно кончат они введением трещоток и пушечных выстрелов в свои труженические, невзрачные, безвкусные и неудобоваримые партитуры. И кажется уже проявлялся когда-то предтеча будущей музыки, который пробовал навязывать струны на крылья ветряной мельницы для производства этой мукомольной махины в чин гигантского контрабаса.

Возможно ли, чтобы после таких ухораздирательных и одуряющих музыкальных бесчинств и вакханалий или, вернее, после музыкальных канонад, возможно ли, чтобы попорченным и развращенным ушам меломанов второй половины XIX столетия (по счастию не у всех) могли нравиться тихие, нежные, благопристойные и задушевные звуки гитары? Это все равно, что горького пьяницу-пропойцу, обычного потребителя несметного количества коньяку, джину, виски, полыновки или хоть нашей родной сивухи и ерофеича, потчевать бургонскими и бордосскими винами.

Да! Пало и падет много хорошего и прекрасного, в том числе и гитара, и все это от испорченности, нетрезвости и постоянного опьянения вкусов, да еще от того, что силятся навязать в девизы миру изящных искусств пословицу, приведенную мною в эпиграфе, но только вывороченную на изнанку так: Умна Федора, потому что велика; Глуп золотник, потому что мал. Но si natura negat, facit indignatio versum. Поэтому я, со своей стороны, осмелюсь предложить любителям вывороченных наизнанку пословиц и музыкальных идей следующий контр-девиз:

Гам, треск, да гром. Коньяк, да ром Им подавай. А без вытья, Да без питья Им рай не в рай.

Теперь приведу несколько правил высшей игры, необходимость для возможности исполнения издаваемых мною музыкальных сочинений.

²⁾ Коль мне в поэзии природа отказала. Негодованье стих в груди моей слагало. (Из Ювенала).

правило і.

Гитарный строй.

Четыре баса, прибавленные к 6-струнной гитаре, значительно увеличили гармонические средства этого инструмента. Но строй прибавленных струн был самый нерациональный, а именно: контр D, контр C, контр H и контр A; потому что не в количестве струн, а в системе их строя состоит гармоническое богатство инструмента: чем более открытых нот, особенно в басах, тем строй полнее. Поэтому семиструнная гитара гораздо беднее шестиструнной гармоническими средствами; потому что эта последняя имеет пять открытых нот е, h, g, d, a, тогда как у первой открытых нот только три: d, h, g; остальные же четыре суть только повторение этих трех нот октавою ниже.³⁾

Между самыми употребительными тонами шестиструнной гитары, самым полным и удобным был тон $A < \pi s$, потому что имел открытыми три главных баса: тонику, доминанту и поддоминанту. Тоны: D < pe >, имел только тонику и доминанту, E < mu > -тонику и поддоминанту, G< coль > - доминанту, H < cu > - поддоминанту. Прибавленные впоследствии четыре струны, по причине вышесказанного нерационального строя, пополнили только тоны: $C < \partial o >$, давши ему тонику, G < coль > - поддоминанту, E < mu > - доминанту, H < cu > - тонику. Что же касается баса контр D, то хотя он и не пополнил ни одной тональности, все-таки он был нелишний, благодаря прекрасному качеству издаваемого им густого тона, увеличивающего разнообразие, силу и легкость многих аккордов. Но касательно баса контр A скажу, что он был совершенно лишний, бесполезный, хотя и употребляли его в некоторых пассажах с претензиями, весьма сомнительного вкуса и самой субъективной музыки, некоторые посредственные гитаристы (за исключением Мерца, самого объективного и величайшего композитора-гитариста после Джулиани). Во-первых: благодаря прекрасной звучности баса А, гитара нисколько не нуждается в повторении этого баса; во-вторых: повторенный октавою ниже, бас этот издает скорее глухой шум, чем внятный звук, потому что, следует заметить, хотя гитарные ноты и имеют одинаковый ключ со скрипкою, но звуки гитары — октавою ниже скрипичных, так что гитарное A (\Longrightarrow) соответствует скрипичному басу $A \left(\overline{\equiv} \right)$.

Но чего недоставало шестиструнной гитаре, что было для нее первою, крайнею необходимостью, так это открытый бас G, который пополнил и облегчил бы три тона, давши тонику тону G, доминанту тону C и поддоминанту тону D. Но более всего выиграл бы от этого тон G, который, из неудобного и малоупотребительного, сделался бы столь же удобным и легким, как и тоны A и D. Предстоявшая разрешению трудность заключалась в вопросе: где поместить это бас? По причинам вышеизложенным, нельзя было и думать о контр G <*контр соль*>, и потому надо было ухватиться за G <*соль*>(\mathbb{H}). На первый взгляд казалось логичным поместить этот бас между E и контр E0. Но по зрелому соображению я решил поместить его между контр E1 и контр E3, потому что не следует отделять этого последнего баса от баса E4, дабы не сделать невозможными некоторых аккордов, напр.:

 $[\]overline{^{3)}}$ В публикации «Правил...» в журнале «Гитаристъ» последнее предложение, начиная со слов «поэтому семиструнная гитара гораздо беднее» и до конца абзаца, опущено. – *Прим. ред. ИГвЛ*.

Итак, рациональный строй десятиструнной гитары есть следующий:

Струны, которые следует употреблять для четырех прибавленных басов, суть: баски E для контр D, контр C и контр H; а баски A для G. Необходимо, чтобы гитарный гриф имел полных две октавы, т. е. 24 лада.

ПРАВИЛО II.

Обозначение пальцев.

Буквы e, h, g, d, a, e, помещенные под нотами, означают струны, на которых следует брать эти ноты, а именно: квинту, секунду, терцию и басы D, A и E. Буквы же p, i, m, a, au означают пэнсэ, т. е. пальцы правой руки: большой, указательный, средний, перстневой и мизинец. Что же касается до дуате, т. е. до пальцев левой руки, то они обозначены: большой — крестиком (+), а четыре прочие — цифрами 1, 2, 3, 4. Нолик же (0) означает открытую струну.

ПРАВИЛО III.

Дуате и пэнсэ.

Игра на гитаре производится посредством двух факторов, которые суть: дуате, т. е. левая рука, приготовляющая звуки, и пэнсе, т. е. правая рука, извлекающая звуки. За исключением Сора и последователей его метода, которые, не знаю для чего, не употребляли большого пальца левой руки, остальные гитаристы употребляли все пять пальцев. Что же до правой руки, то употребляли только первые четыре пальца, и никто не догадался пользоваться иногда мизинцем, между тем как в некоторых пассажах посредством этого пальца можно извлекать самые нежные, чистые и приятные звуки. Поэтому я старался всегда означать употребление мизинца. Вообще гитарные учителя сильно погрешили тем, что, обращая внимание только на левую руку, мало заботились о воспитании и развитии правой, тогда как пэнсе столь же важно, если не более, как и дуате. Чистота, отчетливость и быстрота темпа при исполнении мелодических пассажей и рулад зависят наичаще от правильного, логичного распределения пальцев правой руки и, в особенности, от верного назначения пальца, которым следует начать такой пассаж. Говоря вообще, нежность, приятность и сила звуков, а равно беглость, блеск, изящество, выражение и стиль игры зависят большею частью от правой руки.

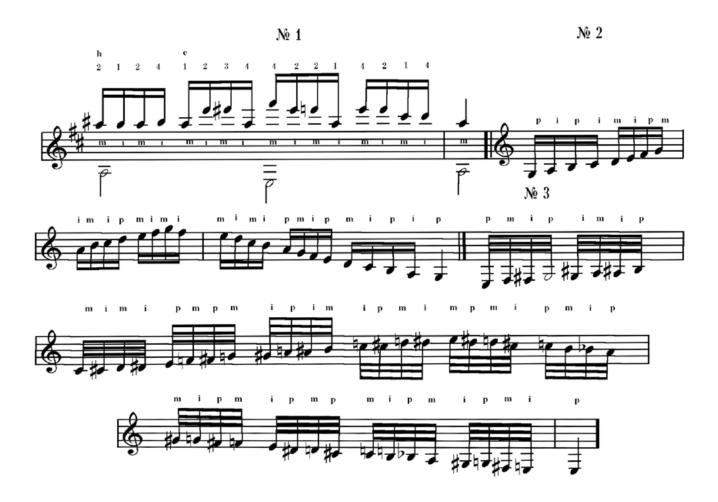
Есть четыре рода пэнсе: одиночное, когда ряд нот, в мелодических пассажах, исполняется одним пальцем, то указательным, то средним, иногда большим (но только на басах), изредка мизинцем, что показано ниже в правиле b) и в примере N° 5; но перстневым — никогда; пэнсе двойное, когда пассажи исполняются двумя пальцами, а какими именно, показано в правиле b); тройное пэнсе, какое употребляется в хроматических гаммах на квинте (см. ниже правило VII); наконец, смешанное пэнсе, когда двойное и тройное перемешивается, что бывает в гаммах диатонических и хроматических на нижних октавах (см. $N^{\circ}N^{\circ}$ 2 и 3). Это пэнсе необходимо для соблюдения правила попеременности пальцев (см. правило c).

Главные правила для пэнсе суть:

а) для пэнсе назначаются 4 пальца, а именно: большой палец для басов, а остальные три для кишечных струн. Исключения из этого правила, допускающие употребление большого пальца для трех верхних струн, а трех средних пальцев для басовых, показаны ниже (см. примеры $N^{\circ}N^{\circ}$ 2, 3 и 9), да в аккордах, напр.:

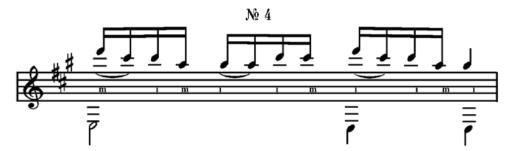

б) В пассажах мелодических и в диатонических гаммах употребляются указательный и средний, а иногда перстневой и даже большой (см. №№ 1 и 9). Но чего особенно следует тщательно избегать при исполнении пассажей стаккато и двувязными или трехвязными нотами, так это избегать одиночного пэнсе и не брать две, а тем менее три ноты сряду одним пальцем. Везде и всегда следует, чтобы сменялись то указательный средним или большим, то средний указательным или большим, то большой указательным или средним. Быстрота темпа, чистота и отчетливость достигаются только строгим соблюдением этого правила да еще нижеследующего (под буквою с). Вот несколько примеров правила попеременности пальцев:

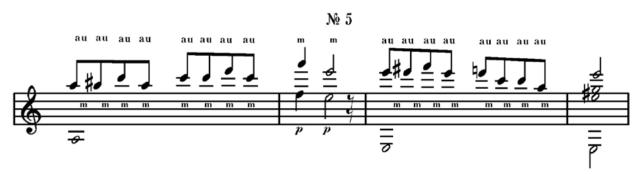

Есть два исключения из этого строгого правила:

1) Ноту, следующую за двумя нотами, взятыми legato, можно и даже должно взять одним и тем же пальцем, когда это необходимо для того, чтобы не извратить натурального порядка пальцев, о котором говорится в следующем правиле (c) и соблюдение которого столь же важно, как и соблюдение правила попеременности пальцев, напр.:

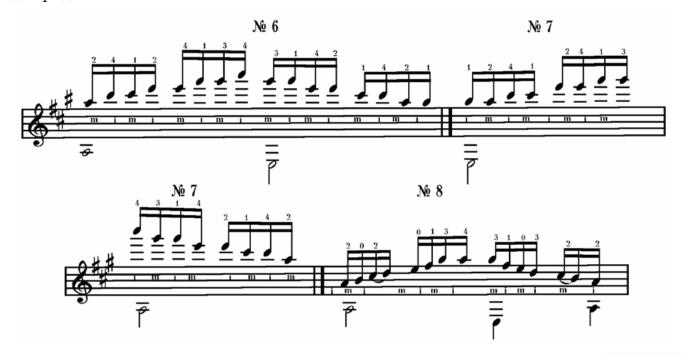

2) В одновязных нотах и в темпах медленных и умеренной скорости позволяется брать две ноты сряду одним пальцем. Даже желательно, чтобы в Largo, Adagio и Andante, на кишечных струнах, исполнять мелодические пассажи одним пальцем, и предпочтительно средним, или мизинцем, напр.:

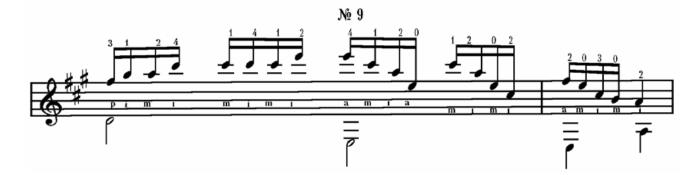

Хотя и необходимые в Allegro, двойное пэнсе никогда не может дать таких полных, нежных и мягких звуков, как одиночное. То же правило относится и к басовым струнам: двойное пэнсе употребляется в гаммах и пассажах на басах только в темпах быстрых; но в медленных и умеренных предпочитается пэнсе одиночное, а именно большой палец.

с) Следует строго наблюдать, чтобы никогда не был извращен естественный порядок пальцев при переходе с одной струны на другую, напр. с терции на секунду и наоборот, или с секунды на квинту и наоборот. Назначаются: в первом случае указательный для терции, а средний для секунды; а во втором — указательный для секунды, а средний для квинты. Но для того, чтобы возможно было приложить к делу это правило, необходимо прежде хорошо определить, как начать, т. е. каким пальцем взять первую ноту пассажа или мелодической фразы. Вот примеры в подтверждение сказанного:

Если начать пассаж N° 6 указательным, вместо среднего, N° 7 и 8 средним, вместо указательного, а N° 9 средним или указательным, вместо большого, порядок пальцев будет извращен, а исполнение пассажей неудовлетворительно, т. е. выйдет нечистым и неотчетливым. То же наблюдается и при игре двойным пэнсэ на басах, что видно из N° 2 и 3.

d) В мелодических пассажах перстневой палец, если это необходимо, как, например в № 9, может употребляться, но только перед указательным или после него, иногда перед средним, но после среднего — никогда; иначе звук выйдет слишком слабый и резко отличающийся от прочих. Вообще, говоря о пальцах, перстневой есть самый слабый из всех 4-х; и необходимо особенно заняться им. И лишь долгим упражнением можно развить, увеличить его силу и, по возможности, сравнять с прочими пальцами.

ПРАВИЛО IV.

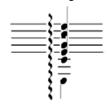
Портаменто.

Передвиньте быстро вперед средний палец левой руки с G на F. Передвиньте средний палец назад с F на G. Это называется у итальянцев portamento.

правило V.

Рассыпные аккорды.

Если аккорд написан так

возьмите 3 басовых ноты большим пальцем, а остальные три — соответствующими им пальцами. Но если он написан так

берите все 6 нот одним большим пальцем. А когда он написан так зательным пальцем, начиная с верхней.

ПРАВИЛО VI.

Флажолеты.

Флажолеты означены буквами har и изображены теми же нотами, которые должны издавать тот же самый звук, как и взятые обыкновенным образом, без флажолета.

ПРАВИЛО VII.

Трель.

Трели, за весьма редкими исключениями, должны играться не одним пальцем правой руки и не на одной струне, а на двух струнах и четырьмя пальцами правой руки, перекрещивая их и начиная с перстневого, напр.:

Исполняется так:

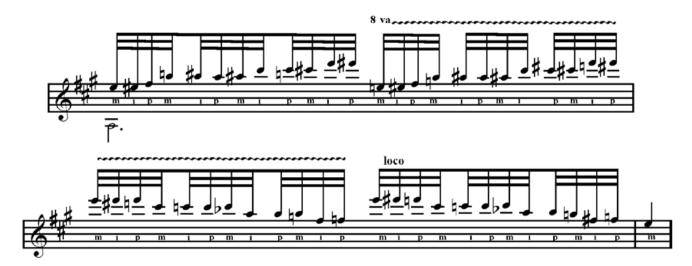

Хорошая трель, т. е. такая, которая была бы быстра, ровна, сильна и отчетлива, составляет одну из величайших трудностей, победить которую возможно только посредством труда продолжительного, настойчивого и рационального, т. е. начиная с весьма медленного темпа, ускорять который следует лишь постепенно, самым незаметным образом, и доходить до желаемой скорости только после долгих упражнений и не иначе, как с помощью метронома, без которого невозможно соблюсти строгую постепенность в ускорении движения и, стало быть, невозможно приобрести хорошую трель.

ПРАВИЛО VIII.

Хроматическая гамма.

Гаммы стаккато и хроматические на квинте, восходящие и нисходящие, исполняются одним пальцем левой руки, то указательным, то перстневым, иногда мизинцем, но наичаще средним. Что до правой руки, то те из гитаристов, которые в состоянии исполнять эти гаммы, употребляют только двойное пэнсэ — пальцы средний и указательный; тогда как я употребляю тройное пэнсэ — пальцы средний, указательный и большой. Эта манера дает мне возможность достигать величайшей скорости в движении хроматических гамм. И в то время, когда палец левой руки скользит по грифу, надо, чтобы падение каждого из трех пальцев правой руки соответствовало одному из ладов грифа в последовательном порядке полутонов до последней ноты хроматической гаммы. Вот пример:

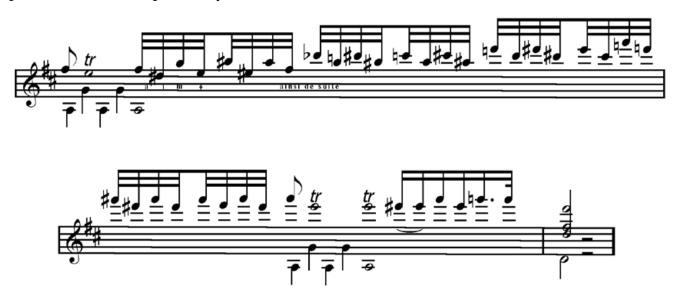

Эти гаммы, так же как и трели, составляют одну из величайших гитарных трудностей, победить которую возможно только после продолжительных упражнений с помощью метронома.

правило іх.

Хроматические гаммы малыми терциями.

Хроматические гаммы малыми терциями, гаммы, предшествуемые и оканчиваемые трелью, и такие, какие находятся в двух моих концертах, в Kамаринской и в Bенецианском Kарнавале, не должны быть слишком трудны для тех, которые могут исполнять трели на двух струнах и четырьмя пальцами, напр., в следующей каденце:

Что касается трели, пальцы как правой, так и левой руки показаны выше (см. пр. VII). Но только подле мизинца левой руки надо поставить на секунде перстневой палец. Затем, отбивши трель, поднять мизинец и подвигать хроматически указательный и перстневой, продолжая трельное движение правой рукой; подвигать да самого 14-го хода, т. е. до верхней октавы fis. Тогда стоит только передвинуть по секунде перстневой палец с dis на E и продолжать трель на верхней октаве.

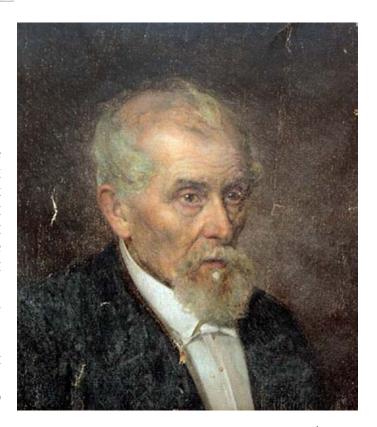
РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРИЖИЗНЕННЫЙ ПОРТРЕТ Н. П. МАКАРОВА.

До недавнего времени были широко известны лишь два портрета Николая Петровича Макарова. Один из них был опубликован в журнале «Исторический вестник» за 1910 год, в котором напечатана статья Н. Энгельгардта «Из давних эпизодов. Последняя гитара», а второй — при некрологах Макарова в журналах «Всемирная иллюстрация» (1891, XLV, № 3/1147, в статье П. Быкова) и «Нива» (1891, №14). Еще один портрет Н. П. Макарова, ранее не упоминавшийся в гитарной литературе и, по-видимому, неизвестный гитаристам, был напечатан в журнале «Губернский дом» (2001, № 3) и затем повторен в книге «Костромская сторона. Загадки истории, предания и обычаи» (2010)¹.

И вот, в конце 2015 года, из Тулы пришло известие о том, что в дар областной филармонии передан прижизненный живописный портрет Николая Петровича Макарова, который на протяжении более ста лет хранился в семье Пеньковых (Донецкая обл.), имеющих прямое отношение к роду Макаровых.

Собственники портрета — Татьяна Вадимовна Пенькова и ее сын Михаил — решили, что он должен стать достоянием общественности и находиться в одном из мест, связанных с жизнью и деятельностью музыканта и лексикографа. Из статей тульских краеведов Валерия Васильевича Пилипенко (1943–2015) и Вячеслава Владимировича Горчакова (р. 1951) им стало известно, что именно в Туле, в зале дворянского собрания, в 1841 году состоялось первое публичное выступление знаменитого впоследствии русского гитариста, и здесь до сих пор чтут память Макарова. Это и определило выбор семьи.

9 ноября 2015 года Михаил Пеньков позвонил В. В. Горчакову и попросил у него помощи в установлении контактов с областным правительством с целью передачи портрета в дар Тульской области. О том, как развивались дальнейшие события, рассказала 25 декабря 2015 года тульская газета «Молодой коммунар»². В ней сообщалось, что благодаря участию ми-

нистра культуры и туризма Тульской области Т. В. Рыбкиной и художественного руководителя Тульской областной филармонии Е. Ю. Рудневой в кратчайшие сроки были подготовлены документы, необходимые для доставки картины, и в середине декабря она благополучно прибыла в Тулу. Портрет потребует реставрации, поскольку его лакокрасочный слой осыпается и имеются повреждения холста. Установить авторство без помощи специалистов тоже не представляется возможным: на холсте есть подпись, но разобрать ее невооруженным глазом не удается. Фотографию портрета сразу же отправили сотрудникам Государственной Третьяковской галереи, а вскоре в Москву на экспертизу должно было быть доставлено и само полотно (что, очевидно, уже и сделано), где искусствоведам предстоит провести исследования на предмет авторства, а также оценить состояние картины и масштабы необходимой реставрации. А после восстановления портрет Макарова вернется в Тулу и будет размещен в недавно отреставрированном бывшем Доме Дворянского собрания, здание которого в 2013 году было передано Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского.

Это, действительно, достойное для него место; правда, с концертным дебютом Макарова оно никак не связано (о чем, вероятно, знают далеко не все даже в самой Туле), поскольку став-

 $[\]overline{^{1}}$ О нем см. следующий материал на стр. 83-85.

 $^{^2}$ См.: Скибинская И. Страсть к гитаре / И. Скибинская // Молодой Коммунар (Тула), газета. – 2015. – 25 дек. – С. 36 : фото С. Шмунь.

ший уже давно замечательной исторической и архитектурной достопримечательностью города дом Дворянского собрания начал строиться спустя восемь лет после этого события, а его открытие состоялось только в январе 1856 года в год проведения Макаровым в Брюсселе своего гитарного конкурса. А в 1841 году тульское Дворянское собрание располагалось в находящемся неподалеку бывшем здании губернского правления, которое теперь занимает Тульский областной колледж культуры и искусства (пр. Ленина, 36). Так что учащиеся и преподаватели этого колледжа еще вполне могут поспорить с автором упомянутой выше корреспонденции в «Молодом коммунаре» касательно справедливости ее утверждения о том, что «портрет Макарова будет размещен там, где ему и полагается быть: в Доме Дворянского собрания». Возведенное почти на столетие раньше это старинное здание, конечно, не столь роскошно, но по части своей истории и «знаменитости» ничуть ему не уступает и уж точно имеет не меньше оснований считаться тем местом, где и полагается быть портрету Николая Макарова...

Говоря о портретах Н. П. Макарова, нельзя не упомянуть о том, что по словам его сына — Константина Николаевича Макарова — имелся портрет его отца, написанный художником Яковом Федосеевичем Яненко. В статье «Люди старого времени» («Исторический вестник», 1894, январь) в заключение рассказа о Я. Ф. Яненко К. Н. Макаров сообщает:

«Замечу в заключение (для любителей и историков русской живописи), что существовал превосходный портрет моего отца, рисованный акварелью Яненком. Он был потом подарен отцом одному из своих служащих»⁴.

Поскольку, как пишет К. Н. Макаров, знакомство его отца с Я. Ф. Яненко произошло «в соро-

ковых годах, в Орле, в доме знаменитого откупщика В. А. Кокорева»⁵), «когда тому было уже под пятьдесят лет (родился в 1800 году)»⁶, то портрет был написан им в середине 1840-х гг., в то время когда художник служил у Кокорева («...едва ли не до самой смерти жил на хлебах у Кокорева... умер в 1852 году и был похоронен на счет откупщика»⁷). По крайней мере, не позднее конца 1847 года, поскольку в ноябре-декабре этого года между Кокоревым и Макаровым разразилась ссора и они порвали былую дружбу, хотя Макаров и вынужден был еще долгое время поддерживать с ним чисто деловые отношения, в которых теперь лишь ненадолго наступали непродолжительные «оттепели».

Кокорев, Василий Александрович (1817–1889), — купец, разбогатевший на винных откупах, затем промышленник и банкир, владелец частной картинной галереи.

Откуп — исключительное право, представлявшееся государством за определенную плату частным лицам — откупщикам — на сбор каких-либо налогов, продажу товаров, соли, вина и т.д. (Энциклопедический словарь. – М., 2007. – С. 1117).

⁷ Там же, с. 171.

Николай Петрович Макаров

Рис. Владимира Бобри.

³ Яненко, Яков Федосеевич (Феодосиевичем) (1800–1852), — художник-портретист, ученик А. Г. Варнека в Императорской Академии художеств, в которой учился в 1809-1821 гг., академик портретной живописи (1830), приятель К. П. Брюллова и М. И. Глинки, автор двух портретов последнего. С 1827 года дважды ездил в Италию, где в общей сложности прожил (главным образом, в Риме) около трех с половиной лет, однако и в 1830-е и 1840-е гг. большую часть времени проводил в Петербурге. Картины художника хранятся в Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, Государственной Третьяковской галерее, Новосибирском художественном музее и др.

 $^{^4}$ Макаров К. Н. Люди старого времени. І. В. И. Любич-Романович. ІІ. Художник Яненко. ІІІ. Поэт Бахтурин. — «Исторический вестник», 1894, янв., т. 55, стр. 171.

⁵ Там же, с. 169.

⁶ Там же, с. 170.

ГИТАРИСТ, ЛЕКСИКОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ...

От известных нам по фонвизинской комедии недорослей, которыми в XVIII в. изобиловали дворянские гнёзда глубокой российской провинции, сын чухломского исправника Петра Петровича Макарова отличался всем: острым умом, живостью характера, жеданием всё познать и всему научиться. Отец его, хлебосол и волокита, исполняя в течение двенадцати лет такую доходную службу, не только не нажил неправедных богатств, но и своё-то наследное имение довёл бы до ручки, кабы не супруга Анна Макаровна, хозяйственная, мудрая, самолюбивая гордячка, дочь богатого солигаличского помещика Мичурина.

Николай унаследовал от неё трудолюбие и упорство. Мать видела в нем свое продолжение, но, как ни странно, не любила сына. Лишённый строгого отцовского пригляда и материнской ласки, Николашка с малых лет во всём проявлял самостоятельность и надеялся только на самого себя.

НЕУГОМОННЫЙ

Его деятельная неугомонная натура постоянно искала точку прилодения сил. И уж если он увлекался каким-нибудь делом и чувствовал, что оно ему удается, забывал об отдыхе, о еде, выкладывался до последнего, пока не добивался желаемого результата,

Его дядя, просвещенный гвардейский офицер, приезжая в отпуск из Варшавы, призывал смышленого племянника в свое имение, проводил с ним время в различных полезных занятиях. А когда у Николая подошли года, взял его с собой в Царство польское и пристроил "на правах вольноопределяющегося" в Литовский лейб-гвардейский полк, шефом которого был брат императора Великий князь Константии.

Самолюбивый настойчивый юноша не мог позволить себе быть заурядным гвардейцем. Не прошло

Н. П. Макаров. Вторая половина XIX в. и двух лет, как он стал лучшим фехтовальщиком на штыках в полку, лучшим шахматистом и лучшим пловцом, восемь раз без отдых переплывавшим Вислу. Никто из сослуживцев не мог лучше его изъясняться по-французски. Этот язык он выучил в детстве и постоянно совершенствовал его чтением книг и журналов. Он даже пытался составить русско-французский словарь.

Побывав однажды на концерте известного гитариста, задался Николай целью овладеть этим инструментом и достичь такого же уровня исполнительского мастерства, как тот виртуоз. Когда-то в чухломской усадьбе он научился играть на скрипке, но не полюбил ее, потому что она требовала какого-то музыкального сопровождения. А гитара инструмент, самостоятельный, она хороша везде: на сцене, в компании. в одиночестве, К сожалению военная служба не позволяла юноше уделять гитаре много времени, и тем не менее он добился значительных успехов,

Но в Варшаве мало кто обра-

щал внимание на неординарность самолюбивого молодого человека; удивить столицу Царства польского ему было не дано. Обиженный равнодушием, Николай замкнулся в себе и бросил все свои физические и нравственные силы на самоусовершенствование. Он выработал кодекс житейских правил и поклялся в течение всей жизни свято соблюдать их: никому не навязывать своего знакомства, не заиствовать, не делать долгов, не пьянствовать, не играть в карты...

В гвардейской среде соблюдать эти жесткие заповеди было непросто. Не желая прослыть скрягой и аскетом, Николай уходит на гражданскую службу. Но и в департаменте среди чиновников он тоже оказался белой вороной.

Усмирив гордыню, Макаров едет в родную Чухлому и поселяется в имении дяди Валерьяна Мичурина. Здесь прекрасная библиотека, богатые охотничые угодья. Рядом – город, дворянское собрание, общество дам, званые обеды... Конечно, все это куда скромнее, чем в Варшаве. Но уж лучше быть первым в уезде...

Расчет честолюбивого юноши оправдался лучшим образом. В Чухломе он сразу стал заметной фигурой, Его умение светской болтовней восхищать неприхотливых дам, держать умные речи в компании мужчин, петь романсы, аккомпанируя себе на гитаре, сочинять стихотворные посвящения, поздравления, писать в альбомы девиц остроумные экспромты на французском языке - все это дало ему право считать себя душой общества. Так оно и было. Со многими молодыми людьми не только дворянского круга наладились у Макарова приятельские отношения. Но близко сошелся он только с Василием Кокоревым - молодым управляющим солеваренного завода своего дяди. Дружба их была основана на обоюдной выгоде: Василий учился

Sa

Первая страница статьи В. В. Пашина «Гитарист, лексикограф, писатель...», опубликованной в костромском журнале «Губернский дом» (2001, №3, стр. 50–53).

Статья не лишена некоторых неточностей и ошибок, присущих популярным публикациям о Н. П. Макарове в периодической печати, но интересна наличием в ней его редко встречающейся фотографии.

нмя в истории края

УРОЖЕНЦЫ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

имя в истории края

TAABA IV

ГИТАРИСТ, ЛЕКСИКОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ...

т известных нам по фонвизинской комедии неаорослей, которыми в 17 в. изобиловали дворянские гнёзда глубокой российской провинции, сын чухломского исправника Петра Петровича Макарова отличался всемс острым умом, живостью характера, желанием всё познать и всему научиться. Отец его, хаебосол и волокита, исполняя в течение двенадцати лет такую доходную службу, не только не нажил неправедных богатств, но и своё-то наследное имение довёл бы до ручки, кабы не супруга Анна Макаровна, хозяйственная, мудрая, самолюбивая гордячка, дочь богатого солигаличского помещика Мичурина.

Николай унаследовал от неё трудолюбие и упорство. Лишённый строгого отповского пригляда и материнской ласки, Николашка с малых лет во всём проявлял самостоятельность и надеялся только на самого себя.

Круг его интересов необычайно разносторонен: гитарист, лексикограф, писатель. Макаров добился замечательных результатов в игре на гитаре, разработал свою собственную технику извлечения звуков. Наш земляк познакомился со многими выдающимися мастерами гитарной игры из Германии, Ан-189 глии, Франции, Италии, Австрии, совершив вояж по европейским столицам. Вместе с ними на равных участвовал в музыкальных вечерах и оставил

Н.П. Макаров. Вторая половина 19 в.

Чухломское уездное земство. Начало 20 в.

190

по себе добрую память как о превосходном виртуозе с оригинальной манерой игры. Благодаря юноппескому ещё увъечению французской лингвистикой (при службе в лейб-гвардейском полку никто из сослуживцев не мог лучше его изъясняться по-французски) Николай Петрович составил «Новый русско-французский словарь» и получил разрешение на его выпуск, заслужив в ответ много

похвал, а затем изыскал средства на издание новых словарей.

В наши дни о Макарове напоминает романс, сочинённый им в молодые годы: это всем знакомая с детства песня «Однозвучно гремит колокольчик, и дорога нылится слегка, и уныло по ровному полю разливается песнь ямщика...»

В.В. Пашин

Николай Петрович Макаров в книге:

«Костромская сторона. Загадки истории, предания и обычаи»: Ист.-краеведч. и культ.-просветит. издание. – Кострома. – 2010. – [Дайджест журнала «Губернский дом», 1992-2008].

Виталий Васильевич ПАШИН (1926–2013) — костромской писатель (прозаик, очеркист, юморист), журналист, краевед. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета (1957). Член Союза писателей России (с 1969 г.) и Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры России (1994). Лауреат премий журналов «Уральский следопыт» и «Крестьянка», премии имени И. А. Дедкова. Участник Великой Отечественной войны. Награжден тремя орденами и двадцатью медалями. Долгие годы работал собственным корреспондентом ТАСС. Выпустил 29 книг, рассказов и очерков. Первые из его публикаций в центральной и региональной прессе, посвященые уроженцу костромской земли Николаю Петровичу Макарову, появились еще в начале 1980-х годов. Позже он посвятил своему земляку большие статьи, опубликованные в журналах «Губернский дом», «Волга – XXI век», а также в книге «Это было недавно, это было давно: краеведческие заметки. Невыдуманные истории» (2002).

В 2010 году в Костроме вышел историко-краеведческий сборник «Костромская сторона. Загадки истории, предания и обычаи», составленный по материалам журнала «Губернский дом» за 1992-2008 год, в котором помещен и небольшой фрагмент статьи В. В. Пашина о Макарове из журнала за 2001 год (№3, стр. 50-53). Примечательна эта журнальная статья не только довольно удачно сообщаемыми в ней сведениями о гитаристе, лексикографе и писателе, но еще и тем, что при ней помещен фотографический портрет Н. П. Макарова (повторенный в книге), который мне ранее не доводилось встречать в других публикациях.

ГИТАРИСТ, ЛЕКСИКОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ...

От известных нам по фонвизинской комедии недорослей, которыми в 17 в. изобиловали дворянские гнёзда глубокой российской провинции, сын чухломского исправника Петра Петровича Макарова отличался всем: острым умом, живостью характера, желанием всё познать и всему научиться. Отец его, хлебосол и волокита, исполняя в течение двенадцати лет такую доходную службу, не только не нажил неправедных богатств, но и своё-то наследное имение довёл бы до ручки, кабы не супруга Анна Макаровна, хозяйственная, мудрая, самолюбивая гордячка, дочь богатого солигаличского помещика Мичурина.

Николай унаследовал от неё трудолюбие и упорство. Лишённый строгого отцовского пригляда и материнской ласки, Николашка с малых лет во всём проявлял самостоятельность и надеялся только на самого себя.

Круг его интересов необычайно разносторонен: гитарист, лексикограф, писатель. Макаров добился замечательных результатов в игре на гитаре, разработал свою собственную технику извлечения звуков. Наш земляк познакомился со многими выдающимися мастерами гитарной игры из Германии, Англии, Франции, Италии, Австрии, совершив вояж по европейским столицам. Вместе с ними на равных участвовал в музыкальных вечерах и оставил по себе добрую память как о превосходном виртуозе с оригинальной манерой игры. Благодаря юношескому ещё увлечению французской лингвистикой (при службе в лейб-гвардейском полку никто из сослуживцев не мог лучше его изъясняться по-французски) Николай Петрович составил «Новый русско-французский словарь» и получил разрешение на его выпуск, заслужив в ответ много похвал, а затем изыскал средства на издание новых словарей.

В наши дни о Макарове напоминает романс, сочинённый им в молодые годы: это всем знакомая с детства песня «Однозвучно гремит колокольчик, и дорога пылится слегка, и уныло по ровному полю разливается песнь ямщика...».

Николай Петрович Макаров. (2-я пол. XIX в.)

Из статьи В. В. Пашина в ж-ле «Губернский дом» (2001) и книге «Костромская сторона» (2010).

Виктор Тавровский

НЕТОЧНОСТИ, ОШИБКИ И НЕЛЕПОСТИ

в публикациях о Макарове (Краткие заметки)

Начнем с того, что по числу фальсификацией и домыслов о Н. П. Макарове, причем сделанных автором умышленно, ничто не сравнится с «романом» Бориса Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие», опубликованным в 1933 году. Но поскольку это «сочинение» заслуживает отдельного разговора, речь о нем пойдет в другой статье, здесь же поговорим лишь о «малых формах»: заметках, статьях и очерках, причем заранее заметим, что в отличие от вышеупомянутого «романиста», их авторы допустили свои ошибки непреднамеренно — по незнанию, недосмотру, беспечности или небрежности, а то и просто по глупости, но не по умыслу. В полной мере их это, безусловно, не оправдывает, но, по крайней мере, служит хоть каким-то «смягчающим обстоятельством»...

Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 20: Ландау – Меламед./ Под ред. С. Н. Южакова. В 20-ти томах. – СПб., Изд.: Библиограф. институт (Мейер) в Лейпциге и Вене; Книгоиздат. т-во «Просвещение» в С.-Петербурге, 1903. – С. 507–508.

В «Энциклопедию» включено 13 Макаровых, среди них (!):

- «8) М., Николай Павлович, виртуоз-гитарист. Приобрел особенную известность в 50-х гг. XIX в. не только в России, но и за границей. Так напр. он в 1856 привел в восхищение брюссельскую публику своею феноменальной игрой на 10-ти струнной гитаре, на которой находилось 6 обыкновенных струн и 4 басовых без ладов. Он учредил в Брюсселе конкурс гитаристов с премиями за лучшее сочинение для гитары и за лучший инструмент» (стр. 507) и
- «9) М., Николай Петрович, лексикограф и беллетрист, род. 1810, ум. 1890. Служил в военной службе и затем по откупам, темные стороны которых описал в обличительной повести «Задушевная исповедь», напечатанной в «Современнике» (1859) и возбудившей много толков....» и т. д. (стр. 508).

Здесь мы наблюдаем допущенную составителями и издателями курьезную ошибку, сродни той, что имеет место в «Словаре гитаристов...» Доминго Прата (Diccionario de Guitarristas y Guitarreros... — Romero y Fernandez, Buenos Aires, 1934), поместившего у себя статью «АФРОМЕЕВ-РУСАНОВ. Гитарист и композитор, много выступавший у себя на родине в России до 1914 г.» и проч., объединив в одно лицо двух разных деятелей гитары. Тут же произошла обратная ошибка — одного и того же человека разделили на двух разных («присвоив» одному из них неверное отчество), в результате чего «каждой из половинок» досталось лишь по части биографии «целого» Макарова: одному — музыкальная, другому — литературная. Но если Д. Прату такая ошибка простительна, в силу того, что А. М. Афромеев с В. А. Русановым принадлежали к малознакомой ему и очень далекой стране, то для «отечественной» энциклопедии, редакторами отделов которой были исключительно российские профессора, такой ляпсус, конечно же, крайне огорчителен.

Та же ошибка повторена и в незавершенном издании 20-томной **«Русской энциклопедии»** (Т. 11: Кровник-Максентий. / Под ред. пр.-доц. С. А. Адрианова, проф. Э. Д. Гримма, засл. проф. А. В. Клоссовского и проф. Г. В. Хлопина. – Петроград: Муравей, [1915]. – С. 464), в которой значатся: 8) Никол. Павл., виртуоз-гитарист серед. 19 в., учредитель брюссельск. гитарн. композиционно-исполнительск. конкурса (1856), авт. мн. переложений и оригинальн. сочин. для гитары; 9) Никол. Петр., беллетрист и лексикограф, р. 1810, ум. 1890 [и т. д.]. Кроме того, в отличие от первой, в ней еще неверно определен и характер конкурса: композиционно-исполнительский.

В. А. Русанов. «Гитара и гитаристы. Введение к истории гитары в России». – «Гитарист», 1905, № 10–11, гл. XVI, стр. 218.

В. А. Русанов, сравнивая игру Соколовского и Макарова, в этом очерке писал:

«Неотъемлемым чарующим преимуществом гитары перед всеми щипковыми и ударными инструментами было и будет всегда — певучесть и нежность тона. Не тот виртуоз, у кого быстро бегают пальцы и каскадом сыплются сухие, отрывистые звуки; это теперь; истинный же виртуоз даже в самых быстрых темпах и пассажах никогда не утрачивает певучести и благородства тона.

Разительный пример этого представляет виртуозность М. Д. Соколовского и Н. П. Макарова: в то время как первый изумлял всю Европу, второго изображали в юмористических листках в виде «тюленя, набитого соломой», между медным носорогом и оловянным ослом. У первого гитара пела, у второго по его собственному признанию, издавала сухое, отрывистое «трень-брень». Первый был врожденный талант и художник, второй — неутомимый, одержимый честолюбием труженик».

Здесь имеет место явное передергивание Русановым слов Макарова, выхваченных из их контекста, и уж совсем ни к чему делается ссылка на сомнительного свойства карикатуру (тем более, что информация о ней, наверняка почерпнута им у самого же Макарова). Цитируемые слова, были сказаны Макаровым в связи с сожалениями по поводу якобы потерянных возможностей из-за оставления скрипки, причем написаны им в минуты отчаяния и разочарования в неуспехе своих попыток восстановить былой интерес к гитаре. Тогда ему действительно начало казаться, что скрипка в его руках смогла бы большее, а главное, большего добиться смог бы он сам. Вот что писал об этом Макаров в «Моих семидесятилетних воспоминаниях» (т. 2, *стр. 30*):

«Итак, чем более нравился я слушающим меня любителям, тем менее нравился самому себе, все менее и менее удовлетворяла меня гитара. Возьму ее в руки, хотел бы на ней петь, хохотать, вздыхать, стонать и рыдать, как это делал Паганини на своей волшебной скрипке. Но не пение, не хохот и не рыдание выходили у меня, а только — трынь, брынь, сухой, отрывистый звук. Правда, блеску много: разнообразнейшие арпеджии, каких нет ни у одного струнного инструмента; аккорды полные, разнообразные; быстрые, изумительные пассажи и прыжки, но пения нет. А во мне-то: и день и ночь, почти безустанно напевает мне кто-то в уши разные мелодии, порою дивные. Читаю, пишу, курю и пью чай или кофе, а все кто-то напевает мне в уши. Лягу спать, засыпаю и даже сквозь самый сон долетают до моих ушей дивные напевы и мелодии, откуда-то: сверху ли от светлых духов, или снизу от мрачных?.. А гитара моя все только брынь да трынь. И десятой части не может, не в силах она высказать, выразить того, что звучит в ушах, в голове, что кипит в груди. Настоящие муки Тантала. И с досадою, в отчаянии бросаю я мою холодную, бесчувственную любовницу, так дурно, так сухо и холодно, так неблагодарно отвечающую на мои пламенные ласки, просьбы и моления... Развод, развод!.. А что же после? С кем придется прожить небольшой остаток 70-летней жизни? В полнейшем одиночестве, в полнейшем и бездетном музыкальном вдовстве?.. Страшно!.. Заживо в могиле... И я снова вынимаю из ящика, вызываю из ее терема мою 40-летнюю сожительницу. И опять трынь, брынь. А там, словно насмешка судьбы, время от времени нагрянет на меня какой-нибудь любитель».

И чуть далее (*cmp. 32*):

«...И вот делю я мои короткие досуги между двумя, одинаково старыми моими музыкальными подругами, и вполне уподобляюсь поклоннику пророка: при законной жене, позволяю жить под одной с нею кровлею двум фавориткам. Но только одна из них явная, гласная, не прячущаяся ни от кого; а другая — негласная, тайная, слышимая только мною, и никем другим».

Использовав макаровское «трынь-брынь» в оценке его же исполнительства, Валериан Алексеевич Русанов, разумеется, не мог не видеть и не понимать, что претензии Макарова обращены вовсе не к его собственной игре. Ее-то он как раз считал вполне совершенной и был убежден, что извлекает из гитары максимум того, на что она способна, поэтому все сетования Макарова о ее бедности в сравнении со скрипкой — это не о его гитаре, а об инструменте вообще. Конечно, это было несправедливо, а к тому же еще и вдвойне обидно гитаристам, поскольку принадлежало

человеку еще недавно выступавшему в роли защитника и спасителя их инструмента, и потому, должно быть, это сильно задело Русанова, который не преминул при возможности перенаправить иглы Макарова против него же самого. Кроме того, весь этот «чувственный» монолог Макарова (на мой взгляд, не вполне искренний) выглядит уж очень постановочно и театрально, как бы специально рассчитанным на то, чтобы вызвать сочувствие к себе читающей публики, да еще раз вслух помечтать об упущенной славе русского Паганини... а была бы она или нет, кто теперь проверит?!.. Вероятно, эту же искусственность увидел в надрывных сетованиях Макарова на судьбу и Русанов, и отказался «понимать» и «входить в положение» человека, искавшего оправдание своим неудачам и «полнейшей музыкальной несостоятельности» не в себе, а в своем инструменте и окружении: «И кому, и чему принес я в жертву почти 40 лет моей жизни, из которых 20 лет самого упорного, энергического изучения и труда? Хилому инструменту и променяв кукушку на ястреба, но только не по моей, а по воле неумолимого рока, да по... скаредности дядюшки. К чему пришел, чего добился я в конце концов?» (там же, *стр. 25*).

Б. Л. Вольман. «Гитара в России. Очерк истории гитарного искусства», Л., Музгиз, 1961.

Глава о Н. П. Макарове в книге Бориса Вольмана «Гитара в России», в целом, достаточно правдиво передает историю его жизни и деятельности, хотя и содержит несколько спорных личных комментариев, на которые автор, однако же, имел полное право. Тем не менее, неточности и ошибки вкрались и в эту работу.

«Получив скудное домашнее образование, — пишет Б. Л. Вольман на *стр.* 108, — Макаров в 1823 году отправился κ *брату* в Варшаву и в 1826 году поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков».

Валериан Макарович Мичурин приходился Макарову не братом, а родным дядей по линии матери [заметим, что позже эту же ошибку повторил и А. В. Ширялин (очевидно, позаимствовав ее у Вольмана) в своей «Поэме о гитаре», М., Молодежная эстрада, 1994, стр. 57].

Далее на той же странице:

«Уже будучи офицером, Макаров *принял участие в подавлении* польского восстания 1830 года, *был взят в плен* поляками..».

Никакого участия *«в подавлении польского восстания»* Макаров не принимал, равно как и не был *«взят в плен»*, в том смысле, в котором это здесь подразумевается, а именно: насильственно, в бою с повстанцами. На самом деле, все время, с момента оставления Варшавы русскими войсками и до полного подавления восстания, Макаров провел на положении военнопленного, в котором оказался по причине своей болезни и нахождения в военном госпитале в Варшаве, будучи чуть позже вместе с другими русскими пленными перемещен в отдаленный от хода боевых действий район Польши.

У Вольмана, как, впрочем, и во многих других биографиях Макарова, сказано и о том, что детские годы он провел «в имениях отца и тетки — M. Π . Bолконской» (cmp. 107), однако я не могу припомнить, чтобы Макаров где-либо писал о том, что воспитывался у M. Π . Волконской. Действительно, он упоминает, что в возрасте примерно двух-трех лет был отдан матерью к одной из его теток, у которой провел около года, но имени этой тетки не называет. Возможно, конечно, что это была и Волконская, а он был еще слишком мал, чтобы ее в то время запомнить и этот короткий период детства никак не отложился в его памяти; зато в своих воспоминаниях Макаров совершенно определенно писал, что впервые познакомился и даже узнал о существовании у него тетушки княгини Марьи Павловны Волконской в Петербурге, в 1834 году, в доме которой тогда был очень тепло принят и затем часто ее навещал вплоть до 1837 года:

«..я даже не подозревал, что у меня в Петербурге есть тетка, да еще и сиятельная. Открытие ее

для меня было сделано потом в мае 1834 года, и не самим мною, а моими крепостными костромскими оброчниками. <...> Тетенька Марья Павловна, да еще и княгиня! Господи! Да за что же на меня такая напасть, такое сиятельное нашествие? — И откуда взялась такая тетушка»? (Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания. Том 1, стр. 190-191).

На *стр.* 110 Вольман повторяет слова Макарова из описания его первой встречи с Сихрой, не обращая внимание на несоответствие называемого возраста последнего действительному: «Весной 1840 года Макаров приехал в Петербург... Тогда же познакомился Макаров *с* 75-летним А. О. Сихрой». Это тем более удивительно, что в этой же книге, в главе о Сихре *(стр.* 76), Вольман сам же и называет дату его рождения — 1773 год, т. е. на момент встречи с Макаровым ему было не 75, а 67 лет.

Так же неверно называется Вольманом и дата концерта Макарова в Брюсселе — 12 октября 1856 года, вместо 5-го (или же 23 сентября по ст. стилю), — что, впрочем, не вполне является его ошибкой, но заимствованной из ранних источников, внушавших доверие (статей в русской прессе Моркова и Дамке о конкурсе Макарова в Брюсселе и о прошедшем там чуть ранее его концерте).

Рейфман П. С. Из истории журнально-литературной борьбы 1860-х гг.: (М. Л. Ми-хайлов и Д. И. Писарев о произведениях Н. П. Макарова) // Труды по русской и славянской филологии: XXIV: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 323–335. (Учен. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 358.).

Статья доктора филологических наук, профессора Тартуского университета Павла Семёновича Рейфмана (1923–2012), содержит очень обстоятельный разбор полемики, разгоревшейся в нач. 1860-х гг. в прессе между Макаровым и его критиками. Тем не менее, начинает автор свою статью, с совершенно безосновательного и абсурдного утверждения о связи Макарова с III Отделением, солидаризуясь в этом с Б. М. Эйхенбаумом, литературный опус которого «Маршрут в бессмертие» тут же рекомендует как «интересную книгу» о Н. П. Макарове, а самого ее автора в конце статьи даже именует «исследователем» и не считает зазорным для себя в некоторых случаях ссылаться на его «труд», как на заслуживающий доверие источник (что, как будет показано нами в разборе «Ложный маршрут Эйхенбаума», крайне опрометчиво и опасно).

П. С. Рейфман открывает свою статью следующим образом (стр. 323):

«Н. П. Макаров (1810–1890) — лексикограф, составитель многочисленных словарей — личность весьма колоритная. Он занимался не только лексикографией. *Непосредственно связанный с III Отделением, и за плату, и по собственному побуждению*, Макаров рьяно выступал с обличениями «нигилизма», издал две сатиры («Кровавый призрак» и «Пиф-паф»), в которых, по его собственным словам, «огненными чертами изображал я опасность всему цивилизованному миру от коммунизма и интернационализма». Аналогичные взгляды высказывались Макаровым в брошюрах «Противоядие Социализма» и «Против цареубийц и нигилизма вообще». После убийства Александра II Макаров напоминал, что он уже давно «предвидел и предсказывал ужасы анархических стремлений, предсказывал в печати «...» и еще — в докладных записках» (Н. Макаров. Против цареубийц и нигилизма вообще. СПб., 1881, с. 1)».

Совершенно ясно, что вся «фактологическая база», на которой покоится заявление о том, что Макаров являлся агентом III Отделения (кстати говоря, в 1880 году упраздненного) и получал в нем вознаграждения за поставляемую информацию, — а только так и можно истолковать слова о его работе на политическую полицию «за плату», — состоит из слов самого Макарова о его «докладных записках». Но такое «сотрудничество», если бы оно было, никогда не стало бы афишироваться: это учреждение выполняло в государстве в первую очередь функции тайной полиции, и публичный «отчет о проделанной работе» в печати его сотрудника — нонсенс, вещь невозможная. Интересовалось III Отделение тоже вещами не абстрактными, а вполне конкретными угрозами, Макаров же мыслил, что называется глобально, явлениями и тенденциями, — и именно в этих только масштабах он и писал, во всю мочь открыто вопия «как гражданин и патриот» об опасностях, исходящих от нигилистов и революционеров-разрушителей. Причем, делал это исклю-

чительно «по собственному побуждению».

Что же до «докладных записок», то эта форма обращения в различные инстанции или к высшим должностным лицам (до императора включительно) по каким-либо важным и актуальным вопросам с изложением предложений заявителя по их решению, была в то время весьма распространена и, вопреки заблуждению Эйхенбаума и Рейфмана, не имела ничего общего с доносом. В качестве примера, наиболее близкого к макаровским «докладным» и по времени и по проблематике, достаточно вспомнить «записку» генерала и писателя Александра Алексеевича Киреева (1833–1910), представленную в 1879 году Императору Александру II и одобренную им, а позже опубликованную под названием «Избавимся ли мы от нигилизма?», в которой в качестве средства против этого зла предлагались «удержание высокого уровня образования в наших гимназиях и университетах» и «опора на церковь» как «основу семьи и государства».

А теперь сравним это с тем, что писал Н. П. Макаров в цитируемой П. С. Рейфманом «брошюре» «Против цареубийц и нигилизма вообще» (на самом деле это всего лишь трехстраничная «прокламация», в которой он объявил о своем намерении «путем печатного сатирического бичевания», «действовать от своего лица, насколько хватит дарования, умения и сил, на защиту Престола, Веры, закона и общественного порядка и спокойствия»), приведя фрагмент полностью:

«...я давно уже предвидел и предсказывал ужасы анархических стремлений, предсказывал в печати, издав 1874 году две политические сатиры, в которых нещадно бичевал я социалистов, коммунистов и осмеивал наших нигилистов; и еще — в докладных записках. Я предупреждал и власти, и все общество о грядущей опасности. А в записках указывал на средства, если не к мгновенному пресечению, то хоть к уменьшению, к ослаблению разъедающего Россию зла. Но увы! Голос мой был «гласом вопиющего в пустыне». А между тем предсказания мои сбылись с ужасающею точностью. Обескураженный, я безмолвствовал и сокрушался».

М. Офи. «Вариации на Венецианский карнавал, Н. Макарова» (Variations on Carnaval de Venice by N. Makaroff. Notes by Matanya Ophee // Soundboard (Fall 1982), Vol. IX, No. 3. – P. 288).

Матания Офи известен в гитарном мире как серьезный историк инструмента и очень дотошный исследователь, пытающийся досконально вникнуть во все тонкости изучаемого им вопроса. Но, как гласит старинная русская поговорка, и на старуху бывает проруха, и никто не застрахован от промахов и досадных оплошностей. Не испытывая ни малейших симпатий к Н. П. Макарову как к человеку (ксенофоб, реакционер, бездарный композитор и плагиатор, лишенный таланта или вдохновения, самодовольный «герой-любовник» и проч.), он тем не менее считал его воспоминания важным историческим документом, заслуживающим изучения, и потому не раз обращался к его «Задушевной исповеди» и «Семидесятилетним воспоминания», к истории Брюссельского конкурса, музыкальным сочинениям и т. д., о чем свидетельствуют несколько весьма значительных (особенно для зарубежной аудитории) публикаций его на эти темы.

В одной из таких статей — «Вариации на Венецианский карнавал Н. Макарова» — опубликованной в 1982 году в американском журнале «Саундборд» (Soundboard), издаваемом Гитарной ассоциацией Америки (Guitar Foundation of America), Матания Офи решил уточнить вызывавшую у него сомнение дату концерта Н. П. Макарова в Брюсселе. Действительно, как мы уже отмечали в этом номере нашего журнала, она в большей части публикаций, в том числе и российских (начиная с самых ранних в «Северной пчеле» и «Музыкальном и театральном вестнике»), называлась неверно (см. примечание на стр. 36); свои сомнения были на этот счет и у г-на Офи, хотя и возникшие по другой причине — расхождение ее в оригинале воспоминаний Макарова и в их английском переводе. По сути дела, увидев эту неточность и взявшись ее исправить, Матания Офи находился уже в шаге, или даже полушаге, от верного ответа, но в последний момент... сделал его не в ту сторону. Подвела его банальная «трудность перевода», на этот раз с Юлианского на Григорианский календарь, или, как принято говорить, со старого (принятого до 1918 г. в России) на новый (преимущественно уже действовавший в Европе и мире) стиль.

Итак знатата на стату и М. Офи в укупна по «Саунибори» (она ука бы на опубликорана на ном да

Итак, цитата из статьи М. Офи в журнале «Саундборд» (она же была опубликована на нем. яз.: Variationen uber "Carnaval de Venice" von Nikolai Petrovich Makaroff // Gitarre & Laute, 1982 Sept/Oct, IV/5. – S. 286):

In his memoirs, he <Makaroff> relates that prior to the opening of his competition, he was advised by Berthold Damcke to present himself as a guitarist before the public. The precise date of that concert is important, because, as discussed in the Makaroff article elsewhere in this issue, Makaroff's relations with the Director of the Brussels Conservatory, François-Joseph Fétis, had a significant bearing on the event and on the final decision of the jury. It is important to know whether Makaroff's own concert took place *prior to*, or *after* the celebration of Fetis' fiftieth wedding anniversary which was celebrated in a grand manner on October 6, 1856. The English translation of the memoirs in the *Guitar Review* gives the date of *Sunday*, *October 23*, i.e., after the Fetis celebration. But this is definitely wrong, since October 23, 1856 fell on a Thursday. In the original Russian text of his Confession, Makaroff gives the date of *Sunday*, *September 23*, which in 1856 fell on a Tuesday. *But since Makaroff was writing in Russia for a Russian public, he was certainly using the old style Julian calendar which was in use in Russia until the Revolution. Therefore, his September 23 was, in the Gregorian calendar used in Belgium, Sunday, September 12.*

No wonder Fetis had no time to see to the guitar competition. He must have been much too busy in preparations for his own concerts and celebrations. Moreover, in the Confession, Makaroff relates that on the same day and hour of his own concert, another important concert was in progress in the zoological gardens where, thanks to the good weather, tout Bruxelles, including the Royal Family in its entirety, was in attendance. Yet, Makaroff still attracted some 400 hardy souls. Where was Fetis? I would imagine that as a Government official, he would have been with his King, not with Makaroff.

В своих воспоминаниях он <Макаров> рассказывает, что до открытия его конкурса, Бертольд Дамке посоветовал ему представить себя публике в качестве гитариста. Точная дата этого концерта важна, поскольку, как говорит Макаров в другом месте своей публикации, его отношения с директором Брюссельской консерватории, Франсуа-Жозефом Фетисом, имели существенное влияние на ход и на окончательное решение жюри <конкурса>. Важно знать, проходил ли собственный концерт Макарова до или после празднования пятидесятой годовщины супружества Фетиса, которая была пышно отмечена 6 октября 1856 г. В английском переводе воспоминаний <Макарова> в Guitar Review приводится дата — воскресенье, 23 октября, т. е. после празднования юбилея. Но это, безусловно, неправильно, поскольку 23 октября 1856 г. выпадало на четверг. В оригинальном русском тексте Исповеди, Макаров называет датой <концерта> воскресенье, 23 сентября, который в 1856 году выпадал на вторник. Но поскольку Макаров писал <свои воспоминания> в России и для российской публики, он, конечно, использовал старый стиль Юлианского календаря, который применялся в России до революции. Таким образом, его 23 сентября было по григорианскому календарю, который используется в Бельгии, воскресеньем, 12 сентября.

Не удивительно, что у Фетиса не было времени заниматься гитарным конкурсом. Он должен был быть слишком занят в подготовке к его собственным концертам и празднованию. К тому же, в Исповеди, Макаров рассказывает, что в тот же день и час, когда происходил его концерт, в зоологическом саду состоялся еще один значительный концерт, на котором, благодаря хорошей погоде, присутствовал весь Брюссель, включая всю королевскую фамилию. Тем не менее, концерт Макарова привлек до 400 «наиболее отважных» людей. Где был Фетис? Я полагаю, что, будучи государственным служащим, он находился со своим королем, а не с Макаровым.

Таким образом, М. Офи сначала совершенно верно указал на ошибку, допущенную в публикации перевода воспоминаний Макарова на английский язык — 23 октября («I gave the concert on Sunday, Oct. 23rd at 1 P. M.», Guitar Review. Vol. 1, No. 5, 1948) вместо 23 сентября, но затем допускает собственную: пытаясь перевести дату 23 сентября старого стиля в новый, он ошибочно «откатывает» календарь назад и получает 12 сентября, тогда как такой перевод требует обратной операции, т. е. + 12 дней, что и дает искомую дату нового стиля, а именно: 5 октября (= 23 сентября ст. ст.).

Эта корректировка никак не разрушает прочих рассуждений М. Офи, поскольку она тоже предшествует (правда, всего на день) юбилею, отмечавшемуся Фетисом, однако же, во-первых, подлинная дата концерта им в этой заметке остается неназванной, а, во-вторых, остается попрежнему непонятным, почему же, по мнению Матании Офи, «у Фетиса не было времени заниматься гитарным конкурсом», ведь начался он (если за точку отсчета принять первое заседание жюри) только спустя 10 дней после окончания его личных торжеств, когда прошли уже и под-

готовка и само празднование, которые, по аргументации Офи, как раз этому и препятствовали, а именно: 16 октября 1856 г. по «европейскому», новому стилю. Возникает невольный вопрос, а не было ли и здесь у М. Офи какой-то проблемы с календарем?...

Справедливости ради стоит заметить, что нам в этом вопросе куда проще, поскольку в большинстве российских календарей, издававшихся в XIX и начале XX века, даты приводились параллельно в обоих стилях, поэтому достаточно лишь открыть один из таких календарей за интересующий нас год.

Семанов С. Н., Сегень А. Ю. Макаровы / С. Н. Семанов, А. Ю. Сегень. – Москва : Наш современник, 2001. – 361 с. : ил. ; [16] л. ил. – (Знаменитые русские фамилии ; вып. 1. – (Гл.: **Николай Петрович Макаров. Многозвучный колокольчик.** – С. [30] 32-39)

Совершенно нелепыми ошибками и ложными утверждениями полнится глава «Николай Петрович Макаров. Многозвучный колокольчик» в книге Сергея Семанова и Александра Сегеня «Макаровы». Это прямо-таки какой-то «образец» литературной небрежности и авторской безответственности (притом, что оба автора известнейшие писатели, на счету каждого из которых десятки книг, в том числе и вышедших в серии «ЖЗЛ»; С. Н. Семанов к тому же еще и кандидат исторических наук, а А. Ю. Сегень удостоен полутора десятка престижнейших литературных премий). Создается впечатление, что в стремлении собрать под одной обложкой как можно больше известных Макаровых (идея чего, сама по себе неплохая), авторы даже не удосуживались сколько-нибудь серьезно вникнуть хотя бы в основные факты биографии своего героя и были озабочены лишь тем, как бы поскорее «покончить» с одним из них и приняться за следующего... В итоге, весь рассказ о Н. П. Макарове в этой книге превратился в невообразимую мешанину, в которой былое уничтожается и обесценивается придуманным.

Вот лишь самые «яркие» тому примеры.

На странице 33 читаем:

«Женился он рано, в восемнадцать лет. По тем временам — даже и очень рано. Молодая женушка, в девичестве — Александра Болтина, всем была довольна, кроме диковинного увлечения своего мужа плаванием. Макаров считал обязательным ежедневно по шесть—семь раз переплывать туда и обратно Вислу, причем последний заплыв делал в полном обмундировании и с саблей в руке. Зрители на берегу бывали в восторге, а супруга жаловалась друзьям, что Николаша по четыре часа в день проводит в реке, газеты читает, плавая на спине, и даже завтракает в воде».

Начнем с того, что женился Н. П. Макаров вовсе не в восемнадцать лет, а уже ближе к 28 годам — в сентябре 1837 года. Во-вторых, когда это произошло, Висла уже лет шесть как была за тысячу километров от него, так что ни туда, ни обратно, он в эти годы ее переплывать не мог, да и сама военная служба осталась далеко в прошлом. Наконец, продолжительные «плавания мужа», вызывавшие «жалобы супруги», это вообще уже сцены из «второй жизни», из начала 1850-х, когда не только река у него была другой (не польская Висла, а своя Москва-река), но и супруга другая — «молодой женушки» Александры уже более пяти лет как не стало, да и вторая — Софья — к тому времени давно и сильно болела...

На той же странице ниже («скачок в прошлое», объяснимый разве что элементарным незнанием и непониманием того, *что было* и *за чем следовало* в жизни Макарова):

«...через два дня началось знаменитое польское восстание, Макарова схватили, стали держать в плену... Почти год он подвергался унижениям и пережил все неприятности, связанные с пленом... До весны 1832 года Николай Петрович лечился, восстанавливая здоровье, подорванное в плену».

Конечно, плен не был в жизни Макарова событием радостным, но, по правде говоря, и «ужасов» он там особо не натерпелся: «схватили», «стали держать», «подвергался унижениям», «подорванное здоровье» — все это имеет мало общего с реалиями пребывания Макарова на положении военнопленного. Загляни авторы хоть одним глазком в макаровские «Воспоминания пленного офицера», они бы из первых уст знали, что даже само его «пленение» было будничным и обы-

денным, без силовых «схваток» и «захватов»: в момент начала мятежа Макаров был нездоров и находился в госпитале, откуда, узнав о восстании, вместе с товарищами благополучно и беспрепятственно ушел в свой полк, выведенный за город, но поскольку нахождение в полевых условиях лишь усугубляло болезнь, командиры посоветовали ему вернуться в госпиталь, находившийся на окраине Варшавы, что он и сделал... Теперь о том, что касается условий содержания в плену. Военные, в отличие от «гражданских и чиновников», которые, по словам Макарова, «оставлены были в своих квартирах и пользовались полной свободой», действительно были ограничены в свободе передвижения и обязаны были оставаться там, где им было предписано, при этом, однако же, ничто не помешало уже «военнопленному» Макарову, движимому исключительно чистым любопытством, «побывать в Варшаве и посмотреть, что там делается» (ближе к центру города, правда, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, ему пришлось спороть форменные пуговицы и поменять обшивки военного воротника и околыша фуражки). Далее, «пленным положено было содержание по чинам»: от 75 злотых прапорщику и подпоручику до 500 злотых генералу в месяц, а когда потребовался переезд на новое место, «выдали месячное жалование и, сверх того, 100 злотых на проезд», за которые пленные сами и нанимали себе повозку; «под подписку не бежать из плена, — писал Макаров, — мы пользовались довольно большой свободой», могли выходить для прогулок в город или даже загород, посещать кофейни, бильярд и проч. развлечения, соблюдая лишь условие «возвращаться домой к восьми часам вечера»; «жители были очень смирны и приветливы к пленным», ну и т. п. Заводились и романы с местными девушками, в чем не стал исключением и Макаров, у которого тоже появилось свое увлечение. «Невыносимо тяжело», по его признанию, было для пленных лишь «бездействие», невозможность быть со своими полками и разделять боевые тревоги своих товарищей, да еще «скука и тоска». В последние месяцы плена, омрачало жизнь еще и неаккуратно, с задержками выплачиваемое содержание, «да и то польскими ассигнациями, курс которых чрезвычайно упал»... Ну вот, пожалуй, и все «тяготы и лишения», перенесенные Макаровым в польском плену.

Бесспорно, в ходе самого мятежа и его последующего подавления было пролито немало как польской, так и русской крови, часто случайной и невинной, но ведь здесь речь идет не об общей картине событий, а лишь о той ее части, которая касалась совершенно конкретного, исторически реального человека — Н. П. Макарова, который эти происходившие с ним события потом сам же в подробностях и описал, а потому никакие художественные домыслы здесь абсолютно неуместны и неоправданны.

Теперь перейдем на страницу 34:

«С начала *пятидесятых годов* стала сильно хворать жена, и Макаровы отправились лечиться *за границу. Там* Николай Петрович продолжал упорно упражняться в игре на десятиструнной гитаре, познакомился и подружился с известнейшими гитаристами — П. А. Ладыженским и А. О. Сихрой, а также с композитором А. С. Даргомыжским. *Много раз Макаров выступал с собственными сольными концертами и имел успех у публики*. В *1853 году* Макаровы вернулись в Россию и поселились в Петербурге. Весной *Александра* скончалась. 5 марта ее похоронили на кладбище *Александро-Невской лавры*.

Смерть милой супруги, которую Николай Петрович иначе как *светлым ангелом* не называл, сильно потрясла Макарова».

Итак, в 1850-е гг. Макаров отправляется «за границу» и ТАМ — за границей!? — знакомится с Ладыженским, Сихрой и Даргомыжским!!! Должно быть, по мысли авторов, все трое (включая и «престарелого» Сихру) специально устремились вслед за Макаровым ему вдогонку, уже, видимо, не надеясь на удовольствие быть посещенными им в России... и не важно, что все эти встречи на самом деле уже произошли в Петербурге: с Ладыженским — в 1837 году, с Даргомыжским — в 1840-ом, а с Сихрой — в 1840 и 1844 гг. Но и это еще не все, оказывается, что в эту же свою поездку за границу Макаров «много раз выступал с собственными сольными концертами и имел успех у публики»!? Каким потрясающим откровением стало бы это для самого Макарова, который полагал, что дебютировал в Европе только в 1856 году и дал там тогда лишь один сольный концерт! Однако же и на этом абзац еще не окончен: «В 1853 году Макаровы вернулись в Россию

и поселились в Петербурге», — опять неправда: и вернулись годом раньше, и поселились не в Петербурге... Казалось бы, достаточно, но не тут-то было: в конце этого «занимательного блока» неожиданно выясняется, что Макаров, оказывается, все это время путешествовал и вернулся в Россию с... Александрой (той самой первой своей женой, «светлым ангелом», которая... умерла еще 8 лет назад!) и вот теперь авторы сообщают читателям о ее смерти и хоронят «на кладбище Александро-Невской лавры» в Петербурге. Смерть не повод для шуток, а в марте 1853 года Макарова действительно постигла тяжелая утрата, но была она уже не первая, — он потерял тогда уже вторую свою жену, Софью, и похоронил ее на кладбище Алексеевского монастыря в Москве.

Однако же г-да писатели продолжают удивлять нас «новыми биографическими открытиями» и дальше. Сообщив предварительно о приобретении в 1855 году Макаровым завода по изготовлению керамической плитки и вскользь упомянув о проведенном им в Брюсселе на свои средства, полученные из доходов этого предприятия, гитарном конкурсе, они на *стр. 36* пишут:

«Но материальное благополучие длилось недолго. Макаровский завод стал убыточным, Николай Петрович разорился и вместе с женой вынужден был поселиться в имении супруги Фуниково-Рождествено».

Но позвольте, как же так: Александру чуть выше похоронили (хотя и с опозданием на несколько лет), о смерти второй жены, Софьи, мы вынуждены были сообщить вместо авторов, — так с кем же, с какой женой, в конце 1850-х годов мог поселиться Макаров «в имении супруги Фуниково-Рождествено», если это имение действительно принадлежало Александре (Болтиной) и было получено ею от матери как приданое при замужестве?!.. Н. П. Макаров к этому времени уже дважды стал вдовцом и если он и мог переехать в то время в тульское имение не один, то только со своими потерявшими матерей детьми от обоих браков...

Ну, и еще один перл от создателей «Макаровых» (стр. 38):

«Семидесятые годы раскачивали русское общество буйными революционными ветрами. В отличие от многих литераторов, Макаров занял твердую державно-государственную позицию. Он охотно сотрудничал с тогдашней госбезопасностью — Третьим отделением, излагая его сотрудникам свои собственные соображения относительно того, какими способами вести борьбу против революции».

Это все та же фантазия (уже встречавшаяся в этом обзоре у Рейфмана), почерпнутая из эйхенбаумского «Маршрута в бессмертие», поданная опять же без каких-либо оговорок и комментариев как документальный и подтвержденный факт, но уже иначе — с некоторой даже симпатией к Макарову, поскольку и сами авторы занимают «твердую державно-государственную позицию»!.. Нет, господа писатели, раз уж вы выбрали для себя в литературе историческую тематику и взялись писать в своих книгах о реальных исторических личностях и событиях, то будьте добры позаботиться не только о форме, но и о содержании ваших сочинений, поскольку читателю важна в них не только и даже не столько литературная сторона изложения, не ваша «виртуозность владения словом», а куда больше — правдивость и достоверность сообщаемых сведений.

После всего этого, право же, как-то уж очень печально читать обращение авторов к своему читателю, которым они представляют ему серию «Знаменитые русские фамилии»:

«Дорогой читатель и друг!

Ты держишь в руках книгу, которой, даст Бог, суждено войти в историю книгоиздательства. С нее начинается задуманная нами серия о знаменитых русских фамилиях. Эта идея, родившаяся в последний год двадцатого века и второго тысячелетия, находит свое зримое воплощение уже в двадцать первом столетии и в третьем тысячелетии от Рождества Христова.

Доброго пути тебе, наша первая ласточка!

Сергей Семанов,

Александр Сегень»

Да, «первая ласточка» вылетела... войдет ли она в «историю книгоиздательства», и если да, то как?!

Виктор ТАВРОВСКИЙ

ЛОЖНЫЙ МАРШРУТ ЭЙХЕНБАУМА

«Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю... история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть могло... в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется... чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. <...> тем непозволительнее историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах».

Н. М. Карамзин Из Предисловия к «Истории государства Российского» (Т. 1, М.: Наука, 1989. – С. 18)

опулярность у читателя «исторической прозы» (романов, повестей, рассказов) вполне понятна: ведь это не только очень увлекательно, но еще и познавательно. Однако же, если с увлекательностью у писателей с литературным талантом проблем, как правило, не возникало, то познавательная, или собственно историческая составляющая, давалась далеко не всегда и не каждому, отчего «познать» в такой литературе нередко можно такое, что и на голову не натянешь. Без определенной доли «художественного вымысла» историческому писателю обойтись, разумеется, не просто трудно, но и невозможно, а поскольку границы дозволенного здесь никакими общими правилами не прописаны и не установлены, то у каждого сочинителя они индивидуальны, и зависят исключительно от его личной ответственности, добросовестности и компетентности, так что разброс степени достоверности их произведений простирается от чистой фантастики до почти полной приближенности к исторической точности.

Вообще-то читающая публика в большинстве своем если и не знает наверняка, то догадывается, что как бы хороша ни была в чтении историческая художественная книга (особенно, когда автор пишет о событиях далекого прошлого), на нее нельзя полагаться как на достоверный источник исторического знания. Но это если говорить об «исторической прозе» в целом, однако в ней есть еще и литература, которую авторы позиционируют как основанную на документальных материалах, к таковой принадлежит, в частности, документально-биографический жанр. К нему надо отнести и сочинение Б. М. Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова» вышедшее в 1933 году тиражом в 5 тыс. экземпляров в издательстве «Советский писатель».

Хотя сам автор и прибегает к некоторым уловкам, заявляя, что книга его «не роман о великом человеке, не психологический портрет, не исторический роман и даже не сатира (речь идет о давно отжитом), а скорее всего — историческая карикатура или исторический фарс», сути дела это серьезно не меняет, поскольку построена она, по его же собственному заявлению, на материалах воспоминаний и автобиографических романов Н. П. Макарова, т. е. по существу на документальной основе, и, следовательно, Эйхенбаум берется описать реальное историческое лицо в его реальных исторических действиях и поступках, без вымышленных персонажей и выдуманных событий. По крайней мере, так должно бы быть по определению. Однако по факту эта книга стала самым большим собранием дезинформации и лжи о Н. П. Макарове, которую массовый читатель

не в состоянии увидеть и распознать, поскольку для него именно в этой книге и происходит *узнавание* им Макарова, большинству ранее совершенно неизвестного. Более того, и литературную критику в ней интересовала исключительно литературная сторона (не *что*, а *как* там написано); вопрос о достоверности содержания, о соответствии авторских интерпретаций документальным источникам, соотношении в книге правды и домыслов, никем даже не поднимался – все сообщаемое автором принималось за истину на веру.

Начинает Эйхенбаум свое повествование с «Необходимого объяснения», в котором рассказывает о замеченном им появлении в 1850–1860 гг. в России огромного количества «чудаков», из которых одни — «талантливые и любопытные» — были «Дон-Кихотами высшей породы, "чаромутами", выдумывавшими мировые законы и диктовавшими правила поведения», а другие — «жившие инстинктом и фантазией», «поглощенные собой» — «Дон-Кихотами низшей породы», т. е. чудаками никчемными и пустыми. Именно к этой последней категории, причем к «упорной и настойчивой» ее части, к тем, что были «не только чудаки, но и маньяки», и отнес он Николая Петровича Макарова.

С этим ясным взглядом и полной отчетливостью в мозгу о сущности Макарова и всего «разложившегося мелкого дворянства» и приступил автор к «жизнеписанию» своего героя. Каким образом и какими средствами он это сделал я и предлагаю вам посмотреть.

Некоторая неловкость ситуации состоит для меня в том, что Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) почитается одним из выдающихся советских литературоведов, а современники отзывались о нем еще и как о весьма достойном и порядочном в жизни человеке. Но что же тогда такое его «Маршрут в бессмертие»?! Право, не знаю... одно из двух: либо достоинства его были не без изъяна, либо... бес попутал.

С первых же глав книги Эйхенбаум дает понять, что следует в ней строго воспоминаниям Макарова, передавая их если и не всегда дословно, то точно, и разве лишь с некоторым сокращением, а первую часть даже внешне оформляет в виде мемуаров, повествование в которых ведется от лица героя. И лишь во второй и третьей частях переходит к рассказу от третьего лица. В целях гротескной характеристики своего героя он нередко воспроизводит тексты, которые представляют собой простую констатацию, перечисление событий, лиц, предметов и т. п., но вместе с тем должны, по мнению автора, отразить отношение к ним главного героя, его взгляд на людей, события, предметы. Например, описание состава семьи и животных в доме Валерьяна Макарыча; в аналогичной протокольной манере включает Эйхенбаум в книгу большой текст воспоминаний, в котором перечисляются занятия героя в детстве; пересказывает вслед за Макаровым цикл его варшавских анекдотов и проч.¹

Я не вижу никакой надобности вдаваться в разбор этих общих «показательных демонстраций», из которых автор намеревался составить у читателя представление о характере, мировоззрении, жизненных целях и устремлениях своего героя, поэтому оставляю их на совести писателя. Куда более предметным и продуктивным будет обращение к вполне конкретным «событийным» случаям, каждый из которых, по уверению Эйхенбаума, является абсолютнейшей правдой.

Начну с самого «безобидного» примера – о макаровской мстительности. Вот он:

«В Туле — и то один эскулап, вызванный мною в деревню, взял с меня... по рублю за версту. Ну, я ж ему и отомстил. В своем "Полном французско-русском словаре" я привел к слову "visite" пример: "Некоторые тульские доктора страшно дерут (так и написал!) за визит"» (Эйхенбаум, стр. 176-177) 2 .

Такой эпизод действительно был³, и даже «месть» была, в этом Эйхенбаум прав. Однако же, не все так черно, как он здесь представил. Стоит напомнить, что на нескольких предыдущих страницах (о чем автор умалчивает) Макаров, несмотря на свое общее критичное отношение к русским «эскулапам», очень добро отзывается о петербургских врачах Сусловой, Бокове и Ворошилове, попеременно лечивших его дочь Анну, о докторе А. Г. Михалеве, о московском враче, профес-

 $[\]overline{\ ^{1}}$ О стилистической манере использования Эйхенбаумом документов см.: Нестеров М. Н. Язык русского советского исторического романа. Киев, 1978, с. 65–66.

² Здесь и далее цитаты приводятся по тексту издания: Эйхенбаум Б. М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. — М.: Аграф, 2001. – (Сер.: «Символы времени»). Все выделения курсивом в текстах цитат принадлежат автору статьи. – *В. Т.*

 $^{^{3}}$ См.: Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания. Том 2, стр. 10–11.

соре Московского университета Ф. И. Иноземцеве, а затем о тульском уездном враче Николае Григорьевиче Добрынине, оказывавшем ему помощь после несчастного случая, произошедшего 10 июля 1862 года, когда Макаров серьезно пострадал, разбившись на пролетке. Кстати говоря, именно последнему, бывшему еще и страстным любителем гитары, Макаров в 1860 г. уступил (причем в долг) гитару работы Архузена, получившую вторую премию на конкурсе в Брюсселе. Н. Г. Добрынин умер от тифа около 1865 году, оказывая помощь тифозным рабочим на строившейся тогда железной дороге между Москвой и Тулой. Все это, по словам Макарова, были «светлые личности» и «прекрасные врачи», образцы бескорыстия, бессребреники. А вот их «антиподов», действительно, не любил, но о своей «мстительности» говорил с юмором, и при этом писал: «ни за что, никогда и никому не платил я злом. Иронии, эпиграмм и сарказмов — сколько угодно. Это орудия, которыми владею недурно», а потому и отомстил — «безвредным увековечиванием не имени его, а характера его поступка» (Мои семидесятилетние воспоминания, стр. 11). Разумеется, никакие «мульские доктора», в Словаре не фигурируют, а «дерут» употреблено лишь как вариант «дорого берут», но на то ведь он и словарь, чтобы по возможности передавать все тонкости значений слова:

«Visite, sf. посещение, визит; || <...> Certains médecins font payer fort cher leurs -S, некоторые врачи очень дорого берут, unu дерут за свои визиты».

Следующий случай уже более серьезен: в нем мы имеем пример сложной «сборной» фантазии, причем, далеко не безобидной. Читаем:

«...17 ноября 1830 г. Варшава наконец взбунтовалась против "москалей" и их власти. Николай Петрович был совершенно неподготовлен к такого рода странным событиям. В Чухломе никогда не было никаких восстаний и революций, а в Варшаве Николай Петрович, как мы видели, занимался всем, чем угодно, — кроме политики. Валерьян Макарыч был по этой части тоже совершенно беззаботен. Итак, Николай Петрович не только не ожидал никакой революции, но даже не знал, что на свете вообще бывают такого рода происшествия.

За два дня до восстания, 15 ноября, Николай Петрович отправился в военный госпиталь, чтобы несколько отдохнуть от маршировки, а еще более для того, чтобы избежать некоторых возможных неприятностей. С ним случилась одна история, в которой он несколько погорячился и повел себя не по франклиновой системе.

Еще с осени варшавские студенты, лицеисты и даже гимназисты сделались чрезвычайно заносчивы, придирчивы и резки при встречах с русскими: не давали им дороги, умышленно толкали и пр. В кофейных, у рестораторов, в театрах, на гуляньях и даже на публичных лекциях заводились и повторялись разные шумные столкновения и сцены. Один студент, у входа в кофейню, толкнул Николая Петровича — по-видимому, нечаянно; но Николай Петрович вспылил и потребовал извинения. Тогда студент сказал ему "huncwot moskal" и показал кулак. Николай Петрович немедленно вызвал его на дуэль. Студент не отказался, но Николай Петрович, чтобы унизить противника, потребовал дуэль не на пистолетах, а на ружьях. Студент возмутился и заявил, что с такой сволочью он предпочитает драться на кулаках, прибавив, что если Николай Петрович откажется, то он все равно подстережет его на улице и изобьет как собаку.

Дело получило сложный оборот. Тогда товарищи Николая Петровича решили вмешаться и добиться примирения, а пока посоветовали ему *сказаться* больным и лечь в госпиталь, с чем он охотно согласился» (Эйхенбаум, стр. 191–192).

Полнейший вздор и выдумки Эйхенбаума. Макаров накануне польского восстания действительно заболел, а не «сказался больным», а потому и оказался в госпитале. Более того, когда в первые дни мятежа ему удалось уйти из госпиталя и присоединился с несколькими товарищами к своему полку, уже выведенному тогда из Варшавы за город, именно болезнь не позволила ему и дальше остаться со своим полком: из-за нахождения в суровых полевых условиях состояние здоровья стало ухудшаться и командиры предложили ему добровольно вернуться в госпиталь и не рисковать жизнью (в тот момент еще надеялись, что порядок в Варшаве вскоре будет восстановлен):

«После двух суток, проведенных мною на морозе и без лекарств, — писал Макаров, — болезнь моя чрезвычайно усилилась: я едва ходил. Поэтому полковники Граббе и Жеребцов стали уговаривать меня возвратиться в госпиталь. <...> Не лишения и неудобства бивуачной жизни, а страдания от болезни, не облегчаемой ни малейшим медицинским пособием, заставили меня согласиться с

доводами моих начальников, которые искренно любили меня и желали мне добра. С невыносимою грустью в сердце простился я с ними и со всеми прочими товарищами и, одинокий, унылый, побрел в госпиталь, казавшийся мне темницею» («Воспоминания пленного офицера» // Мои семидесятилетние воспоминания. Том 4, стр. 134).

Эйхенбауму подлинная история была известно, но она никак не вписывалась в общую авторскую «концепцию» личности Макарова и потому была откорректирована в нужную сторону:

«Сидеть в госпитале было скучно и даже жутко. <...> Тогда он решил сделать вылазку. Под вечер, когда стемнело, он вышел из госпиталя и, осторожно пробираясь по улицам, добрался до русских бивуаков. <...> Николай Петрович проголодался, окоченел и едва передвигал ноги. Он охал, жаловался на свою судьбу и никому не давал покоя: то упрекал в трусости и развивал свой план действий, то скандалил и вызывал на дуэль, то впадал в отчаяние. В конце концов он так всем надоел, что его стали осторожно уговаривать вернуться обратно в госпиталь. Хотя и с грустным видом, но довольно скоро Николай Петрович согласился сделать это» (Эйхенбаум, стр. 193).

Вот так: охал, жаловался, надоел... спровадили!

Что же касается «дуэли на ружьях», то и она была, но состоялась аж в январе 1833 года, причем не со «студентом поляком», а с однополчанином, и уже в Ораниенбауме под Петербургом, окончилась она бескровно и полным примирением сторон, признавших, что оба погорячились из-за пустяка. Более того, в дальнейшем дуэлянты стали хорошими друзьями. Описание этого инцидента приведено Макаровым во всех подробностях в последней главе «Задушевной исповеди», а в «Семидесятилетних воспоминаниях» он добавил, что эта дуэль была в его долгой жизни «первым и последним дебютом «нелегальной» расправы», поскольку, пишет он, «это было не в моем характере, претило моей натуре, «моему незлобию»» (Мои семидесятилетние воспоминания. Т. 1, стр. 114).

Ну и чтобы уж совсем показать, каким образом «творчески перерабатывался» Эйхенбаумом мемуарный материал, приведу подлинную цитату из Макарова, так «мастерски» вмонтированную романистом в историю с «польским студентом» и «дуэлью на ружьях» (отчего я и назвал его фантазию «сборной»):

«Слухи о войне, о близком восстании множились, усиливались; брожение росло и начало проявляться различными и довольно осязательными выходками со стороны учащейся польской молодежи: студенты, лицеисты, гимназисты, сделались чрезвычайно заносчивы, придирчивы и дерзки при встречах и столкновениях с русскими: на улицах они не давали им дороги, умышленно толкали. В кофейнях, у рестораторов, в театрах, на гуляньях, даже на публичных лекциях, везде заводились и повторялись неприятные сцены, истории, оканчивавшиеся иногда вызовом на дуэль» (там же, стр. 119).

И в самом деле, — решил, видимо, автор, — раз дуэли случались, то почему бы не быть ей с Макаровым, который потом струсит и сбежит в госпиталь... красивая, даже можно сказать, характеристическая, получится история, а главное, с подробностями, которые так придают ей правдивости... В книге С. Семанова и А. Сеганя «Макаровы» (упоминающейся уже в наших предыдущих заметках «Неточности, ошибки и нелепости в публикациях о Макарове») эта придуманная Эйхенбаумом дуэль так и подана как факт:

«Конечно же, он был и дуэлянтом. 15 ноября 1830 года он вызвал на дуэль поляка, назвавшего его грязным москалем. Полячишка испугался и на дуэль не явился, а через два дня началось знаменитое польское восстание, Макарова схватили, стали держать в плену» (Семанов С., Сегень А. Макаровы. М., 2001, С. 33).

Есть у Макарова в «Воспоминаниях пленного офицера» рассказ о том, как взбудоражило однажды русских известие, что «в полночь поляки намерены сделать нападение на замок и перерезать всех пленных»:

⁴ В своей работе «Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки» (Л.: Гос. издат., 1924) Б. М. Эйхенбаум открыл «наклонность» юного Лермонтова «к использованию готового материала», когда тот «не просто подражает избранному "любимому" поэту, как это обычно бывает в школьные годы, а берет с разных сторон готовые отрывки и образует из них новое произведение». Не знаю, как там на самом деле обстояло дело у Лермонтова, но самому Б. М., очевидно, эта идея показалось настолько интересной, что он и сам решил попробовать дернуть кусочек там, кусочек сям, а нагора выдать нечто «новенькое». И это, надо признать, ему местами удавалось делать очень искусно, хотя результат, конечно, и грешил против истины.. да кто проверять то станет, что было, а чего не было с этим всеми забытым Макаровым.

«...Все пленные высыпали на площадь. <...> Образовалось несколько кружков, в которых обсуживали свое положение и сообщенную нам весть. Одни верили, другие нет, и всякий подавал какое-нибудь мнение». Некоторыми, пишет далее Макаров, делалось предложение первыми напасть на караул и разоружить его, но оно «было слишком нелепо, чтобы принять его за серьезное, тем более, что большинство сомневалось в истине известия <...> Часа два провели мы в бесплодных совещаниях и наконец разошлись по квартирам. Я принадлежал к числу неверующих в известие... Возвратясь в свою комнату, я лег, не раздеваясь, имея на себе шинель в рукава, положил возле себя сучковатую палку и заснул». Ну, а в полночь наступила развязка и выяснилось, что слух был ложным («Воспоминания пленного офицера» // Мои семидесятилетние воспоминания. Том 4, стр. 147–148).

А вот как эта же история, по воле Эйхенбаума, предстает в его «романе»:

«Пленные в ужасе метались по двору, ища спасения. На углу замка, под водосточной трубой, стояла большая бочка». И дальше: некто Зеленко, «сотоварищ» Макарова по плену, боец не самого храброго десятка, бросается к ней, но:

«Увы! бочка была уже занята. Из ее глубины на Зеленку смотрели вытаращенные, полные ужаса глаза Николая Петровича. Как человек подвижной и ловкий, он осуществил замысел неуклюжего Зеленки: с разбегу бросился в бочку и по дороге задел его можжевеловой палкой. Узнав Зеленку, Николай Петрович скорчился и ушел на дно. Зеленко посмотрел, плюнул Николаю Петровичу на самое темя и пробормотав: "Эдакая сволочь!", пошел искать другого места» (Эйхенбаум, стр. 201).

Сам Николай Петрович, до утра скрючившись просидел в бочке, ночью весь вымок под дождем, но все боялся покинуть своего убежища, не зная, что же происходит снаружи:

«Этого Николай Петрович долго не мог угадать и поэтому долго еще продолжал сидеть в бочке, на корточках, по пояс в воде. Наконец, весь дрожа от холода, он приподнялся и начал высовывать голову. Все было спокойно. Вдалеке он увидел группу пленных, мирно гулявших по двору» (там же).

Такой вот стыд!

Как говорится, почувствуйте разницу!

Но вот плен позади, Макаров со своим полком переведен в Ораниенбаум. Опустим некоторые нелепые замечания относительно настроений и мечтаний Макарова, которыми начал Эйхенбаум описание этого периода жизни своего героя и обратим внимание на следующий отрывок:

«Сначала Николаю Петровичу повезло. На разводе перед Зимним дворцом император строго спросил его: "Откуда приехал?" — "Из Костромской губернии", — ответил Николай Петрович громко и таким тоном, как будто Костромская губерния лежала у самого полярного круга. Его величество был, по-видимому, нетверд в географии, но именно поэтому ответ Николая Петровича произвел на него впечатление. "Хорошо! молодец!" — сказал император — и Макаров был сейчас же произведен в подпоручики и переведен в роту его величества. "Все дело в тоне и в голосе", — решил Николай Петрович и начал держать себя соответственно чину — несколько величественно» (Эйхенбаум, стр. 297-208).

Уверен, у императора с географией все было в порядке, и его удовлетворение ответом Макарова как раз этим и объясняется: тот был *«не из западных губерний*, которые не пользовались тогда Высочайшим благорасположением, а напротив» (*Мои семидесятилетние воспоминания, т. 2, стр. 101*), что и понятно, учитывая только что подавленный польский мятеж. А вот Эйхенбаум, более 30 лет проживший «при империи», должен бы был понимать разницу между «его величеством» и «его высочеством», поскольку определен новоиспеченный подпоручик был под начало Его Высочества Вел. Кн. Михаила Павловича.

Не буду даже пытаться разбирать многочисленные описания Эйхенбаумом любовных похождений Николая Петровича Макарова, которым он почему-то решил посвятить чуть ли не половину своей книги, вставив туда почти целиком его «Хронику моих любовей, любовных эпизодов и любовишек» (Мои семидесятилетние воспоминания. Т. 2, стр. 73–138), за которую тому и при жизни порядком досталось от современников. Однако для Эйхенбаума это был бесценный кладезь сюжетов, дававших ему беспроигрышный шанс представить во всей неприглядности своего «героя», показать всю глубину его расчетливого цинизма, лицемерия и душевной пустоты, на

который он с алчностью и накинулся, с удовольствием смакуя и комментируя макаровские «любови» и «любовишки». В итоге, собственного лицемерия и цинизма у автора получилось ничуть не меньше. Исключения не делалось даже для смерти:

«Жена его умерла скоро по возвращении из-за границы. Но он настолько был занят своей новой гитарой, что это никак особенно не отразилось на нем. Он уже стал привыкать к тому, что жены вообще быстро умирают» (Эйхенбаум, стр. 291).

Но это был только один «срез» личности, Макарова же требовалось растоптать полностью и без остатка. Для хорошего писателя нет ничего проще: сказано — сделано... и вот уже готова сценка, в которой тот выставлен полным идиотом и маразматиком, обрушивающим свою немотивированную «дворянскую» агрессию на тщедушного беззащитного доктора:

«У крыльца стояли две старинные пушки. Они достались Валерьяну Макарычу от его прадедушки, управлявшего тайной канцелярией Петра І. На одной из пушек сидел Катенькин доктор — почтенный и умный человек, но страшный сплетник и лгун. Он, например, распространил слух, будто Николая Петровича выгнали из полка за пьянство и разврат.

Увидев доктора, Николай Петрович скорчил гримасу и сел на противоположную пушку. Минута прошла в молчании — только издалека донесся раскат грома. Надвигалась огромная, почти черная туча. Шумели листья и тревожно лаяла собака — та самая, которая утром сорвалась с цепи.

Вдруг Николай Петрович повернулся лицом к доктору, высунул язык и показал ему шиш.

Доктор взглянул на него, пожал плечами и сказал сквозь зубы:

— Идиот!

Николай Петрович медленно слез с пушки, подошел к доктору, со всего размаху ударил его кулаком в нос, а потом схватил за воротник и сбросил с пушки на землю. В ту же минуту сверкнула молния и раздался страшный удар грома. Было такое впечатление, как будто разом выстрелили обе пушки, и одна из них попала в доктора.

Гости бросились к крыльцу. У доктора из носа текла кровь. Николай Петрович стоял около него и по старой детской привычке размахивал руками и кричал: "У-ля-ля. А-лю-лю. Тарарай. Тах-тах. Тара-тах!" » (Эйхенбаум, стр. 220).

Омерзительно — не правда ли?! — не хватает только слюней изо рта взбешенного Макарова. Нужна «документальная основа»? Пожалуйста! Вот собственный рассказ Макарова в «Семидесятилетних воспоминаниях», где есть: а) «две старинные пушки», б) доктор — «почтенный и умный человек» — солигалицкий уездный штаб-лекарь Павел Федорович Робнер, в) «кукиш, показываемый своему визави» (кому и кем см. ниже), г) сам драчун — Николай Петрович Макаров, и, наконец, д) «окровавленный нос, разбитый... мощным кулаком». А теперь — внимание! Сравните «связку» всего этого у Эйхенбаума с описанным Макаровым (действие происходит на второй день свадьбы сестры Н. П. Макарова в доме его дяди В. М. Мичурина). Один из сидящих рядом с Макаровым гостей, говорит ему, указывая на доктора Робнера:

«— Посмотрите-ка, Николай Петрович! что за бесчинства делает Павел Федорыч, — заговорил он со мною. — Он беспрестанно крутит свои усы, и в то же самое время показывает кукиш своему визави, Павлу Петровичу, которого, не знаю за что, не любит и преследует на всяком шагу. Ну, хоть бы для сегодняшнего торжественного дня он поудержал себя. Ведь это явное неуважение к дяде, к молодым и ко всем нам!

Я поглядел пристально на Робнера, и точно вскоре заметил его неприличные, грубые выходки. Я вспыхнул от негодования, но удержался до поры и ограничился только следующим ответом:

— Что же хорошего можно ожидать от человека, который старается перессорить всех родных между собою, и для этого не стыдится прибегать к бабьим сплетням, к наглой лжи и к самой гнусной клевете.

<...>

Разговор этот кончился, потому что встали из-за стола. День был удушливо жаркий, и потому большая часть гостей вышли на крыльцо и на красный двор, где стояли две старинные пушки, дошедшие до Валерьяна Макарыча еще от его прадедушки, директора тайной канцелярии Петра Великого. Я тоже вышел на крыльцо».

Там доктор начинает настойчиво донимать Макарова:

« – Позвольте спросить у вас, Николай Петрович, от кого вы слышали, что будто бы я распу-

скаю невыгодные слухи о муже вашей племянницы?

Так как часа за два до свадебного обеда, он сам же передавал все это мне, то я был до нельзя возмущен и наглым вопросом, и медным лбом Робнера.

- И не время, и не место входить сегодня в какие бы то ни было с вами объяснения, которые покорнейше прошу вас отложить до завтра из уважения к хозяину дома и к торжественности сегодняшнего дня, отвечал я, сдерживая свое негодование.
- Вы должны здесь же, сейчас же отвечать на мой вопрос; или я заставлю вас это сделать! заговорил еще наглее горбоносый и усатый солигалицкий эскулап.
- Все *наглецы*, взятые вместе, не в силах заставить меня отвечать, если я сам не найду нужным это сделать.
- Ты сам *подлец*! глухо и сквозь зубы произнес эскулап и схватил меня за воротник фрака. Этого было слишком много даже для флегматика, находящегося в нормальном состоянии, а не только для человека пылкого и выпившего восемнадцать бокалов шампанского. Я не взвидел света и послал страшнейший удар кулаком в лице сухопарого, жиденького, картофельного эскулапа, наглость которого мгновенно исчезла и заменилась подлейшею трусостью. Он выпустил из рук воротник грозного противника, пожиравшего и уничтожавшего его глазами, горько заплакал, зарыдал и закрыл руками свое заклейменное лицо и свой окровавленный нос, разбитый моим мощным кулаком. Затем, без малейшего возражения на энергический аргумент противника, поплелся в дом и, отыскав там Валерьяна Макарыча, принес ему следующую жалобу, с аккомпанементом самых горьких слез и рыданий:
- Посмотрите, почтеннейший дяденька! что сделали со мною в вашем доме!» (Мои семидесятилетние воспоминания. T. 4, ctp. 191-193).

Мне бы очень хотелось избежать столь пространных цитат, но, к сожалению, только так и можно показать, что и как готовилось в «творческой кухне» Эйхенбаума, и чего на самом деле стоит его «документальная проза».

Или вот еще одна «замечательная находка» Эйхенбаума. Франция, Париж, декабрь 1851 года... Макаров вспоминает:

«Жил я с августа 1851 по конец января 1852 года в Париже, с покойною второю женою и дочерью. Был и свидетелем знаменитого coup d'etat маленького Наполеона (по Виктору Гюго); ходил посмотреть на баррикады, да не пустили, а в добавок чуть меня не подстрелили, когда я, со многими русскими, смотрел из окна отеля Итальянского бульвара, как проходили мимо войска от церкви Маделен к Порт-Сен-Мартен, где уже возникали баррикады. Это было на третий день после переворота 2 декабря. <...> Одна из пуль, шальная, попала прямо в окно, из которого мы смотрели, и, прожужжав над нашими головами, ударилась в стену. Бывший тут мой шурин, Богаевский, достал эту пулю и спрятал на память» (Мои семидесятилетние воспоминания. Том 1, с. 135, 137).

У скорого на выдумку Эйхенбаума тут же рождается гениальный экспромт с «пулей-символом»:

*4 декабря, утром, он отправился на Итальянский бульвар — в отель, где жила компания русских. В это время войска проходили от церкви Мадлен к Порт-Сен-Мартену.

Николай Петрович стал у раскрытого окна. Какое прекрасное зрелище! Он высунулся из окна и закричал изо всех сил: "Vive l'empereur!" В ответ на это один из русских, стоявших позади, крикнул еще громче: "Vive la république".

Раздался выстрел. Пуля пролетела над самой головой Николая Петровича и ударилась в стену. Он достал ее и положил в карман.

Луи Наполеон стал Наполеоном III. У него трон, двор и корона.

А у Николая Петровича — пуля в кармане и больше ничего.

Ни кола, ни двора. Вот именно: Nicolas Nidvoras!» (Эйхенбаум, стр. 285–286).

Невольно вспоминаются «Двенадцать стульев» Леонида Гайдая, и хочется вслед за персонажем Эраста Гарина так же умиленно воскликнуть что-то на пример его знаменитой фразы: «Гениальная находка! Метущаяся интеллигенция среди народа... Великолепный символ: отрыв от народа и — падение!». Да, пуля должна была оказаться именно в пустом кармане Николая Петровича, а иначе, какой в ней смысл вообще!

Надо сказать, что в такой же безобразной манере, как и в предыдущих примерах, состряпана большая часть и других страниц этого «правдивейшего» романа о «жизни и подвигах чухломского дворянина и международного лексикографа», чему у нас будут еще примеры. Возможно, я бы не

стал уделять этому сочинению столько внимания и места, если бы не одно важное обстоятельство, а именно: почти во всех биографиях Макарова или же просто при упоминаниях его имени имеется отсылка к эйхенбаумскому «Маршруту» как на источник дополнительной о нем информации («О нем смотрите...», «О Н. П. Макарове читайте...» и т. п.). Причем и «отсылающие» и «отсылаемые» искренне верят в его надежность и достоверность, а иной раз даже полагают, что и роман-то написан с «симпатией и любовью» автора к своему герою, вот только сам герой несколько подкачал...

Костромской писатель, журналист и краевед Виталий Васильевич Пашин (1926–2013), опубликовавший о Макарове немало статей и заметок в центральной и региональной прессе, в своей книге «Это было недавно, это было давно: краеведческие заметки. Невыдуманные истории» (Москва-Кострома, 2002) вспоминает, что занимаясь поисками материалов о нем, получил в феврале 1981 года письмо от Ольги Эйхенбаум, дочери Б. М. Эйхенбаума, которая посоветовала ему «прочитать книгу отца, Бориса Михайловича, "Маршрут в бессмертие", написанную в 1928 году "с большой любовью к ее герою Николаю Петровичу Макарову"». Не без труда разыскал В. В. Пашин сей труд и.. впечатлился:

«Одного дня хватило мне, чтобы проштудировать это несколько необычное произведение, написанное в ироническом ключе и, как я понял, без особой любви к его герою (вопреки утверждению дочери автора). Это была книга, наполовину состоящая из тенденциозного пересказа макаровского романа «Мои семидесятилетние воспоминания» и пространных, подчас довольно едких комментариев. Свое ироническое отношение к герою Б. Эйхенбаум прозрачно обозначил в самом названии книги: "Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги костромского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова"».

Впрочем, «впечатления» свои он, думается, сильно смягчил и сгладил, дабы невзначай не задеть за живое чувств родственников и почитателей большого литератора.

Есть те, кто видит и понимает, что Эйхенбаум откровенно высмеивает Макарова, но не могут допустить и мысли, что ради этой цели он сам же нечестным образом и «производит», говоря словами Макарова, «бичующие сатиры» на своего героя, используя фрагменты его воспоминаний и автобиографических романов лишь как темы для собственных сюжетов. Нет, думают они, такое в историко-биографическом произведении невозможно, пусть мы сами и не нашли ничего похожего у Макарова, но автор, должно быть, располагал еще какими-то дополнительными, скрытыми от нас источниками, был «более осведомленным». Наглядный пример именно такого заблуждения демонстрирует американский издатель и историк гитары Матания Офи:

«Makaroff's memoirs appeared once again in 1933, as a historical farce by B. Eikhenbaum, which was clearly designed to ridicule Makaroff and the whole generation of 19th century Russian noblemen to which he belonged. Based directly on Makaroff's own writings, this book includes a rather faithful account of the events which surrounded the 1856 competition, and also several details which are not to be found in either the Confession or the Memoirs. It is possible that either Eikhenbaum took these details from Makaroff's autobiographical novels, or that he made them up himself» (Ophee M. The Memoirs of Makaroff. A Second Look. // Soundboard, Fall 1982, Vol. IX, No. 3. – California, 1982, p. 227. – [Офи М. Воспоминания Макарова: Более тщательное прочтение].

«Воспоминания Макарова вновь появляются в 1933 году, но уже в форме исторического фарса Б. Эйхенбаума, имевшего явное намерение высмеять Макарова и все то поколение русского дворянства XIX века, к которому тот принадлежал. Будучи основана непосредственно на литературных сочинениях самого Макарова, эта книга содержит довольно правдивое описание событий, связанных с конкурсом 1856 года, а также некоторые их подробности, которых нельзя найти ни в Исповеди, ни в Воспоминаниях. Вполне возможно, что Эйхенбаум почерпнул эти детали либо из автобиографического романа Макарова, либо придумал их самостоятельно».

Не трудитесь, г-н Офи, искать подтверждения этих «подробностей и деталей» у Макарова — напрасно! там вы их точно не найдете — верно именно ваше второе предположение: Эйхенбум, действительно, *«made them up himself»* <сам их выдумал, вымыслил>. Такое вот у этого советского писателя было богатое (и, скажем прямо, недоброе) воображение, «художественный вымысел», «полет творческой фантазии»...

Конечно же, мы еще посмотрим, что это за подробности в «описании событий, связанных с конкурсом 1856 года» и насколько они «правдивы», но прежде несколько других гитарных сюжетов. Итак, Макаров загорелся сделаться «первым гитаристом»:

«Мечта его ведь в том и состояла, чтобы, рассудку вопреки, доказать тульским помещикам и всему миру, что гитара — высший и незаменимый инструмент, а он — высший гитарный виртуоз и композитор, второй Сихра» (Эйхенбаум, стр. 241).

А значит, следует начать покорять Петербург и «необходимо, конечно, побывать у первого Сихры» (там же).

«Андрей Осипович Сихра был тогда уже глубоким стариком. Он вышел к Николаю Петровичу сонный, растрепанный и грустный. Выслушав просьбу, он пожевал губами, опустился в кресло, молча указал посетителю на стул и закрыл глаза. Николай Петрович сел и снял с гитары чехол. Сихра не шевелился и не открывал глаз. Кругом была такая тишина, что странно и страшно было нарушить ее звуками гитары. Даже на улице было совершенно тихо. Сихра жил в отдаленной части города, в маленьком деревянном доме. Слышалось только завывание ветра и стук дождя.

Николай Петрович кашлянул и повернулся на стуле. Стул заскрипел, точно от боли, но Сихра не пошевелился. Тихо как в могиле. Даже дыханья не слышно. Пахнет каким-то лекарством. Может быть старик умер?

Николай Петрович осторожно поднялся и на цыпочках направился к двери. Дойдя до нее, он оглянулся. Сихра смотрел на него неподвижными грустными глазами. Он чуть не выронил гитару. Старик вздохнул, пожевал губами и опять указал на стул, прибавив глухим голосом: "Я вас слушаю".

Николай Петрович заиграл свою фантазию — сначала робко, потом смелее. Вот пошли уже трели и хроматические гаммы. Какая-то странная гримаса пробежала по лицу Сихры. Он зашевелился, вытянул свою морщинистую тонкую шею, приподнял худую руку, потом вдруг побледнел, откинулся на спинку, схватился за сердце и застонал. Николай Петрович прервал игру. Сихра весь напружинился, вскочил и закричал каким-то петушиным голосом:

— Это дерзость! Это дерзость, а не фантазия! Вам это не сойдет с рук, милостивый государь! По-кажите ваши ноты.

Николай Петрович протянул ему свой манускрипт. Старик пробежал несколько строк "Бог мой, что здесь делается!" — прошептал он и опять закричал:

— Мне страшно смотреть на эти ноты. Возьмите их, возьмите!

Он опустился на кресло: "Боже, как пало искусство!"

Николай Петрович стоял неподвижно.

— Возьмите и уходите, уходите! — почти простонал Сихра.

На улице не было ни души. Ветер срывал с него плащ, дождь мочил гитару и манускрипт. Ужасный город! Ужасные люди!

— Извозчик! Извозчик!!

Открылась фортка и прямо на голову упал забытый им у Сихры чехол. Фортка сейчас же захлопнулась.

Николай Петрович обернул чехлом гитару, сунул бедную фантазию под мышку и побежал.

Эту ночь он почти не спал. Было нечто вроде кошмара. Сихра с чехлом в руке гонялся за ним по улицам...» (там же, стр. 232-243).

Вот так вот все и было, и никак не могло быть иначе, что бы там ни рассказывал об этой первой встрече с Сихрой (а тем более еще и о второй!) сам Макаров!...⁵ Ему ли, несостоявшемуся скрипачу и неполучившемуся пианисту, мечтавшему, как и Макаров, о сцене и мировой славе, этого не знать! Какая уж тут вторая встреча, какое «встал, поклонился, обнял и поцеловал»⁶, вздор, выдумки и самохвальство!

Ну, а до этого Эйхенбаум поделился с читателями еще и своей литературно-художественной версией встречи Макарова с П. А. Ладыженским. Дело было так, пишет он:

⁵ Комментируя этот рассказ из книги Эйхенбаума, В. П. Машкевич отметил: «Мы не знаем, как в действительности принял Сихра Макарова, но приписываемая Эйхенбаумом Сихре апатия и грубость противоречат образу патриарха 7-струнной гитары. написанному М. А. Стаховичем и некрологами Сихры. По их словам, он был благожелательным человеком, любившим и интересовавшимся музыкой и гитарой и никогда не злословившим по адресу других» (Классическая гитара в России и СССР: биогр. муз.-лит. словарь-справочник рус. и сов. деятелей гитары / Сост. М. С. Яблоков. – Екатеринбург, Тюмень, 1992. – Стлб. 1040).

⁶ О встрече с А. О. Сихрой в 1844 году Н. П. Макаров в «Задушевной исповеди» писал:

[«]На этот раз, прослушав меня, Сихра встал, поклонился мне, обнял и поцеловал меня, и потом сказал:

[—] Охотно склоняюсь перед вами: вы сдержали гораздо более того, что мне обещала ваша прежняя игра. И фантазия ваша перестала теперь быть дерзостию. Вы со временем можете убить всех нас, семиструнных гитаристов, необычайною силою и блеском вашего исполнения» (Задушевная исповедь, стр. 138).

«Проездом через Москву, Николай Петрович остановился в гостинице Яковлева, на Тверской. Наступил вечер, стало скучно. Он достал свою гитару, довольно плохонькую, и сыграл, с грехом пополам, первую часть третьего концерта Джульяни.

Вдруг за стеной послышались тоже звуки настраиваемой гитары и раздался громкий мужской голос: "Сейчас мы ему покажем, как надо играть концерт Джульяни! Сейчас мы этому сапожнику покажем! Сейчас мы ему, сукиному сыну, покажем! Ну-ка!"

Николай Петрович побледнел было от гнева, но через минуту покраснел от стыда и зависти. Какая сила! Какая беглость, отчетливость, нежность, выразительность! Что за crescendo! Что за morendo!

Оказалось, что это был известный гитарист, тульский помещик Павел Александрович Ладыженский. Николай Петрович провел у него весь вечер. Ладыженский много играл, а на прощание дал совет: "Работайте и не унывайте. Артист должен обладать не только талантом, но и терпением. Настойчивостью и терпением"» (Эйхенбаум, стр. 239).

Казалось, все бы ничего, но не смог и здесь уважаемый писатель удержаться и не обругать от имени Ладыженского бранными словами незадачливого Николая Петровича. Между тем, встреча эта, по словам Макарова, была очень доброй и решила его музыкальную судьбу:

«Это было в октябре 1837 года. Расставшись, вскоре после свадьбы, с моею первою женою, я пробыл некоторое время в Москве для того, чтобы переменить свой военный костюм и из пехотного гвардейского переодеться в армейский кавалерийский мундир. Я стоял на Тверской, в гостинице Яковлева. В первый же день моего приезда в Москву, вечером я достал свою гитару, довольно плохонькую, начал играть и, между прочим, сыграл первую часть «третьего концерта Джулияни», который я играл уже в то время довольно сносно, хотя я и называю теперь всю тогдашнюю мою игру — «царапаньем». Когда я перестал играть, то услышал в соседнем нумере говорящих вполголоса. Сколько я мог расслышать, дело шло о гитаре и, кажется, о моей игре. Вскоре после этого раздались и звуки гитары; кто-то за стеною начал играть, и играл превосходно, как я никогда еще не слыхал до тех пор. Я весь превратился в слух и меня начала бить лихорадка удивления и восторга. Никогда не забуду я того глубокого, потрясающего впечатления, которое произвела тогда на меня игра на гитаре в соседнем нумере. В этой игре были и сила, и необычайная беглость, и безукоризненная отчетливость, и нежность, и выражение, и глубокое чувство. Что за «crescendo» и что за «morendo»! Одним словом, тут было все, к чему я потом стремился и что приобрел только много лет спустя, после самых настойчивых упражнений и усилий, и то не прежде, как познакомившись с Мерцом и по приобретении мною его драгоценных манускриптов.

Едва кончилась игра за стеною, как я послал моего человека узнать, кто был мой сосед. Оказалось, что это был тульский помещик Павел Александрович Ла—женский. Я сейчас же отправился к нему и отрекомендовался. Он был чрезвычайно любезен со мною и охотно сообщил мне несколько подробностей о себе. Играл он на семиструнной гитаре и был одним из учеников Сихры, когда этот последний пользовался большою известностью в целой России. Прослужа резонный срок в гвардии, Павел Александрович вышел в отставку и поселился в своем тульском имении, занимаясь хозяйством, но не бросая и своего любимого инструмента. Я провел у него весь вечер. Он играл много и все так же очаровательно. Обаяние его игры на меня было так велико, что я тут же объявил, что намерен перейти от шести — к семиструнной гитаре. Но Павел Александрович был так добросовестен и беспристрастен, что сказал мне:

— Напрасно. Не советую вам бросать шестиструнную гитару, которая имеет огромные достоинства и преимущества перед нашею семиструнною, тем более, что вы обладаете замечательным талантом и уже очень развитым механизмом. Продолжайте же заниматься, работайте без устали и не унывайте, если в начале и встретите неудачи. Только одним терпением и настойчивостью, независимо от врожденного таланта, можно дойти до чего-нибудь и сделаться истинным артистом.

Я от души благодарил его за эти дельные и умные советы, которые глубоко запали мне в душу и которыми я вполне воспользовался. Но искренно сожалею, что сам он впоследствии не сделал того, что советовал мне... Он опочил на лаврах... Встреча эта решила тогда мою музыкальную судьбу, и если я играю, и играю порядочно на гитаре, главный виновник того — Павел Александрович Ла—женский, с которым я впоследствии поддерживал знакомство» (Задушевная исповедь, стр. 155-156).

Вряд ли бы после «сапожника» и «сукинова сына» Макаров (с учетом еще и его-то «мстительности»!) оставил об этой встрече с Ладыженским такие воспоминания, а они, кстати, стали, в свою очередь, важным свидетельством современника о самом Ладыженском.

Теперь можно заняться и заграничными гитарными событиями, включая, разумеется, и брюссельский конкурс (с позволения читателей, я пропущу всю часть о питейно-откупном бизнесе и

отношаниях с.В. А. Коморовим, мотя она томо онош, заниматоли на и в ной Эймонбаум, монанно

отношениях с В. А. Кокоревым, хотя она тоже очень занимательна, и в ней Эйхенбаум, конечно же, смог вволю поупражняться в остроумии, щедро одарив читателя новыми яркими сюжетами о Макарове).

Из предшествовавших конкурсу событий Эйхенбаум упомянул концерт Макарова, на котором побывал «страстный любитель гитары» и тогдашний бельгийский «товарищ министра финансов г. Адан», удостоивший гитариста щедрыми похвалами после окончания концерта. Разумеется, на этом дело не кончилось, ибо на следующий день тот же Адан стал для Макарова причиной жуткого разочарования, о чем и сообщает нам Эйхенбаум (без комментариев):

«А на другой день на квартиру Николая Петровича явился огромный курьер с огромным конвертом, на котором стояла печать министра финансов. "Деньги!" — мелькнуло в голове Николая Петровича. — Понимаю: министерство финансов дает мне субсидию на устройство конкурса и ассигнует капитал на открытие гитарной школы в Брюсселе. Вот здорово!" Но в конверте оказался манускрипт "Rond", сочиненного г. Аданом и посвященного Николаю Петровичу.

Денег в конверте не обнаружилось» (Эйхенбаум, стр. 300).

Еще более занимателен диалог с Н. Костом:

- «...дверь распахнулась и в комнату влетел сам Кост. Какая неожиданность!
- Что в Париже? Как гитара? Как Наполеон III?
- Все в порядке. Ждут вас. Страх перед гитарой прошел
- $\hat{-}$ Я так и думал! Гитара страшна только для республики. Из Брюсселя я приеду в Париж и дам концерт. Ну, держись теперь Леон Гозлан!

Кост отвел Николая Петровича в сторону, взял его за руку и сказал вполголоса:

— Друг мой, все надежды на тебя. Как хочешь, а премия должна быть моей.

Николай Петрович ответил ему тоже вполголоса:

— Постараюсь. Сделаю все, что возможно» (там же, стр. 302).

Источника этой информации Эйхенбаум не разглашает, но мы то все равно уже знаем, что на его осведомленность можно положиться!

Но вот и сам конкурс. Заседание жюри:

«Начались прения. Николай Петрович произнес хвалебную речь о Мерце и его сочинениях. Вдруг раздался голос:

Позвольте! Да ведь Мерц умер! Заявляю отвод.

Это был голос того самого члена, который предложил на обеде тост за Фетиса. Он, очевидно, решил отомстить Николаю Петровичу. В ответ на его слова послышались разнообразные восклицания: "Правильно!", "Это не считается!", "Долой мертвецов!" и пр. Николай Петрович растерялся, а ядовитый член жюри продолжал:

— В программе не указано, что мертвецы могут участвовать в нашем конкурсе. У моего *покойного дядюшки* тоже есть прекрасные гитарные сочинения.

Поднялся шум. Довольный скандалом, ядовитый член, поворачиваясь направо и налево, громко ораторствовал:

 $\stackrel{-}{-}$ Этак, господа, все наши премии пойдут на могильные памятники? Мы — не похоронное бюро и не общество для выдачи пособий вдовам и сиротам. Умер — и Бог с ним! "Спящий в гробе мирно спи!"» (там же, стр. 305-306).

И после оглашения результатов голосования:

- На первую премию: Мерц 4 голоса, Кост 2 и 1 голос за какого-то Фрица.
- Это мой покойный дедушка, заявил ядовитый член.
- Итак, первая премия присуждена Мерцу!
- "Со святыми упокой!" запел приятель Фетиса. (там же, стр. 307).

А что, так, должно быть, и ведут себя поганые заграничные профессора, — циники, без сердца, стыда и совести, — что с них взять. Сам-то Борис Михайлович был профессором другой школы — с 1918 года Петроградского (с 1924 года Ленинградского) университета — и у нас бы, конечно, такого безобразного поведения себе никто не позволил, но они — другое дело, люди безнравственные и некультурные... Европа, одним словом. Правда, сам Макаров, почему-то не указал им

на столь неприличные речи и умолчал о них (что Эйхенбаум и счел необходимым поправить) и даже представил дело так, что прения прошли хоть и бурно, но без ругани (да кто ж ему поверит?!), к тому же совсем не по поводу того, допускать Мерца к конкурсу или нет, а какой премии он больше достоин – первой или второй:

«Я еще прежде изъявил мнение, что смерть Мерца не должна препятствовать к принятию на конкуре его сочинений, а равно и к присуждению за них премии, которая в таком случае должна быть отослана вдове Мерца. С этим мнением согласились все члены» (Задушевная исповедь, стр. 193).

- $-\Gamma$. Макаров? Если бы случилось, что Мерцу досталась не первая, а вторая премия, вы не будете протестовать против нашего решения?
- Мне будет и грустно, и больно такое решение, ибо по всей справедливости Мерц достоин первой премии. Но во всяком случае, я покорюсь решению большинства. (там же, стр. 194-195).

На этом, пожалуй, можно бы было и завершить путешествие по «творческой лаборатории» Б. М. Эйхенбаума, хотя, по правде говоря, в ней чуть не каждая страница достойна нашего комментария, вот, к примеру, Добролюбов читает «Исповедь» Макарова — «какая дурацкая болтовня» (стр. 326), но потом сам же печатает ее в «Современнике» и даже пишет к ней послесловие, или при разговоре с Макаровым «по лицу Некрасова пробежала судорога» (стр. 329), ну а дальше еще вся история с обличительными сочинениями, журнальные дискуссии с недругами, «крестьянская тема» (история с «уставной грамотой») и много других «открытий чудных»... Но еще об одном, последнем, не сказать нельзя! Дело в том, что Макаров, на котором и без того уже «клейма ставить негде» оказался еще и... агентом ІІІ отделения! Собственно, поскольку Эйхенбаум и является источником этой «дезы», от которого она выпорхнула и пошла гулять по свету, мне уже пришлось высказаться о ней в связи со статьей П. С. Рейфмана «Из истории журнальнолитературной борьбы 1860-х гг.» (см. выше в моих заметках «Неточности, ошибки и нелепости в публикациях о Макарове»), теперь же остается только процитировать самого автора и показать еще один пример безоговорочного доверия к его «свидетельству».

«Однако бичующие сатиры явились все-таки недаром... Прошло некоторое время — и Николай Петрович получил приглашение пожаловать в III отделение собственной его императорского величества канцелярии — того самого III отделения, которое вместе с IV добровольно подписалось на его русско-французский словарь.

Он пожаловал — u не напрасно.

Чухломской дворянин и международный лексикограф нашел себе достойное место.

Трепещите все вы — сколько вас ни есть там, на Западе или в других странах!

Annibal ad portas!

Delenda Carthago!⁷» (Эйхенбаум, стр. 370).

Финал. Занавес. Аплодисменты автору.

Как я уже сказал, этот домысел Эйхенбаума (то, что сегодня назвали бы «фейком») вошел в тираж, стал множиться и распространяться, как достоверный факт, причем через самые «академические» и «научные» издания. Вот типичный тому пример. В собрании сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина⁸ появляется следующее примечание (автор комментария — К. И. Тюнькин):

«По сведениям Б. М. Эйхенбаума, Макаров был агентом III Отделения, куда не замедлил сообщить и о рецензии Салтыкова на свою «Энциклопедию ума». Может быть, принадлежность Макарова к названному учреждению и побудила Салтыкова взяться за перо, чтобы написать свою уничтожающую рецензию (по словам Герцена, «мы не прощаем только тех, которые бежали в III Отделение»)» (указ. соч., стр. 609).

И уж совсем безответственно в заключающем том указателе личных имен:

«Макаров Николай Петрович (1810–1890), лексикограф и беллетрист, агент III Отделения» (там же, стр. 629).

Вот такая вот вышла у Б. М. Эйхенбаума, с любовью написанная им книга о Н. П. Макарове...

⁷ Ганнибал у ворот. / Карфаген должен быть разрушен.

 $^{^8}$ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). М.: Изд-во «Художественная литература», 1970.

ПОСТСКРИПТУМ

Есть у Ираклия Андроникова статья под названием «Путь Эйхенбаума»⁹, переполненная восклицательными знаками и самыми восторженными эпитетами в адрес «замечательного филолога», «ученого мирового класса», «выдающегося исследователя литературы, историка и теоретика, редактора, текстолога и комментатора, увлекательнейшего лектора и публициста», «блестящего писателя» и проч., восхищениями его «исследовательской манерой», «аналитическим умом», «конструктивным талантом», «артистизмом мышления» и т. д.

«Чего бы он ни касался: сложных вопросов текста Льва Толстого, Пушкина, Лермонтова, Полонского, Тургенева, Щедрина, Лескова: запутанных проблем биографии, — все становилось привлекательным и доступным. Главы его специальных историко-литературных исследований читаются как роман», — писал в ней И. Л. Андроников. Возможно, все это и так, не мне судить об обширном творчестве Б. М. Эйхенбаума. По большому счету, меня, как человека, занимающегося историей гитары, из всего эйхенбаумского наследия по-настоящему интересовала только его книга о Макарове и только о ней я и считаю себя вправе высказать свое мнение и личное к ней отношение (да и то, лишь в связи, главным образом, с содержательной, а не литературно-художественной частью).

Не скрою, раз уж я так или иначе заинтересовался Эйхенбаумом, то, разумеется, перечитал и много иного: как написанного им самим, так и о нем. Да, жизнь у этого человека была непростая и путь он прошел нелегкий, много испытал разочарований, горечей и потерь, многого добился... И все же, если бы кто-то взялся в той же манере и тем же способом, что и «Маршрут в бессмертие», написать «Путь Эйхенбаума» (ну, используя, скажем, письма его к родным, друзьям, дневники), как бы это было воспринято?! Вот в аннотации к изданию, которым мы пользуемся, сказано: «"Маршрут в бессмертие" (1933) — это остроумное и увлекательное жизнеописание известного составителя словарей и писателя-графомана второй половины XIX века Н.П. Макарова». А мне вот после прочтения подумалось: остроумно и увлекательно — наверное «да» (при условии, что к личности Макарова равнодушен, поскольку ничего больше о нем не знаешь и понятия о том, кто это такой, ранее не имел!), но жизнеописание ли?...

Эйхенбаум в «Необходимом объяснении» к «Маршруту» написал: «От гвардии, через питейные откупа, к гитаре; от гитары к известко-обжигательному и плитному заведению, от этого заведения к литературе, а от литературы к словарям — таков витиеватый, несколько анекдотический, но от этого не менее характерный путь, проделанный Н. П. Макаровым» (стр. 138). А ведь и «Пути Эйхенбаума» можно было бы предпослать нечто подобное: от Военно-Медицинской академии, через биологию и математику, к серьезному увлечению музыкой (скрипка, фортепиано) и желанию стать профессиональным музыкантом, через драматический с ней разрыв, едва не переросший в трагедию, к славянской, а затем романо-германской филологии, через неудачные опыты в стихосложении и литературной прозе (неоцененный роман «Маршрут в бессмертие» остался первым и единственным), он наконец нашел себя в литературной критике и литературоведении — таков витиеватый путь... проделанный Б. М. Эйхенбаумом. А затем «остроумно и увлекательно жизнеописать» весь этот путь, насочиняв массу правдоподобных небылиц с реальными именами, датами и отчасти имевшими место событиями. Думаю, мало найдется таких, кто станет приветствовать появление такого сочинения. Так за что же рукоплескать «Маршруту», кому дано определять, кого пинать, а кого гладить?

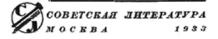
Эйхенбаум чуть ли не злорадствовал над «исканиями» Макаровым себя, но ведь и он сам пережил нечто подобное. В его Дневнике (запись от 2 декабря 1925 г.): «Вдруг наступил тот 'промежуток', который я предвидел и которого так боялся. Стало ясно, что надо что-то в своей жизни и работе переделать — надо сделать какой-то переход, какое-то резкое и решительное движение. <...> Во всей остроте и простоте стоит вопрос — что мне дальше делать в жизни? Куда направить свой темперамент, ум, силы? Как найти новое живое дело, которое увлекало бы и в котором я мог бы видеть для себя перспективу? Ужасно жить не разряжая энергии». Но ведь того же искал и Макаров...

⁹ Андроников И. Л. Избр. произв. в 2-х тт. М.: Худож. лит., 1975. – С. 333-338.

Б. ЭЙХЕНБАУМ

МАРШРУТ В БЕССМЕРТИЕ

Предполагаю, кому-то наверняка захочется грудью встать на защиту доброго имени выдающегося ученого-литературоведа Б. М. Эйхенбаума, доктора наук, орденоносца и проч. и проч., и его нетленного творения о чухломском «маньяке» и пустом «Дон Кихоте низшей породы» Макарове, мол, произведение-то «художественное»... Так-то оно так, но не слишком ли много в нем «художеств» для романа о реальном человеке, пусть не идеальном, где-то смешном и наивном, а в чем-то и неприятном, но прожившим свою настоящую жизнь и успевшим сделать в ней немало достойного памяти и уважения. Я вовсе не против ни самого Б. М. Эйхенбаума, ни его почитателей, написавших и издавших о нем тома лестной литературы, посвящающих ему «чтения», журналы, пишущих о нем и о его наследии статьи и книги... я «за», если он этого достоин¹⁰, но я против того, чтобы замалчивать правду о допущенной им низкопробной халтуре, подобной пляске на костях, марающей в грязи имя другого человека, пусть и не столь заслуженного, но тоже имеющего право на справедливую и объективную оценку истории и на правдивую о себе память....

Ну, а если уж я не прав и покусился на святое, то, как говорил Георгий Валентинович Плеханов, «ДА ПРОСТИТ МЕНЯ БОГ И НАШ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ»!

¹⁰ Лишь одна мысль смущает и беспокоит меня – а не пользовался ли выдающийся ученый-литератор и в своих литературоведческих трудах (ну, скажем, о М. Ю. Лермонтове, Л. Н. Толстом) теми же нечистоплотными приемами, к которым он прибегал при написании «Маршрута в бессмертие»... надеюсь, что нет, иначе – грош цена такому литературоведению.

МАКАРОВ — ЛЕКСИКОГРАФ

Из статьи

А. Д. Браун и Т. Н. Егоровой

(ЖУРНАЛ «РУССКАЯ РЕЧЬ», 1979, № 5, С. 134-138)

<...> Писание давалось ему легко. Меньше чем за один год были написаны три романа: «Банк тщеславия», «Две сестрички и новое фарисейство», «Победа над самодурами и страдальческий крест» (СПб., 1861). Они печатались под псевдонимом Гермогена Трехзвездочкина, подчеркивавшим их сатирическое направление. Не вдаваясь в оценку этих произведений как литературных явлений, скажем только, что писательский дебют Макарова свидетельствовал о несомненном беллетристическом даровании автора. Однако писательская деятельность Макарова дебютом и ограничилась. Можно предположить, что причиной этого явился суровый отзыв Д. И. Писарева о последнем романе Макарова (Д. И. Писарев. Полн. собр. соч.; СПб., 1903, т. І, с. 547). А может быть, сказались особенности склада характера Макарова. Азартной натуре его был в высшей степени присущ дух состязательности. Его всегда увлекала борьба за первенство. Испытывая себя в разных видах деятельности, он всегда стремился догнать и превзойти соперников. Но в литературе он выступил, будучи 50-летним, рядом с такими замечательными и признанными писателями, как Толстой и Достоевский, Гончаров и Тургенев, Салтыков-Щедрин, Чернышевский... Соперничать с ними Макаров не мог. Понимая это, он оставил литературу и уехал из Петербурга в деревню. Здесь новая идея властно захватила его. Открылось настоящее призвание Макарова, послужившее главному делу его жизни — работе над составлением словаря.

Как возникла эта идея? Заглянул ли он случаем в существовавшие тогда лексиконы и изумился нагромождению в них ошибок, и по свойству живой, творческой натуры вдруг озарило его понимание того, каким должен быть словарь, и появилась уверенность в своей способности решить эту задачу? Или неудержимо потянуло его испытать силы в новом виде деятельности? Натолкнул ли его кто-нибудь па мысль заняться словарем — сейчас установить трудно. Только удивительно, что, не имея ни подготовки, ни опыта, он смело взялся за работу, о которой академик Л. В. Щерба писал: «...словарное дело — исключительно трудное дело» (см.: Предисловие ко второму изданию русско-французского словаря. М., 1959).

Уединившись в деревенском доме, он установил суровый режим: шестнадцатичасовой рабочий день (с 7 часов утра до 11 вечера) с перерывом на обед и чтение французской газеты (для справок о современном французском языке). Работал в будни и праздники. Все отвлекающее — визиты, прогулки, развлечения — было оставлено.

<...> От изнурительной работы у него открылись болезни. От чтения лексиконов, напечатанных мелким

шрифтом, оп почти ослеп. Через три года (1866) словарь был готов, и сразу же возник вопрос о его печатании. Собственных средств для этого не было. Нужно было найти издателя, готового рискнуть взяться за такое сложное, дорогое, не сулящее выгод издание. Макаров подробно описывает в книге «Мои семидесятилетние воспоминания» (СПб., 1881) пережитые им мучения и унижения, прежде чем первый выпуск «Полного русско-французского словаря» увидел свет.

Вскоре появились и первые отзывы. Читая их, Макаров плакал от счастья: «Чем-то отжившим веет от параллельного словаря (Ф. Рейфа), когда для сравнения переходишь к нему от свежего, полного мыслей труда г. Макарова»; «Польза этого труда более чем очевидна. Люди, занимающиеся переводами с русского на французский, найдут в нем незаменимое подспорье; для учащихся это необходимый советник в их самостоятельной работе для правильного уразумения духа французского языка и изучения его особенностей; для наших домашних наставников и наставниц, во всех углах России обучающих молодое поколение французскому языку, — это настольная книга» (Из рецензии В. С. Игнатовича. Журнал министерства народного просвещения. 1867, т. 134, № 6, с. 946).

Еще более лестным оказался отзыв академика Я. К. Грота: «Потребность в подробном русско-французском словаре ощущалась у нас очень давно и недостаток такого пособия, при значительном распространении у нас французского языка, служит одним из прискорбных доказательств того, как бедна наша учебная и ученая литература и как мало у нас охотников предпринимать серьезные многолетние труды. Наконец нашелся человек, задумавший составить такой словарь обоих языков, который в неслишком большом объеме представил бы возможно полное и надлежащим образом разработанное содержание. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровым в замечательной степени успешно. Употребив на то не более трех лет, г. Макаров подал отрадный пример деятельности настойчивой и неутомимой» (Записки Императорской Академии Наук. СПб, 1868, т. 12, No 2).

Чем же была вызвана такая единодушная и восторженная оценка работы Н. П. Макарова? Дело в том, что домакаровские словари были большей частью переводными, то есть они представляли собой перечень русских слов в алфавитном порядке с переводом их на иностранный язык. В любом языке есть слова, устойчиво употребляемые для обозначения какого-нибудь понятия, например, носорог, свинец, наперсток и т. д. Перевод и употребление таких слов не представляет, конечно, никаких затруднений. Но гораздо больше слов имеют не одно, а много значений, много смысловых оттенков.

Домакаровские словари давали переводы слов, но не показывали, когда и как их нужно употреблять. Макаров постарался устранить этот недостаток старых лексиконов и сделал это в высшей степени умело. Он представил почти каждое слово живой речи в окружении других слов, привел многочисленные примеры характерных для языка словосочетаний, фигуральных оборотов, выражений, фраз. Особое внимание он обратил на устойчивые обороты и выражения, пословицы, поговорки, «крылатые слова».

Например, слову всякий в словаре Ф. Рейфа дан пере-

вод *chaque*, и этим ограничиваются все сведения о его значении и употреблении. Макаров для этой цели приводит 11 фраз и 20 устойчивых выражений, в которых это слово участвует, например: «всякий кулик свое болото хвалит», «всякий молодец на свой образец», «на всякое чиханье не наздравствуешься», и для каждого из них подбирает соответствующую французскую пословицу или объяснительную фразу. В словаре Макарова содержится более 32000 фраз, выражений, пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний, демонстрирующих замечательное богатство, особенности, дух и колорит русского языка. «Со стороны фразеологии этот словарь отмечается редким богатством», — подчеркивал Я. К. Грот.

Но богатством фразеологии не исчерпывается достоинство труда Макарова. Словарь отражает характерное для русского языка слияние предлогов с глаголом, отчего новый глагол приобретает иной смысловой оттенок. Например, из глагола резать путем слияния его с разными предлогами возникает более 20 разных глаголов с новыми смысловыми оттенками: врезать, вырезать, изрезать, нарезать, надрезать, обрезать, отрезать, перерезать, порезать, подрезать, прорезать, разрезать, срезать, урезать и т. д. Французский язык не имеет такого богатства глаголов. Поэтому различные смысловые оттенки русских новообразований должны быть переданы по-французски объяснительными фразами. Макаров выполнил эту задачу с замечательной тщательностью.

«Можно с уверенностью предсказать, — писал Я. К. Грот, — что словарь Макарова сделается надолго настольной книгой для всех, кто захочет изучать один из двух языков с помощью другого». Предсказание Грота оправдалось. «Полный русско-французский словарь» Макарова в течение 50 лет был самым распространенным словарем в дореволюционной России. Окрыленный успехом своего творения, Макаров сразу же приступил к составлению Французско-русского словаря (1866–1872), затем были изданы международные словари для средних учебных заведений (1874) и Немецко-русский словарь (1875). Их высокие достоинства обеспечили им широкое распространение. Кроме двуязычных словарей, Макаров составил еще очень интересную «Энциклопедию ума или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (1878). В этой книге собрано около 8000 афоризмов, крылатых выражений и литературных цитат. Макаровская «Энциклопедия ума...» представляет сейчас библиографическую редкость. В наше время произведений подобного жанра уже довольно много. Но «Энциклопедия ума...» в ряду таких книг одна из первых; и в этом ее заслуга и ценность.

Завершает лексикографическую работу Макарова книжечка пословиц (Латинские, итальянские и английские поговорки, пословицы и тексты из разных писателей. СПб., 1878).

В последние десятилетия лексикография сделала большие успехи. Новые, созданные в советское время словари оставили далеко позади старые лексиконы. Но работы первого русского лексикографа Н. П. Макарова останутся навсегда памятником труда страстного, самоотверженного, неутомимого.

А. Д. Браун, Т. Н. Егорова Ленинград

полный

РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ

COCTABARHHAI

н. п. макаровымъ.

часть первая.

A — H.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Печатаво у Тиблека и В³. (Н. Неклюдова) Вод Отр. 6 и д. № 16.

полный

ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

составленный

П. П. МАКАРОВЫМЪ.

Одобрень Нипигатоговом Анадемією Неукь и Ученьих Комитетомъ Министерства Народюго Просибщенія, и привить въ учебных заведенія,

часть первая.

A - G.

C. HETEPEYPT'S.

THOOFPACE BESIDADES (CONTENDED N. 7,4).

1870.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ УМА

или

CJOBAPH N3BPAHHHXS MHCJEN

АВТОРОВЪ ВСЪХЪ НАРОДОВЪ и ВСЪХЪ ВЪНОВЪ

«Мысли подобно цийтами имиють болию блеску, когда они берутся отдивано» (Beiet.).

«Отдальный мысли походить на лучи свата, которые не така утемилента, кака собранные на своща» (Id.).

СОСТАВИАЪ ПО ФРАНЦУЗСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ И ПЕРЕВЕАЪ

Н. МАНАРОВЪ.

Цѣна 2 р. 80 к.

C-HETEPBYPP'S.

Типографія Тринки и Фюсно, Максимиліановскій переудокъ, № 15. 1878

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ УМА

СЛОВАРЬ ИЗБРАННЫХЪ МЫСЛЕЙ

АВТОРОВЪ ВСЕХЪ НАРОДОВЪ И ВСЕХЪ ВЕЩОВЪ.

«Мысли, подобно цийтань, нийноть, болбо блеску, погда они берутся отдально» (Boiste). «Отдальных мысли походять на лучи свата, которые не тинь утонляють, какь собранимо въ сновъ» (Id.).

Абсолютный, 1. Кто желаеть абсолютнаго совершенства, тотъ желаетъ большаго зла (Suard). 2. Въ дълъ политики, общая воля есть абсолютный законъ (Regnard). 3. Есть всегда что-то абсолютнов: въ пылу оснариваемаго мийнія и въ опытности зрілаго позраста (С. Delavigne). 4. Человъческій умъ не выдумываєть ничего абсолютнаго, даже и тогда, когда онъ соображаетъ самые нелъные вымыслы (Villemain). 5. Во верхъ некусствахъ есть изищество абсолютное и условное (D'Alembert). 6. Абсолютное, каного бы рода оно ин было, не принадлежить ин природь, ни уму человъческому (Buffon).

Аботранція, см. Отвлеченіе. Авторитеть. 1. И шагу не сділали бы на пути из потині, если бы авторитеты брами верхъ надъ разумомъ (Duclos).

предисловіе.

«MMCAL COTA CHAR» (Boiste).

Извъстно, что сверхъ словарей язына есть еще спеціальные: вой науки и художества имбють свои собственные словари. Одна только человъческая мысль до сихъ поръ не имъла ихъ. А между тъмъ, какая масса мыслей остроумныхъ или глубокихъ, наставленій, правиль и спасительных совътовь была высказана или написана философами, мыслителями и писателями всёхъ народовъ, п древнихъ и новыхъ временъ! Все это неоцъненное богатство, весь этотъ умственный капиталъ всего человъчества быль разбросанъ въ тысячахъ сочиненій, въ безчисленныхъ инигахъ. И тогда какъ науки и искусства, эти плоды человъческого ума, уже давно снабжены словарями, никто до сихъ поръ не подумалъ сдёлать сводъ самому источнику всякаго знанія, человіческому уму, всесоздающему и всеоживляющему.

Для пополненія такого важнаго пробъла предприняль я эту умственную кодификацію, следствіемъ которой является изданный мною трудь, заключающій въ себъ болье восьми тысячь мыслей, относящихся ко всему, что составляеть обширную область мышленія и чувства, ума и сердца. Почти нътъ народа древняго или новъйшаго, писатели которыхъ не заплатили бы мив дани: Индъйцы, Еврен, Китайцы, Греки, Римляне, Персіяне и затъмъ

ARBOKATE.

2. Почти вой мийнія, поторыя мы нийеми, получили мы черезъ авторитеты; мы въримъ, судимъ, дъйствуемъ, живемъ и умирасмъ на предитъ (въ долгъ) (Charron). 3. Авторитетъ громнихъ именъ слишкомъ часто служитъ оплотомъ для заблужденій (Bernardin de St. P.).

Адвонать. 1. Адвонатъ (присяжный повъренный), это — лицедъй (автеръ) цирка, который, поперемънно, играетъ роли христіанъ и туровъ — съ одинановымъ убъждениемъ (Decourcelle). 2. Насколько адвокать, которому хорошо заплатили впередъ, находить справедливъе поручениее ему дъло (Pascat)? 3. Честность необходима для адвоката столько же, сколько и праспоръчів (Boiste).

Административный. 1. Административное правосудіе не нижетъ еще ин письменнаго судебника, ни хорошо опредъленнаго судопроизводства, ин благонадежныхъ судовъ (Cormenin).

Администраторъ. 1. Нътъ ни одной науки, которая не могла бы доставить администратору полезныхъ советовъ (Say).

Администрація. 1. Когда администрація секретничаеть, то изъ этого можно ваключить, что совершаются несправедливости (Ma-lesherbes). 2. Лучшей администраціей бываєть та, которая представляеть наиболье выгодь и которая имьеть наименье неудоботвъ (Portalis). 3. Въ администраціи какъ и на войнъ, надо часто выказывать твердый характеръ (Bonaparte).

Адресъ-налендарь. 1. Немного найдется такихъ книгъ, которыя доставляли бы болъе предметовъ для размышленія объ измънчивости дёль человъческихъ, какъ придворные адресъ-календари

Адъ. 1. Если бы исполнять вст человъческія желанія, земной шаръ сталь бы адомъ (Boiste). 2. Нечистая совъсть и среди удовольствія находить адъ (Mad. de Maintenon).

Аніотамъ. 1. Ажіотамъ убиваетъ торговаю и въ особенности морскую (Boiste). 2. Занимающійся ажіотажемъ есть лентяй, который работаеть какъ волъ для того, чтобы не работать (De-courcelle). 3. Берегитесь, чтобы, желая обуздать аміотамъ (тортовлю деньгами и денежными бумагами), не обезнуражить спекуляцію, потому что спекуляція есть жизнь (Molé).

Страницы «Энциклопедии ума» Н. П. Макарова (1878 г.).

ЛАТИНСКІЯ, ИТАЛЬЯНСКІЯ И АНГЛІЙСКІЯ

поговорки, пословицы и тексты

ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

CT. HEPEROTAMII:

ФРАНЦУЗСКИМЪ ЛАРУСА, И РУССКИМЪ НАКАРОВА.

издание н. макарова.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимед. пер., № 15.

40

PER INANIA REGNA.

Per inania regna. Dans le royaume des ombres. Въ царствъ тъней. (Изъ Виргилія объ Энеъ, сходящемъ въ адъ.)

Perinde ad cadaver. Comme un cadavre. Точно какъ трупъ. (Основное правило Игнатія Лойолы насчетъ слешаго повиновенія вступающихъ въ іезунтское общество.)

Per jocum. Par plaisanterie. Въ шутку.

Per Jovem! Par Jupiter! Клянусь Юпитеромъ! Pertransiit benefaciendo. Il a passé en faisant le bien. Онъ прошелъ, дълая добро. (Слова Св. Петра о жизни Спасителя.)

Piscem natare doces. Vous voulez apprendre à un poisson à nager. Вы хотите учить рыбу плаванію, ими явна курену учать. (Пословина.)

Plaudite, cives! Citoyens, applaudissez! Граждане, рукоплещите! (Обращеніе поэтовъ къ Римской публикѣ въ театрѣ.)

Poete, non dolet. Poetus, се n'est pas douloureux-Пэтъ, это не больно. (Слова, съ которыми Аррія обратилась къ своему мужу, консулу Пэту, подавая ему книжалъ, которымъ прежде поразила себя, для поощренія мужа къ самоубійству.)

Post equitem sedet atra cura. Le noir souci monte derrière le cavalier. Мрачния заботы садятся позадя вздока. (Изъ Горація.)

Post hoc, ergo propter hoc. A la suite de cela, donc à cause de cela. Вследствіе сего, стало быть; по

ЛАТИНСКІЯ, ИТАЛЬЯНСКІЯ и АНГЛІЙСКІЯ

поговорки, пословицы и тексты

Feci, quod potui, faciant meliora potentes (Horatius.) (*)

Ab absurdo. Par, d'après l'absurde. Нелвио, нескладно. (Говорится о нелъпыхъ доказательствахъ, лжеумствованнямъ и ложныхъ выводахъ.)

Ab hoc et ab hac. A tort et à travers. Безъ толку, не связно, безъ разбора, вкось и вкривь. (Говорится когда кто несетъ вздоръ, ченуху, безсмыслицу, околесную.)

Ab imo pectore. Du fond du coeur. Изъ глубины сердца. (Это реченіе встрівчается часто у Виргилія и выражаеть чрезмірную скорбь.)

Ab intestat. Sans avoir fait de testament. Безъ завъщанія, не сдълавъ завъщанія. (Говорится объ умершемъ, который не оставиль послъ себя завъщанія.)

(*) Я сдалья, что когь; пусть знающіе сдальють лучше.

PRIMO MIHI.

41

поводу сего. (Формула въ схоластическихъ преніяхъ для означенія ошибки, состоящей въ томъ, что принимають за причину то, что не есть причина.)

Prime mihi. Premièrement à moi. Сперва мий. (Слова льва изъ басни Федра.)

Primo оссиранті. Au premier оссирант. Первому, который занимаєть. (Право владёнія вещью принадлежить тому, кто первый нашель ее.)

Primus inter pares. Le premier entre ses égaux. Первый между равними себъ. (Латинское выраженіе, означавшее въ среднихъ въкахъ, что на короля, среди его великихъ вассаловъ, смотръли, какъ на перваго между равними ему.)

Pro aris et focis. Combattre pour ses autels et ses foyers. Сражаться за свои алтари и за свои очаги.

Pro domo sua. Pour sa maison. За свой домъ. (Заглавіе одной язъ похвалъ Цицерону.)

Proh pudor! O honte! O позоръ!

Pulchre, bene, recte! Bien, très-bien, parfait! Хорошо, очень хорошо, превосходно! (Горацій сов'ятуеть авторамъ остерегаться хвалебныхъ восклицаній слишкомъ благосклонныхъ критиковъ.)

Punica fides. Foi punique. Пуническое слово, объщание. (Значить невърное, въроломное.)

Quaerens quem devoret. Cherchant quelqu'un à dévorer. Ища кого нибудь пожрать. (Слова Св. Петра о демонъ.)

Страницы «Латинских, итальянских и английских поговорок» (1878 г.).

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. П. МАКАРОВА

Составлена В. В. Тавровским

по воспоминаниям и автобиографическим произведениям Н. П. Макарова, и др. источникам

1810	4 (16) февраля	– родился в г. Чухломе, Костромской губернии (по др. сведениям – в усадьбе Першино Чухломского уезда Костромской губ.), в семье дворянина Петра Петровича Макарова (со 2-ой пол. 1810-х гг. более 20 лет служил чухломским исправником) и Анны Макаровны Макаровой (урожд. Мичуриной).
Ок. 1812-1813		– в возрасте примерно трех лет отдается родителями одной из его теток, у которой живет около года в ее галичском имении.
1813		– рождение сестры Елизаветы.
1814		– смерть старшего брата Александра (род. 1809), болезнь матери.
1815		- смерть матери (о ней М. писал: «На пороге жизни встретило меня величайшее из несчастий: нелюбовь матери Впечатление этой нелюбви на мой детский ум было так велико, так живуче, так тлетворно, что и много лет спустя после смерти матери, я не мог забыть этого грустного факта моего младенчества, факта, о котором одно воспоминание омрачало порою лучшие минуты моего существования»).
1818	24 февраля	– родилась Александра Петровна Болтина, будущая первая жена Н. П. Макарова, дочь поручика Петра Александровича и Анны Петровны Болтиных.
1818-1821		– домашнее обучение у нанятых учителей.
1821	осень	– отдается отцом на воспитание к тетке Александре Алексеевне Шиповой в с. Богородское Солигаличского уезда; начинает учиться там у крепостного музыканта играть на скрипке, к которой «возымел потом сильнейшую страсть». Проводит у А. А. Шиповой полтора года, которые называл «лучшими, самыми веселыми и счастливыми годами» в своей жизни.
1823	начало года	 приезд в Богородское двоюродных братьев А. А. Шиповой и родных дядей Макарова Валентина Макаровича и Валерьяна Макаровича Мичуриных, переговорив с которыми отец принял решение отправить сына с Валерьяном Макаровичем в Варшаву (старший, вышедший в отставку, селится в общем имении братьев в Вылинкино (Выленкино).
		 Макаров едет с дядями в Вылинкино попрощаться со своей престарелой ня- ней Соломонидой и сестрой Лизой.
_	конец марта	– отъезд в Варшаву; остановка в Москве.
_	сер. апреля	– приезд с дядей Валерьяном Макаровичем Мичуриным в Варшаву, где был определен подпрапорщиком в пехотный лгв. Литовский полк.
1825	май	 участие в парадном смотре при посещении Варшавы императором Алексан- дром Павловичем.
_		– смерть старшего дяди Валентина Макаровича Мичурина.
1826	сентябрь	 направление в варшавскую Школу пехотных гвардейских подпрапорщиков (в Лазенковском парке).
1827		– возобновление занятий скрипкой.
1828	нач. года	– выход в отставку дяди Валериана Макаровича и его поселение в своем имении Вылинкино под Солигаличем.
1829	май	– посещение концерта Паганини в народном театре в Варшаве (тайное, поскольку подпрапорщикам запрещено было посещать концерты и театры), оставившее в его памяти неизгладимое впечатление на всю жизнь: «Что я тогда прочувствовал, этого нельзя описать Я плакал, рыдал, слушая дивные звуки,

извлекаемый волшебным смычком из волшебной скрипки этого гиганта исполнительной, концертной музыки, подобного которому я никогда не слыхал и ве-

		роятно никогда не услышу. Я возвратился из концерта в каком-то опьянении, не спал всю ночь: в ушах моих все еще слышались небесные звуки новейшего Орфея», – вспоминал Макаров в «Задушевной исповеди» (с. 134).
1830	4 февраля	 Макаров начинает вести дневник, позже озаглавленный им «Журнал моей жизни», насчитывавший к концу жизни 18 тетрадей.
_	13 августа	 после семи лет службы юнкером, произведен за отличие в офицеры (прапор- щики) и оставлен в лгв. Литовском полку;
		 начинает «брать правильные уроки у одного хорошего скрипача из театрального оркестра», прерванные через три месяца вспыхнувшим в Варшаве мятежом.
_	осень	– посещение двух концертов Шопена в Варшаве, на которых, по его признанию, «пребывал холодным истуканом: и не понимал, и не сочувствовал тогда фортепьянам, а бредил скрипкою и готов был продать нечистому свою душу, лишь бы научил он хорошо играть на скрипке».
_	15 ноября	– болезнь и отправление в военный Уяздовский госпиталь на окраине Варшавы.
_	17 ноября	– начало польского восстания.
_	18 ноября	 оставление Варшавы русскими частями, переход города в руки восставших: Макаров оказывается на положении военнопленного.
1831	3 февраля	– перевод в числе других пленных русских из Варшавы в Вальборж.
_	июль	 перемещение пленных из Вальборжа в г. Кельцы Краковского воеводства (8 июля), затем в Лубницы и Олесницы близ австрийской границы (14 июля), а оттуда в Опатовец (28 июля).
_	4 сентября	– получение вести о взятии Варшавы русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича (25–26 августа).
_	13 сентября	– освобождение из плена отрядом русских казаков.
_	12 октября	– возвращение в Варшаву и присоединение к своему полку.
_	кон. октября –	– перевод полка на зимнюю стоянку в Литву;
	декабрь	 получение Макаровым отпуска и его поездка в имение дяди под Солигаличем навестить родных.
1832	сер. апреля	– возвращение из отпуска в полк, переведенный к тому времени в Ораниенбаум под Петербургом;
		 производство в подпоручики и назначение в роту Его Высочества Вел. Кн. Михаила Павловича;
		– начинает играть немного на шестиструнной гитаре, но «без всякого серьезного намерения, а более для аккомпанемента собственному своему пению».
1833	январь	 дуэль на ружьях и «без секундантов» с однополчанином, окончившаяся бескровно и полным примирением сторон.
1834	19 января	– увольнение со службы, по домашним обстоятельствам, поручиком;
		– проживание до весны в Петербурге;
		 отказ от чиновничьей карьеры и предложения поступить на гражданскую службу в департамент податей и сборов,
		– отъезд в свое имение в Костромской губернии.
_	конец мая	– переезд в имение дяди В. М. Мичурина (гвардии полковника, вышедшего в 1828 г. в отставку с военной службы) в Вылинкино, близ г. Солигалича. Там же до июля 1835 г., до выхода замуж за чухломского помещика Николая Александровича Языкова, живет и сестра Н. П. Макарова Лиза, выпущенная в 1831 году с большой золотой медалью из московского екатерининского института.
		– знакомство с Василием Александровичем Кокоревым, в то время 17-летним

юношей, управляющим солеваренным заводом в Солигаличе.

|--|

1834	весна	 возвращение в Петербург, первое знакомство там со своей тетей, княгиней Марьей Павловной Волконской и ее семьей, тепло принявших Макарова и не раз оказывавших затем ему гостеприимный прием в своем доме в Петербурге, где он подолгу останавливался с нач. 1836 года по апрель 1837 года.
1836	13 февраля	– возвращение на военную службу, определен подпоручиком в лгв. Литовский полк. Знакомство и начало дружбы с Александром Болтиным, братом своей будущей жены.
_	март – август	 приезд на полгода из провинции в Петербург семейства Болтиных – матери, Анны Петровны Болтиной (Кочетовой), с двумя дочерьми, только что выпущенными из Смольного института. Знакомство с ними Макарова.
_	лето	– Макаров делает предложение младшей из дочерей Болтиных – Александре – и получает согласия на этот брак от ее матери и братьев.
_	ноябрь (или декабрь)	– получение известия о том, что отец его невесты Петр Александрович Болтин не готов в настоящее время дать согласие на его брак со своей дочерью, поскольку она еще очень молода.
1837	29 января	– смерть А. С. Пушкина, Макаров едет проститься с поэтом на его квартиру, а через два дня (1 февраля) присутствует на панихиде по Пушкину.
_	февраль	 Макаров подает просьбу о переводе в армейскую кавалерию, в Рижский драгунский полк.
_	апрель	 получение письма от П. А. Болтина, в котором тот сообщает о своем согласии на брак Макарова с его дочерью;
		 получение позволения жениться и 28-дневного отпуска и поездка в деревню будущего тестя П. А. Болтина (д. Еделево, Сергачский уезд Нижегородской губ.) в надежде на скорую свадьбу.
		 назначение Болтиным свадьбы только на сентябрь из-за чего Макаров задерживается в отпуске до сентября.
_	16 июля	– удовлетворена просьба Макарова о его переводе в Рижский драгунский полк, капитаном (узнает о переводе из газет).
_	нач. августа	 поездка на родину, в Чухлому и Солигалич, откуда возвращается в начале сентября с дядей В. М. Мичуриным и мужем сестры Н. А. Языковым (первый будет на свадьбе посаженным отцом, второй – шафером).
_	3 сентября*	– свадьба с А. П. Болтиной.
_	2-я пол. сентября	– получение уведомления о необходимости срочно прибыть в полк, под угрозой, в случае неявки, увольнения со службы из-за долгого пребывания в отпуске.
_	сентябрь	– во время остановки в Москве по пути в полк, в гостинице Яковлева на ул. Тверской, случайная встреча с жившим в соседнем номере тульским помещиком, гитаристом-семиструнником, учеником Сихры Павлом Александровичем Ладыженским, произведшим на Макарова своей игрой «потрясающее впечатление» и вызвавшим «лихорадку удивления и восторга», с которым впоследствии продолжал поддерживать знакомство.
_	кон. сентября	– прибытие к месту службы в новый полк, стоявший в г. Короче Курской губ.
_	октябрь	– подача прошения об отставке, по болезни.
_	5 декабря	 не добившись отпуска, самовольно покидает полк и уезжает к жене в Сергачский уезд.
1838	нач. января	 возвращение в полк; самовольная отлучка, благодаря доброму отношению полкового командира, остается без последствий.
-	кон. января	 подает рапорт о болезни и уезжает к жене в имение тещи в Рыльском уезде Курской губернии.

^{*} В «Задушевной исповеди» Н. П. Макаровым датой свадьбы названо 3 сентября, а в «Моих семидесятилетних воспоминаниях» – 7 сентября.

|--|

1838	май	– выход в отставку, майором.
_	2 июня	– рождение дочери Анны.
_	август	 переезд с женой и дочерью в деревню Рожествино (Фуниково-Рождествено) в Тульской губернии (в 20 верстах от Тулы), полученную в приданое женой от матери (зять тогда же получает от тещи полную доверенность на управление этим имением, с правом заложить или продать его), где живет в течение шести с половиной лет ежегодно выезжая зимой в Москву и изредка в Петербург.
		– В эти годы жизни в деревне: начало усиленных занятий музыкой, особенно гитарой («в то время скрипка была уже окончательно оставлена, а гитара все более и более входила у меня в милость, вскоре овладела всеми моими мыслями и чувствами и сделалась уже целью моей жизни, предметом ежедневных и самых усиленных занятий»); разучивание сочинений М. Джулиани; первые собственные сочинения для гитары (написал «несколько малых и больших сочинений», в их числе мазурку и большую симфоническую фантазиию, названную первоначально концертом, которые позже с успехом исполнял во время первой поездки за границу), написал музыку к нескольким романсам, изданным позже у Гольца в Петербурге. Кроме того, ок. 1843—44 гг. замыслил издание краткого энциклопедического лексикона по образцу французского словаря Ш. Сен-Лорана, под заглавием «Лексикон справок», в чем нашел поддержку жены, взявшейся помогать в его создании: вдвоем в течение около трех месяцев дошли до буквы В, однако довести начатое дело до конца не позволили семейные обстоятельства.
_	2–я половина	– приобретение в Москве гитары работы венского мастера Штауфера.
1839	конец года	 поездка к родным в Костромскую губернию (Вылинкино и Солигалич); короткая встреча с В. А. Кокоревым.
1840	весна-лето (март-июль)	– посещение Петербурга, знакомство с музыкантами и артистами: скрипачом А. Вьетаном, флейтистом Гилью, гитаристом В. И. Морковым, композитором А. С. Даргомыжским (с которым на протяжении последующих 28 лет был в самых наилучших отношениях) и др.;
		 «сделал важное улучшение», предложив гитарному мастеру (возможно, Архузену) удлинить гриф и довести его до двух полных октав, прибавив у гитары пять полутонов (улучшение, которое впоследствии было принято Штауфером, а потом Шерцером); первая встреча с А. О. Сихрой.
1840		– смерть первого сына, восьмимесячного Александра.
1841	весна (между 10 февраля и 30 марта)	– первое публичное выступление («первый дебют в публике») в любительском концерте в пользу приюта в зале Тульского дворянского собрания – исполнение первой части 3-го концерта М. Джулиани с аккомпанементом на фортепиано М. С. Дурново, сестры А. С. Грибоедова.
1841		 покупка скрипки работы парижского мастера Вильома (в 1846 году была подарена знакомому).
1841-1842	зима (дек. – январь)	 пребывание в течение около месяца в Москве, подружился и получил нескольких уроков гармонии у директора московского театрального оркестра И.И.Иоганниса, после которых совершенно переделал свой первый гитарный «концерт».
1842		– смерть Александра Болтина, брата жены и друга Макарова.
1843		– смерть второй дочери Жени; рождение сына Николая.
1844	нач. года	 поездка в Петербург: посещение итальянской оперы с участием Джованни Батиста Рубини, Антонио Тамбурини и Полины Виардо; вторая встреча с А. О. Сихрой; заказ новой гитары у Штауфера с двумя добавочными струнами.
1844-1845	декабрь– январь	– пребывание в Туле; рождение дочери (декабрь 1844 г.).
1844	декабрь	– встреча в Туле с В. А. Кокоревым и его предложение Макарову о вступлении в качестве компаньона в откупное дело.
1845	январь	– возвращение из Тулы в деревню.

1845	кон. февраля	– начало болезни жени.
_	7 марта	– смерть жены Александры.
_	10 марта	– – смерть младшей четырехмесячной дочери.
_	май	– Макаров отвозит полуторагодовалого сына к его бабушке, своей теще Анне Петровне Болтиной в Нижегородскую губернию.
_	июнь	– Макаров отвозит шестилетнюю дочь в Петербург к Аполлону Петровичу Болтину, старшему брату своей жены, который служил в одном из министерств.
_	июль	– начало работы в питейных откупах у В. А. Кокорева.
_	кон. августа – нач. сентября	– двухнедельная поездка в Петербург к В. А. Кокореву по делам откупов.
_	15 октября	– чувственное письмо к В. А. Кокореву с выражением «беспредельной благодарности души» за его «великодушное участие» в нем, с предложением «искренней, неизменной, преданной и вечной дружбы, – дружбы на жизнь и смерть» и заверениями в любой ситуации оставаться ему «верным другом» и «любить, как брата, как человека, осуществившего долго ненаходимый и недосягаемый идеал высокой дружбы и всего прекрасного и благородного».
_	июль	– знакомство в Москве с Игнатием Богаевским.
_	октябрь	– встреча в Москве с И. М. Богаевским и знакомство с его младшей двадцатичетырехлетней сестрой Софьей.
1845-1846	ноябрь– май	 поездка и нахождение по поручению В. А. Кокорева по делам откупов в Петербурге (проживание в д. Шольца на Обуховском проспекте);
		 продолжение занятий гитарой и возобновление занятий скрипкой, уроки у Бема.
1846	май	– отвозит дочь из Петербурга в нижегородскую деревню к ее бабушке и брату.
_	май – август	– поездки по делам откупов в Курс и Орел;
		– знакомство (предположительно в это время) в доме В. А. Кокорева в Орле с художником Яковом Федосеевичем Яненко, находившимся на службе у Кокорева; написание Я. Ф. Яненко акварельного портрета Н. П. Макарова, позже подаренного им одному из своих служащих.
_	август- сентябрь	 начало охлаждения отношений с В. А. Кокоревым; первые письма к нему с упреками за непоследовательность в ведении дел, неразумные распоряжения и предписания, грубости и несправедливости в обращении со своими служащими.
_	октябрь	– Макаров формулирует для себя 8 догматов («Мои догматы или катехизис моего сердца», – «Задушевная Исповедь», стр. 76–77) – принципов своего отношения к партнерам и делового поведения, с учетом уроков, извлеченных из общения с Кокоревым.
_	октябрь- ноябрь	– деловые поездки в Москву, Тулу, Орел.
1847	январь	 поездка в Вязьму, первая за полгода встреча с В. А. Кокоревым, иллюзия примирения и восстановления прежней дружбы и доверия после череды взаимных упреков в письмах.
_	март	– поездка в Петербург, неудачное сватовство к Аннете Гесслинг.
_	весна (конец мая)	 новая поездка в Петербург, Макаров забирает дочь и отвозит ее к деду и ба- бушке, а спустя некоторое время везет в Москву и определяет в один из лучших московских пансионов Смирновой (бывший Жори), где она проводит два года; сам в Москве останавливается у Кокорева и живет у него до июля.
_	конец июля- август	– поездка вместе с Кокоревым по юго-западу России: 5 дней в Харькове, 3 дня в Киеве и т. д.
_	сер. августа	– возвращение в Москву.

1847	нач. сентября – октябрь	– поездка вместе с Кокоревым в Петербург.
_	кон. октября	– отъезд из Петербурга в Москву.
_	кон. октября –	– пребывание в Москве (остановка в доме Кокорева, оставшегося в Петербурге);
	ноябрь	– посещение дома Богаевских, возникновение любовного чувства к Софье.
_	4 ноября	– Макаров признается И. М. Богаевскому в своих чувствах к его сестре и находит у него благосклонное понимание.
_	5 ноября	 личное объяснение с Софьей и ее согласие стать его женой и принять на себя заботу о его детях; объявление о помолвке.
_	ноябрь	– сообщение о предстоящей свадьбе В. А. Кокореву в Петербург и получение от него разрешения остаться в Москве до свадьбы; известие от Кокорева о его женитьбе.
_	17 ноября	– письмо к В. А. Кокореву с выражением надежды на совместную поездку за границу весной будущего года (о планах на которую тот сообщил ранее Макарову) и с восторженным описанием своих чувств к Софии.
_	кон. ноября	– ответное письмо от В. А. Кокорева с укорами Макарову в том, что он пренебрегает своими служебными обязанностям, ставит личную жизнь выше интересов дела и т. п.; наступила, по словам Макарова, «развязка гнилой дружбы», назревал неизбежный разрыв, который грозил лишить его приличного стабильного дохода, «уничтожить надежды на широкие средства в будущем» и оставить с «самым незначительным капиталом».
_	декабрь	– Макаров оставляет дом Кокорева и переезжает на съемную квартиру.
1848	17 января	– свадьба с Софией Михайловной Богаевской.
_	29 января	 продолжение службы у Кокорева из-за невозможности немедленного отказа от источника к существованию;
		– отъезд с женой из Москвы в Гжатск Смоленской губернии для управления откупом, оговоренный с В. А. Кокоревым.
_	сер. апреля	– болезнь жены и ее возвращение в Москву.
_	сер. июня	– ухудшение состояния жены, разрешение от Кокорева вернуться в Москву и оставаться там до выздоровления жены;
		– приезд в Москву и проживание в гостинице у Мясницких ворот (жена – на даче у брата в Сокольниках).
_	27 июня	– срочный отъезд по просьбе Кокорева в Вязьму для принятия дел главной вяземской конторы, оставшейся без управляющего, умершего от холеры; разгул эпидемии холеры в Вязьме.
_	16 августа	– по просьбе жены забирает ее из Москвы к себе в Вязьму.
_	кон. августа – 2 сентября	– объезд откупов, представление в Смоленске губернским властям в качестве нового главноуправляющего Кокорева.
_	кон. сентября	 новый объезд откупов для улаживания споров между управляющими откупами и местными властями.
_	ноябрь – декабрь	 получение от Кокорева нескольких депеш с обвинениями в отсутствии при- были от его управления откупом.
_	13 декабря	– Макаров приезжает из Вязьмы в Петербург для личного объяснения с Кокоревым; в ходе разговора последний уверил, что не имеет к Макарову претензий.
_	14 и 17 декабря	– отъезд из Петербурга и возвращение в Вязьму.

		ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ
<u>گارگارگارگارگارگارگارگ</u>	والفالغالفالفالفالفالفالفالفالفالفالفالفالفالفا	
1848	18 декабря	– окончание службы у Кокорева (при сохранении некоторых отношений, связанных с наличием у Макарова части в гжатском откупе): прибыв накануне в Вязьму Кокорев объявляет Макарову об упразднении главной вяземской конторы и соответственно места ее главноуправляющего, в связи с чем благодарит «за добросовестную службу», которую он теперь может оставить и «озаботиться лечением супруги».
_	декабрь	– возвращение на 2 недели в Москву, а затем отъезд в Тулу.
1849	январь–апрель	– переезд с женой в деревню в Тульской губернии, где жил с первой женой;
		– возобновление занятий гитарой;
		– письмо в Вену Штауферу с просьбой придумать «новые улучшения инструмента» и «создать такую гитару, которая была бы памятником его славы, как первого мастера в целом свете» и заказ ему на две гитары (полученные примерно через 5 месяцев, которыми Макаров остался очень доволен).
_	начало мая	– переезд в Москву, рождение дочери Лизы;
		 забирает из пансиона старшую дочь Анну и определяет ее в московский Екатерининский институт благородных девиц (Московское училище ордена св. Екатерины).
_	июнь	– возвращение с женой и новорожденной дочерью в деревню.
_	2-я пол.	 занятие делами откупов со своими паями, самостоятельное управление одним из них, размолвка и спор с компаньоном по откупу;
		– поездка в Петербург и разрешение этого спора при посредничестве Кокорева.
1850	кон. марта	- новое переселение в Москву из-за плохого самочувствия жены и недоверия к тульским докторам.
_	конец мая – июнь	 встречи с Кокоревым в Москве, его обещания помочь в торгах на откупа; знакомство через него с живописцем Карлом Штейбеном.
_	июнь–август	 поездка в Петербург на торги на откупа, отказ Кокорева (вопреки данному в Москве обещанию) в выделении ему паев в своих откупах (якобы из-за отсутствия отдельных (самостоятельных) откупов, а только в компании с другими), смягченный позже предложением сомнительных 25 паев в откупе своего двоюродного брата.
_	август	– возвращение из Петербурга в Москву; последняя встреча с дядей Валерианом Макаровичем Мичуриным в Москве, уже больным холерой, и его смерть через три дня после этой встречи. Переход в наследство от дяди половины его имения (вторую часть он позже выкупил у своей двоюродной сестры).
_	конец года	– получение заграничного паспорта, приготовления к поездке за границу, приезд с женой из Москвы в Петербург.
1851	6 июля	– отплытие из Петербурга в Германию с женой, двухлетней дочерью, ее няней и горничной на пароходе «Император Николай».
_	10 июля	– прибытие на пароходе в Травемюнде, отъезд в тот же день в Любек, а оттуда в Гамбург, где провели неделю и жене стало лучше (она начала ходить, впервые после того как перестала вставать несколькими месяцами раньше), затем в Кельн и на пароходе вверх по Рейну до Майнца; оттуда – до Франкфурта-на-Майне и далее в Гейдельберг на консультацию к знаменитому доктору Гелиусу.
_	до конца июля	– курс лечения водами в Крейцнахе (по рекомендации д-ра Гелиуса).
_	август	– определяет для продолжения лечения водами жену с дочерью в Швальбахе, а сам отправляется «в чисто музыкальное путешествие» (встречается с гитаристами Камбергером в Майнце и Цани де Ферранти в Брюсселе), проводит неделю в Лондоне, где посещает лондонскую всемирную выставку и встречается с жившим там австрийским гитаристом и композитором Леонаром Шульцем, после чего возвращается к жене в Швальбах.
_	1 сентября	– отправляется с семьей через Страсбург в Париж.

1851-1852	5 сентября – 2-я пол. января	– пребывание в Париже: знакомится с гитаристами М. Каркасси и Н. Костом,
		 становится свидетелем государственного переворота 2 декабря приведшего к восстановлению монархии во Франции и провозглашению императором Наполеона III.
1852	2-я пол. января – сер. февраля	– отъезд из Парижа в Италию (через Лион и Марсель): посещение Ниццы, Генуи, Ливорно, Флоренции, Рима.
_	15 февраля – 23 марта	– пребывание в Неаполе.
_	23-26 марта	– путешествие на французском почтовом пароходе из Неаполя в Геную.
_	конец марта – нач. апреля	 посещение по пути в Вену Милана, Венеции, Триеста и Лейбаха; прибытие в Вену (4 апреля).
_	4–28 апреля	– пребывание в Вене: встреча и знакомство с гитарными мастерами Фишером и Шерцером, заказ у них девятиструнных гитар; знакомство с гитаристом Мерцем.
_	28 апреля	– отъезд в Прагу, где по прибытии разыскивает и знакомится с инструментальным мастером Штауфером, перебравшимся туда на жительство из Вены.
_	май	 дорога из Праги в Крейцнах на повторное лечение водами для жены: через Дрезден, Лейпциг, с девятидневной остановкой во Франкфурте-на-Майне.
_	июль	 путешествие в Швейцарию (без семьи), возвращение за женой и дочерью в Крейцнах (13 июля), отбытие с семьей в Берлин (16 июля).
_	19 июля	– прибытие в Берлин.
_	20 июля	– получение на таможне двух гитар, прибывших из Вены от Фишера и Шерцера.
_	2 августа	– отправление из Штеттина на почтовом пароходе «Владимир» с семейством и тремя гитарами в обратный путь в Россию.
_	август	– возвращение в Россию, пребывание по нескольку дней в Петербурге и Москве и отъезд в тульскую деревню.
_	сентябрь – ноябрь	– возвращение к музыкальным занятиям, разучивание приобретенных у Мерца пьес, заказ по почте трех новых гитар у Шерцера с обещанием дополнительного к цене вознаграждения «за малейшее улучшение тона гитары» (были получены примерно через 5 месяцев); переписка с Мерцем о новых сочинениях.
1853		– резкое ухудшение состояния здоровья жены, безрезультатные попытки лечения сначала в Туле (март), а затем в Москве (с середины июня).
		– дочь Анна выходит из Екатерининского института благородных девиц в Москве (Московского училища ордена св. Екатерины)* и первое время живет в костромском имении отца.

^{*} В списке выпускников училища, который приводится в издании «Московское училище ордена св. Екатерины: 1803–1903 гг.: Историч. очерк. Сост. по поруч. Совета училища комиссией преподавателей; Под общей редакцией инспектора классов В. А. Вагнера. -Москва: печатня А. Снегиревой, 1903», Анна Николаевна Макарова не значится, при этом в самом тексте книги она упомянута и о ней сказано буквально следующее: «Макарова, Анна Николаевна (по мужу Энгельгардтъ), окончившая курсъ въ концъ пятидесятыхъ годовъ прошлаго стольтія, извъстна, какъ искусная переводчица съ иностранныхъ языковъ. Ея труды указаны кн. Голицынымъ въ "Библіографическомъ Словаръ русскихъ писательницъ"» (С. 551). Заметим, что выпуски в училище проходили один раз в три года, т. е. в интересующий нас период выпускными являлись 1852 и 1855 гг. Вероятно именно поэтому в большинстве биографий А. Н. Энгельгардт выпускным значится 1855 год. В списке выпускников этого года, в числе «удостоенных получения аттестатов», под номером 82 действительно числится Макарова, но – «Макарова, Марія Николаевна», а не Анна Николаевна (стр. 502). Можно было бы, конечно, отнести это на счет возможной ошибки, допущенной в имени при печати списков, если бы сама А. Н. Энгельгардт в автобиографии, выписки из которой приводит ее сын в «Давних эпизодах», не писала: «Я вышла из института *пятнадцати* лет» (см.: Энегльгардт Н. А. Давние эпизоды. – «Ист. Вестн.», 1910, февр., т. СХІХ. – С. 543). Или в другом месте, в «Очерках институтской жизни...»: «...с самого моего рождения *и до выхода моего из института, т. е. до 15 лет*, я была дурна собой как маленькая обезьянка, и это служило вечным камнем преткновения на моем пути». Но 15 лет Анне исполнилось в июне 1853 г., а в этом году (как, впрочем, и в следующем 1854-ом), как мы уже сказали выше, выпуска в училище не было. А учитывая, что принятые сроки обучения в нем составляли 6 или 9 лет, остается предположить, что отец по каким-то причинам забрал дочь из института до окончания ею полного срока обучения (т. е. в 1853 году, когда, как она и пишет, ей было 15 лет). К сказанному добавим, что нет единства и в отношении года поступления Анны в училище: во многих источниках таковым называется 1848 год, однако же Макаров в своих воспоминаниях писал: «Первые четыре месяца 1849 года провел я в деревне. В начале мая поехал я с женою в Москву, где родилась у нас дочь. Тогда же я взял из пансиона старшую дочь мою и поместил ее в московском екатерининском институте» (Выделено мной. – В. Т.; см.: «Задушевная исповедь», стр. 124–125). Иногда в качестве года определения Анны в институт в литературе можно встретить еще 1845 год, но в училище ордена Св. Екатерины принимались девочки от 10 до 12 лет, а ей в тот год исполнилось только семь.

1854	5 марта	 смерть Софьи, второй жены, ее похороны на кладбище Алексеевского монастыря в Москве.
_	май	– возвращение с детьми в деревню.
_	июнь	– В. А. Кокорев сообщает о своем выбывании из винных откупов и возвращает Макарову помещенный в них его капитал.
1854-1855	ноябрь– март	 поездка в Петербург; попытки нового вложения капитала; покупка близ Шлис- сельбурга завода строительных материалов (известково-обжигательного и пли- точного) и назначение его управляющим своего бывшего армейского сослуживца.
1855	март	– возвращение в деревню.
_	лето	 поездка для поправления здоровья на Сергиевские минеральные воды в Са- марской губ.; по возвращении – подготовка к переселению с детьми в Петербург.
_	август	– переезд с детьми в Петербург и обустройство на новом месте; продолжение занятий гитарой; зарождение замысла о проведении гитарного конкурса, чтобы путем «соревнования, – этого могучего рычага всякого прогресса, – возбудить жизнь в умирающем гитарном мире, и вызвать к усиленной и толковой деятельности гитарных мастеров, и гитаристов-композиторов».
1856	март	 окончательное оформление идеи конкурса, написание его программы и установление премий за лучшие сочинения для гитары и за наилучше сделанные гитары; определение Брюсселя местом проведения конкурса; перевод программы на французский язык и заказ ее перевода на немецкий язык.
_	5 апреля	– опубликование программы и условий конкурса в газете «Санкт-Петербургские Ведомости», № 78.
_	май — июль	 публикация сообщений о предстоящем конкурсе и основных положений его условий в европейской прессе: немецкой, французской, бельгийской, испанской и др.
_	нач. лета	– участие в любительском концерте в Петербурге, в университетском зале, которое, по словам Макарова, «прошло незамеченным»; подготовка ко второй поездке за границу.
_	июнь	 отплытие на пароходе за границу вместе с дочерьми – восемнадцатилетней Анной, семилетней Лизой и ее тетей по матери; прибытие в Германию, оставление семьи в Висбадене и отправление для прохождение курса лечения серными ваннами в Ахене (Германия); встречи там с местными гитаристами Жансеном и Фишером;
		– бесполезная, не оправдавшая ожиданий поездка «для отыскания немецких гитаристов «первого сорта»» в Майнц, короткая встреча там с гитаристом Камбергером.
_	кон. июля	– приезд из Висбадена в Ахен дочерей и свояченицы.
_	нач. августа	 приезд в Брюссель; посещение (по рекомендации) сестер Генриетты и Софи Гемар, содержавших в Брюсселе женский пансион; знакомство и любовь к младшей из сестер Гемар – Софи.
_	кон. августа – 2-я пол. сентября	– занятие организацией конкурса, встречи в Брюсселе с генеральным консулом России и с директором брюссельской консерватории Ф. Фетисом, отказ последнего от поддержки конкурса;
		– встреча с Б. Дамке, его содействие в организации и проведении конкурса, знакомство при его посредничестве с профессорами бельгийской консерватории А. Серве, Ю. Леонаром, А. Блазом, В. Бендером, Х. Кюффератом и получение их согласия войти в состав жюри конкурса;
		– встреча с польским гитаристом Щепановским, произведшим на Макарова отрицательное впечатление.
_	23 сентября (5 октября н. ст.)	– концерт в зале филармонического общества в Брюсселе (отзыв в $Le~Guide~musical,~N^{\circ}~32,~9~$ окт. $1856~$ г., перепечатан в $L'Echo~de~Bruxelles,~14~$ октября).
_	кон. сентября	 участие в двух музыкальных вечерах у баронов д`Анетан (на первом сыграл 2 пьесы Мерца: фантазии на темы из опер «Капулети и Монтекки» В. Беллини

		и «Любовный напиток» Г. Доницетти; на втором – фантазию Мерца на темы из оперы «Пират» В. Беллини и свой «Венецианский карнавал»).
1856	сентябрь – окт.	– уроки гармонии у Бертольда Дамке в Брюсселе.
_	2 (14) октября	- смерть в Вене Й. К. Мерца, одного из главных претендентов на победу в конкурсе на лучшее сочинение для гитары.
_	4 (16) октября	– первое заседание жюри конкурса.
_	8 (20) ноября	– первая статья В. И. Моркова о конкурсе Макарова в газете «Северная пчела» (N° 248): жюри, условия и сроки проведения.
_	11 (23) ноября	– статья Б. Дамке в «Музыкальном и театральном вестнике» (№ 45) о концерте Н. П. Макарове в Брюсселе, с ссылкой на отзыв на него в газете <i>L'Echo de Bruxelles</i> (№ 288, 14 октября).
_	20-е числа ноября (нач. октября н. ст.)	– приезд в Брюссель участников конкурса на лучшее сочинение Н. Коста и X. M. Сьебра (Чибра).
_	28 ноября (10 декабря н. ст.)	– итоговое заседание жюри, присуждение премий конкурса (за лучшее сочинение – Й. К. Мерцу и Н. Косту; за гитары – И. Г. Шерцеру и И. Ф. Архузену).
_	30 декабря (11 янв. н. ст.)	– в еженедельнике «Музыкальный и театральный вестник» (N° 52) опубликованы результаты завершившегося в Брюсселе гитарного конкурса.
_	декабрь	 приготовления к бракосочетанию с Софи Гемар в Париже, намеченной на январь в церкви русского посольства;
		– получение из Петербурга известия о неудовлетворительном состоянии дел на плиточном заводе, расстроившим планы и вызвавшим необходимость отсрочить свадьбу и срочно выехать в Петербург, что было с пониманием воспринято невестой.
1856-1859		– любовь к Софи Гемар (Sophie Ghemar), дочери француза и бельгийки (Макаров считал ее ангелом красоты, ума, доброты, непорочности, ангелом по характеру, называл одной из трех женщин, бывших «маяком» в его жизни); намерение на ней жениться, объяснение в любви и обещание пойти ради нее на любые жертвы (отдать ей «все свое состояние и даже более: отказаться от своей свободы, независимости, своих вкусов, привычек, мечты об артистической славе, а если она пожелает, от своей страсти к музыке или от чего другого»), получение после долгого колебания (из-за боязни расставания с сестрой, друзьями, родиной и неуверенностью в одобрении этого брака детьми Макарова) согласия Софи стать его женой; разлука, переписка с ней из России в течение трех лет; болезнь и последующая смерть С. Гемар, которую Макаров тяжело переживал.
1857	23 декабря (4 января н. ст.)	— публикация статьи Н. П. Макарова «Гитара и гитаристы» о конкурсе, его итогах, слова памяти умершего незадолго до этого ЙК. Мерца, в газете «Revue et Gazette Musicale de Paris» (N° 1, 4 янв.).
_	2 января	– вторая статья В. И. Моркова о конкурсе Макарова в газете «Северная пчела» (N^2 1): итоги конкурса.
_	5 января	 отъезд из Брюсселя в Петербург со старшей дочерью (младшая оставалась в пансионе сестер Гемар) и свояченицей по железной дороге до Кенигсберга, а оттуда мальпостом (почтовой каретой) до Петербурга.
_	12 января	– приезд в Петербург, взятие в свои руки управления заводом.
_	июль	– отъезд из Петербурга в Брюссель на почтовом пароходе; прибытие через пять дней в Брюссель, встреча с невестой и дочерью;
		– болезнь невесты накануне выезда в Париж на бракосочетание.
_	начало – серед. августа	– вторая разлука с невестой, возвращение с дочерью в Петербург; продолжение еженедельной переписки с Софи.
_	октябрь- декабрь	– поездка Софи в Англию (Лондон) и Шотландию (Эдинбург) навестить друзей и знакомых;
		– совместное решение отсрочить свадьбу до мая или июня следующего года.

1857	конец года	– поездка через Москву на родину в Костромскую губернию.
1857–1858	зима- весна	- принятие мер для спасения завода, вынужденное обращение за помощью к Кокореву и получение от него займа на поправление положения завода.
1858	март	– получение письма с известием о тяжелом заболевании Софи и нежелательности для нее вступления в брак, что может лишь усугубить ее положение. Крушение надежд на брак и совместное семейное счастье с Софи Гемар.
1859	19 апреля	 замужество дочери Анны, которая становится женой служащего при санкт- петербургском арсенале лгв. конной артиллерии поручика Александра Никола- евича Энгельгардта, известного впоследствии химика.
_	июнь-август	– окончание работы над «Задушевной исповедью»; встречи с Н. А. Некрасовым.
_	2-я пол.	– смерть Софи Гемар.
_	29 октября – 14 ноября	– Макаров пишет по-французски большую «Поэму любви» (<i>Poème d'amour</i>), посвященную памяти умершей Софи Гемар, которую намеревался напечатать в Париже, отправив ее в 1860 г. Дамке (печать не состоялась из-за условия издателей о значительных сокращениях текста, отвергнутого Макаровым).
_	декабрь	- «Задушевная исповедь: назидательная быль, с вариациями на тему «точки зрения»» Н. П. Макарова опубликована в журнале «Современник» (№ 11) с послесловием «Несколько слов от редакции», написанным Добролюбовым; перепечатка Макаровым «Задушевной исповеди» отдельным изданием.
		— в «Северной пчеле» от 12 декабря (№ 272) появляется статья «Заметка провинциала о взяточничестве», подписанная псевдонимом «Провинциал» из Пскова, обидевшая Макарова сравнениями его с <i>Еремеичем</i> «играющим на гитаре», да его <i>Ванькой</i> «разные русские песни без нот валяющим» (см. на стр. $56-57$).
1860	январь	— в «Русском слове» (№ 1, Библиография, с. 67–73) за подписью <М. Л.> появляется острая рецензия на «Задушевную исповедь» поэта и писателя М. Л. Михайлова, едко высмеивающая Макарова, в которой, помимо прочего, есть и такие замечания: «Мы до сих пор думали, опять таки, может быть, по старой рутине, что странно как-то и неловко говорить во всеуслышание о своих достоинствах; а между тем г. Макаров, теми или другими словами, беспрестанно говорит о своем великом музыкальном таланте, о пылком благородстве своей души и т. под. Что мы до сих пор не слыхали ничего о громкой музыкальной карьере г. Макарова и узнали о ней только из его «исповеди», это мы относим к нашему плохому музыкальному образованию. Вследствие этого плохого образования, разумеется, мы считали и инструмент, на котором г. Макаров, по собственному его рассказу, производил фурор и имел громадный успех в просвещенной Европе, а именно гитару — инструментом времен патриархальных, наравне с русской балалайкой и киргизскою чибызгой». И далее: «видно, что г. Макаров обладал настолько хорошим состоянием, чтобы жить без всякой деятельности. Игру на гитаре шести или семиструнной нельзя же считать делом».
	февраль	— отрицательную рецензию на «Задушевную исповедь» публикует петербургский журнал «Светоч» (1860, № 2); сочувственный отклик опубликовал В. Я. Стоюнин в «Русском мире» (1860, № 2).
_		– продажа своего завода за мизерную цену (4 тыс. рублей, тогда как ему самому он обошелся в 40 тыс., а в 1859 г. он мог выручить за него 20 тыс.); Макаров полностью разорен: он отдает кредиторам деньги, вырученные за завод и свое костромское имение и еще остается с долгом.
		- переезд в тульское имение детей, где начинает усиленно работать над своими литературными произведениями.
_	весна	– написание в четыре недели романа «Победа над самодурами» (февраль-март);
		 поездка на неделю в Тулу отдохнуть и отдать на чистовую перепись с карандаша последнюю, четвертую часть рукописи (апрель);

(май).

 поездка в Петербург, завершение работы на «Банком тщеславия» (во время написания приносит готовые части Н. А. Добролюбову, обещавшему к концу года напечатать роман в «Современнике»); проводы Добролюбова на лечение за границу

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ

1860	ноябрь	– возвращение из Петербурга в деревню;
		 написан автобиографический роман «Две сестрички», в котором автор вывел себя под именем Летнева (опубликован им в следующем году).
1861	14 января	 рождение внука Михаила в семье дочери Анны и Александра Энгельгардтов, известного впоследствии писателя, литературного критика, публициста и социолога.
_	лето	 объяснение Макаровым своим крестьянам «Уставной грамоты помещика и крестьян», предусмотренной Манифестом об отмене крепостного права и Высочайше утвержденными «Правилами о порядке приведения в действие положения о крестьянах», и агитация их за вариант перехода на оброк и затем на выкуп против перехода просто на оброк или оставление на барщине.
1861-1862	сентябрь – февраль	– проживание Н. П. Макарова в Петербурге.
1861	сентябрь	– передача в Петербурге Н. А. Добролюбову (за полтора месяца до его смерти, последовавшей 17 ноября) рукописи «Победы над самодурами».
_	кон. ноября	 возвращение после смерти Н. А. Добролюбова редакцией «Современника» рукописи «Победы над самодурами» и отказ от ее печатания в журнале.
_		– выход романов «Банк тщеславия: Бывальщина», «Две сестрички, или Новое фарисейство: Нраво-описательная бывальщина» (в 2-х тт.) и «Победа над самодурами и страдальческий крест. Сатирическая бывальщина» (в 2-х тт.), все под псевдонимом Гермоген Трехзвездочкин;
		 написан роман «Поддельшики» (продолжение «Двух сестричек»), забрако- ванный всеми редакциями.
_	ноябрь – декабрь	– на роман «Победа над самодурами» с резкой критикой обрушивается Д. И. Писарев в «Русском слове» (1861, №№ 11, 12), причислив его к «произведениям, стоящим ниже посредственности».
_	22 декабря	– Макаров, от имени литературного редактора автора, вступает на страницах газеты «Русский инвалид» (1861, № 285, от 22 декабря; «Листок ответов и возражений») в полемику с Писаревым, называя его рецензию «грубой, желчной бранью».
1862	10 января	– публикация письма Д. И. Писарева в «Прибавлении» к № 6 «Русского инвалида» с ответом на обвинения «г-на Трехзвездочкина» (Макарова) в пристрастии, несправедливости, лжи и пр. в рецензии на роман «Победа над самодурами и страдальческий крест». Письмо Писарева заканчивается словами: «Мое убеждение насчет «Сатирической бывальщины» таково: первая часть плоха и скучна. Вторая часть составляет уже просто патологическое явление. Г. Трехзвездочкину нужна не критика, а медицинская помощь».
_	20 и 21 января	– публикация в «Русском инвалиде» ответа Макарова Писареву (статья помещена дважды с почти одинаковым текстом: в субботу 20 января под названием «Еще об аккредитованной пляске на сковороде» на первой странице «Прибавления» к № 15, и в воскресенье 21 января (№ 16) – на последней странице самой газеты под названием «Последний ответ аккредитованному плясуну».
_	февраль	– возвращение из Петербурга в деревню.
_	7 марта	- собрание Макаровым своих крестьян, получение их согласия перейти с барщины на оброк и на выкуп и подписание уставной грамоты, утвержденной мировым съездом (21 марта). Значительное уменьшение доходов с имений, упавших до $1/3$ от прежнего.
_	март-октябрь	– мытарства с введением в действие уставной грамоты из-за «постоянного и долговременного служебного бездействия» мирового посредника М. И. Бибикова, о чем Макаров 14 февраля следующего года подал жалобу и поместил в февралемарте две «корреспонденции» в тульской газете «Голос» (№№36, 10 февр., и 69, март, за 1863 г.).
_	апрель	– публикация в журнале «Военный сборник» (т. XXIV, кн. 4, отд. II, стр. 469–520) «Воспоминаний пленного офицера» Н. П. Макарова; сдержанный отклик на них публикует «Инженерный журнал», 1862, № 3, отд. III, стр. 188–189.

1863		– рождение внучки Веры, дочери Анны и Александра Энгельгардтов.
		 получение в начале года предложения от новосозданной тульской газеты «Голос» быть ее корреспондентом, которым является около пяти месяцев, после чего отказывается «за неимением досуга»;
		 начало работы над первым лексикографическим трудом – «Полным русскофранцузским словарем» (середина 1863 года).
_	26 апреля	– публикация в газете «СПетербургские ведомости» (№92) статьи Макарова «Общинное владение с крестьянской точки зрения».
1864	декабрь	– публикация в «Книжном вестнике» (№ 24, с. 503–504) заметки Н. Макарова «Пропуски в сочинении Г. Геннади «Литература русской библиографии»».
1865		– теща Н. П. Макарова Анна Петровна Болтина оформляет дарственную на передачу тульского имения (с 1845 г., после смерти первой жены, остававшегося в управлении у Макарова) своим внукам, сыну и дочери Макарова от первого брака: Анне и Николаю; в том же году сын продает отцу свою часть из материнского наследства.
1866	сер. года	– окончание работы над «Полным русско-французским словарем»; безуспешные попытки получить средства на издание словаря у известных «меценатов», наконец, получение согласия Н. А. Неклюдова на его печатать в долг.
1867	5 февраля	– рождение внука Николая (сына дочери Анны и Александра Николаевича Энгельгардта), впоследствии известного писателя, публициста и литературного критика, автора статей «Давние эпизоды» в «Историческом вестнике», в том числе и о своем деде Н. П. Макарове («Из давних эпизодов. Последняя гитара», – «Исторический Вестник», 1910, СХХ (120), апрель, с. 89–116).
_	февраль	– выход 1-ой части «Полного русско-французского словаря» и объявление подписки на его 2-ю часть.
_	июнь	– позитивный отзыв на Словарь в «Журнале Министерства народного просвещения» ($N^{\circ}6$), затем в «Русском инвалиде».
	июль	– выход 2-ой части «Полного русско-французского словаря». Словарь имеет следующее посвящение: «Ея Императорскому Высочеству, Всемилостивейшей Государыне Цесаревне и Великой Княгине Марии Федоровне, с высочайшего соизволения, свой труд с глубочайшим благоговением посвящает Николай Макаров», за что автор получает от нее в подарок бриллиантовый перстень; издание имеет надпись на титульной странице: «Заслужил одобрительный отзыв Императорской Академии Наук, одобрен Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения, а равно и прочими Учебными Комитетами и принят во все учебные заведения». При жизни Макарова выходит пять изданий словаря (5-е – в 1889 году).
_	2-е полугодие	– статья в <i>Journal de St-Petersbourg</i> (№ 188) о «Полном русско-французском словаре», «заключающая самые лестные похвалы обширному труду и той огромной пользе, которую этот труд должен принести образованной публике» (Макаров);
		 посещение Макарова В. Я. Буняковским, вице-президентом Императорской академии наук, пожелавшим лично познакомиться с автором «Полного русско- французского словаря» и выразить ему свое восхищение этим трудом.
_		– публикация «Предсмертной исповеди», изданной не для продажи, а только для близких друзей и знакомых (с подзаголовком: «Конфиденциально. Для немногих»);
		 выход брошюры «Исповедь, но уже не предсмертная. Современная грустная повесть» автором которой указан В. Прокопович.
_	конец года	– приезд вместе с сыном Николаем из Петербурга в тульскую деревню и начало работы вместе с ним над «Полным французско-русским словарем».
1868	весна	— последняя встреча с А. С. Даргомыжским в Петербурге.
1868		– женитьба на Е.П. Трофимовой, внучке вольного донского казака: «Брак совершал <в села Бараново церкви> священник Николай Татевский с причтом, поручители были по женихе: сельца Федяшево лейб-гвардии полковник Леонид Николаев Гартунг [муж старшей дочери А. С. Пушкина Марии. – В. Т.] и сельца Барыбина коллежский асессор Василий Николаев Дьяков»;

– продажа своей жене к	упленного в 1865 г.	у сына имения в т	ульской губері	нии.

1869 январь

– смерть 25-летнего сына Николая (ранее привлеченного отцом в качестве помощника к работе над словарями) в тульском доме умалишенных после двухнедельного помешательства, причиной чего, по словам отца, стала его «безнадежная страсть к будущей мачехе», на которую, уже беременную, бросался он в приступах сумасшествия. Сообщение о его смерти (без указания на истинные причины сумасшествия) было опубликовано в газете «С.-Петербургские ведомости» (1869, № 67, 9 марта).

1869-1870-е гг.

– рождение в третьем браке четырех детей: дочери и трех сыновей (один из которых – Константин – в 1894 г. опубликовал в «Историческом вестнике» статью «Люди старого времени», с рассказом о нескольких известных личностях, знакомых своего отца). (В 1881 г. Н. П. Макаров писал: «Двенадцать лет прошло с тех пор [с трагической смерти в 1869 г. сына Николая. – В. Т.]; родилось у меня четверо детей: дочь, уже второй год на высших женских курсах, и три сына, все здоровые, красивые и преумные дети»).

1869–1872 нач. года – июнь – проживание в Петербурге на Вознесенском проспекте, близ типографии Н. А. Неклюдова [Типографія и Литографія Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова)] на Васильевском острове, где печаталось первое издание «Полного французско-русского словаря».

1869 14 октября

— Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук дает одобрительный отзыв «на представленную г. Макаровым в рукописи часть его французско-русского словаря», рассмотренную по поручению Отделения академиками М. И. Броссе и Я. К. Грот, в заключении которых отмечается, что «французско-русский словарь его, составленный на основании вполне рациональных правил, изложенных в предисловии, оказывается весьма полезным практическим пособием при занятиях тем или другим из обоих языков», «отличается тем важным достоинством, что, при большой полноте номенклатуры, обнимает, почти всегда с желаемою точностью и в надлежащем порядке, разнообразные значения слов, к чему присоединяет обильную и вместе возможно сжатую фразеологию», а потому они «не колеблятся засвидетельствовать, что французско-русский словарь г. Макарова заслуживает не только одобрительного отзыва Академии Наук, но и всякого со стороны ее содействия к скорому появлению в свет этого добросовестного и со знанием дела исполненного труда» (протокол засед. Отделения 14 октября 1869 г., § 116)

17 октября

— «Отставной майор Н. П. Макаров благодарит <письмом> за сообщенный ему одобрительный отзыв Академии о составленном им *Полном французско-русском словаре*, причем сообщает, что он затрудняется в средствах для издания в свет сего словаря и потому просит Академию рекомендовать его труд Г. Министру Народного Просвещения, как заслуживающий поддержку со стороны правительства» (зачитано на заседании Отделения 28 октября 1869 г., § 128)

28 октября

— На заседании Историко-филологического отделения Императорской Академии наук рассмотрена просьба Макарова ходатайствавать об оказании правительством поддержки в издании его Полного французско-русского словаря и «положено вышеозначенную просьбу г. Макарова исполнить» (протокол от 28 окт. 1869 г., § 128).

ноябрь

– ходатайство Академии наук и Ученого комитета перед Министерством народного просвещения «об оказании г. Макарову возможного вспомоществования для напечатания его замечательного труда»; представление министра народного просвещения министру финансов о выделении средств на печать словаря; доклад по этому вопросу министра финансов Императору и получение его личного соизволения на выделение необходимых средств; получение Макаровым субсидии в размере 4 тыс. рублей на печатание словаря.

конец года

начало печатания «Полного французско-русского словаря».

- выходит «Полный французско-русский словарь» (в 2-х частях) со следующим посвящением: «Его Императорскому Высочеству Всемилостивейшему Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу свой труд с глубочайшим благоговением посвящает Николай Макаров», за что автор получает от Цесаревича в подарок золотые часы с цепочкой. С 1870 по 1890 год выходит 6 изданий словаря.
- в журнале «Заря» (1870, № 8 и 9) публикуются «Очерки институтской жизни былого времени. (Из воспоминаний институтки)» дочери Макарова А. Н. Энгельгардт, изданные под псевдонимом А. Бельская, в которых «институт благо-

		ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ
56666666	ទេ១១១១១១១១១១១	
		родных девиц» 1850-х гг. предстает как весьма мрачное «заведение строгого режима», хотя и дававшее своим воспитанницам хорошее образование.
1870	1 декабря	– арест дочери Анны и ее мужа А. Н. Энгельгардта по делу антиправительственной деятельности студенческого кружка в Петербургском земледельческом институте (Анна, работала тогда в «Биржевых ведомостях», была освобождена через полтора месяца, в январе 1871 г., за отсутствием улик, а ее муж, к тому времени профессор, декан химического факультета института, провел под арестом в Алексеевском равелине Петропавловской крепости около 2-х месяцев и затем, по обвинению в «беспорядках и противозаконных сходках и сборищах» в институте, был сослан без срока под надзор полиции в имение Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губ.).
1873	лето	 поездка за границу: Берлин, месячный отдых и лечение в Киссингене (Германия), затем поездка в Мюнхен и оттуда на выставку в Вену;
		– возвращение через Варшаву в Петербург, а потом в свою тульскую деревню через Москву; пишет свой второй гитарный «концерт».
1873-1874		- составление и выпуск по приглашению Ученого комитета специально для учебных заведений «Международных словарей для средних учебных заведений» (части французско-русская, 1873, и русско-французская, 1874), составленных по программе Министерства народного просвещения; издание имеет следующее посвящение Александру II: «Его Императорскому Величеству Всемилостивейшему Государю Императору Александру Николаевичу с Высочайшего соизволения свой труд с глубочайшим благоговением посвящает Николай Макаров» (вышло 6 прижизненных изданий французско-русской части и 5 – русско-французской);
		– получение второй субсидии в 4 тыс. рублей на международные словари;
		– награждение орденом св. Станислава 2-ой степени;
		 выход «Нескольких правил высшей гитарной игры», двуязычного издания на русском и французском языках; напечатано 300 экземпляров.
1874	июнь-июль	– написание и публикация «бичующих сатир», направленных против «нигилизма», – брошюр Н. П. Макарова, «возмущенного безумиями социалистов, коммунистов, интернационалистов, да еще нахальством вагнеристов»: «Кровавый призрак» (против Парижской Коммуны и Интернационала; посвящена А. Тьеру, «благородному спасителю Франции», на французском и русском языках; написана 5 июня 1874 г.), «Пигмеи на ходулях или Апофеоза музыкального безобразия: Вторая бичующая сатира» (произведение, «обличающее» эстетику Р. Вагнера, на французском и русском языках; написана 20 июня 1874 г.),) и «Пиф паф! или Чрезвычайное заседание представителей желтых домов: Третья бичующая сатира в 3 картинах» (осуждение взглядов П. Ж. Прудона, А. Бебеля и др. социалистов; написана 10 июля 1874 г.).
1874		 выходят «Ум и остроумие: тактика войны на словах» (написана в 1869 г.) и «Пять народных песен из крестьянского быта» (напечатано по 800 экз.);
		 выход 2-го издания, «тщательно исправленного и с многочисленными дополнениями», «Полного русско-французского словаря» (части I и II).
1875		– статья «Нотариальный вопрос» в «Новом времени», № 287, 5 ноября; – вхождение Александры во владение имением, отданным ей бабушкой Болтиной. – выход 2-го изд., исправл. и дополн., «Полного французско-русского словаря».
1876	январь-март	– безуспешные поиски средств на окончание печатания немецких словарей: обращение к издателям Москвы и Петербурга с предложением купить за полцены 2-е издание «Полного францрус. словаря», отказ известного мецената профинансировать издание в долг под его двойное обеспечение 4-мя тыс. экземпляров выведшего 2-м изд. «Полн. францрус. словаря» и посвящение ему «Полн. немрус. словаря».
_	15-17 марта	 обращение за помощью к министру народного просвещения графу Дмитрию Андреевичу Толстому и подача последним соответствующего представления министру финансов; доклад министра финансов Императору.
_	3 апреля	– во исполнение Высочайшего повеления от 2 апреля главному казначейству предложено открыть в смете министерства народного просвещения сверхсметный дополнительный кредит в 6 тыс. рублей для отпуска Н. П. Макарову на издание

дополнительный кредит в 6 тыс. рублей для отпуска Н. П. Макарову на издание

международных словарей, русско-немецкого и немецко-русского.

1876-1877

- выход «Международных словарей для средних учебных заведений»: части русско-немецкая (1876) и немецко-русская (1877).
- выход 2-го изд. французско-русской части «Международных словарей» (1876).

1877

- выход «Полного немецко-русского словаря», в сотрудничестве с А. Н. Энгельгардт и В. В. Шеерером (фактическим автором была А. Н. Энгельгардт);
- в журнале «Семья и школа» (кн. II. № 8. отд. I. с. 54–70) публикуются «Заметки по лексикографии (в связи с замечаниями на «Толковый словарь» В. И. Даля). Реферат, читанный в Педагогическом обществе», в том же году отдельным изданием;
- выход книг «Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (полную версию без цензурных изъятий Макаров дарит Н. С. Лескову – «В знак уважения и памяти от издателя 28 ноября 1878 года»; в библиотеке писателя она хранилась со штампом «редкость» и с его собственноручной пометой «экземпляр без вымарок цензора») и «Латинские, итальянские и английские пословицы и поговорки»;
- резкий отзыв (без подписи) М. Е. Салтыкова-Щедрина на «Энциклопедию ума...» в «Отечественных записках» (т. 241 (6), 1878, декабрь, № 12, Совр. обозрение. Новые книги, стр. 192–195) – с крайне односторонней аргументацией, по сути, направленной против любых изданий подобного рода.
- публикация романа «Поддельщики» в ж-ле «Иллюстрирован. вестник» (№2–6).
- публикация в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 131, 13 мая) большой статьи Н. П. Макарова «Путешествие по дебрям славянской апатичности, дряблости и псевдомеценатства» (история создания и появления словарей), сетование на отсутствие в русском обществе достаточного интереса к «хорошей научной книге»: «В 14 лет распродано только два издания моих полных словарей» (См.: «Мои семидесятилетние воспоминания». Том 1, с. 184–185);
- навещает в Петербурге дочь Анну и внука Николая.
- выход 2-го издания «Международные словари...» (часть русско-французская).
- участие в «Пушкинском кружке» (Д. Н. Садовников и др.); основание литературного общества «Пушкинское собрание» (окт.), имевшего задачей «поощрение молодых талантов и борьбу против возникающего в литературе псевдо-реалистического направления», избрание его председателем (просуществовав год без видимых результатов, в 1882 г. прекратило существование); знакомство с В. И. Любич-Романовичем.
- публикация воспоминаний «Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве. Очерки из воспоминаний старого литовца» (СПб: тип. Тренке и Фюсно);
- издание брошюры «Противоядие социализма» (написано в 1874 г.) и статьи «Против цареубийц и нигилизма вообще» (1881, сентябрь) – заявления о намерении «путем печатного сатирического бичевания», «действовать от своего лица, насколько хватит дарования, умения и сил, на защиту Престола, Веры, закона и общественного порядка и спокойствия».
- выход 3-ми изданиями полных французско-русского и русско-французского словарей, и 3-го изд. «Международные словари...» (часть французско-русская).

1881

июнь-сентябрь

- завершение окончательной редакции «Моих семидесятилетних воспоминаний» (начало и большая часть из которых были написаны еще в 1861 году);
- выпуск сборника «Извлечения и выдержки из моих семидесятилетних воспоминаний».

1881-1882

публикация «Моих семидесятилетних воспоминаний» (4 части).

1883

– публикация дополнений к воспоминаниям: «Калейдоскоп в дополнение к «Моим семидесятилетним воспоминаниям»».

1884

- переиздание «Победы над самодурами...» под названием «Тьма и свет» в петербургском литературном журнале «Нева», № № 8-30.
- выход 4-ми изданиями полных франц.-русского и русско-французского словарей.
- выход 2-го издания немецко-русской и 3-го издания русско-французской частей «Международных словарей: Для сред. учеб. заведений...».

1878

1880

1880-е гг.	нач. – 2-я пол.	 проживание большей частью постоянно в тульской деревне (часть года – осень, зима и часть весны – в Туле, где учатся в гимназии сыновья).
1885		– публикация драмы «Между любовью и мщением» в журнале «Иллюстрированный вестник», № 1, 2.
		– выход 4-го издания «Международные словари: Для сред. учеб. заведений» (часть французско-русская).
_	9 марта	 рождение внука Николая (Надёжин, Николай Александрович), первые годы жизни провел в Фуниково-Рожествино с дедом.*
1887		– выход 5-го издания «Полного французско-русского словаря».
1888		– выход 3-го издания «Международные словари: Для сред. учеб. заведений» (части немецко-русская и русско-немецкая).
1887-1890		– живет большей частью в имении в Рожествино, временами в Туле.
1889		– выход 5-го издания «Полного русско-французского словаря».
1889–1890	зима	– встречи с Н. П. Макаровым Бориса Перотта, в то время семилетнего мальчика, только еще осваивавшего игру на гитаре, в Туле (где он гостил с матерью у друзей покойного отца, направляясь проездом из Киева в Петербург), описанные им в статье «Мои встречи с Макаровым», опубликованной в 1955 году в итальянском журнале «L'Arte chitarristica» (Perott, Boris A. Incontro con Makaroff. L'Arte chitarristica, Novembre/Dicembre, 1955, № 54, р. 5–6 и Gennaio/Febbraio, 1956, № 55, р. 6–7). Б. А. Перотт пишет, что познакомился, а потом часто навещал Макарова, благодаря его внуку Николаю Энгельгардту, который предложил «маленькому маэстро, играющему на большой гитаре» увидеть и послушать «настоящего мастера гитары», которого «знают и у нас, и за границей», его деда. Макаров очень тепло встретил мальчика и много и с удовольствием с ним общался, а когда тому пришло время отъезда, подарил небольшую терц-гитару и дал рекомендательное письмо к И. Ф. Деккер-Шенку в Петербург с просьбой принять его в ученики.
1890		– выход 6-го издания «Полного французско-русского словаря»;
		 выход 5-го издания «Международные словари: Для сред. учеб. заведений» (часть русско-французская); выход 6-го издания «Международные словари: Для сред. учеб. заведений» (часть французско-русская).
1890	5 (17) декабря	 смерть Н. П. Макарова в имении Фуниково-Рожествино Тульской губернии, похоронен на кладбище своего прихода в селе Бараново.
_	декабрь	— некрологи в газетах «Новое время» (16 декабря), «Тульские губернские ведомости» (22 дек.), журнале «Сын Отечества» (19 дек.).
1891		– некрологи в журналах «Всемирная иллюстрация» (Т. XLV, № 1 (1145), 1 янв., с. 15; № 3 (1147), 12 янв., с. 47-48, с портретом), «Север» (№ 1, янв.), «Историче-

^{*}Надёжин, Николай Александрович (1885–1959; Nikolai Alexandrovich Nadezhin, тж. Nicholas Nadejine) – певец, поэт и актер; родился 9 марта 1885 года; первые годы жизни провел в имении Фуниково-Рожествино со своим дедом Н. П. Макаровым. В 1905 году окончил гимназию в Туле и поступил в Московский университет, где вскоре стал членом партии эсеров и был вовлечен в революционную деятельность. В 1906 году был арестован за участие в вооруженном нападении на типографию газеты и приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь, откуда в 1908 году ему удалось бежать в Европу, навсегда покинув Россию. Первые годы жил в Италии и на Капри, затем, между 1922 и 1938, – в Австралии, Новой Зеландии, Англии и Америке, путешествуя с русским эмигрантским театральным коллективом в качестве певца. Как актер кино во 2-ой пол. 1930-х гг. снялся в двух кинофильмах: Мужчины не боги / Men are not Gods, 1936, и *Крылья утра /* Wings of the Morning, 1937. Был хорошим певцом (баритон), особенно известным исполнением русских песен; пытался устроиться в Ковен-Гарден, но не прошел пробу и получил отказ. Писал прозу и стихи на русском и английском языках, из которых издал поэму «Разуверенье» (Прага, 1925) и два сборника: «Избранные стихотворения» (Лондон, 1954) и «Книжная полка» (1955). Кроме того занимался переводами на английский язык, в том числе стихотворений Пушкина и Лермонтова. Сочинял романсы. В 1927–1936 годах был женат на австралийской журналистке Лидии (Терезе-Нелль) Триттон (1899–1946), которая после развода с ним 1939 годах был женат на стралийской журналистке Лидии (Терезе-Нелль) Триттон (1899–1946), которая после развода с ним 1917). В правод замуж за А. Ф. Керенского (второй брак), бывшего министра-председателя Временного правительства России (1917). Во время Второй мировой войны в течение некоторого времени служил в качестве переводчика в британской армии, после войны работал корреспондентом в Русской службе Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си) и в военном министерстве британского правительства, а также на других случайных работах. 18 сентября 1948 г. Б. Перотт пригласил его, как внука знаменитого гитариста, на одно из заседаний своего лондонского Филармонического общества гитаристов, где тот рассказал о своем деде и спел в заключение несколько русских песен под аккомпанемент гитары Дика Садлера (об этом: Kloe, Jan de. Boris Perott – A life with the guitar. – Chanterlle Verlag, Heidelberg, Germany, 2012. – Р. 13). В середине 1950-х годов печатался в The Gramophone Monthly Review со статьями о русских композиторах и музыкантах (в частности, о А. Т. Гречанинове, Ф. И. Шаляпине и др.). Умер летом 1959 года в Лондоне.

ский вестник» (Т. XLIII, с. 596-597) и «Нива» (№ 14, апрель, с. 325, с портретом).

	─
1891–1892	- посмертная публикация автобиографических воспоминаний, рассказов и очерков о старых годах под названием «Из виденного и слышанного» в журнале «Колосья» (1891 г., кн. 11, стр. 5–29; кн. 12, стр. 4–37; 1892 г., кн. 3, стр. 138–163).
1905	– публикация «Нескольких правил высшей гитарной игры» Н. П. Макарова в журнале «Гитарист» В. А. Русанова (1905, № \mathbb{N}^2 1, 2, 3).
1909–1910	– публикация избранных страниц из воспоминаний Н. П. Макарова – «Былое (из воспоминаний гитариста)» – в журнале «Музыка гитариста» (1909, №№ 1, 3, 6, 11; 1910, №№ 2, $5/6$, $7/8$, $11/12$).
1910-1911	– публикация избранных страниц из воспоминаний Н. П. Макарова в переводе на немецкий язык в журнале «Друг гитары» (Der Guitarrefreund), издававшемся в Мюнхене Интернациональным союзом гитаристов (1910, № 6, и 1911, №№ $1-5$).
1946-1948	– публикация гитарных воспоминаний Н. П. Макарова из «Задушевной исповеди» в американском журнале «Гитар ревю» (The Guitar Review) в переводе на английский язык Владимира Бобри и Нюры В. Ульрейх (The Memoirs of Makaroff // Guitar Review, no. 1, 1946, no. 2–3, 1947, no. 5, 1948).
1982	– публикация М. Офи в журнале «Саундборд» перевода на английский язык ранее опущенных в <i>The Guitar Review</i> частей (Ophee M. The Memoirs of Makaroff. A Second Look. // Soundboard, Vol. IX, No. 3. – California, 1982).
1987	– публикация на японском языке отрывков из воспоминаний Н. П. Макарова (с англ. текста в <i>The Guitar Review</i>), статьи М. Офи из журнала <i>Soundboard</i> и «Нескольких правил высшей гитарной игры» Н. П. Макарова, а также списка его гитарных сочинений (с нотами «Венецианского карнавала», Камаринской и Каприччио) в журнале японского гитарного общества «Journal of the Japan Guitar Society» (vol. 7, пер. на яп. язык Дзюн Сугавары [Jun Sugawara]).
	СОЧИНЕНИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ Н. П. МАКАРОВА

- 1. A son Excellence Monsieur le Général / Apollon de Bibikoff. / **Souvenir et Regret** / Chanson sans paroles / pour la guitarre / par / Nicolas Makaroff]. Oeuvre 1. – S. Pétersbourg, chez C. F. Holtz.
- 2. **Larme** / Adagio / Tiré de son Premier Grand Concerto / pour / la guitare a 10 cordes / par / Nicolas Makaroff. Op. 2. Grave et imprime chez P. Jurgenson a Moscau.
- 3. La Pétulante / Резвушка / Première / Grande Mazurka / Pièce de concert / composée pour / la guitare à 10 cordes / et exécutée dans son concert à Bruxelles / par / Nicolas Makaroff. Op. 3. – Moscou chez P. Jurgenson.
- 3a. Fleurs du Nord (I). / Mélodies Nationales Russes / transcrites et varieés / pour la Guitare / par / Nicolas Makaroff. / Oeuv. 3 (a). - S. Pétersbourg, chez C. F. Holtz.

1. Чем тебя я огорчила; *4. Ах, по мосту, мосту...*;

2. По улице мостовой; 5. Вниз по матушке по Волге;

3. Ты поди, моя коровушка; 6. Камаринская

4a. **Fleurs du Nord (II).** / Mélodies Nationales Russes / transcrites et varieés / pour la Guitare / par / Nicolas Makaroff. / Oeuv. 4 (a). - S. Pétersbourg, chez C. F. Holtz.

 Возле речки...; 4. Снежки;

2. Я цыганка молодая; 5. Я вечор дружка милова;

3. Вспомни, вспомни, мой любезный; 6. Во лузях.

- 4. Carnaval de Venise / Variations Brillantes / Pièce de concert / arrangees pour / la guitare / et éxécutées dans son concert à Bruxelles / par / Nicolas Makaroff. Op. 4.
- 5. Kamarinskaia / Air National Russe / Piece de Concert / Transcrit et Varié / pour / La Guitare à 10 Cordes / par / Nicolas *Makaroff.* Op. 5. – Moscou chez P. Jurgenson.
- 6a. 2-me Mazurka de Concert. La joviale («Веселушка»), Op. 6.
- 6b. **Pensez à moi** / Etude / Composée pour / la Guitare / et dediée à Monsieur / Nap. Coste / par / Nicolas Makaroff/ Op. 6 (b).
- 7. La Bravura. Grande Fantaisie de Concert.
- 8. L'Heroique. 3me Mazurka de Concert. Op. 8.
- 9. Reminiscences de Mertz / Capriccio / Tiré des oeuvres inèdites de Mertz / Arrangé pour / La Guitare à 10 cordes / par / Nicolas Makaroff. Op. 9. - Moscou chez P. Jurgenson.
- 10. 4-me Mazurka de Concert. La gracieuse. Op. 10.

3 son Excellence Monsieur le Général

SOUVIENIE HERECEEL

Chanson sans paroles

POUR LA GUITARRE

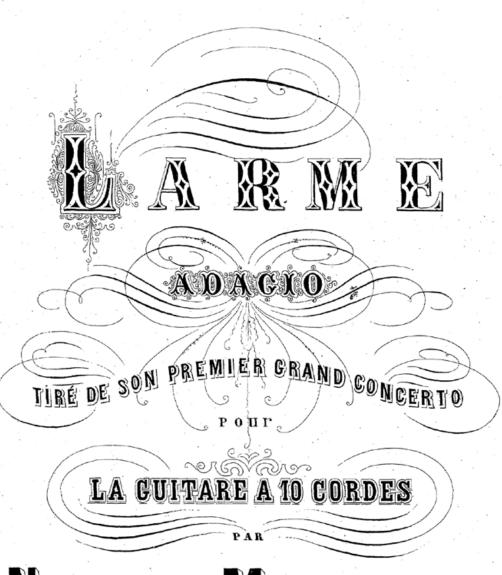
par

NICOLAS MAKAROFF.

0euvre 1.

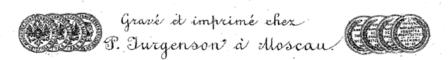

Commissionaire de tous les Instituts placés sous la Haute, protection de Sa Majeste L'Impératrice grande Morskaia, maison Jacot N 12

MICOLAS MAKAROFF.

Ор. 2.—

MÉLODIES NATIONALES RUSSES

pour la Guitarre

NICOLAS MACAROFF.

Deur. 3. Propriété de l'Auteur.

Cahier L. contenant:

.№1. Чтыты тебя я огоргима.

- 2. По улиць мостовой.
- 3. The node most kopobyuka donoù 3. Bonomen, benomen
- ·· 4. Яхь помосту, мосту...
- 5. Внизъ по манизикъ по Волет.
- » в. Камаринской).

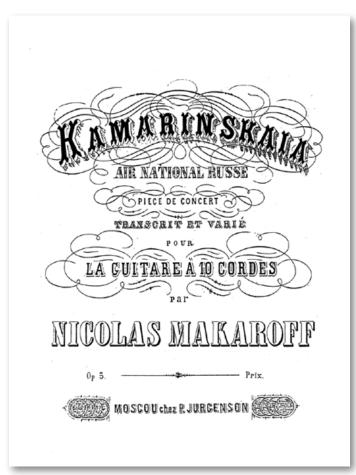
Cahier II contenant:

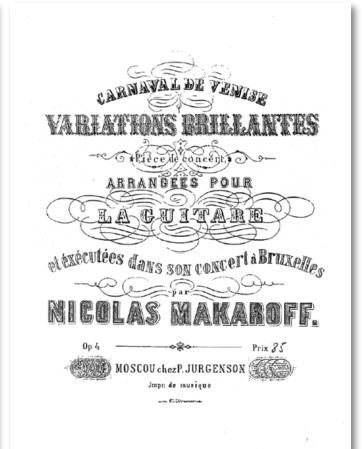
- 1. Возан рычоки....
- 2. Я цыганка молодам.
- 4. Crimojeku/.
- 5. A bezope dpysteka umroba.
- 6. Во музахо.

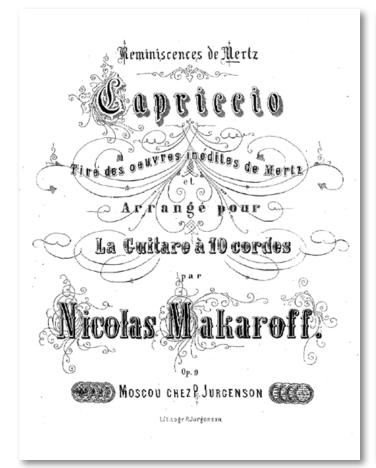
S. PETERSBOURG

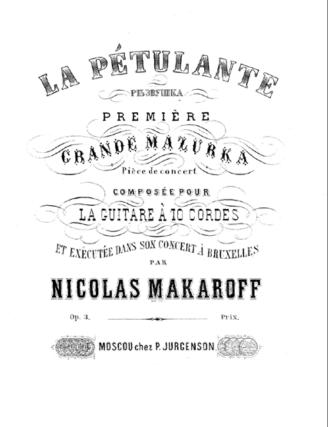
chez C.F. HOLTZ,

Commissionaire de tous les Instituts placés sous la Maute protection de Sa Majesté EImpératrice grande Merskaia, maison Jacot, Nº12.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ Н. П. МАКАРОВА

ОБЗОРЪ

жизни и трудовъ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ и ПИСАТЕЛЬНИЦЪ.

Д. Д. ЯЗЫКОВА.

Что люди? Что ихъ жазнь и трудъ? Они прошли, они пройдуть! Надежда есть: ждеть правий судъ....

десятый выпускъ.

MOCKBA. Университетская типографія.

Макаровъ, Николай Петровичъ '), родился 4 февраля 1810 г. въ городъ Чулломъ (Костромской губ.), гдв его отецъ

служиль исправнякомь, и посль домашняго воспитанія, по заботамь служиль исправником», и после домашняго воспитанія, по заботамъ
адад, зачислень подпрапорщикомъ въ зейбъ-гвардіи Литовскій подкъ
(1823 г.), а затъм», съ 1826 года учился въ Школь гвардейских
подпрапорщиковъ; проязведенный въ прапоршики (1830 г.), сомать
задержанъ въ Варшавъ восинопленнымъ, а по взятія Варшавы
Пасневченъ получиль освобожденіе, продолжая служить въ томъ
же Литовскомъ полку (1830—1836 гг.) и въ Ражскомъ драгунскомъ
полку (1837 г.); выйдя въ оставку съ члномъ мајора (1838 г.), поселялся въ деревит и, после веудачныхъ предпріятій то съ В. А.
Кокоревимъ 1), то съ своимъ плитанымъ и известковымъ заводомъ,
то, наконецъ, съ сътгавними ковкурсамъ, паетпомът свое соплитанымъ и известковымъ заводомъ, то, наконецъ, съ ститарными конкурсами», разстронять свое со-стояніе; посатадніе годы онъ жилъ въ Петербургѣ, гдв въ 1881 году основалъ «Пушкинское собраніе» и былъ его предобдателемъ, съ 1882 годя—въ Тулъ, а съ 1887 годя—въ сельцѣ Фуниковъ-Роже-ствинъ (Тульской губернія), гдъ и умеръ 5 декабря.—Кромъ «обли-чительныхъ» статей и корреспонденцій въ «Голосв», «Русскомъ Инвалидъ» и «Съверной Пчелъ», имъ напечатаны:

- 49 ---

ВАНИДЬ и «Свиерной Пчелъ», имъ напечатаны:

"Задуменная испорід», назвдательная биль сь варіацівав на тему "Точки зрівців" (Соореженники 1869 г., им. 11). Отдільно: Спо. 1869 г.—Въ этома сочененій отмосни споменій автора съ Кокоревних.

"Банкъ тщеслявія", бивальщина, Спо. 1861 г. (подъ псевдопиномь: Герлюсень Тредзельдочення).

Дай сестрачка, или нове фармесіство", право-описательная бывальщина, Спо. 1861 г., два тома (подъ тімъ же псевдонимомъ).

"Побіда надъ самодурани и страдальческій кресть", сатирическая бывальщина, Спо. 1861 г., два тома (съ тімъ же псевдонимомъ).

"Воспомиваніи пайнало офидера", о проклепествікх въ Варшаві вз 1830 году (Восньый Сборныка 1862 г., т. ХХІУ, ви. 4. отд. II, стр. 409—220).

"Попуска" въ сочиненія г. Г. Геннади: "Івтература русской бюліографія" (Анкайскай Въспънция у 1863 г., № 92).

"Попуска" въ сочиненія г. Г. Геннади: "Івтература русской бюліографія" (Анкайскай Въспънция у 1864 г., № 24, стр. 508—204).

"Попуска" русско-фанцузскій словарь", Спо. 1867 г., дъй части (месть взданій въ періодъ 1870—1898 гг.).

"Попуска фанцузско-русскій словарь", Спо. 1867 г., дъй части (месть взданій въ періодъ 1870—1890 гг.) 1.

"Международние словари для срединях учебних заведеній", Спо. 1873 г., дъй части (усско-французская и французско-русская).

"Кораваний прязрат»" (1. Тьеру, баватродному спасттика Фанція), первая бячующая сатира, на французском и русском языках, Спо. 1874 г.

"Набъ-пафъ, для узелья красна вътра васъбавніе представяться и деятира, на французском треть бячующая сатира, для средника втраной пери", на русском авинах, Спо. 1874 г.

"Набълафъ, для узелья часная втраной пери", на русском пранцузском двиках, "Спо. 1874 г.

"Набъ-пафъ, для узельнувань высем гитарной пери", на русском пранцузском двикаху». Спо. 1874 г.

"Набълафър замосная высем гитарной пери", на русском фанцузском двикаху». Спо. 1874 г.

"Набъльно-русскій словарь", Спо. 1877 г. (въ сотруднячеств съ А. Н. Энгельгардть въспьо-русскій словарь", Спо. 1877 г. (въ сотруднячеств съ А. Н. Энгельгардть въбъеръ

- 50 -

"Международние словаря для средияхъ учебнихъ заводеній": часть русскопілюсявля в ибмеждо-русская, Саб. 1876—1877 гг.
"Заибтия по левсикографія" въ связи съ заибчанівни на "Толковий словарь"
В. П. Даля (Селья и Инсоля 1877 гг.).—Отдивлю: Сюб. 1877 г., г. То стр.
"Энщиковосція уна, выя словарь на кобраннихъ наслей авторовъ всіхъ вародовъ
и всіхъ ваков»." Сюб. 1878 г.
"Татенскія, втальнискія на англійскія пословины и поговорка", Сюб. 1879 г.
"Подсільшики", романь (Иллостирировичный Вистимика 1880 г.). Это—продолженіе "право-описательной билальщими": "Дей сестрички",
"Цосаревать Константикъ Паловить и его время въ Варшалі", очерки изъ
восноживаній старато Лиговид, Саб., 1881 г., 29 стр.
"Мов смеждестиктічній воспоманняй и съ тать виботі моя постідния предсмертная веполіть", Сюб. 1882 г., три части, 210+205+235 стр.
"Калейдскови", Собрийкъ разскаловт и очеркоть изъ первой половини XIX в.
Съб. 1883 г.

. Тыка и сейть", романь (*Heea* 1884 г.). "Между любовью и ищеніемъ", храма (*Иллюстрированный Въстник*в 1885 г.).

Послъ смерти Н. П. Макарова, его автобіографическія восщоминавія, разсказы я очерки про старые годы, подъ названіємъ «Изъ видъвнаго и самшаннаго», напечатаны въ журналъ «Колосы» (1891 г., кн. 11, стр. 5—29; кн. 12, стр. 4—37; 1892 г., кн. 3, стр. 138—163).

О немъ: Знакольне, авыбомъ М. Семевскаго, Спб. 1888 г., стр. 167.— Новое Время 1890 г., № 5317.— Съверв 1891 г., № 1, стр. 63.— Историческій Въстинкъ 1891 г., кв. 2, стр. 596—597.— Колосья 1891 г., кн. 11, стр. 1—4.— Словарь Брокга-уза, Спб. 1896 г., т. XVIII, стр. 402.

^{&#}x27;) См. о нежь нашь "Обзорь", М. 1905 г., вып. IX, стр. 35.

') Нада составлением этого "Словара" Н. П. Макаровы», работаль за сотрудначества со своим самом Николеми. Николемиеть Макаровым, который не выпесь тиженаго деясивографическаго труда и, собди съ ума, скоичался за 1869 году.

Языков Д. Д. ОБЗОР ЖИЗНИ И ТРУДОВ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЬНИЦ.

Вып. 10. - Москва, 1907. - С. 48-50.

Макаров, Николай Петрович 1), родился 4 февраля 1810 г. в городе Чухломе (Костромской губ.), где его отец служил исправником, и после домашнего воспитания, по заботам дяди, зачислен подпрапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк (1823 г.), а затем, с 1826 года учился в Школе гвардейских подпрапорщиков; произведенный в прапорщики (1830 г.), «был задержан в Варшаве военнопленным», а по взятии Варшавы Паскевичем получил освобождение, продолжая служить в том же Литовском полку (1830–1836 гг) и в Рижском драгунском полку (1837 г.); выйдя в отставку с чином майора (1838 г.), поселился в деревне и, после неудачных предприятий то с В. А. Кокоревым ²), то с своим плитяным и известковым заводом, то, наконец, с «гитарными конкурсами», расстроил свое состояние; последние годы он жил в Петербурге, где в 1881 году основал «Пушкинское собрание» и был его председателем, с 1882 года — в Туле, а с 1887 года — в сельце Фуникове-Рожествине (Тульской губернии), где и умер 5 декабря. — Кроме «обличительных» статей и корреспонденций в «Голосе», «Русском Инвалиде» и «Северной Пчеле», им напечатаны:

- **«Задушевная исповедь»**, назидательная быль с вариациями на тему «Точки зрения» (Современник 1859 г., кн. 11). Отдельно: Спб. 1859 г. В этом сочинении описаны сношения автора с Кокоревым.
- **«Банк тщеславия»**, бывальщина, Спб. 1861 г. (под псевдонимом: *Гермоген Трехзвездочкин*).
- **«Две сестрички, или новое фарисейство»**, нраво-описательная бывальщина, Спб. 1861 г., два тома (под тем же псевдонимом).
- «Победа над самодурами и страдальческий крест», сатирическая бывальщина, Спб. 1861 г., два тома (с тем же псевдонимом).
- **«Воспоминания пленного офицера»**, о происшествиях в Варшаве в 1830 году *(Военный Сборник* 1862 г., т. XXIV, кн. 4, отд. II, стр. 469–520).
- **«Общинное владение с крестьянской точки зрения»** (*С.-Петербургские Ведомости*, 1863 г., № 92).
- «Пропуски в сочинении г. Г. Геннади: "Литература русской библиографии"» (Книжный Вестник 1864 г., № 24, стр. 503–504).
- **«Полный русско-французский словарь»**, Спб. 1867 г., две части (шесть изданий в период 1867–1893 гг.).

- **«Полный французско-русский словарь»**, Спб. 1870 г., две части (шесть изданий в период 1870–1890 гг.) ³).
- «Международные словари для средних учебных заведений», Спб. 1873–1874 гг., две части (русско-французская и французско-русская).
- «**Кровавый призрак**» (Г. Тьеру, благородному спасителю Франции), первая бичующая сатира, на французском и русском языках. Спб. 1874 г.
- «Пигмеи на ходулях, или апофеоза музыкального безобразия» (Любителям истинной музыки, музыка прошедшего), вторая бичующая сатира, на французском и русском языках, Спб. 1874 г.
- «Пиф-паф, или чрезвычайное заседание представителей желтых домов», третья бичующая сатира, Спб. 1874 г.
- **«Ум и остроумие»**, тактика войны на словах, Спб. $1874 \, \mathrm{r.}$
- «Пять народных песен из крестьянского быта», Спб. 1874 г.
- «**Несколько правил высшей гитарной игры**», на русском и французском языках, Спб. 1874 г.
- **«Полный немецко-русский словарь»**, Спб. 1877 г. (в сотруднич. с А. Н. Энгельгардт и В. В. Шеерером).
- «Международные словари для средних учебных заведений»: часть русско-немецкая и немецкорусская, Спб. 1876—1877 гг.
- **«Заметки по лексикографии»** в связи с замечаниями на «Толковый словарь» В. И. Даля (Семья и Школа 1877 г.). Отдельно: Спб. 1877 г., 17 стр.
- «Энциклопедия ума, или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков», Спб. 1878 г.
- «Латинские, итальянские и английские пословицы и поговорки», Спб. 1879 г.
- «**Подельщики**», роман (*Иллюстрированный Вестник* 1880 г.). Это продолжение «нраво-описательной бывальщины»: «Две сестрички».
- «**Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве**», очерки из воспоминаний старого Литовца, Спб., 1881 г., 29 стр.
- «Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя последняя предсмертная исповедь», Спб. $1882 \, \text{г., три части, } 210 + 205 + 235 \, \text{стр.}$
- «Калейдоскоп», сборник рассказов и очерков из первой половины XIX в. Спб. 1883 г.
 - «**Тьма и свет**», роман (*Нева* 1884 г.).
- **«Между любовью и мщением»**, драма (Иллюстрированный Вестник 1885 г.).

После смерти Н. П. Макарова, его автобиографические воспоминания, рассказы и очерки про старые годы, под названием «Из виденного и слышанного», напечатаны в журнале «Колосья» (1891 г., кн. 11, стр. 5–29; кн. 12, стр. 4–37; 1892 г., кн. 3, стр. 138–163).

 $[\]overline{\ \ \ \ }$ О нем: Знакомые, альбом М. Семевского, Спб. 1888 г., стр. 167.— Новое Время 1890 г., \mathbb{N}° 5317.— Север 1891 г., \mathbb{N}° 1, стр. 63.— Исторический Вестник 1891 г., кн. 2, стр. 596–597. — Колосья 1891 г., кн. 11, стр. 1—4. — Словарь Брокгауза, Спб. 1896 г., т. XVIII, стр. 402.

²) См. о нем наш «Обзор», М. 1905 г., вып. IX, стр. 36.

³) Над составлением этого «Словаря» Н. П. Макаров работал в сотрудничестве со своим сыном Николаем Николаевичем Макаровым, который не вынес тяжелого лексикографического труда и, сойдя с ума, скончался в 1869 году.

Венгеров, С. А. ИСТОЧНИКИ СЛОВАРЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. [В 4-х т.]. Т. IV. Лоначевский – Некрасов / Собр. С. А. Венгеров. – Петроград, 1917. – С. 108-109.

Макаров, Николай Петрович, мемуарист, лексикограф, сотрудн. «Голоса» (псевд. **Гермоген Трехзвездочкин**). (4 февраля 1810 – 5 декабря 1890).

1) Березин, Словарь. 2) Толль, Дополнения. 3) *Березин-Ширяев*, Материалы, ч. IX, с. 116; ч. XI, с. 291, 332. 4) *Михневич*, Наши знакомые. 5) Пыпин, Этнография. (Ук.). 6) Альбом Семевского, с. 167. 7) Брокгауз-Ефрон, Словарь. 8) Гранат, Настольн. словарь, т. V. 9) Н. Макаров, Задушевная исповедь. Спб., 1859. (Из «Совр.» 1859, № 11). 10) Д. Писарев, Сочинения, т. 1. 11) Взгляд на лексикографию Н. Макарова. Вступление к полному франц.-русскому словарю Н. Макарова и выписки из одобрений Имп. Академии Наук и ученого комитета Минист. Нар. Просв. Спб., 1870. 12) *Н. П. Макаров*, Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве. Очерки из воспоминаний старого литовца. Спб., 1881. 13) Н. Макаров, Мой семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя последняя предсмертная исповедь. чч. 1–3. Спб., 1882. 14) *Н. Макаров*, «Воен. Сборн.» 1862, т. XXIV, кн. 4, отд. 2, с. 469–520. (Воспоминания пленного офицера). 15) «Спб. Ведом.» 1882, № 21. (Эксплоататорские подвиги псевдохудожника ***). **Некрологи:** 16) «Нов. Время» 1890, №№ 5314, 5317. 17) «Сын Отеч.» 1890, № 342. 18) «Всемирн. Иллюстр.» 1891, т. XLV, С. 15. 19) П. Быков, «Всемирн. Иллюстр.» 1891, т. XLV, С. 15. 19) П. Быков, «Всемирн. Иллюстр.» 1891, т. XLV, с. 47–48. 20) «Истор. Вестн.» 1891, т. XLIII, № 2, с. 596–597. 21) «Колосья» 1891, № 11, с. 1–4. 22) Н. Макаров, «Колосья» 1891, кн. 11, с. 5–29; кн. 12, с. 4-37; 1892, кн. 3, с. 138-163. (Из виденного и слышанного). 23) «Нива» 1891, № 14. 24) «Север» 1891, № 1, с. 63. 25) *В. Михневич*, «Новости» 1898, № 306. **Отзывы:** О пов. «Задушевная быль» (1859): 1) «Русск. Слово» 1860, № 1, с. 63–73. 2) «Светоч» 1860, № 2, с. 51-60. О «Воспоминаниях пленного офи*цера»* (1862): «Инжен. Журн.» 1862, № 3, отд. III, с. 188–189. О «Полном русско-франиузском словаре» (1867 и сл.): 1) Игнатович, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867, ч. 134, № 6, отд. II, с. 946–975. 2) «Русск. Инвал.» 1867, №№ 77, 256. 3) «Сын Отеч.» 1867, №№ 89, 188. 4) «Учитель» 1867, № 9–12, с. 175–177. 5) Я. К. Грот, «Записки Имп. Акад. Наук» 1868, т. XII, кн. 2, с. 99–103. 6) Н. П. Макаров, «Биржев. Ведом.» 1868, № 78. 7) «Спбургск. Ведом.» 1868, № 66. 8) «Сборник мнений Учен. Комитета Минист. Нар. Просв.» 1869, с. 135-136. О «Полном французско-русском словаре» (1870 и сл.): 1) «Вестн. Евр.» 1870, № 6, с. 866–867. 2) «Спбургск. Ведом.» 1870, № 92. 3) *В. Игнатович*, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1872, ч. 161, № 6, с. 225–283. 4) «Вестн. Евр.» 1872, № 10, обл. 5) «Спбургск. Ведом.» 1872, № 27. 6) *Макаров*, Івіd. 1872, № 323. 7) Его же, «Спб. Ведом.» 1880, № 131. (Путешествие по дебрям славянской апатичности, дряблости и псевдомеценатства). О «Полном немецко-русском словаре» (1876): «Филолог. Записки» 1876, т. XV, критика и библиография. О «Международных словарях. Часть французско-русская» (1873 и сл.): 1) «Голос» 1873, № 251. 2) «Нов. Вр.» 1873, 108 Макаровъ — Макаровъ

Манаровъ, Николай Николаевичъ, работалъ вм. съ отцомъ Ник. Петр. Манаровымъ надъ составленіемъ «Французско - русскаго словаря». † 1869.

Языковъ, Обзоръ, в. Х, с. 49.

Макаровъ, Николай Петровичъ, мемуаристъ, лексикографъ, сотрудн. «Голоса» (псевд. Гермогенъ Трехзвъздочкинъ). (4 февраля 1810—5 декабря 1890).

1) Верезинъ, Словарь. 2) Толль, До-1) Верезиит, Словарь. 2) Толль, До-полненія. 3) Верезиит-Ширлеет, Мате-ріалы, ч. ІХ, с. 116; ч. ХІ, с. 291, 332. 4) Михневичт, Наши знакомые. 5) Пи-пить, Этнографія. (Ук.). 6) Альбомъ Се-мевскаю, с. 167. 7) Брокаузт-Ефронт, Словарь. 8) Гранатт, Настольн. сло-варь, т. V. 9) Н. Макаровт, Задушев-ная испов'ядь. Спб., 1859. (Изт. «Совр.» 1859, № 11). 10) Д. Писарет, Сочине-нія т. І. 11) Вариялт, на лексикографію нія, т. І. 11) Взглядъ на лексикографію Н. Макарова. Вступленіе къ полному франц.-русскому словарю Н. Мака-рова и выписки изъ одобреній Имп. Академін Наукъ и ученаго комитета Минист. Нар. Просв. Спб., 1870. 12) Н. И. Макаровъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и его время въ Варшавѣ. Очерки изъ воспоминаній стараго литовца. Спб., 1881. 13) Н. Макаровъ, Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя послёдняя предсмертная исповёдь. чч. 1—3. Спб., 1882. 14) *Н. Макаров*, «Воен. Сборн.» 1862, т. XXIV, кн. 4, отд. 2, с. 469—520. (Воспоминанія плённаго офицера). 15) «Спб. Вёдом.» 1882. № 21 (Эмукоратромую подригу. 1882, № 21. (Эксплоататорскіе подвиги псевдо-художника * **). Некрологи: 16)-«Нов. Время» 1890, №№ 5314,5317. 17) «Сынъ Отеч.» 1890, № 342. 18) «Всемірн. Иллюстр.» 1891, т. XLV, с. 15. мірн. Иллюстр.» 1891, т. XLV, с. 15.
19) П. Быков; «Всемірн. Иллюстр.»
1891, т. XLV, с. 47—48. 20) «Истор.
Въстн.» 1891, т. XLIII, № 2, с. 596—
597. 21) «Колосья» 1891, № 11, с. 1—4.
22) Н. Макаров; «Колосья» 1891, кн. 11, с. 5—29; кн. 12, с. 4—37; 1892, кн. 3, с. 138—163. (Изъ видъннаго и слышаниято) 23) «Нива» 1891. № 14, 24) шаннаго). 23) «Нива» 1891, № 14. 24) «Сѣверъ» 1891, № 1, с. 63. 25) В. Михмевичт, «Новости» 1898, № 306. Отзывы: О пов. «Задушевная быль» (1859): 1) «Русск. Слово» 1860, № 1, с. 68—78. 2) «Свѣточъ» 1860, № 2, с. 51—60. О «Воспоминаніях» плынасо офицера» (1862): «Инжен. Журн.» 1862, № 3, отд. III, с. 188—189. О «Полном» русско-французском словарп» (1867 и сл.):
1) Инаатовичг, «Курн. Мин. Нар. Просв.» 1867, ч. 134, № 6, отд. П. с. 946—975. 2) «Русск. Инвал.» 1867, №№ 77, 256. 3) «Сынъ Отеч.» 1867, №№ 89, 188. 4) «Учитель» 1867, № 9—12, с. 175—177. 5) Я. К. Гротъ, «Записки Ими. Акад. Наукъ» 1868, т. ХІІ, кн. 2, с. 99—103. 6) Н. И. Макаровъ, «Биржев. Вѣдом.» 1868, № 66. 8) «Сборникъ мнѣній Учен. Комитета Минист. Нар. Просв.» 1869, с. 135—136. О «Полномъ французско-русскомъсловарпъ (1870 и сл.): 1) «Вѣстн. Евр.» 1870, № 6, с. 866—867. 2) «Спбургск. Вѣдом.» 1870, № 92. 3) В. Инаатовичъ, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1872, ч. 161, № 6, с. 225—283. 4) «Вѣстн. Евр.» 1872, № 10, обл. 5) «Спбургск. Вѣдом.» 1872, № 27. 6) Макаровъ, Іьід. 1872, № 323. 7) Его-жее, «Спб. Вѣдом.» 1880, № 131. (Путешествіе по дебрять славянской апатичности, дряблости и псевдо-меценатерія). О «Полномъ нъмецко-русскомъ словарпъ» (1876): «Фи-

Макаровъ

109

полог. Записки» 1876, т. XV, критика и библіографія. О «Международныхъ словаряхъ. Уасть французско-русская» (1873 и сл.): 1) «Голосъ» 1873, № 251. 2) «Нов. Вр.» 1873, № 31. 3) «Спорргск. Вѣдм.» 1873, № 376. 4) «Одесск. Вѣстн.» 1874, № 68. 5) «Харьк. Губ. Вѣд.» 1873, № 136. 6) Н. Макаровъ, «Спб. Вѣд.» 1874, № 84. О «Международныхъ словаряхъ. Уасть русско-французская» (1874 и сл.): 1) «Вѣстн. Евр.» 1874, № 4, обложка. 2) «Голосъ» 1874, № 73. 3) «Спб. Вѣд.» 1874, № 24. обложка. Собаряхъ. Уасть русско-пьмецкая» (1876 и сл.): «Вѣстн. Евр.» 1876 № 12, обложка. О «Международныхъ Словаряхъ. Часть русско-пьмецкая» (1876 и сл.): «Вѣстн. Евр.» 1876 № 12, обложка. О «Международныхъ Словаряхъ. Часть пъмецко-русская» (1877 и сл.): 1) «Голосъ» 1878, № 158. 2) «Перковн. Вѣстн.» 1878, № 158. 2) «Перковн. Вѣстн.» 1878, № 12. О «Эпишклопедіи ума или словарь избранныхъ мыслей авторовъ ссыхъ пародовъ и всыхъ выковъ» (1878): 1) «Отеч. Записки» 1878, № 12, нов. книги, с. 192, 195. 2) «Голосъ» 1878, № 330. 3) «Недъяя» 1878, № 52. (Новый сонникъ). 4) «Нов. Вр.» 1879, № 1. 6) Б., «Правда» 1879, № 37. О «Моихъ семидесятильтичхъ воспомиланіяхъ» (1882): 1) «Нева» 1881, № 46. 2) «Нов. Вр.» 1881, № 2045. 3) А. Бъювъ, «Спб. Вѣд.» 1881, № 300. 4) Ф. Б., «Истор. Вѣстн.» 1882, т. VII, № 2, с. 480—481. 5) «Русск. Стар.» 1882, т. 34, № 5, обложка.

 N° 31. 3) «Спбургск. Ведом.» 1873, N° 276. 4) «Одесск. Вестн.» 1874, N° 68. 5) «Харьк. Губ. Вед.» 1873, N° 136. 6) *Н. Макаров*, «Спб. Вед.» 1874, N° 84. О «Международных словарях. Часть русско-французская» (1874 и сл.): 1) «Вестн. Евр.» 1874, N° 4, обложка. 2) «Голос» 1874, N° 73. 3) «Спб. Вед.» 1874, N° 48. О «Международных Словарях. Часть русско-немецкая» (1876 и сл.): «Вестн. Евр.» 1876 N° 12, обложка. О «Международных Словарях. Часть немецко-русская» (1877 и сл.): 1) «Голос» 1878, N° 158. 2) «Церковн. Вестн.» 1878, N° 12. О «Энциклопедии ума или словаре

избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (1878): 1) «Отеч. Записки» 1878, \mathbb{N}^2 12, нов. книги, с. 192, 196. 2) «Голос» 1878, \mathbb{N}^2 330. 3) «Неделя» 1878, \mathbb{N}^2 52. (Новый сонник). 4) «Нов. Вр.» 1878, \mathbb{N}^2 1001. 5) «Иллюстр. Мир» 1879, \mathbb{N}^2 1. 6) Б., «Правда» 1879, \mathbb{N}^2 37. О «Моих семидесятилетних воспоминаниях» (1882): 1) «Нева» 1881, \mathbb{N}^2 46. 2) «Нов. Вр.» 1881. \mathbb{N}^2 2045. 3) А. Быков, «Спб. Вед.» 1881, \mathbb{N}^2 300. 4) Ф. Б., «Истор. Вестн.» 1882, т. VII, \mathbb{N}^2 2, с. 480–481. 5) «Русск. Стар.» 1882, т. 34, \mathbb{N}^2 5, обложка.

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

МАКАРОВ

15

РУССКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

В 8 т. [Т. 4] : Маак-Мятлева / [ред. С. В. Рождественский ; сост. и предисл. М. П. Лепехина]. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 44-46.

44

Макаров, Николай Петрович, лексикограф, род. 4 февр. 1810 г. в гор. Чухломе Костромской губ., где его отец служил исправником. Получив сначала домашнее образование, М. в 1823 г. был зачислен подпрапорщиком в лейбгвардии Литовский полк. Спустя три года М. перешел в школу гвардейских подпрапорщиков, а в 1830 г. был произведен в прапорщики. В это время М. находился в Варшаве и был там задержан в качестве военнопленного при восстании 1830 г. По взятии Паскевичем Варшавы М. был освобожден и продолжал служить в Литовском полку вплоть до 1836 г., когда перешел в Рижский драгунский полк. Год спустя Н.П. вышел в отставку в чине майора и поселился у себя в деревне. Обладая некоторым состоянием, М. набросился на различные предприятия, которые привели его к потере этого состояния.

Бросив деревню, Макаров переехал в Петербург и занялся литературной деятельностью. Из

45

трудов М. известны следующие: «Задушевная исповедь» — быль с вариациями на тему «Точки зрения» («Современник», 1859, кн.11 и отдельно — СПб., 1859; в этом произведении автор касается своих отношений к Кокореву); «Банк тцеславия», бывальщина. СПб., 1861; «Две сестрички, или Новое фарисейство», нравоописательная бывальщина (СПб., 1861); «Победа над самодурами и страдальческий крест», сатирическая бывальщина (СПб., 1861); «Воспоминания пленного офицера, о происшедшем в Варшаве в 1830 г. («Воен. сборник», 1862, т. 24, кн. 4, отд. 2); «Общинное владение с крестьянской точки зрения» («С.-Петерб. вед.», 1863, № 92); «Пропуски в сочинении г. Г. Геннади "Литера-

тура русской библиографии" («Книжн. вестн.», 1864, № 24); «Кровавый призрак (г. Тьеру, благородному спасителю Франции), первая бичующая сатира на французском и русском языках» (СПб., 1874); «Пигмеи на ходулях, или Апофеоз музыкального безобразия, вторая бичующая сатира на французском и русском языках» (СПб., 1874); «Пиф-Паф, или Чрезвычайное заседание представителей желтых домов, третья бичующая сатира» (СПб., 1874); «Ум и Остроумие, тактика войны на словах» (СПб., 1874); «Несколько правил высшей гитарной игры», на рус. и французском языках (СПб., 1874); «Пять народных песен из крестьянского быта» (СПб., 1874); «Подельщики», роман («Иллюстр. вестник», 1880 продолжение «Двух сестричек»); «Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве» (СПб., 1881); «Латинские, итальянские и английские пословицы и поговорки» (СПб., 1879); «Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя последняя предсмертная исповедь» (СПб., 1882); «Калейдоскоп», сборник рассказов и очерков из первой половины XIX в. (СПб., 1883); «Тьма и свет», роман («Нева», 1884); «Между любовью и мщением», драма («Иллюстр. вестник»,

Все эти труды Макарова, главным образом беллетристического содержания, быть может, и читались публикой, но не имеют никакого литературного значения, вызвав справедливые напалки коитики.

Совершенно обиняком стоят лексикографические труды М. Здесь автор выказал большею тщательность и умелость работы. Из них отметим: «Полный русско-французский словарь» в двух частях (шесть изданий за 1867-1893 гг.)1; «Полный французско-русский словарь» (шесть изданий за 1870-1890 гг.)2; «Полный немецко-русский словарь». СПб., 1877 (в сотрудничестве с А.Н. Энгельгардтом и В.В. Шеерером)3; («Полный русско-немецкий словарь». СПб., 1911 (в сотрудничестве с В.В. Шеерером). Сост.] «Международные словари для средних учебных заведений» (две части: русскофранцузская и французско-русская (СПб., 1873-1874) ; две части: русско-немецкая и немецко-русская (СПб., 1876-1877)5); «Заметки по лексикографии», в связи с замечаниями на «Толковый словарь» В.И. Даля («Семья и школа», 1877 и отд. — СПб., 1877) и «Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» (СПб., 1878).

Все эти труды Макарова имеют несомненно большее значение, чем труды беллетристические. Автор «Словарей» может с чистой совестью сказать, что не напрасно он потратил столько лет упорного труда — его словари, в особенности русско-французский и французскорусский, пользуются и до сих пор большой популярностью.

Чтобы знать, сколько кропотливого и тяжелого труда было вложено М. в эти издания, отметим, что его сын, Николай Николаевич, помогая отцу в составлении «Полного французско-русского словаря», не выдержал тяжелого лексикографического труда и сошел с ума.

Кроме вышеуказанных трудов М. известно, что он сотрудничал в «Голосе», «Русском инвалиде» и «Северной пчеле», хотя в этих изданиях им помещались статьи обличительного характера по отношению к Кокореву и др. лицам, с которыми ему приходилось входить в сношение по делам различных предприятий, которыми он так усиленно занимался.

Последние годы свои М. жил в Петербурге, где в 1881 г. основал «Пушкинское Собрание» и был его председателем; с 1882 г. — в Туле, а с 1887 г. — в сельце Фуникове-Рожествине (Тульской губ.), где и скончался 5 декабря 1890 г.

После его смерти появились автобиографические воспоминания и очерки про старые годы под названием «Из виденного и слышанного» («Колосья», 1891, кн.11, 12; 1892, кн.3).

Словарь Брокгауза и Ефрона. — М. С е м е в с к и й. «Знакомые», альбом. — «Новое время», 1890, № 5317. — «Север», 1891, № 1, с. 63. — «Колосья», 1891, км. 11, с. 1–4. —

46

 -Ист. вестник», 1891, кн. 2, с. 596–597. – Д. Я з ы к о в. «Обзор жизни и трудов рус. пис.», вып. Х, с. 49.

Ал. Ельницкий.

Там же, л. 109-113.

изд. Пг., 1917. — Cocm.

- 17-е изд. Пс, 1917. *Сост.*
- ² 14-е изд. Пг., 1918. *Cocm.* ³ 5-е изд. СПб., 1913. — *Cocm.*
- Часть русско-французская. I-е изд. СПб., 1874; 17-е изд. Пг., 1917. Часть французско-русская. I-е изд. СПб., 1873; 25-е
- ⁵ Частъ русско-немецкая. 1-е изд. СПб., 1876; 10-е изд. Пг., 1917. Частъ немецко-русская. 1-е изд. СПб., 1877; 14-е изд. Пг., 1917. — Сост.

Статья о Н. П. Макарове из подготовленного, но не вышедшего в свое время тома «Русского биографического словаря», известного еще как «словарь Половцева», поскольку с 1896 по 1909 год его редактором был руководитель Русского исторического общества, промышленник, член Сената Александр Александрович Половцев (1832-1909).

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Николай Петрович Макаров человеком был далеко не безупречным, но при всех его недостатках, прожитая им жизнь вовсе не была пустой и бессмысленной, а сам он показал себя большим тружеником, не склонным к праздности и безделью. Идеальных людей просто не бывает: о ком вообще можно сказать, что у него не было промахов и ошибок, неоправданных надежд и мечтаний, разочарований, заблуждений и нереализованных планов?! О ком можно утверждать, что он был напрочь лишен каких бы то ни было пороков и недостатков и обладал исключительно одними достоинствами? Все, что мы знаем даже о лучших представителях рода человеческого прошло сквозь множество сит, отсеивавших то, что представлялось неугодным и неудобным для их публичного образа; еще больше было сокрыто от взглядов людских в глубинах самих этих личностей, лишь одних знавших о собственных слабостях, благоразумно не выставлявшихся на показ. Отчего же, говоря о Н. П. Макарове, мало кому удалось обойтись без негативных характеристик, а часто и неприкрытых уколов, выпадов, издевок и насмешек в его адрес. В чем тут дело? Причиной тому стали многочисленные автобиографические «писания» самого Николая Петровича, в которых, сам того не желая, он сильно навредил своей репутации. Ему действительно было о чем вспомнить и рассказать и своим современникам, и последующим поколениям, но эти достойные публичности свидетельства оказались, за редким исключением, лишь второстепенными эпизодами в его «Исповеди», «Воспоминаниях» и проч. сочинениях, а вся литературная энергия была напрасно истрачена на лишенные серьезного общественного интереса «назидательные были», «нравоописательные бывальщины», «бичующие сатиры» и, что еще хуже, просто на излияние личных лушевных переживаний («болезненные вопли души, в которой обитает постоянное отчаяние», говоря словам Макарова), сетования на судьбу, описание претерпелых «страданий, гонений и оскорблений всякого рода». Беда Макарова, пагубных страстей в котором было ничуть не больше, чем и у любого другого человека, в том, что он умудрился самым беспечным образом выставить на публичное обозрение то, что должно бы было оставаться глубоко личным, потаенным от чужих глаз. Ему не достало обыкновенной предусмотрительности взглянуть со стороны на собственные откровения: он был настолько уверен в безупречности своего внутреннего зрения, что наивно (и, очевидно, вполне искренне) полагал, что иного взгляла на описываемые им события и их действующих лиц и быть не может, и читатель вместе с ним будет негодовать и возмущаться там, где негодует и возмущается он, восторгаться там, где восторгается он, одним словом, станет ему верным союзником в обличении «зла и несправедливости», по достоинству оценит его «высокую честность и бесстрашную правдивость». Но, направив свой «праведный гнев» на обличение чужих пороков, выступая одновременно и обвинителем, и жертвой осуждаемых им людей, он создал

основания и повод для публичного оценивания и его собственного поведения и поступков. К огорчению (и к удивлению!) Макарова, симпатии читателя вовсе не безусловно и не во всем оказались на его стороне. В Прологе к своей «Задушевной исповеди» он вопрошал Штукарева-Кокорева: «Уверены ли вы в безукоризненности и в непомрачаемой светлости вашего прошедшего? Углубитесь хорошенько в самого себя, поройтесь, пошарьте в вашей душе и памяти.. Обернитесь-ка назад и бросьте хоть беглый взгляд на пройденный вами путь» (Современник, с. 12). И запрос этот был бы вполне справедлив, если бы Макарову достало самокритичности, роясь в собственной «душе и памяти», хоть в чем-то усомниться «в безукоризненности и в непомрачаемой светлости» личного прошлого, а не только прошедшего своего оппонента. Надо сказать, что критики, на которых так обижался Николай Петрович, порой не столько злорадствовали над ним, сколько дивились его наивной самоуверенности и той неосторожности, с которой он предавал огласке иные свои эмоции, мысли и поступки, истолковывавшиеся большинством читателей вовсе не так, как предполагал их автор. К примеру, поэт и писатель М. Л. Михайлов свою рецензию на «Задушевную исповедь» в «Русском слове» (N° 1, Библиография, с. 67-73), опубликованную за подписью <М. Л.>, закончил такими словами: «Обличение его... не прибавило ничего к тому понятию, которое уже окончательно сформировалось у всех порядочных людей о господах Штукаревых. Зато сам автор явился перед публикою в таком странном свете, какого, разумеется, и сам не ожидал. Мы жалеем, что у г. Макарова не нашлось другого столь же хладнокровного друга, как г. Штукарев, чтобы посоветовать оставить под спудом «Задушевную исповедь»». Или вот в «Заметке провинциала о взяточничестве»: «...в продолжение всего длинного рассказа [Макаров] играл роль какого-то весьма нерасчетливого и взбалмошного поэта, непонятого расчетливым Штукаревым. Если действительно Штукарев заслуживает общественной кары, так автор «Исповеди» его не карал, а самого себя как-то курьезно описал» («Северная пчела», 1859 г., 12 декабря, № 272, с. 1091).

В весьма непростом положении оказались и те, кто знал цену по-настоящему достойным трудам и делам Макарова, которыми тот заслужил почет и уважение. С одной стороны, именно по ним, по большому счету, только и следует судить о человеке, а с другой, невозможно не признать справедливости известной доли критических суждений о Макарове, навеянных чтением его же автобиографической литературы. Балансировать между похвалой и осуждением, симпатией и антипатией, доводится, в частности, В. П. Машкевичу: «Читая эти [Макарова] произведения, вы ясно видите красною нитью проходящее самовосхваление, назойливое внушение читателю, что он, автор, прекраснейший, даровитейший человек и писатель, мученик до святости, несправедливо обойденный, забытый обществом и т. д. Все это говорится от лица

«страдальца, готовящегося к вечности», жаждущего утешения. [...] Самый снисходительный читатель почувствует недоумение. В самом деле, какое кому дело до любовных приключений Н. П. Макарова, до его ссор и личных отношений с нисколько не интересным для общества откупщиком Кокаревым и сослуживцами и пр., до его семейных дел? Не говорю уже о том, да интересна ли и сама личность Макарова, до таких удивительных мелочей и подробностей рассказанная самим автором. Общество ценило и ценит до сих пор Макарова как лексикографа, а в лице гитаристов — как одного из выдающихся деятелей в истории гитары. Но первое является трудом, изумительным по энергии, необыкновенной кропотливости, история которого с успехом могла бы и не затрагивать любовных приключений Макарова, второе — было бы очень интересным, если бы носило строгий характер исторического труда, беспристрастных записок или воспоминания и не руководилось бы теми же целями, о которых мы упоминаем выше. [...] Что же касается его лексикографических трудов, то они вполне заслуженно создали ему громкую известность. В свое время их оценила вся русская печать, и до сих пор эти труды не потеряли своей ценности.

Подводя итог разнообразной и неутомимой деятельности Н. П. Макарова, нельзя не прийти в изумление. В самом деле: офицер, гитарист-энтузиаст, виртуоз, композитор, откупщик, писатель, публицист, заводчик, лексикограф — вот роли, в которых он последовательно является перед нами на страницах своей долголетней жизни, и на всех названных поприщах рисуется неукротимым, пылким фанатиком с железной силой воли и сатанинским самолюбием» («Классическая гитара в России и *СССР», стлб.* 1026–1027). Надо сказать, что встречающиеся порой у В. П. Машкевича отдельные негативные личностные характеристики Макарова (большей частью опущенные нами в вышеприведенной цитате) чрезмерно эмоциональны, продиктованы, очевидно, первым впечатлением от прочтения его и вправду неудавшихся «покаянных произведений», и их вряд ли можно признать объективными и справедливыми.

Максимально корректно, на наш взгляд, постарался сформулировать свой взгляд на Макарова А. В. Ширялин: «Нельзя не признать, что Макаров добился значительного технического мастерства, однако вопреки логике школы, с огромными затратами труда и в ущерб истинной музыкальности. В некоторых материалах, опубликованных в наше время, Макарова осуждают за резкость суждений, нескромность. Хочется отвергнуть эти обвинения – Макаров был человеком сложным, но глубоко порядочным, с высоким понятием о чести, и если беспощадным, то беспощадным и к самому себе, Он был талантлив, владел литературным слогом, а его труды по лексикографии это подвиг. Попытка же создать «мировое братство гитаристов» - последняя романтическая надежда возродить гитарное искусство» (Ширялин А. В. Отзвуки былого. «Муз. жизнъ̀», 1989, № 16, с. 21)».

НОВАЯ КНИГА О ГИТАРЕ

«МУЗЕЙ ГИТАРЫ НА ПИСЬМЕННОМ СТОЛЕ»

Зайцева Л. П., Тавровский В. В. Музей гитары на письменном столе: Энциклопедический сборник по истории гитары / Л. П. Зайцева, В. В. Тавровский. - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. - 208 с. ISBN 978-5-9908382-0-8

Яюдмила Зайцева Виктор Тавровский

МУЗЕЙ ГИТАРЫ

на письменном столе

Международный проект: Россия-Украина

Эта книга — международный литературный проект по истории гитары, созданный подвижниками и энтузиастами культуры из двух стран — России и Украины. Повествование ведётся в форме рассказа экскурсовода, поэтому книга может быть использована в общественных просветительских целях и как учебник музыкальной литературы по гитарному искусству. Для широкого круга читателей.

УДК 787.61(03) ББК 85.315.64я20

К ЧИТАТЕЛЯМ

Каждый желающий может поддержать настоящее издание как информационно, так и финансово. Редакция с благодарностью примет от вас музыкальные журналы или отдельные материалы из них, статьи, книги и брошюры, письма, рукописи, фотографии и проч., касающиеся истории гитары в России и за рубежом.

Вы также окажете существенную поддержку проекту, разместив информацию о нем и ссылку на сайт журнала www.guitar-times.ru или его отдельные статьи на своих интернет-ресурсах, в блогах, страницах в социальных сетях и т. д.

По всем этим вопросам просим обращаться по электронной почте: nc20@bk.ru

5-й год издания

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОЕКТУ «ГИТАРИСТЫ И КОМПОЗИТОРЫ»

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ

№ 3-4 (18/19), 2016 г.

поддержите наши проекты

R225742417111 (рубли) **U379637547468** (гривны) **Z302857657395** (доллары) **E274757799347** (евро)

- * Возможно пополнение счета наличными без регистрации в системе через платежные терминалы, банкоматы (http://bit.ly/1oRXJrg) или кассы розничных сетей (http://bit.ly/1SkYG7i)
- ** Все способы пополнения (перевода) http://bit.ly/1RseW1j

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

АНТВРАТУРНЫЙ и (съ 1159 года) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

водаважный съ 1847 года

и. нанаврият в н. некрасовимъ

ЗАДУШЕВНАЯ ИСПОВЪДЬ.

назидательная быль.

СЪ ВАРІЯЦІЯМИ НА ТЕМУ «ТОЧКИ ЗРВНІЯ.»

мои

СЕМИДЕСЯТИЛЪТНІЯ

BOCHOMMHAHIS

и съ темъ вмиств

моя полная предсмертная исповъдь.

H. MAKAPOBA.

Дэла давно минуншихъ дней, Преданья старины глубокой. (Пушкина).

Пусть будеть пасвы твоя двка. Кака кой ванець Мий тягостям веселья звукк!

Я говорю тебя: и слезь кочу, павець, Иль раворвется грудь ото мукв.

Страданами была упитана ова, Томилась долго в безколено;

И грозный чась насталь — теперь ова полна, Кака вубока смертя яда полный.

(Лермонтого иль Байропа).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тепограмія Триния в Фюско (Максинаймовскій переудонь, № 16).
1881.

Пусть будеть півснь твоя дина. Какть мой вівдець Мий тягостны веселья звуня! Я говорю тебі: я слезь хочу, піввець, Иль разорвется груль оть муки. Страданьями была упитана она, Томилась долго в безмольно; И грозный чась васталь — теперь она полна, Какть кубокъ смерти яда полный. (дярмонтовъ).

странъ — по серьганъ, всёнъ братьянъ — по платьянъ.» (Русская пословица).

H. MARAPOBA.

1859

№ XI НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІН КАРЛА ВУЛЬФА (На Невскомъ, домъ Завътнова № 58)